

Нерешенная задача

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Елена Муравьева

Елена Муравьева

Нерешенная задача

«Автор»

2020

Муравьева Е. В.

Нерешенная задача / Е. В. Муравьева — «Автор», 2020

Каждый вечер вы будете спешить домой, чтобы продолжить читать этот роман - потому что это дьявольски интересно и писалось "свыше под диктовку".

© Муравьева Е. В., 2020

© Автор, 2020

Елена Муравьева

Нерешенная задача

ГЛАВА 1

Солнце не торопливо заглядывало в окна, словно еще не желая отпускать весну на каникулы. Птицы с утра заводили трели, уже обжив все свои гнезда и в ожидании птенцов, все реже покидая их, чтобы найти пропитание. Лето ожидалось. Ведь, здесь оно начинается рано, но только в конце июля (джулиос-по-венгерски) студенты могут выезжать к любимому озеру Болотон и устроить долгожданный отдых уму, кто во что горазд. Сданы экзамены, внесена оплата за первый семестр будущего учебного года. Волнения, обязательства позади. Целый месяц можно не задумываться о серьезных вещах, очистить стол от книг и отпустить себя, под блаженство ласковой, в прямом смысле слова, матушки-природы, так как климат на северной части Среднедунайской равнины мягкий, умеренный, комфортный, чистый тем одурманивающим воздухом горных цветов и трав, произрастающих у подножия будайских гор. А, следовательно, летом именно эта самая старая половина Будапешта – Будда, становится интереснее и оживленнее, раскрепощение, ведь летние гуляния проходят здесь.

Скоро уже, через два месяца, официально наступит лето. Но уже дыхание, пьянящее пачули и черемухи, будоражило обаяние и все труднее становилось заставлять себя после занятий брать в руки книги, молодая душа требовала простора, тепла, любви, забав. Сердце томилось невысказанными вздохами, оживало и открывалось потоку весенних любовных флюидов, так как все это всегда было, есть и будет испокон веков, из года в год.

Университет Земмельвайса – это позднее, а тогда Будапештский университет – большое, очень красивое, с архитектурной точки зрения, здание в четыре этажа, монолитное и сдержанное в своем стиле классического романского стиля, лишено украшений, мощного, с высокими узкими окнами, и полукруглыми арками. Длинная аудитория с деревянными скамьями. Студенты слушают лекцию по математике. Преподаватель, старый, с бородкой, в очках, пишет на доске формулы. Тихо, слышно кое-где покашливание, шорох бумаги. Пишут карандашами. Нам необходимо заняться описанием наших героев, как бы ни хотелось нам не придерживаться некоторых шаблонов в повествовании, но надо, а как иначе? Они сидели на среднем ряду, спереди большого помещения, где усаживались чаще самые ответственные молодые люди, будучи у преподавателя «как на ладони», так говорится. В те времена старались учиться, так как не все могли себе позволить оплату. А приезжие молодые люди, расходы еще и на жилье. Рассмотрим молодых людей. Девушка белокурая, с большими темно-голубыми глазами, точеный профиль, как-то в «народе» о таких говорят – «папа и мама постарались на славу» и черты лица настолько гармоничны, утонченны, пусть мелкими их и нельзя было назвать. И рядом сидела другая девушка, большее время поглядывавшая в окно, нежели на доску с задачами. Эта студентка с каштанового цвета волосами, очень миловидная, оставляла впечатление слегка ненавязчивой легкомысленности и юноша, с зачесанными назад волосами, и собранными в маленький хвостик. Так часто в то время носили юноши, чтобы реже стричься, но, и чтобы волосы не мешали. О нем было сложно сказать что-то однозначно. Словно все противоречие родительских генов, природных качеств и даже общественных устоев воплотилось в его облике. Это, воистину, поразительно! Добрые, светлые глаза и открытый взгляд, с глубоким вдумчивым характером и тут же включающимся в облик мимолетным юношеским безрассудством. Брови треугольной формы делали его лицо еще интереснее, если представить только можно перед собой человека, которому сообщили с очень серьезным выражением лица, что Дунай высох, то вот такое выражение лица можно себе нарисовать мысленно и это был он. Всегда открытый

всему новому, любой информации, любому диалогу и пытающемуся жить с хаотично принимаемыми решениями, молниеносно, делая вызов – «иду на вы».

Прозвенел звонок. (По коридору прошелся пожилой сторож, неся в руках колокольчик, быстро размахивая им слева на право).

Преподаватель положил на стол мел, стал торопливо собирать свою папочку, и на его добродушном лице, отразилось уверенное удовлетворение, материал донести до молодых умов успел и день прошел не зря. Дома ждала его чашка чаю с лимонным штруделем. Студенты оживились. В аудитории стало шумно.

Те трое, которых мы уже описали, а соответственно, они и станут центром нашего дальнейшего повествования, поднялись, стали складывать свои записи, переговариваться. Девушка с темными волосами обратилась к подруге:

– На этой неделе надо внести плату за университет. Ты, Анни, нашла деньги?

Белокурая девушка была Анни. Ее лицо омрачилось. Только во время занятий ей удавалось загнать мысли об оплате за учебу на задний план, так как она концентрировалась целиком на лекции преподавателя. Но... вечерами эта жестокая мысль загоняла в угол. Она ничего не сказала. Просто отрицательно покачала головой, еще торопливее слаживая тетради в портфель и в её движениях проскальзывало нервное напряжение.

– Анни, – проговорила опять первая. – Может у Рошель снова одолжить?

Анни снова отрицательно покачала головой.

– На этот раз, я знаю, что вовремя не верну. Мне уже в ломбард относить нечего. Все заложила.

Она мимолетно задумалась, но как-то резко встрепенулась.

– Подумаю, что можно сделать...

Юноша стоял в это время рядом молча, не вмешиваясь в разговор, но выражение лица его было озабоченным, он сопереживал. И вот, они все втроем отправились к выходу. Вышли в коридор. Там было оживленно. Много студентов. Девушки в светло-серых платьях с белыми воротничками в общей массе студентов были единичны, парни в строгих пиджаках. Молодые люди, смех, спешка, суета.

Вышли на крыльцо университета. Девушки привычно чмокнули друг друга в щечки и подались в разные стороны. Юноша с белокурой девушкой пошли вместе.

Какая это – замечательно, красивая девушка! Это только Господь одаривает настолько изобильно человека, но очень в редких случаях, что люди с такой яркой, утонченной и совершенной красотой выделяются в нашей жизни среди других. Только завидовать ли таким людям или больше сочувствовать – не знаешь. Однозначно что, такая красота – это целое сокровище, и даже можно сказать, состояние. Но и тяжелое бремя. Ты всегда приковываешь к себе пристальное внимание, вызываешь зависть, у кого-то одержимость завладеть такой красотой, приблизиться к ней как можно ближе и уже стать её обладателем безраздельным. Тогда считается, что «красота» – это не дар божий, а скорее проклятье. В девушке было все совершенно, густые, волнистые, белокурые волосы, точенный профиль, утонченный и изящный. Большие, выразительные глаза и что их делало удивительно завораживающими – так это то, что они горели этой маленькой «чертовщинкой»! Бесята веселые прыгали в них и смеялись над всем вокруг! Все им было удивительно любопытно и аппетитно! Мир, казалось, купался вокруг в диковинных сочетаниях красок и юмора. Сразу было понятно – обладатель такого взгляда – просто влюблен в саму жизнь! И жизнь платит ему тем же. А губы! Это же само оболыщение. настолько резко очерченный и мягкий изгиб верхней губы, их умеренная полнота – ты незримо погружаешься глубже и глубже в плен соблазна и искушения и это становится сильнее тебя! Вот так и попадаешь в плен страстей, природа – её творенье и дары – это сильнее нас! Но самое, самое непостижимое в том, что это на самом деле было совершенство. В этом смешливом и задорном взгляде каким-то чудом чувствовался глубокий интеллект и неутомимая познавательность. А

это, скорее всего, и притормаживало охотников до притягательной красоты. Сразу ставилась граница, которая как-бы говорила тебе, если в своем уме ты сомневаешься, то лучше тебе держаться на расстоянии, а то просто опозоришься своей ограниченностью! А поэтому с первого же впечатления, оставляемого этой небесной внешностью, становилось понятно – флирт в отношении владелицы не уместен, только глубокие чувства!

Девушка с юношей некоторое время шли не спеша. Остановились перед двухэтажным домом. Возле ограды. И юноша тихо спросил:

– Ты решилась?

Ответа не было. Повисла пауза. Он тогда настойчивее:

– Надо решиться, первый раз всегда страшно. Но дело верное. Зато твоя дальнейшая жизнь и учеба обеспечены года на два. Они же с испугу сами все отдадут. Главное посылнее напугать, напустить страх. Да и ты же не последний кусок хлеба отнимешь! Для тебя это решение проблем, а им укус комара! Анни. Решай! Время! Надо подготовиться, расставить силы правильно, все обдумать – это тоже все не спонтанно делается. Я тогда узнаю, когда ждать желаемого экипажа. Ходят слухи, и уже не однократно, я слышал, в наш город из своего имения перебирается баснословно зажиточная «чета». Они приезжают в тот дом, что проданся – знаешь, на набережной. Тот огромный, в Мартонвашаре –роскошный дворец?! Мы с тобой часто там гуляли у ворот.

Анни утвердительно качнула головой.

– Да, помню, знаменитый Бетховен создал там свою «Лунную сонату». Удивительно красивое здание. Но я думала это заберут под мэрию?!

– Нет. Так вот на днях баронесса переезжает в него со своим протеже. Он ей не муж, ходят слухи, но при ней в фаворитах уже давно. Она не из самого знатного рода, но бессовестно богата. Занимается благотворительностью, за это её и сам император почитает частым вниманием. А своего «любовничка», – про него больше всего и распускается сплетен – она выудила вообще с Турции. Только он не чистокровный турок, а поместь чего-то, то ли славянской крови там примешено, то ли итальянской, как-то так...

Они оба усмехнулись. Анни все это стало жутко интересно.

– А что еще говорят про них?

– Да сплетен столько и все какие-то сказочные! Народ, ты же знаешь, склонен преувеличивать. Я сильно не увлекался этими слухами. А теперь жалею... когда идея родилась...

Анни просто хмыкнула. Как женщине, наверное, хотелось узнать больше. Собеседник пошел ей навстречу и продолжил:

– Надо воспользоваться их приездом. Это редкий случай. Завтра их мажордом будет ехать. Обустраивать дом, готовить к приезду хозяев. У мажордома охраны, сама понимаешь, практически никакой, а деньги на бытовые расходы будут.

– Игн, откуда такие сведения? – спросила девушка и вот..., так мы узнаем и имя этого юноши.

Игн усмехнулся.

– Анни, а ты что думаешь, я днём и ночью сижу на дороге, в ожидании богатых путешественников? Есть свои люди в нужных местах. Я с ними рассчитываюсь по-своему. Им не лишнее поделиться со мной информацией, на которой они подзаработают. Для тебя это будет впервые, для меня уже в четвертый раз, только не в наших окрестностях. В одном месте категорически нельзя. Полиция начинает просыпаться. ...И каждый раз только по наводке – иначе это глупо! Я же говорю, не бойся. Все учтено и продумано! Только решишь. – но вопросительно окинув её взглядом, тут же добавил – Ты университет закончить хочешь? Обидно бросать – четыре года пропадом канут!

Анни замялась, решиться было тяжело. Подошла к другу вплотную и попыталась подействовать иначе.

– Игн, мне не верится, что на это меня подталкивает будущий доктор и потом... если для тебя это не первый раз, может без меня обошелся бы? Я бы тебе потом целый год задачки решала бы, задания делала бы – никто и не знал бы! Мне бы денег только на учебный год, последний...

– Ты мне нужна, Ани, – и сделал ударение на слове «ты». – Я с задачками сам справляюсь. Во-первых, ты не теряешься в трудных ситуациях, я у единственной женщины признаю мозги – это только у тебя... И потом, мне нужны люди, я один не могу, а доверится каждому в таком деле тоже нельзя. Тебе, реально, нужны деньги. А где их взять? Я Хелен этого не предлагаю.

– Хелен это и незачем – произнесла Анни.

– Ну и поэтому тоже.

– А я что должна грозить пистолетом? Я никогда этим не занималась. В руках его не держала.

– Ну, знаешь... Говорят нужда и к стенке припирает! Все когда-то первый раз! Я, вообще, часто жалею, что не женщиной родился! Вам деньги добывать гораздо проще! Вы мужчин за другое место с легкостью можете раскрутить, часто и мозги не так важны! Вот почему ты до сих пор не нашла себе покровителя? С твоей то внешностью! Ани, а как дальше ты жить собираешься, после учебы?

– Ну, тебе ли знать о женских трудностях?! – Анни рассмеялась, но натянуто.

– Я не думаю, что очень трудно поулыбаться, ножки красивые оголить, позавлекать слегка. – Игн осторожно приобнял её за плечи, по-дружески потряс за плечо. – Я не давлю, но сегодня вечером ты мне скажешь свой окончательный ответ!

Анни опять хмыкнула.

– Игн, все эти годы я считала, что ты меня уважаешь – и пожала плечами, словно удивлялась не сказанному другом, а самой себе. – Но... – протянула – у тебя стопроцентная уверенность, что это только их мажордом поедет? Потому что, если они сами, я думаю будет охрана всему шляхетскому имуществу и не маленькая. Полицию наймут.

– Уверен – ответил, как отрезал.

– Ну, а почему ты решил, что у мажордома будут деньги?

– Ну не будут, так уйдем ни с чем, только и всего, будешь вспоминать как забавное приключение. Но, я думаю, деньги у него будут. Дом новый, столько всего на обустройство надо! Мажордом – доверенное лицо баронессы, он и сам по себе не из простых. Здесь хорошо грамотным необходимо быть. В любом случае на какое-то время мы с него стрясем на расходы. Ты же своего «Ангела» сможешь на завтра взять? Соври что-нибудь! Нам нужны лошади.

– Вот, вот, а по лошади они нас потом не выследят?

– Вот поэтому мне и нужно твое решение уже сегодня. Тогда завтра Ангела натрешь одним веществом, он гораздо темнее станет. Я дам. Да и гриву ему перекрасишь, только чтобы все ровно... правдоподобно! А после всего, Ангела сразу же нужно тщательно отмыть, чтобы никто ничего не заметил.

– А Ангел – он от этого потом коростой не покроется?

– Не бойся – ты лучше о себе больше беспокойся. Никто от этой мази еще не умер, ты его потом хорошо почистишь и все, как не бывало! Уже все проверено. – Анни не решалась.

– Игн, миленький. Вдруг что-то не пойдет, Ангела пристрелят, так лучше пусть меня сразу... Игн нахмурился.

– Анни, я тебе предложил выход. Я ничего другого не знаю. Надо рисковать. Да или нет? Решай. Бесплезно уговаривать... ты не умеешь пользоваться своим женским обаянием, воспитание не позволяет, а мне, когда нужны деньги, все средства хороши. Но мне нужны помощники, – и уже более милостиво, – ну, это все не так страшно. Ты только вспомни, сколько мы с тобой слив трясли по чужим садам, сколько от собак удирали. Как ты с Ангелом пари выигрывала и как мы с тобой кроликов спасали, прямо под носом заведующего лабораторией.

Во время дера собак научились со следа сбивать! Это же ты, дерзкая девчонка, гроза всех усадеб, капитан «хулиган»! Я вот до сих пор никак не допру своей головой, ну, почему, ты не хочешь просто брать деньги у престарелых весельчаков, у которых не понятно, что их больше обременяет, то, что на боку висит в кошельке или между ног болтается! Анни, и проблем бы не было! Если женщина не рождается с серебряной ложкой во рту, но при этом хочет от жизни многого, то, извини, я не знаю других путей решения препятствий к этому. У тебя на кону окончание учебы в таком университете! К тебе в любовники набивалось только на моем веку с пяток умов отечества! Не хочешь, давай так... как я предложил.

Анни вздохнула и раз – плюхнулась на бетонный выступ крыльца, который обрамлял толстым настилом подъем к дверям её дома. Все это было правдой, но её эти разговоры только раздражали! Сейчас у неё даже щеки порозовели от возмущения. По порывистым движениям Игн уже понял, что начал не самую приятную для неё тему, но его понесло.

Анни отпарировала уже с большей твердостью в голосе:

– Если ты думаешь, что это только принципы воспитания, то ошибаешься. И рассуждаешь только как мужчина. Моя мама умерла при родах, так и не родив мне братика. Она так мучилась! Игн, ты же не глупый, но как ты не знаешь, что за любое удовольствие надо платить! Сколько таких вот охотниц за дорогими подарками потом избавляются от нежеланных детей, рожденных вне брака! Я не смогу так! Это надо быть слишком, слишком корыстолюбивой и слишком хладнокровной!

Игн даже растерялся. По лицу пробежала виноватая улыбка. Он уселся рядом, пожал плечами.

– Ну... Может ты и права! Значит у нас только один выход... в лес, на большую дорогу. Если богатыми не родились, я не знаю другого способа удовлетворять свои амбиции.

Анни уже смирилась.

– Мне надо мужская одежда, где её взять? И не на высокого мужчину...

– Рубашку свою возьмешь, строгую. Я дам тебе куртку и штаны, ботфорты.

– Анни – Ботфорты – у меня для женщины маленький размер ноги! А ботфорты! Я не то, что бежать не смогу, я ходить то с трудом буду.

– Игн – значит найду тебе сапоги подростка. И... кстати, у меня это уже все есть, я продуманный и очень запа滑ивый, в прошлые свои дела отбирал не только деньги. И сундуки мы тоже трясли. По заработкам моего отца, я тоже не имел бы шанса учиться, а я хотел, что же делать, я решаю проблему по-мужски – он как бы вздохнул, но тут же подался к девушке, чуть не наступив ей на ногу – Мы даже личико тебе изменим до неузнаваемости. О, Бог мой, какой ты будешь забавный молодец! Приклеим тебе усики... – он весело рассмеялся, рисуя себе в воображении её новоиспеченный образ.

Глава 2

Лес. Вечер. Тихо... Тихо вокруг. Очень красиво вокруг. Листва вовсю благоухала, но еще не засушилась жарким солнцем в разгар лета, а была так свежа и сочна! Дорога в лесу и по ней едет экипаж, запряженный двумя лошадьми. Сверху сидит кучер, изредка покрикивая на лошадей, вяло раскачиваясь из стороны в сторону. Видно, ему доставляет удовольствие все, и природа вокруг, и дорога, и скорость езды. Экипаж строгий, но богатый. Такие экипажи только у очень ограниченного круга людей. На боку двери болтается маленький фонарик. Видно, хозяин часто любит возвращаться домой ночью. Его зажигают, когда становится совсем темно. И у кучера впереди возле сиденья такой же. Кто же в экипаже?

Путник дремал. Руки обхватывали одна другую впереди и покоились на груди, а он, развалившись, мерно покачивал головой от вибрации экипажа из стороны в сторону, тихо посапывая себе под нос. На мажордома он совсем не был похож, хотя бы уже по тому, что одет был по-военному, но, в ужасно, дорогую форму! Черные волосы были длинные и зачесаны назад

в аккуратный хвостик, вот точно также как и у Игн. Военный китель спереди был расстегнут, видимо путешествие было не близким, он хотел максимально ослабить все сковывающие его в движении детали одежды. Вдруг экипаж резко бросило назад и так же рывком по инерции, рвануло вперед. Торможение было коротким, но очень жестким. Путник слетел с сиденья и машинально выпростал вперед руки, что при падении на сидение напротив смягчило удар. Движения его стали быстрыми, хотя он еще и был ошарашен столь мощным броском его с сиденья во время дремоты. Но в самих движениях, однако, чувствовалась сноровка и военная подготовка. Он мобилизовался так быстро, что сна, как будто и не было. Испуга он также не испытал, уверенность и решительность его действий чувствовалась сразу. Его первым порывом было вышибить дверь экипажа ногой и быстро выскочить, но также резко он подался назад всем своим корпусом на сидение и схватился за пистолет. Остаться в экипаже было безопаснее. Пистолет держался наготове. Теперь он будет быстро соображать, что предпринять дальше.

За дверью послышался женский, молодой и очень приятный голос. Брови его от удивления взметнулись вверх. Все это так неожиданно!

За дверью была Анни, только в мужском наряде. Чтобы больше спрятать свою женскую природу, она одела на голову черный шелковый платок, а наверх на самые брови натянула широкополую шляпу. Женщину сразу выдавал только голос, но ей и не надо было его изменять. Планировалось, что она будет выполнять второстепенную роль и помалкивать. Но, репетировать у них времени не было и так уж получилось в сумбурной спешке, что она оказалась прямо у двери экипажа, когда Игн и его спутник стягивали кучера на землю.

Дверь экипажа открылась изнутри, и путник поспешил выйти. Но только он спустил ногу на землю, откуда-то сбоку по голове его огрели чем-то тяжелым. В глазах сразу возникли вспыхивающие искры, запрыгали зайчики, потом темно, и провал в полную пустоту. Сколько времени прошло неизвестно. Но, на самом деле, гораздо быстрее, чем кто-то ожидал или рассчитывал. Сознание стало возвращаться с большей скоростью, чем предполагалось. То ли от неумелого удара, то ли от силы молодого здорового организма? Молодой человек понимал, что ему выгоднее сейчас претвориться без сознания. Он через ноющую, тупую боль в виске, чувствовал, что чьи-то быстрые и грубые руки шарят по его карманам. Пистолет был забран, кошелек тоже. Все яснее и яснее до него доносились чужие голоса.

– Никаких имен... – был приказной тон и мужской голос. – Все проверь в экипаже, может еще что-то ценное будет под сиденьями... смотри, под сиденьями. Рядом, сверху слышался храп лошадей. Сколько их было – не разобрать, но что-то уже много!

Лежащий на земле, возле экипажа собрал все свои силы, чтобы не застонать от головной боли, и постарался приоткрыть глаза. Сквозь полуопущенные ресницы он увидел двух человек, стоящих прямо перед ним, только спиной, их внешности рассмотреть было нельзя. А один сидел на лошади. Ему вверх бросили кожаную сумку, и он поймал её прямо на лету. В сумке, тот, кто получил удар, знал, были бумаги. Трое вскочили на коней и быстро стали удаляться. Тогда резко, лежавший на земле, вскочил на ноги и бросился к экипажу. Все было так молниеносно и четко, что никто бы не ожидал. Очень скоро в руке у него блеснула сабля. Она была брошена без внимания одним из грабителей в экипаже. Еще движение, и у так же лишённого сознания кучера из-под сиденья был выхвачен пистолет, припрятанный там на всякий случай. Лошадь выпрягалась, и молодой человек легко взмахнул на верх, прищпорив её изо всех сил. Он погнался в погоню. Такие лошади! Разве с ними кто посоревнуется в скорости. В такие богатые экипажи запрягались и самые лучшие скакуны. Только за Ангелом Анни мало кто угнался бы. Девушка оглянулась и от испуга у неё сердце чуть не выскочило из груди. Их так быстро настигли. Человек был вооружен! В её спутников выстрелили, но мимо. Лошади неслись во весь опор. Она рванула машинально поводья на себя и все, что она делала после, делалось неосознанно и машинально! На перерез преследователю, Ангел вздыбился, чуть не выкинув наездницу из седла, и тяжело опустившись передними ногами, стал как вкопанный.

Не успев до конца притормозить, в него врезался мощный рысак. Вместе со своим Ангелом Анни стала падать, конь рухнул на землю всей массой, а она покатила кубарем от него, от толчка, сделанного этим ударом. Шляпа слетела. Она ничего не соображала, только шальная мысль резанула сознание – Ангел!

Остановившись в своем бессознательном раскручивании по земле, она подхватила чтобы броситься к своему скакуну, но ногой её резко опрокинули назад. Тяжелая рука сзади надавила на затылок и вжала её лицом в траву. Руку грубо дернули назад и от резкой, пронзительной боли она взвыла, так как кричать не смогла. Ничего, ничего она не понимала, в голове все смешалось. Ее спутники бросились ей на помощь, но на них был направлен пистолет, они осадил лошадей и сбились в кучу. Теперь пистолеты все были направлены друг на друга. Но никто первый не стрелял. Игн и его друг этого просто даже не умели делать. Пистолеты брались для устрашения. Преследователь поднялся и поставил Анни свой ботфорт на спину, надавив сапогом со всей силы, а потом сконцентрировался на остальных.

– Что не ожидали, что я буду столь проворен!? – раздался его сердитый голос. – Все, все что взяли – назад! Быстро! А то я прострелю кому-нибудь голову, вот ему, задницу... – и он стукнул своим ботфортом по спине девушки. Только со стороны это выглядело какой-то игрой, и голос его был командный и очень громкий, но совершенно без гнева!

Она непроизвольно попыталась пошевелиться, но рука выстрелила в ответ такой жгучей болью, что она только ахнула и опять простонала. Мужчина перевел на неё взгляд, уж слишком тембр голоса был тонким, это сбивало с толку.

Это все... её голос и слишком хрупкое телосложение, настолько шокировало её мучителя, что он даже на короткое время растерялся. Его взгляд озадаченно стал изучать лежавшую на земле её фигуру, но в то же время, не отвлекаясь еще от двух своих мишеней. Те быстро, быстро стали скидывать на землю все, что ими было прихвачено.

– Пистолеты, пистолеты на землю – жестко приказал тот. – Отошли от лошадей, в сторону!

Все отшатнулись. Они готовы были уже сдаться.

Молодой мужчина рывком поднял Анни с земли. Она не могла двигать левой рукой, на ноги подняться сил не нашлось, опустилась на корточки. По щекам текли слезы. Умоляюще подняла полный слез взгляд к человеку. Он сорвал с головы её платок и тяжелая, белокурая коса выпала на плечо. Их глаза встретились. Полными слез глазами, Анни рассмотрела, как медленно, медленно жесткость и колкость уходит из дышащих в неё зрачков этого молодого мужчины и заменяется новой волной удивления и восторга. Да, восторга! Цепкий, глубокий взгляд незнакомца уже рассмотрел эту тонкую, юную, незащищенную красоту, совершенно не совместимую с произошедшими событиями, одеждой и её поступком! Его невыразимо повергло в шок происходящее. Видно было, он уже задал себе тысячу вопросов и ни на один не нашел ответа сам. Он рукой взял её за подбородок и потянул слегка к себе, чтобы убедиться, что она – это не видение!

– Леди – медленно произнес он, – вы отдаете себе отчет в том, что сейчас происходит? Что вы натворили! – слова адресованы были к ней, но он как бы и сам себе это констатировал, не желая принять это как факт!

Анни плакала. Тихо, бесконечно плакала.

– Простите. Не наказывайте моих друзей! Прошу вас. – Она тут же вспомнила про своего Ангела. Стала искать его взглядом. Нашла и ей, как будто, стало легче. С ним было все в порядке. А незнакомец еще несколько минут всматривался внимательно ей в лицо, не зная, что же ему дальше делать, но потом поднял голову и четко выразил свое решение.

– Я отпускаю вас – обратился к её друзьям. – Ей я не сделаю ничего плохого. Но отпущу позже. Вас, чтобы сейчас же не было здесь! Прочь!

Ее он бережно стал поднимать на ноги. Она сама постаралась. Рука была вывихнута. И так это больно, так больно! Он её легонько подтолкнул в сторону экипажа, но она за сопротивлялась. Игн, опять вопреки всему рванулся к ней.

– Я что сказал! – рявкнул грубо на них незнакомец. – Вы ей лучше, чем, я – не поможете, так с глаз долой, юнцы, не злите меня! Я могу передумать еще и продырявить ваши головы! А главное, это будет оправдано!

Анни была растеряна. Ее взяли под локоть и повели к экипажу. Кучер уже очнулся. Впрягли лошадь, её усадили. Рука болела, и она сжала сильнее губы, чтобы не стонать. Сев, напротив, незнакомец принялся ощупывать её плечо. Она уже в его взгляде прочитала, что свой гнев изначально, а за ним и удивление, он сменил на милость, и все это даже его забавляло. Ее внимание, насколько ей это позволяла боль и стыд, за все происшедшее, так же привлекало его лицо и вообще вся его личность. Нельзя не отметить, что этот незнакомец был так же красив той замечательной мужской, выразительной красотой, что она, женской. В лице не было ни одной грубой черты, однако же оно имело выражение мужественности и спокойной уверенности в себе. Большие карие глаза, тонкий, чуть «хищный» нос, только придававший его лицу незабываемую выразительность и пикантность, красивые черные брови, вразлет и резко очерченные, губы, губы с иронией и нотками самовлюбленного эгоиста, весельчака, повесы, любимца дам и сладострастного Казановы! Его лицо было идеально пропорциональным, но такие мудрые, пронзающие тебя насквозь глаза, как бы выворачивающие тебя всего изнутри, так не гармонировали с губами капризного повесы, явно соблаздившего, но не отдавшего своей страсти, тысячам милашек, падких на красивые слова, харизму и мужскую сексуальность. Только вот неужели в жизни так случается, что Бог зачем-то сводит в определенное время и определенными обстоятельствами столь красивых людей вместе? Красив, высок, так строен! И, видимо, богат! А разве есть в природе совершенство? Анни давно этому не верила и сразу начала искать в нем изъяны. Он пристально и даже, нагло, не отрываясь, смотрел на неё всю дорогу, что она сразу сделала заключение о том, что это отпетый, самовлюбленный, эгоистичный и избалованный тип.

Сразу понять пришлось такую не сложную вещь, что они сегодня просто попали в заблуждение. У Игн была не правильная информация – они нарвались не на мажордома. По-видимому, это и был тот прославленный протеже богатенькой баронессы. Это он ехал первым, чтобы обустроить дом по своему желанию и своим планам. И это была не самая лучшая догадка. Все складывалось наихудшим образом. Но у неё так болело плечо, что боль затмевала все, и она сказала себе: «Будь что будет! Все ровно, пропадать...».

– Леди, Вы настолько красивы, и в глазах ваших нет жестокости, что я не могу не задать вам этот вопрос: «Вы не нашли себе лучшего развлечения, как стать воровкой на дорогах!?» – усмехнувшись вдруг произнес он.

Более сложного вопроса ей еще никто в жизни не задавал! Анни опустила глаза. Как можно выразить весь тот шквал чувств, которые она испытывала в данный момент? Самое интересное... В глубине души она задавала этот вопрос сама себе. И стыд заливал её щеки краской, сердце щемило страхом, но боль от руки, и эта издевательская улыбка напротив только все усугубляла. Она промолчала.

Он снова заговорил:

– Я, признаюсь, слегка был обескуражен. В раннем детстве читал о разбойниках. Но никогда не встречал таких молодых леди, и никогда настолько обворожительных, в мужской одежде с пистолетом в руке разгуливающих в лесу вероломно нападающих с целью поживы, а путешествую я много и часто! – сделал паузу и зачем-то добавил, но уже совсем про другое. – Да... родители поработали на славу. А, кстати, а как вас осмелюсь называть?

Анни все молчала. Лучше бы ей сейчас оказаться у себя дома. Ей просто хотелось спрятаться от всего и всех под одеялом. Она всегда так делала, когда ей становилось особенно трудно в жизни.

– Меня можете называть просто Артур. Я Артур Войцеховский. Вы ни хотите себя выдавать?

Долго колебалась, но захотелось назваться, и сама удивилась этому порыву, он уже исподволь начинал подчинять себе её волю.

– Анни... Анни Милешевская.

Он был удовлетворен. Взгляд его цепко и насмешливо бегал по её лицу, фигуре. Он даже не старался скрыть своего мужского любопытства. Наглое, слишком откровенное. Чувствовалось, он начинает входить во вкус всего происходящего! Ну... может, рад что данное происшествие так неожиданно выдернуло его из скуки, которую он начинал испытывать все острее с каждым днём? Это и раздражало, и волновало одновременно. Такими мужчинами ни одна женщина не сможет управлять. Или ты обходишь такое счастье десятью дорогами или падаешь в бездну полного подчинения всей твоей воли и сути этого человека. И ты жертвуешь в жизни всем, домом, состоянием, браком, скромностью и воспитанием, даже хорошими манерами, за один только поцелуй, за жар сильных объятий, за удовлетворение этого порыва страсти, пусть она и будет кратковременной. Так как он уже настолько много знает о жизни, что его ничем не удивить, но душа его жаждет новшеств и событийности бесконечной. К таким людям неизбежно возникает глубинное чувство почтения.

На вид новому знакомому Анни было лет 30. Но иногда, когда его такие насмешливые губы, переставали изгибаться в ироничной улыбке, его возраст резко увеличивался. Она могла бы добавить ему еще лет десять. Но вот улыбка, саркастическая и наглая опять оголила его идеальные зубы и его нельзя было назвать зрелым мужчиной. Южный человек, однозначно мужал быстрее, но здесь зрелость была иной. Очень умные глаза. Глаза... Ани показалось, что она их видела много раньше, близко и хорошо, но где? А... когда тетушка водила её в церковь, такую глубину знаний жизни она видела в глазах пастыря.

Он продолжал её разговаривать, но у него это получалось затруднительно.

– Мы сейчас пригласим доктора, у вас вывих, уж, извините, леди, я не хотел, но я не знал... Вас прекрасно починят. А Вы подскажите, где в вашем городе можно пригласить самого опытного доктора?

Анни осторожно проговорила:

– Довезите меня домой, пожалуйста. Я сама справлюсь. Мне тетя поможет.

– Тетя? А родители ваши?

– Нет. Их у меня уже восемь лет нет.

– А... до меня начинает доходить, где корень зла зарыт. Вашим воспитанием никто не занимался. – Артур хмыкнул. – Ну, раз вы охотились за деньгами, их у вас, полагаю, тоже нет. – Вот почему...

Анни опять промолчала. Он продолжал:

– Вы можете не беспокоиться за свою репутацию. Все останется, между нами. А что деньги, действительно, большая проблема для вас? У вас прекрасный рысак. Поверьте, я знаю толк в лошадях. Я мог бы его у вас купить за хорошую цену. Я люблю лошадей.

И он увидел, как Анни напряглась и вспыхнула. Вот когда он успел все рассмотреть и проанализировать? Для неё все произошло так быстро! Слезы еще быстрее побежали по щекам. Его это тоже озадачило.

– Что, я сказал что-то обидное?

– Я никому, никогда не продам этого коня. Но он и не мой. У него есть хозяин. Но я всегда с этим конем рядом. Уже много лет.

– Сколько? – спросил Артур.

– Пять. – ответила Анни.

– Тогда, не считите за наглость, ответьте откровенно, как видите, у нас с Вами уже появляются свои тайны на двоих, зачем Вам понадобилось бродить с пистолетом в руке по дорогам? И это тоже будет только нашей тайной.

Анни скривила пухлые губки в усмешке. Она могла быть саркастичной.

– Я вас не знаю, что вы за человек, поэтому оставлю ваше любопытство неудовлетворенным.

Он кивнул головой, соглашаясь с её доводом.

– Ну, хорошо. Тогда, можно узнать, а чем вы увлечены..., то есть род ваших занятий в этой жизни? Какой стиль вашей жизни? Я не думаю, что разбой. Я понял, что в этом у вас совсем нет опыта.

Анни рассмеялась, но все так же саркастично. Его вопросы ей были неуютны, но грубо отрезать его любопытство она не решилась.

– Учусь. Просто учусь – вот и весь смысл моей жизни.

– А... смеюсь предположить, вас хотят отчислить и надо внести большой поручительский взнос, за продолжение учебы? – он отпрянул назад и расслабился на своем сиденье, как бы выяснив для себя все что хотел, но, не заканчивая прямо и откровенно наблюдать за ней. Его интересовала каждая новая черточка, появившаяся в её выражении, в уголках губ, как будто он считывал каждую новую эмоцию, возникавшую у неё. Ей становилось все больше неловко. Все-таки, так откровенно на неё еще никто не смотрел. И это был не взгляд человека, для которого она была просто интересным собеседником. А её и задело его слова. Она хотела отпарировать, но тут же передумала. Зачем? Какая разница, что он про неё думает? А душа шептала слабеньким голоском – мне не все равно, что он думает.

Экипаж сбавил скорость. Он отодвинул шторку. На улице стемнело. Еще через некоторое время их экипаж остановился.

Глава 3

Дом, в который привели Анни был восхитителен! В больших залах чувствуешь себя маленькой песчинкой в мирозданье. Но везде было так темно. Даже сквозь сумрак она различала очертания больших окон, дверей, колонн. Это был целый дворец. Ее спутник на какое-то время исчез. Она этого даже не заметила, охваченная новым чувством любопытства и восторга. Часто они с Хелен и Игн прогуливались вдоль ограды этого сказочного дворца, недоумевая, почему он так долго пустует. Старые хозяева, рассказывали люди, уехали в Новый свет, этот дом планировал купить сам император Франц Иосиф. Не купил, передумал. Зачем ему, он жил в великолепном дворце. Позже сюда навевались какие-то русские князья, и дом считался уже проданным, но что-то случилось. Дом по-прежнему пустовал. И вот его хозяйка – австрийская баронесса. Анни еще не знала её имени. Слухи ходили, что та уже в преклонном возрасте, славиться своей любовью к путешествиям, собакам, театру и меценатка. Доброго нрава и служить у неё дворовые почитали за счастье, так как она к простому народу относилась гуманно и в её имени никогда не относились к прислуге пренебрежительно. В лучшем случае, за воровство, человека выгоняли со всеми пожитками.

Анни резко вздрогнула, когда сзади ощутила чью-то тяжелую руку на своем плече и обернулась. Совсем вплотную к ней, со свечей в руке стоял Артур. Она даже на шее почувствовала его дыхание. Непроизвольно отпрянула. Свет свечи осветил его глаза, и она ощутила, как у неё перехватило горло спазмом. Это сам дьявол, в образе человека пришел забрать её душу. И это чувство доселе ей было неизвестно. Глаза, глаза большие и черные при свете свечи, такие выразительные и красивые! Они словно проникали внутрь её и высасывали всю волю и всю силу. Эти глаза всегда брали то, что привлекало их внимание уверенно и легко, прекрасно знали свою власть и свою силу. И в то же время в них таилась неисчерпаемая глубина! Они так много видели и так много знали, словно этот мир был только местом жизни физического тела,

но сама суть обитала в чем-то не реальном. В них проскальзывала отрешенность от физического бытия. Какой-то не земной человек! Это самое первое, интуитивное чувство от этого взгляда быстро сменялось следующим чувством. Взгляд этого человека столь пронизателен, что к тебе приходит чувство незащищенности и обнаженности, и чтобы из тебя не вытянули все затаенные мысли наизнанку, ты опускаешь глаза, пытаешься оставить себе хоть что-то. Анни долго не могла оторваться от этих глаз и стало происходить непонятное. Это ранее никогда не изведенное ею чувство трепета перед человеком постепенно исчезало и теплая, ласковая волна приятных вибраций уюта и комфорта медленно окутывало все её тело, не спеша поднимаясь из глубины сердца и заполняя каждую клеточку. Ей становилось так хорошо, как всегда, было рядом с отцом, которого она очень любила. Спокойно и легко, потому что они были родными, родными не в понимании семейных отношений, а родными по духу. В его душе жила частичка её души, а в её, его. И мир тогда становился таким безопасным, умиротворенным и добрым. Она стала той маленькой девочкой, которая любила сидеть у отца на коленках, слышать его дыхание и вдыхать его запах. Его запах, присущий только ему. И такой близкий и дорогой!

Артур не знал всех её мыслей, но ему все давно уже было так знакомо! Он не вызывал других эмоций у женщин. Они все были такими. Проверять силу своей мужской харизмы ему уже давным-давно было неинтересно. Женская красота, когда она такая выразительная и совершенная его трогала, но как-то поверхностно. Он все заранее знал, что ему это быстро станет неинтересно. Не интересны её мысли, слова, желания.

– В доме никого нет. Я послал за доктором. И что-то из угощения вам тоже не могу предложить. – он поставил подсвечник на камин и развел руками. – Просто ничего нет. Мы завтра займемся обеспечением.

Анни, насилуя свою волю, оторвала взгляд от его глаз и стала притворяться, что осматривается дальше. Свет свечи осветил помещение метра на два вокруг. Своего знакомого она уже совсем не чуралась. Только бы не эта боль в плече. Она поддерживала свою больную руку здоровой и боялась сделать резкое движение. Во всем доме ощущался слабый запах сырости. Его хозяин присел возле камина и стал его разжигать. Дом долго пустовал, но, видно за ним ухаживали. В камине лежали сложенные дрова, щепочки для растопки и листья бумаги. Он наклонил подсвечник со свечей, и бумага стала плавиться, плавиться и загорелась. Через пять минут, затрещали искорки огня. Помещение осветилось еще больше. Прекрасный зал, мозаичный паркет, большие балюстрады. Мебели почти не было, но вот прямо перед камином были оставлены три кресла. И её потянуло к ним. Устало девушка опустилась в одно из них. Стала наваливаться слабость.

Артур удовлетворился пылающим костром и отпрянул от камина, так как языки пламени шаловливо выныривали за границы камина, нарываясь лизнуть человека за руки и снова заговорил. – Вы далеко живете от Мартонвашаре? – Мартонвашаре, это и была эта усадьба.

– Анни ответила – Ну... если пешком, то часа два ходьбы. В экипаже минут... час.

В зал вошел кучер, он принес вино из экипажа. Артур стал искать хоть какую-нибудь емкость и не нашел. Усмешливо посмотрел на бутылку и протянул её Анни, откупорив пробку.

– Возьмите. Никакой посуды в доме, вероятно нет, но я и не в курсе. Не будем церемониться. Оно великолепно!

Анни выпила пару глотков. Оно, действительно было великолепно! Теплая струя стала проникать вглубь всего тела и усталость просто размягчала все члены, делая их ватными. О! Она с удовольствием позволила бы себе заснуть в этом кресле. Еще глоток, еще. Она не пила такого замечательного напитка никогда!

Артур так же устало опустился в кресло на против. – Вам понравилось... милая леди. Я, вижу, вы из тех, кто любит жизнь. – но самое интересное, что эту фразу он произнес как-то без воодушевления. Анни даже смутила такая интонация в голосе. – Пейте, не стесняйтесь. Я, думаю, вам меня стесняться не стоит, после известных событий... – Анни опять озадачили

его слова. Она постепенно стала собираться назад из состояния полной расслабленности. Он говорил безлико, а его улыбка в то же время оголяла прекрасные зубы. Его это все забавляло, но как-то так, обыденно. Или это маска вежливой обходительности? – Он посмотрел на неё внимательно и проговорил дальше. – Анни Мишлишевская. Я не слышал в своих кругах такой фамилии. А моя вам о чем-нибудь говорит?

Анни отрицательно покачала головой. Он опять внимательно посмотрел на неё.

– Вы очень красивая девушка... или женщина... но не суть, о настолько красивых люди повсеместно расходятся молва. Мне все-таки любопытно было бы узнать про вас. – опять внимательно посмотрел на девушку и понял по выражению лица, что ей не очень хотелось про себя рассказывать. И все-таки, настойчиво, но с мягкостью в голосе продолжал – Согласитесь, наша встреча и знакомство произошли при очень деликатных обстоятельствах, что мне было бы любопытно узнать о вас что-то большее. Я не собираюсь заявлять в полицию и можете мне верить, я бы сдал вас сразу при желании.

Анни подалась вперед, все еще поддерживая свою больную руку. Она совсем забыла, да, а как же так, так нельзя... – Я прошу у вас извинения за сегодняшнее.

– Это понятно, Вы не хотели... – он язвительно скривил губы – Я, признаться заинтригован – девушка среди шайки бандитов, промышляющих воровством на дороге – это несколько другой сорт девушек. – и в отблеске камина снова сверкнули его белоснежные зубы, его все продолжало забавлять. – Вы самая обворожительная бандитка, поверьте, в этом что-то есть!

Анни вспыхнула. Ее порывом было даже вскочить и лучше убежать. Но, здравый смысл и все-таки чувство безопасности, исходившее от этого человека, остановило её. Она потупилась смущенно. Ему понравилась её реакция. Она выглядела так мило! Белокурое, хрупкое создание, в мужских сапогах, штанах, растрепанной косой, такая незащищенная и юная, слабая. Никаких других чувств, кроме желания оберечь и защитить весь её вид не вызывал.

– Артур продолжал. – Откуда у вас такой прекрасный скакун! Ангел! Вы его так зовете. Вы очень за него обеспокоены, я заметил, – и стал ждать ответ. Взгляд изучающе двигался по её лицу, волосам.

Анни оживилась.

– Он принадлежит моему опекуну... но... может не совсем опекуну, можно сказать одному очень хорошему человеку. Он знал моих родителей. Он один из хозяев большого ипподрома, а я очень люблю лошадей, они умные и самые добрые существа на земле! А Ангел, я его понимаю лучше других, он меня очень любит, я знаю. Он часто побеждает в скачках. Быстрый, красивый.

Ее взгляд загорелся. Артур прищурился от удовольствия. Они стали с ней разговаривать на одной волне. Он тоже любил скачки, лошадей, скорость, игру.

– Да... – протянул он – Жаль, что женщинам не дано участвовать в забегах! Вы стали бы талантливой наездницей, я уверен, вам не чуждо... – но он не договорил, что-то решив про себя. – Хорошо, может так и правильно, это все-таки не безопасно. А ваша семья? Родителей нет, вы говорили, но вы не из простого сословья, вы же учитесь? И где, позвольте узнать.....

– В университете... – это большая достопримечательность нашего города, вы увидите сами.

– И на каком факультете?

– Медицинском.

У него взметнулись брови вверх.

– И на каком курсе?

– На пятом.

– А почему вы избрали медицинский?

– Ну, для этого много причин. Я люблю лечить лошадей, животных. Я хочу знать про болезни все, чтобы их стало меньше. Моя мама умерла при родах. Я хочу знать почему это

случается и что можно сделать, чтобы с женщинами этого больше не происходило... И... она пожала плечами в раздумьях – это смысл..., в этом большой смысл... я больше не вижу в мире смысла в другом, я знаю, что хочу это уже очень давно...

Ее перебили голоса, приближающиеся к ним из других комнат. Приехал доктор.

Профессор Энгельбекер, он иногда читал лекции у них в университете, Анни его часто встречала, но близко не была знакома. Приятный, интеллигентный человек, с маленькой, седой бородкой, в пенсне. Пенсне так стали быстро входить в моду среди знати и интеллигенции, но чаще это были одни и те же люди.

Может быть профессора что-то и озадачило, скажем так, наряд девушки, но лишних вопросов он никогда не задавал. Он стал так аккуратно ощупывать плечо и руку Анни, но она ожидала, что из вежливости Артур хотя бы отойдет в глубь зала, чтобы не смущать. И этого не произошло. Он все прекрасно понимал, но быть уважительным ему сейчас не хотелось. Он просто отвел взгляд к камину. На лице у него отразилась легкая озадаченность. Он все-таки, до конца не понял, как юная особа, со столь серьезными увлечениями в жизни и глубоко интеллигентными занятиями пустилась на дороге с пистолетом в руке во все тяжкие?!

Да, у Анни требовалось вправить плечо. Профессор сделал это так быстро и четко. Непроизвольный крик, резкая, жгучая боль и Анни упала безжизненно в кресло, интуитивно сложив руки как умирающая. Присев возле неё на корточки, Артур заботливо потрепал её по щекам. Из глубокой темноты, сознание моментально возвращалось в свет. Открыв глаза, Анни только сейчас рассмотрела у него на лице темное, большое пятно, расплывающееся от скулы к виску. Профессор высказал беспокойство, но Артур отмахнулся. Протянул Анни вновь бутылку вина.

– Эхе-хе, доктор, – устало произнес он – я так и не научился вправлять вывихи.

Профессор суетливо собирался домой. Его вытянули практически из домашних туфель и оторвали от вечернего ужина. Время было позднее. Но эти слова не пропустил мимо ушей. Интеллигентный человек, видимо был веселого нрава, добродушный. Он причмокнул как-то по-особому губами и направил свое пенсне на лицо молодого человека. Ухмыльнулся. – А, что, позвольте спросить, пытались?

– Ну была необходимость, но так и не решился.

Профессор – да, да..., я вижу вы человек военный? Может и приходилось... Вы досто-почтенный – князь Войцеховский, как ваше имя, осмелюсь узнать? – спросил профессор?

– Артур.

– Да, да, мне доложили о вас. Вы родственник баронессы фон Газейшарт?

– В некотором роде, в некотором роде. Ее муж...

– Да, да, – задумчиво пробормотал доктор. – Но, у вас не немецкая фамилия?

– Ну, да. У баронессы второй брак и я не немец. В моих родословных корнях можно запутаться. Я родом из Румынии, а мать была венгеркой. Я родился в Румынии, но отец мой турок. Это, забавно, доктор, я как-нибудь, при случаях, расскажу подробнее про себя, но моя гостыя так много сегодня получила впечатлений, что не хотелось бы её обременять рассказами.

– Да, да, – промямлил профессор. Они все люди ученые были излишне любопытны. А этот статный, черноволосый молодой человек особенно вызвал у него повышенный интерес. Когда на пороге его дома неожиданно нарисовалась фигура человека с кнутом в руке и попросила оказать услугу новому хозяину усадьбы Мартонвашаре, он долго не раздумывал. Ему первому доведется познакомиться со столь любопытными персонажами всех сплетен столицы, о которых слышно в каждом семействе вот уже вторую неделю.

Анни словила себя на мысли, что она с радостью еще побеседовала бы со своим новым знакомым, и могла бы даже допить такую восхитительно приятную бутылку вина, но уже было поздно, её интересовала её лошадь, где она сейчас и законы приличия – их еще никто не отменял!

Просить задержаться, хотя бы для того, чтобы забыть ту ноющую боль, с которой она попала в этот огромный дом, её никто не стал. Она присела нелепо в мужской одежде в легком реверансе, больше машинально, и направилась к двери.

– Милая леди, вас и доктора, доставят в экипаже по домам.

Она растерянно выглядела и, неуклюже, опять сделала реверанс.

– О, благодарю вас за все, вы понимаете... за все! Но меня беспокоит мой Ангел, я должна вернуться с ним, и знаю, он ждет меня, он всегда меня ждет!

– Где ждет? – не понял хозяин этого особняка.

– Не важно.

Профессор ничего из сказанного не понял, но знал, ему так же пора удалиться.

Уже вслед она услышала веселые нотки в голосе Войцеховского – Понимаю, конь становится настоящим другом, если ты его любишь, и он чувствует в тебе силу.

Глава 4

Тетушка Ани с утра поставила кипятится белье на печку, чтобы хорошо отбелилось и на целый день, странным образом, пропала. Комната Анни находилась под чердаком, но и так нельзя было сказать, потому что чердак у них был закрытый, чистенький и обустроенный стараниями женщин, тщательно побеленный и отмытый от пыли. Вот там они и сушили на зиму фрукты, и белье после стрики, хранили старые вещи, очень аккуратно сложенные в сундуки. В комнате под чердаком всегда было прохладнее, так как тепло от печи доходило сюда уже в рассеянном состоянии. Но летом здесь было комфортнее всего. Анни пыталась сконцентрироваться на книгах и конспектах. С самого утра, в выходной день она сидела за столом в длинном халате из-под которого выглядывала ночная сорочка, с распущенными волосами, и что-то сосредоточенно писала пером на листе бумаги.

На восточной стороне Будапешта, дела обстояли по-другому. К подъезду усадьбы Мартонвашаре подъезжает много-много экипажей, они останавливаются. Из первого экипажа выходит пожилая женщина, с болонкой в руках. Она одета изысканно. Ее бархатное темно-зеленое платье вышито шелковыми нитями, ручной работы. В дорогу все предпочитают одевать то, в чем удобнее просидеть в экипаже несколько часов, а то и целый день. Но эта женщина всегда выглядела праздно.

Из экипажа выпрыгивает еще пару собак, побольше размера, охотничьи борзые, их тут же подхватывают за ошейники лакеи и отводят в сторону. В карету еще заглядывает одна горничная и достает оттуда еще одну болонку – собачонку. Хозяйка – это баронесса фон Газейшарт, женщина миловидная, с высокой прической, открытым лицом. Лицо добродушное и веселое, по праву соответствует оходящих о ней слухам и её добром нраве. На крыльцо её встречать вышел Артур, он уже не в военной форме, а просто в белой рубашке, расстегнутой до середины груди, по-домашнему, оголившим его смуглую, сильную грудь. Человек атлетического сложения и высокого роста, не смотря на солидный достаток и роскошную обстановку, не позволяющий себе вести праздный образ жизни, и распускаться от бесшабашных распутных кутежей, в которые от скуки бросаются молодые богатенькие повесы, досажая тем самым своим родителям и окружающим. Он радушно приветствовал свою жену, баронессу, поцеловал ей руку, подставил локоть, увлекая к входу в дом. Она не спешила входить в дом, а стала осматривать свои владения снаружи.

И снова мы в доме нашей героини. К Анни в комнату вошла подруга – Хелен. Они весело что-то стали обсуждать. Хелен попыталась вникнуть в задания, выполняемые Анни, та протянула ей лист бумаги, исписанный ею. Хелен напрягла внимание, сдвинула брови. Потом отбросила его в сторону и скривилась:

– Ты все бьешься над этой темой... Вот далось тебе это! Пойдем погуляем. Зинкович устраивает вечеринку. Его берут на практику! Отец похлопотал! Он трудяга, старается... и баламут! Но над книжками не «корпеет» как ты! Жизнь молодая проходит! Бери от жизни все!

Сколько бы ты не напрягалась, все-равно, у нас удел один – мы выйдем замуж, нарожаем кучу детишек и будем устраивать нужные вечера для поддержания имиджа, приобретение нужных связей и ублажения мужа. И самое приятное развлечение, которое нам останется, это – посещение театра.

– И зачем же ты тогда поступила на медицинский? – поинтересовалась Анни. – Если так все закономерно?

– Зачем, зачем? Я и сама часто задаю себе этот вопрос. Сначала – престижно. Доходная профессия в наше время. Да и в будущем пригодится. Ты же знаешь, я к виду крови равнодушна. Для своей семьи, собственных детишек. Буду сама лечить и себя и их. Но... я не ты, червь-землеройка, мне жалко мои молодые годы тратить на «выковыривание» яичников из трупов, изучение продолжительности жизни в разных условиях существования крыс. А..., а ты придумала источники оплаты за продолжение обучения? Я за тебя переживаю все время, голову поломала... Вот, – и она протянула деньги на ладошке, – у меня были свои запасы, я одалживаю тебе, потом, может быть сочтемся, но... это не изменит ситуацию. Мало слишком.

Анни так омрачилась... Что даже слезы набежали на глаза.

Хелен стало жалко подругу. Она села рядом и обняла её за плечи. Ее мозг тоже хаотично стал работать в поисках решения проблемы. Но, напрягаться в раздумьях она долго не умела. Она просто никогда не находилась в таких затруднительных ситуациях как Анни, и не могла понять этого состояния. Отстранившись, она пристально стала разглядывать подругу, как будто решение можно было прочитать на её лице. Анни удивленно подняла брови – Что?

– А почему бы тебе не попросить у графа?

– Да, ну... – отмахнулась девушка – с какого?

– Я тебе давно говорила, он не ровно дышит в твою сторону. Ну, Анни – и она потрясла её за плечо. – С тебя же не убудет. Он может и платы взамен не попросит. Надо воспользоваться его вниманием к тебе, ну, может... и намекнуть на то, что ты не прочь его отблагодарить. Анни! – но Анни стала освобождаться от её объятий и встав, подошла к большому, старинному будуару с зеркалом. Внимательно стала себя рассматривать. Почему её все считают настолько притягательной для противоположного пола, что они будут готовы ради неё на все, а тем не менее, все у кого были реальные деньги, не спешили заводить с кем-то серьезные отношения, по крайней мере, с девушкой из её среды. И что ей не нравилось в постоянных поднукиваниях на эту тему подруги и Игн, так это то, что они, по чему-то, даже не задумываются о том, что она не вхожа даже в то окружение, чтобы с ними хоть как-то знакомится. Где можно обратить на себя внимание?

К ней весело подскочила подруга и быстрыми, ловкими движениями собрала вверх её густые волнистые волосы, закрутила их высоко в массивный большой пучок, слегка взбила расческой, подчесала, уложила и стала выбирать по бокам волосы, чтобы высвободить пряди, свободно обрамляющие лицо, для украшения прически. Удовлетворенно она опять отстранилась, чтобы со стороны оценить мастерство своих рук.

– Мне не на врача надо было идти, а на цирюльника. Но – это только для низшего сословия.

– Не скажи, они всегда при деньгах.

Хелен закусил губу.

– Ах, Анни, Анни. Я так часто борюсь со своей завистью к твоей красоте. Бог мой, Бог мой, как же природа не справедлива порой! Твою бы красоту, да к моему характеру. О! О! Каких дел я натворила бы. Да, вся столица бы перевернулась!

– Да, каких вот ты дел натворила бы!? – Анни рассмеялась.

– Ты, что! – и она сжала руку в кулачек и поднесла его Анни под нос в шутку. – Вот, у меня такие бы мэтры пресмыкались бы у моих ног! А, кстати..., – и она быстро схватила свою подругу за подол халата, весело задрал вверх всю её одежду. – А ножки! Да это же произведение

искусств... Нимфа, сошедшая с небес! Ты только посмотри. Какое изящество, какие тонкие лодыжки, красивые коленки. Скажи, твои ножки видел хоть один мужчина? Мы же с тобой смотрели журналы в салоне мадам Хельзы. В моду входят платья и юбки выше щиколоток! Твои щиколотки нужно оголять. Видели ли их... а... хоть кто-нибудь?

Они весело обнялись.

– Ну, давно это было, видел мужчина...

Хелен уже насторожилась услышать его имя. Но Анни продержала паузу и выдохнула:

– Это мой отец! А я была еще совсем ребенком.

– Эх, дорогая моя. Ты губишь, просто губишь свою жизнь. Пойми, Бог, не раскидывается такими дарами, как твоя смазливая мордашка просто так. Значит он от тебя хочет чего-то особенного. Ты со своей внешностью могла бы блистать при дворе, ты могла бы стать самой богатой женщиной в королевстве! Ты крутила бы мужчинами как хотела и наслаждалась бы своим триумфом. Самые роскошные наряды! Путешествия! – и она стала размахивать воодушевленно руками. – Самые дорогие украшения, духи, цветы. Восторженные взгляды. Дорогие экипажи. Сейчас, говорят, какой-то аэромобиль придумали, ездит сам. Ты могла бы отправиться в любое путешествие, куда захочется! Анни, а вместо этого, ты... ты прочитываешь до дыр все эти книги, встаешь утром после бессонной ночи с кругами под глазами от не высыпания и во всем себе отказываешь. У тебя скоро не станет ни одного нового платья. Ну неужели тебе не нравится ловить на себе восторженные мужские взгляды?

– Нравится. Очень нравится. И ты зря, ...ничто человеческое мне не чуждо. Мне просто на все не хватает времени. Пойти кокетничать и флиртовать с кем-то, тоже нужно время. А его у меня нет.

– Да, нет и не будет, если все свободное время проводить на конюшне с Ангелом! Прекрасный конь, но это только конь. Он тебе жизнь не устроит!

– Понимаешь, Хелен. Мне очень интересно все что я изучаю. Вот только генетику недолюблю. Формулы. Формулы. Как нити паутины, а смысла в этом пока не вижу, практического смысла нет.

Хелен хмыкнула. Стала крутиться возле окна. Ее мысли способны были так быстро перестраиваться. И она начала уже совсем о другом

– Ой, я тебе чуть не забыла сказать..... Новость. Наши столичные Мартоншваре проданы какой-то баронессе. Она немка. Баснословно богата, баснословно! Но не это самое интересное. Она во втором браке. Ее муж на много лет её младше. Так вот, говорят красив, красив до неприличия, как кукла у Витковичей в салоне. Ни одной неправильной черты... ну просто – сам Люцифер, и лицом и фигурой! Бывает же такое! Сегодня они приехали в столицу. А через два дня все высшее общество собирается в их доме, чтобы познакомиться поближе, и принять их в нашу столичную жизнь.

Анни схитрила. Ей действительно, было интересно узнать про эту знатную чету побольше.

– А что еще говорят про них, Хелен?

– Говорят он не ловелас, хоть и красив. Увлекается наукой и меценатством. Ну... может меценатством только его супруга, не знаю тонкостей всех... Нет, конечно, про него рассказывают много нашумевших историй с женщинами, но их могло бы быть и больше при его обаянии. А он очень, очень обаятелен! Он даже не прилагает усилий для обольщения слабого пола. Они сами начинают сходить по нему с ума. А может потому, что он и усилий то не прилагает? – она задумалась про себя, устремив глаза к окну и Ани стало смешно, что вот настолько юная, еще не вкусившая плода соблазна девушка, пытается рассуждать так серьезно о житейских делах.

Почувствовав её ухмылку, Хелен продолжила:

– И вот так в этом во всем живет его супруга? Она не ревнива, но любит его безумно! Все безмолвно прощает и подчиняется его желаниям и прихотям безропотно. Детей у них нет, так он для неё смысл всей её жизни!

Анни иронизировала:

– Не успели они приехать в столицу, а уже такие выводы! Как можно знать о таких вещах, если с ними даже еще не общались?

– Ну, дорогой мой, человек – съязвила Хелен. – Это же самые знатные семьи страны! Странно что ты еще про них ничего не знаешь. Мои домашние уже второй вечер все это обсуждают! Они входят в двадцатку самых знаменитых фамилий, а ты как будто вчера на свет появилась. Просто они жили долго не у нас. Но, тем не менее, я о них слышала, а ты нет!

– Да, я как-то пропустила...

– Да, я ж и о том же, ты как червь в свою яму залезла и ничего вокруг не замечаешь. А тебе надо просыпаться. Просыпаться во всех отношениях. Тебе Бог предначертал другое! Купаться в любви, удовольствиях, роскоши, оглянись! И... смотри – она подошла к подруге вплотную и шутиливо потеревила за плечо, словно пыль стряхивала. – Ани, может тебе каким-нибудь способом познакомится с этим князем то! Красив, богат! Жена как маринованный огурчик и...

Но Ани покачала головой.

– Ну я ж и влюбится могу, а он не свободен, а я так не могу..., я не могу делить объекта своего обожания еще с кем-то!

– А ты веришь в то, что у них с супругой еще есть чувства друг к другу? Вот ты не можешь, а он спокойно устроил себе абсолютно безоблачную жизнь за счет баронессы.

– Ты сразу записала его в альфонсы, почему? Может он изначально сам имел состояние? Хелен нервно фыркнула:

– Фу... Ани, еще самая умная среди всех женщин на факультете. Если бы у него было солидное состояние, зачем брать в жены женщину на 20 лет старше себя? Чтобы каждый день просыпаться рядом с морщинами и старческим запахом?

Направим взор в богатый двор. Опять Дом баронессы фон Газейшарт. Артур сидит за столом в небольшой комнате. Так же как у Анни, стол завален книгами. Он что-то пишет. Дверь в комнату приоткрыта. В проеме показалась морда охотничьей борзой. Она понюхала воздух и толкнув дверь всем своим корпусом пробежала в комнату. Пружинистой рысцей она околесила все кругом, обнюхала помещение. Потерлась мордой о ногу Артура. Он потрепал её по шее, и она запрыгнула на тахту, испустив удовлетворенный выдох. Улеглась под солнечными лучами напротив широкого окна. Вскороости с болонкой в руках в дверь неслышно зашла баронесса. По ходу, она положила свою собачонку на кресло и подойдя к увлеченно писавшему, обняла его сзади за плечи, навалившись на его спину грудью. Ласково она запустила пальцы в его волосы, прильнула к ним щекой. Ей хотелось внимания, но действовала она так ненавязчиво. Наслаждаясь волосами мужчины, она читала его записи из-за спины. Мужчина от них не отрывался. Поведение женщины для него было так привычно, что даже ни один мускул не дернулся на его лице. Его занимало его дело. Во взгляде сквозила максимальная сосредоточенность и серьезность. Пропала смешливость, не было веселых ноток так ему присущих. Он был сконцентрирован и то, что он писал сейчас полностью занимало его мысли.

– Артур, – тихо позвала его жена. – Как ты оценил наш дом? Видимо то, что он писал, её уже давно не волновало. Потому что она даже не поинтересовалась, о чем он пишет.

– Все чудесно. – кратко отозвался он.

Она ласково улыбнулась. Вздохнула и пройдя, села за стол напротив. Взгляд её был мягким и добрым. Внимательно принялась изучать его лицо. Он даже не оторвался от своего занятия. Тогда она медленно положила ладошку ему на бумагу. Артур удивленно поднял глаза, но промолчал.

– Скажи, дорогой, где ты получил такое чудное украшение, она указала на синяк у него под глазом.

– Элла (так кратко он её звал от имени Элизабет) это пустяки. Была небольшая попытка ограбления, но все уже забыто...

– Да... – и уголки её тонких губ растянулись в улыбке – только это украшение осталось напоминанием. Вот только как нам провести прием после завтра? Ты будешь просто центром внимания...

Он безразлично пожал плечами. Сощурился от солнца, направившего свои широкие лучи в окно, рядом с которым стоял письменный стол. Погода была чудесна! И он наслаждался этим светом источаемым солнцем, чистым небом. Его совсем не заботили хлопоты хозяйки дома по поводу приема всей знати города в своей усадьбе по случаю приезда их в страну. Он, прищурившись смотрел на небо за окном, но заметно было, он только отвлекся взглядом. Мысли не отпускали то, о чем он писал.

Баронесса решила не докучать – медленно поднялась из-за стола. Но тут вспомнила: «Так..., а грабители были кто?» – но он уже опять всем своим вниманием ушел в свои записи.

– Артур, – позвала она – мне кучер сказал была в доме девушка, переодетая в мужскую одежду, ей приглашали доктора?!

Он рассеянно перевел взгляд на неё.

– Элизабет, это были студенты. Ей я вывихнул руку, и позвали доктора. Я не знаю её. Какая-то юная особа, которой просто нужны были деньги... Все обошлось, дорогая.

Она удовлетворенно кивнула. На лице проскользнул отпечаток скуки. Такой она была человек – многого не просила, не докучала пустыми вопросами, всегда знала, когда лучше уйти. Она удалилась.

На следующий день, после обеда, Ани отправилась в лабораторию университета. В душе еще теплилась надежда на чудо. Ей покровительствовал профессор биологии фон Крауфман. Он был родом из Австрии, но уже много лет жил в Будапеште. Из лаборатории, где хихикали и баловались растворами студенты, они прошли в его кабинет. По стенам на всю длину помещения находились книжные шкафы. Возле узкого, высокого окна стоял письменный стол, весь загруженный книгами.

– Анни, – говорил старый профессор. – Я подал ходатайство на имя её величества, императрицы, о выделении вам стипендии, девочка моя. Вы самая талантливая студентка на факультете. Но... ответа пока нет – и он горестно развел руками. – Я так старался вам помочь, все что в моих силах, но Ректор неумолим, он не делает исключения для оплаты. Особенно после того случая, как год назад несколько наших студентов были замешаны в демонстрации рабочих в Вене. Тогда дело обрело такой мощный резонанс, ему было сделано нареkanie от самого императора с жестким требованием отчислять таких вольнодумцев, а большей частью, просто бездельников, которые не знают куда им потратить свои молодые силы. – он по-старчески опустился на стул и рукой предложил своей студентке сделать тоже самое, потер платком свое пенсне – Эх-хе-хе – устало вздохнул. – Мой юный друг – так он называл свою лучшую ученицу – я бы вам отдал в долг, вы порядочное дитя, но, как, назло, я истратил всю свою зарплату на публикации моей работы по генетической предрасположенности и врожденных кодовых завязках. Я сейчас не в состоянии за ложиться за вас. Вот незадача... Давайте подумаем, что мы еще можем сделать в этой ситуации. Эх, ну почему я старый идиот не подумал о том, что вы нуждаетесь и знай я об этом еще хотя бы три месяца назад... я не торопился бы печататься.

– Анни нервно теребила уголки огромной книги, которая находилась у неё под мышкой – глубокий вздох только был ответом.

Профессор внимательно перевел взгляд от своего пенсне на неё. Его глаза стали такими ласковыми. Он был стар, но не мог без умиления смотреть на это чудное, юное создание, которое сейчас находилось один на один с ним в лаборантской кабинета биологии. – Вы только не

смейте отчаиваться и бросать посещать лекции. Еще есть время и что-нибудь придумается, я верю. Ну... подождите... у меня есть несколько состоятельных друзей, я... я спрошу у них. Дадут ли в долг...

Анни печально проговорила:

– Вы верите в судьбу? Если ты прилагаешь все усилия чтобы открыть дверь, но она не открывается, значит это тебе не нужно, надо отойти от двери, вы сами всегда это повторяли, профессор.

Он похлопал нервно ладошкой по столу. Вот порой на чем тебя ловят студенты. Ты и не подразумеваешь, что оседает в их головах. Отрицательно покачал головой.

– Да, это восточная мудрость, мой друг, но не вся. Надо не ломиться значит в эту дверь, а поискать другой выход, может оказаться, совсем неординарный. Но только сердце чувствует, где ваше, а где не ваше. Вы самая лучшая студентка у меня за последние 20 лет. И я так глубоко уверен в вашем блестящем будущем. У вас настолько аналитический склад ума и блестящая память. Кому же еще как ни вам находиться в стенах этого заведения? – он помолчал, а потом грустно добавил. – Я еще не сказал, вам, мой друг такую вещь. Я подал в отставку по состоянию здоровья. И я больше не буду читать лекции. Мне это дается так трудно! Большое давление. Я не только не доведу вас до вашей защиты, но даже не приму у вас экзамены в этом семестре. Моя жена так настаивала на моей отставке, и я подчинился. Мне нужно съездить на воды, сердце уже износилось, зачем мне занимать эту должность, когда мне нужно успеть закончить мой научный труд.

Анни напряглась. Новость обрушилась, как ушат холодной воды на голову. С губ слетело только слабое... – А? – и плечи обмякли от невыносимой тяжести этой новости. Ее постоянная поддержка и участие в её жизни в стенах данного университета её покидала. – А как же теперь лекции по химии?

– Не печалься, мой друг – профессор поднялся и шаркающей походкой подошел к ней, ласково погладил по плечу. – Не все то горе, что таковым кажется – это тоже восточная мудрость. А в данной ситуации – это, прямо к месту. Я уже знаю. Со следующей недели у вас начинает читать лекции замечательный ученый, подающий большие надежды в химии и математике, но довольно еще очень молодой преподаватель. Я читал его работы, но не по химии, по математике. Он очень увлечен математикой, а по горной металлургии его статьи известны даже за пределами нашей страны. Это удивительно интересный персонаж. В журнале «Высшая вершина» мы даже развернули с ним жаркую полемику по некоторым вопросам... Вам это не интересно, вы еще дитя, ...и я не одобряю его подхода к некоторым вопросам применения формул в химии и математической модели генетики, но, но, это... интереснейший мыслитель. Он знает такие вещи, к которым я пришел гораздо в более преклонном возрасте. Анни, студенты будут в восторге. И, потом, он уже имеет очень тесные связи с элитой нашего учреждения, ему не трудно будет хлопотать о стипендии для успешных студентов. Вот, может ваше время и пришло. Он, возможно, сможет помочь... Я сразу же акцентирую его внимание на вас... я это обещаю, ну..., а дальше... я не могу руководить его расположением к кому бы то ни было, но... разве вас возможно не полюбить? Не будьте так закрыты, сразу озвучивайте ему свои проблемы. Я слышал, они с супругой меценатствуют.

– Ну, это навряд ли. Плату надо внести через неделю, мне только придется восстанавливаться на следующий год, если его ходатайство будет иметь результат. А год терять так не хочется!

Профессор по хмыкал. Он признал её правоту.

Вернемся к чете баронессы и князя.

Баронесса Газейшгарт и князь Войцеховски делали свой первый прием. Слуги были одеты в зеленые ливреи, в зале накрыт длинный, длинный огромный стол, с изысканными кушаньями. Баронесса держалась за локоть мужа и радушно приветствовала своих гостей.

Всюду сновали с подносами лакеи, царило оживление и веселый говор. Кто-то оставался в доме, а кто-то выходил парами на улицу, где так же были сооружены легкие палатки с накрытыми внутри столами для закуски и легкой выпивки. Изящные скамеечки установились вдоль небольшой террасы, где дамы жмурились от солнца, прикрываясь и обмахиваясь неспешно веерами, чтобы освежиться. Им подносили напитки на подносах и мороженное.

В доме гости, впервые входившие в зал, важно подходили к баронессе, касались её руки губами, дамы делали легкий реверанс, обменивались парой церемонных фраз и неторопливо уходили в сторону, решая для себя, сразу ли подойти к столу, для того чтобы отведать изысканного кушанья или присоединиться к знакомым, которые приехали сюда чуть раньше. Осматривались вокруг, чтобы оценить интерьер и вкус дома и издали рассматривали супружескую чету.

Все делали для себя наглядное замечание, что хозяйева дома – люди не из здешних мест, и не венгерской национальности. Внешность баронессы сразу выдавала чистокровную немку, но национальность её супруга определить было трудно. Впрочем, глаза знатных дам сразу загорались под усмешливым и открытым взглядом супруга баронессы, и не выдержав их прямого горячего напора, прикрывались застенчиво ресницами. Но любопытство брало верх, и они опять распахивались в легком недоумении: «Как занесло такого красавца в постель уже не молодой баронессы и что связывает между собой столь явно разных людей не только возрастом, но и происхождением, разными культурами, менталитетом?». Баронесса отчетливо читала этот немой вопрос в глазах гостей и её это забавляло. Этой добродушной женщине предназначено было кармой в этой жизни быть богатой. Она проводила праздную и полную скуки жизнь в свое удовольствие, пресыщенная всеми эмоциями, которые только в ней существуют. Она твердо знала, что её положение в обществе всегда непоколебимо. Ей уже давно хотелось только покоя и умиротворения. Выход в свет она делала ради супруга и принимала гостей по этой же причине. Она удовлетворяла долгую страсть своей второй половины к лошадям, науке и меценатству. И терпеливо ждала, когда он войдет в тот возраст, когда ему тоже захочется только лишь спокойной, размеренной и гармоничной жизни. Все это она прошла сама и знала, что рано или поздно годы возьмут свое. Единственное, что она сильно желала, чтобы плечо этого человека, которого она держалась под локоть, всегда находилось рядом, незыблемо. Чтобы каждый день, она могла заглянуть в эти бездонные, темные глаза и прочитать в них, все ту же силу мужского обаяния и интеллекта. Она вначале думала, что яркая, гармоничная внешность её возлюбленного со временем станет ей безразлична и привычна. Красота приедается и становится чем-то обыденным. Однако этого не произошло. В этих глубоких темных глазах она не обнаружила пустоты с годами. Их лукавый горящий огонь все так же притягивал неумолимой силой и покорял. Из молодого, смазливового любовника, этот человек стал её господином. Энергетика Артура была настолько сильна, что обуздать её не смог ни один человек до сих пор. И вместе с тем, её женская натура испытывала к нему не только магическое сексуальное влечение, но и чувство полного, глубокого уважения. За годы, прожитые рядом, она так и не исчерпала его интеллекта и духовности. Как с каждым годом все больше к ней приходило больше спокойствия и тихой мудрости, так она чувствовала, что к нему это все приходило с гораздо большей скоростью. И они были на равных, хотя разница в возрасте была в двадцать лет. Она никогда не могла предугадать или почувствовать ход его мыслей. Только она всегда твердо чувствовала – он никогда не был безрассуден. Он не нуждается ни в чьих жизненных советах, житейском опыте и интуитивном предвидении. Он в этом был рожден. И это его карма. Его пылкий ум никогда не скучал. Если в ранней юности ему было интересно проверять силу своей горячей неумолимой сексуальной фантазии воздействием на противоположный пол и она прожила эти годы, испытав просто лишнюю её воли страсть и сильнейшее магическое притяжения к его молодому, сильному телу, бешеной ревности и раздирающей сердце, выгрызающей душу боли от его скандальных романов и измен, не в силах прекратить их изматывающего на неё

воздействия и просто с кровью «отодрать» себя от этого человека, то спустя непродолжительное время он стал сам понимать пустоту легких побед и искать им замену в чем-то другом. Бешенная энергетика искала приложения своей силы, физические нагрузки в армии не расходовали неумеренного потенциала и вот пришел интерес к устройству мироздания. Пытливый ум познакомился с причинами, следствиями, закономерностями и связями определенных вещей и стал с жадностью проникать в эту бездонную бездну знаний, в которых не было никогда ограниченности. И вместе с тем трата сил на познание увлекающих его вещей не иссушила его натуру. Краски жизни его притягивали и удовольствий он не чурался. Всегда искал полноты эмоций, новшеств и изменений повторяющихся событий. Когда он перенаправил всю силу своей молодой энергии на познание законов природы, она почувствовала как тяжелая ноша упала с её плеч и почувствовала себя счастливейшей женщиной на земле. Они стали больше путешествовать, встречаться с известными людьми своего времени, приглашать к себе ученых, философов, писателей. Его увлечение наукой усилилось с еще большей напористостью, когда они переплыли океан и посетили Северную Америку. Оба почувствовали, что динамика жизни полностью переместилась на этот мировой континент. Но было трудно в общении с населением той страны, так как знания языков у Артура ограничивалось только немецким, латинским и французским языками. Страна была совсем чужая по духу, и он понял, что перестроить себя в духовном плане еще не готов.

Прием ничем не отличался от приемов, которые они устраивали прежде. Для обоих это была дань установившимся традициям, существовавшим среди людей этого круга. И можно даже сказать, что комфортного в этом мало, когда ты понимаешь, что становишься центром повышенного интереса твоей личностью на какое-то время, когда тебе ощупывают взглядами до самым тонкостей и пытаются сразу определить, насколько им нужно начинать поддерживать с тобой отношения по степени твоей полезности для них. Мало кто из контингента людей, собравшихся в доме баронессы, сегодня оценивал их с другого критерия – насколько интересным может быть для них это общение. А посему это бремя было обременительным и оба вечером у камина, словно на интуитивном уровне, снимали с себя этот пласт наносной энергетике и загрязняющей мозг пустой информацией от шаблонных фраз, улыбок, взглядов и действий. Но жить в обществе, значит соблюдать законы этого общества.

Баронесса отрешенно смотрела на пламя огня, ярко горевшего в камине, укутавшись в шаль из светлого льна, по-домашнему, уже в ночных туфлях, с ночным чепчиком на распущенных светлых волосах и халатике. На коленках, как всегда, лежала её любимая болонка. Артур тихо цедил медленно бокал вина и устало гладил голову борзой, которая облокотилась боком к его креслу и положила морду на подлокотник.

– Ну, что, что ты еще не высказался мне о людях, которые нами были приглашены сегодня? – наконец-то в каминной завибрировал звук низкого женского голоса баронессы.

Он усмехнулся:

– Да, ...ничего нового.

– А как тебе мадьярочки высшего общества? Особенно те жгучие брюнетки, что родные сестры местного бургомистра. Я даже где-то слышала... ну, не помню, где, или читала... ну, не столь важно, что самые корни мадьяр берут из Рима, но кто-то утверждает, что это и есть цыгане, только цивилизованные.

Артур устало сполз ниже в кресле, положил голову на спинку и закрыл глаза. Дремота от вина овладела всем его телом. Бокал недопитого вина в руке наклонился к полу. И он пробормотал лениво:

– Да... скорее всего.

– А мне показалось, что венгерское общество больше напыщенно чем американское. Ты же помнишь балы в Новом Орлеане? Значение титулов и родословной там уже давно не играют

такого важного значения как здесь. Обедневший знатный граф уже сошел с шахматной доски и уступил место большому денежному мешку, награбившему свои капиталы в колониях.

– Да, скорее всего. Ты в одном ошибаешься Лиза, и те отошли в тень, настоящие американские дельцы ныне резко помолодели, они сами работают как нигеры в бывших колониях, амбициозны, решительны, новаторы ...

Баронесса только лениво глянула в его сторону и продолжала свои мысли вслух.

– Это противостояние венгров немцам ощущалось очень сильно. Они все еще не довольны попытками Австрии и Германии контролировать их страну. Говорят, что Франц-Иосиф все еще держит гарнизон для этого в крепости «Цитадель», а венграм это не приятно.

– Ну, да, а кому же это было бы приятно?

– А кто для тебя оказался самым интересным собеседником? – баронесса хотела поговорить, все выуживая у Артура односложные предложения.

Он пожал плечами, немного подумал.

– Ну, скорее всего профессор химии из университета в Пеште. Умный человек, совершенно далек от пафосной мишуры. И... этот, имя интересное – Аньош. Это презабавный человек – инженер-конструктор. Очень дальновидно мыслит. Я хотел бы с ним ближе познакомиться. Я, думаю, все еще впереди... – и тут он лениво повернул голову в сторону супруги. Приоткрыл глаза. – Элизабет, тебе это понравится. У них есть купальня, построенная на целебном источнике. Тебе сердце подлечить не мешало бы.

Супруга утвердительно качнула головой:

– Узнаю. Не помешает. Надо изучать достопримечательности этого края.

– Завод будет выставлен на аукцион на следующей неделе. – потянулся Артур, встал. – Пора спать...

– Я уже дала распоряжения перевести часть денег на счет местного банка. Мажордом уже открыл текущий счет. Все будет в порядке, Артур.

Князь потянул спину, расправил плечи и рывком поднялся с кресла, наклонился к супруге, поцеловал её в волосы сверху.

– Ну, вот и замечательно. Пока все по плану. – ушел спать.

Глава 5

В аудитории было шумно. Стоял гул студентов. Это был лекционный класс. Студенты сидели парами за столами. Хелен сбоку поглядывала на Анни с любопытством. От неё чувствовалось повышенное напряжение. И та не могла понять, что не так. Обычно Анни веселая, задорная. Они трещат на переменах без умолку. А сейчас её подруга излучала напряжение и волнение, которому не было причины.

Легонько толкнув её локтем, она спросила:

– Что-то случилось?

– А... – очнулась Анни от задумчивости и встрепенулась – сама не понимаю, что-то... – она описала круг ладошкой в воздухе – что-то предчувствие...

– Предчувствие нехорошего?

– Не пойму... Волнительно... У меня это редко, бывает.

– Да – протянула Хелен – Если бы не у тебя, я не волновалась бы.

Анни резко дернула головой, словно отмахиваясь от наваждения. Усмехнулась сама себе: – Ты, знаешь, это смешно, но мне вдруг почудилось, как будто мой папа меня позвал, и он совсем где-то рядом. О... – она уткнулась носом в ладошки. – Мне плакать, вдруг захотелось.

И... дверь в аудиторию открыли снаружи. В неё вошел высокий мужчина и только бросив на него сбоку взгляд, Анни замерла – издав глухое а-а-а.

Неожиданность была для всех. Воцарилась гробовая тишина, но двум людям в этой аудитории стало совсем не по себе. Игн, сидя за столом, сзади Анни уронил книгу на стол с гром-

ким шлепком. Чуткий слух вошедшего преподавателя заставил сразу повернуть голову в их сторону. И этих двоих накрыла горячая волна внутреннего хаоса.

Прищурившись, вошедший широко улыбнулся, оголив свои чудесные белоснежные зубы и по аудитории пробежался легкий шепоток. Он узнал этих молодых людей, пытающихся совершить его ограбление.

Не спеша окинув взглядом учащихся, он уверенно направился к преподавательскому столу и небрежно бросил на него коричневую кожаную папку. Почтительно поприветствовал всех и представился.

Анни как в тумане слышала его низкий гортанный голос, смотрела на него в упор, но не ощущала себя в этой аудитории. Все происходило, как будто, в другом мире, в потустороннем. И вот никак, никак не могла она объяснить себе, почему у неё сейчас было настолько явственное ощущение, что её отец совсем рядом. Рядом и вокруг. Впереди, сзади, слева, справа, сверху, это необъяснимо, его дух был вокруг неё.

И только спустя время, медленно, разумом она стала возвращаться в реальность и все так же с испуганным выражением, снизу в верх подняв лицо увидела рядом стоящего князя Артура Войцеховского и слышала рядом его слова, но обращенные не к ней.

– Математика ум в порядок приводит. Но... видимо не всем, так как умный, рассудительный мужчина никогда не позволит себе вовлечь женщину, ...девушку в сомнительное предприятие подвергнув её опасности... и сам плохо уверенный в своих силах.

Все эти слова мало были кому-то понятны, но Игн опустил глаза от стыда.

Впрочем, преподаватель не намеревался глубоко развивать эту тему и поспешил вернуться в начало аудитории.

Анни эту лекцию стала физически воспринимать только с половины. Мысли волнительным вихрем кружились в голове и ни одной она запомнить не могла. И не могла запомнить своих новых ощущений. Она сидела на лекции, а чувствовала себя совсем маленькой девочкой, ей вспоминались картины из прошлого. Она в ворвавшихся в память эпизодах увидела свою белокурую маму-полячку, любимого отца. Они катались в лодке вдоль берега Дуная. Мама была вся в светлом, и папа ласково обнимал её за плечи, когда показывал что-то значимое на другом берегу. Он говорил, что хочет там построить дом, мама счастливо улыбалась. И щемлящая, тягучая тоска стала проникать в её сердце. И ... Слава Богу, рядом сидела подруга. Толчок локтем сбоку вывел её из глубокой задумчивости. Преподаватель уже не обращал на них никакого внимания. Она видела его спину, черные волосы, зачесанные в хвостик, и поспешила собраться с мыслями, так как многое упустив, она слабо понимала, что он пишет на доске. Писал он быстро, часто останавливаясь, поворачиваясь к аудитории и поясняя некоторые моменты. Вся аудитория сразу четко поняла, к ним пришел очень сильный в математике преподаватель. Который сумеет возбудить любовь к этому предмету, так как сам его безмерно любит. Следует сказать, что женщин в этой аудитории было только две. В университет только четыре года назад разрешили поступать женщинам. И только один единственный вопрос задала сама себе Анни, когда полноценно включилась в реальность– «Почему она сегодня пошла именно на лекцию по математике, когда еще с утра они с Хелен и Игном собирались пойти на биологию?» И математика не была её профилирующим предметом, и математика не пользовалась у неё большей любовью среди других предметов и математика меньше всего нужна была ей для реализации её целей в жизни! Когда лекция закончилась, Анни первой поспешила вон из аудитории, чтобы не заговорить с её новым знакомым при нехороших обстоятельствах и желая поскорее привести себя в чувство. Хелен еле поспевала за ней. Она была в восторге! Воодушевленно она описывала свои первые впечатления от нового преподавателя, который не мог оставить равнодушным к себе женщину по понятным причинам. Он был красив, безмерно уверен в своих знаниях, своем обаянии и мужественен – это неоспоримо!

Глава 6

В выходной день, Анни проводила с Ангелом. Ее знали все на конюшне. Хозяином ипподрома был немец граф Отто фон Махель. Отец Анни когда-то спас жизнь на войне этому человеку, но это было настолько давно, что помнил об этом только сам граф. И сейчас он всячески покровительствовал юной особе, за что родной сын графа жестоко его ревновал. Покровительство графа, впрочем, распространялось только на то, что Анни могла беспрепятственно проводить время со своим любимым конем и забирать его с ипподрома, для того, чтобы выехать на нем в горы, промчаться диким, стремительным вихрем по пустынной при горной равнине, отдаться всем своим телом на волю природы и её страстей, ветру, скорости, лучам солнца, силе и интуиции коня.

Отто фон Махель любил Анни. Это была его последняя, человеческая страсть. Первая – его жена. Она умерла от родовой горячки, родив ему сына. Больше граф не женился, он не мог представить рядом с собой кого-то, кроме своей жены. И всю свою любовь, не растрченную энергию здорового, умного человека он направил на родное дитя. Но, гены отпрыска родовитого семейства пошли по другой ветви знаменитого рода. Брат его любимой жены был знаменитый пройдоха, кутежник, игрок и пьяница. И как только сын стал входить в подростковый возраст, граф все больше узнавал в нем родного дядю, и складка у него между бровей становилась от грустных мыслей все глубже. Внезапно в то время погиб отец Анни, а через полгода, тоже от родовой горячки умерла и мать Анни. Анни забрала родная тетя и граф на первое время оставил им солидную сумму денег на борьбу с трудностями. Тетушка Анни много работала, по вечерам она брала на дом заказы по пошиву нижнего белья, а днём занималась переводами различных печатных изданий с немецкого языка на венгерский, а потом их отдавали в печать. Анни несколько раз делала попытки ей помогать, но добрая душа тетушки сумела разглядеть не преодолимое желание юной девушки к учению. И она признавала, что это великий труд. А благородное, мудрое сердце женщины знало, что за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймашь и прогоняла Анни всеми силами от своих занятий, чтобы та уделяла должное время своим, любимым. И спорить было бесполезно. Они безбедно жили. Только последнее время количество заказов заметно уменьшилось, так как через две улицы один польский еврей открыл целое ателье, конкурирующее с работами тетушки. Анни не была пай девочкой. Через три месяца она собрала шайку сорванцов, и они камнями перебили все витрины данного ателье. Их не поймали, хотя хитрый еврей и догадывался, чьих это рук дело. Он все отремонтировал и ателье заработало в полную силу. Громить его окна повторно было уже слишком подозрительно и Анни смирилась с положением. Несколько раз деньгами опять помогал граф фон Махель. Но, в это время у него самого начались серьезные проблемы со своим сыном. Его несколько раз выгоняли из университета в Австрии. Он перевелся в Пешт. И оттуда его исключили через год за систематические хвосты практически по всем предметам. Граф перестал спать ночами. К сыну были приставлены соглядатаи, и им было поручено самым бесцеремонным образом препятствовать пьяным дебошам молодого аристократа. Разговоры и укоры уже не действовали и с возрастом, граф все больше лишался надежды его образумить. Частые штрафы полиции за сына становились нормой жизни. Он знал во всей Германии, Австрии и Венгерском королевстве все значные места, где в карты играли на деньги и все бордели. Но дело в том, что даже в борделях он не был желанным гостем. У него проявлялись садистские наклонности и это пугало бедных путан. Им уже не хотелось от него никаких денег.

Граф вначале относился к юной девушке подростку как добрый покровитель. Они и не так часто встречались. Круг общения был слишком разным. На день рождение, Рождество и праздники, он приносил в дом тетушки всегда два подарка. Для Анни и тетушки. Но, последние годы, когда у богатого немца граф выкупил ипподром и Анни первый раз пришла туда гостем, они стали видеться чаще и для графа, словно, целый мир перевернулся. Анни стала взрослой, умной, целеустремленной и расцвела таким красивым цветком, что, как всегда, бывает привычно человеку, в такую гармонию он не верит и начинает искать недостатки, а их не находит.

Красива, но глупа, груба. Нет. Ни глупа, ни груба. Юный, нежный, тонкий и хрупкий цветок, такой любознательный, такой живой, жизнерадостный, но и глубокий. Графу однажды в голову пришло точное, интуитивное отношение к этой девушке – «Бездонный колодец. В нем нет дна. Из него можно черпать бесконечно, но дна так никогда и не достанешь.» И тогда он не спал зачастую по ночам уже по другой причине. Ему требовалось общение с этой девушкой. И... в какой-то момент, он ожил снова сексуально, как тогда он жил рядом со своей любимой женой. В девушке его притягивало все, и тело, и душа. Но они были разных сословий и между ними была пропасть, хотя граф был уже к этому времени настолько умудрен жизненным опытом и знал уверенно, что всем знатнейшим барышням венгерского королевства далеко интеллектом и глубиной ощущения этого мира до молодой интеллигентной девушки. Только Анни его воспринимала лишь в одной роли – друга или покровителя. Если бы она хотя бы попыталась в корыстных целях использовать свою красоту и ум для изменения всей своей жизни, может все и стало бы по – другому. Граф сумел бы преодолеть эту стену установленных традиций вступать в брак только с людьми одного круга. Это увеличивало состояние, расширяло нужные связи, усиливало капиталы. Венгерское королевство практически не знало неравных браков. Даже по сравнению с Европой, а уж с Америкой и тем более, оно в этом отношении было самым консервативным и неповоротливым. Если бы только Анни захотела, граф нашел бы в себе силы и мужество для преодоления традиционного мнения аристократии. Анни это знала. Ей на ушко часто нашептывала такие идеи её лучшая подруга Хелен. И тетушка все чаще стала заводить про графа разговоры, про его отношение к её любимице. Ей она хотела только счастья. Мысли в голове девушки появлялись, особенно в самые затруднительные моменты жизни. Но, молодая кровь и юношеский максимализм не придавали такой большой серьезности данным вещам. Она вообще еще не видела себя рядом с мужчиной как женщина.

Глава 7

Стоя с книжками под мышкой возле окна в холле университета, Анни оживленно обращалась к Игн:

– Это очень важно. Помогите. Иначе меня выкинут из университета, я потеряю Бог знает сколько времени, да и нет никакой гарантии, что деньги потом найдутся.

Игн внимательно слушал, но пока молчал. Нужно было пропустить через себя всю информацию и найти нужный ответ. Анни перевела дух и продолжала. – Уговори своего отца или рискни сам.

Вот теперь он включился в разговор – Анни, так это же чистой воды афера! Ты что, да меня погонят с университета поганой метлой!

– Да... уговори отца. Это прекрасная идея подзаработать. Игн – это дело решит мою судьбу. Ну же, ты мужчина или кто?

– Да, Анни, мой отец давно с этим даже близко не сталкивался. Он к ипподрому на десять метров не подходит.

– Игн, а я знаю, что, когда-то он играл и по-крупному.

– Анни, так знаешь, что с тех проблем он еле выкрутился. Да, ты что, чуть мать на тот свет не отправил. Его нельзя пускать туда иначе... – и он отрицательно помахал головой.

– Игн, миленький. Надо попробовать. Понимаешь, все складывается. В прошлый раз Ангел пришел вторым. А сейчас как никогда он в лучшей форме. Да... – и она в ожесточении бросила книги на подоконник – да если бы мне только можно было, если бы можно! Женщины остаются не в удел. Вот почему только... не пойму! Ну, Игн, ну ты хоть попытайся поговорить с отцом. Договорись с ним, что пол суммы этих денег, при победе Ангела, он отдаст тебе, потому что это твоя идея. А ты внесешь за мое обучение, на мое имя оплату. Игн – ну это ничем не рискованнее нашего предыдущего мероприятия!

– Анни и оно прахом пошло! Всякое может быть. Ангел может споткнуться, он может заболеть, да Бог знает что может произойти!

Анни, разгоряченная эмоциями, смотрела впереди себя. Ничего не получается с Игном. Больше ей на это дело подбивать было некого. Так хотелось накричать на друга, но сердито взглянув на него подавила этот порыв, и, оторвавшись резко от подоконника, она стремительно стала удаляться. Игн подгрел все учебники с подоконника и бросился за ней вдогонку. Настиг.

– Ани, не думай обо мне плохо! Давай что-нибудь продадим, ну... я что-нибудь продам и отдам тебе денег! Я же все понимаю, каково тебе.

Она приостановилась, но взгляд её еще был обиженным. – Что? Давай не слова, а конкретику..., что можно продать, чтобы мне заплатить за полгода?

– Я даже готов что-то украсть из семьи, ради тебя. Дай время мне...

– Игн, дорогой, кража и то, что я придумала... – она нервно положила ладонь на лоб, словно подкрепляя свои слова действием и тут же опустила руку вниз – чем красть, давай постараемся победить, ангел – рысак, спортивен, молод, в нем столько силы! Я верю в него! А ты поверь мне и помоги.

– Хорошо. Ради тебя. Но если отец после этого съедет опять с катушек, ты будешь причиной разлада моей семьи. Вот только не знаю, как бы это все до матери не дошло! – он почесал себе лоб.

– Черт, Анни, это просто сумасшествие! Если Ангел не придет первым, то отец уйдет в запой, и я буду провокатором! Как матери в глаза смотреть?

Анни выдохнула и строго посмотрела ему в лицо.

– Игн. Ты еще не все знаешь, дорогой!

В её голосе было столько неподдельной строгости, что он даже за нервничал, весь напрягся.

– А что еще...? – тихо произнес, словно их подслушивали.

Она не решалась это выпустить из себя и опять глубокий выдох:

– Игн, Ангела к финишу буду вести я. И если пропадем, то мы все вместе. Я тоже рискую и больше вашего!

– Зачем ты? Да ты понимаешь! – он воскликнул, но она жестом приказала ему молчать.

– Тише, Анни, если кто-то, хоть краем уха – ты вылетишь из университета, только уже на долгие годы!

– Знаю, дорогой, знаю. Но мне нужна победа. Ангел и я, когда мы вместе – это единое целое.

– Да, видел.

– Так вот, а мне нужна верная победа. Только меня Ангел будет так слушать!

– Анни, так даже если ты победишь, но кто-то узнает, что ты была на скачках! Студентам же строго настрого запрещено! Как ты это сделаешь незамеченным?

– Маскарад Игн, опять маскарад.

– А что Марик? Как он?

– Марика уговорю, он тоже хочет победы Ангела, а в случае его победы, вся слава достанется ему!

– Так это в случае победы...

– Игн, нам нужна только победа! Он сильно ничем не рискует. Но опозориться в лучшем случае. Зато, если выиграет, и вдруг все откроется, никто его сильно спрашивать не будет. Мне самое главное, чтобы твой отец согласился.

– Анни, ты просто авантюристка, еще похлеще меня! Как с тобой весело то! – только это прозвучало укорительно. – Черт, я уже так хочу на тебе жениться! – попытался сбросить шуткой такое напряжение с себя эмоций Игн.

Анни лукаво усмехнулась, хлопнула ладошкой ему по руке:

– Что ты, я же в старые девы готовлюсь, зачем кого-то губить? Пусть все живут.

Игн поднял взгляд на дверь класса и в удивлении у него взметнулась бровь.

– А мы что опять идем на математику? С утра же планировалась химия...

Анни повернулась и отпрянула:

– Фу, ты... нет конечно химия – и быстро пошла в другую аудиторию.

Глава 8

Чета князя Войцеховского и баронесса фон Газейшарт купили автомобиль. Автомобиль был приобретен в мастерской Готлиба Даймлера и это был первый классический спортивный автомобиль 35-ти сильный Даймлер. Это было в 1901 году после смерти великого конструктора изобретателя. Стоил он неимоверно дорого. Так дорого, что даже сама баронесса, которую трудно уличить в бережливости не сразу решилась на эту покупку. Позже они узнали, что автомобиль был переименован в «Мерседес» и это был штучный товар. Но после того, как баронессе было доложено, что в Австрии и Германии представители её круга все чаще стали заменять свои экипажи, на эти изобретения, она рискнула. Артур водил автомобиль с удовольствием, хотя портило весь кайф то, что эта диковинка в венгерском королевстве привлекала собой так много любопытствующих, что очень трудно приходилось сохранять естественность и непринужденность, когда на тебя направлено сотни восхищенных и завидующих глаз. Да и не по всем улицам королевства ты мог ездить на этом транспорте. Особенно в районе «Обуда», самом древнем районе столицы на правом берегу Дуная улочки были узкие и кривые. Разогнаться хотя бы до 50 км было невозможно.

Артур в выходной отправился на ипподром самый первый раз, после их переезда в Венгерское королевство именно на этом автомобиле. Скачки он никогда не пропускал. Требовалось сказать, что в те времена это было одно из немногих значимых и крупномасштабных развлечений. Темп жизни не был настолько энергичным и депрессивные взгляды, особенно у женского пола в те времена были характерной особенностью жизни. Женщины, привязанные к дому большой семьей, частыми родами, маленькими детьми и большой смертностью младенцев, придавленные бытом однообразно повторяющихся дней подвергались ей в большей степени чем мужчины и вся серая будничная череда недель, складывающихся в месяцы, а затем в годы способствовали данному явлению. Разводы были не в чести. И самый первый развод, предпринятый самой женщиной в Париже, надо сказать был практически единственным случаем тех времен и считался таким же грандиозным событием, как скажем коронация короля. Женщина решилась развестись, не смирившись с изменами супруга! Это диковинно! Ее клеймили и ею восхищались!

И так. Ипподром. Скачки устраивались раз в месяц во все времена года, кроме зимы. И сюда стекалось не только больше мужского населения Будапешта, но и приезжали из Германии, Австрии, Чехии. Это сказочный мир, внутри которого время, как будто, останавливалось, но совершенно в другом смысле. Здесь было так много природы! Здесь проявлялись самые естественные качества данные человеку природой – азарт, безрассудство, ярость, доброта, любовь, терпимость. Бог его знает, почему! Царство прекрасных лошадей, может быть это их дух превозобладал над всеми другими, выливаясь в атмосферу сильными флюидами настоящей природной естественности, лишенной наносной церемонности, зависимости от людского мнения, устоев общества и традиций. Лошадь так естественна по своей природе. Она добра, любознательна, она всегда искренняя по отношению ко всему! Да, это царство лошадей! Их запаха, запаха сена, пота, дерева и кожи. А на трибунах другое царство, но также естественно по своей природе. Когда у тебя от накопивших чувств подкатывает ком к горлу, а слезы наворачиваются на глаза и сильно спирает грудная клетка от приливших эмоций, и ты все свое естество непроизвольно устремляешь туда, вперед, где происходит гонка, то не отдаешь себе отчет, как ты смотришься в данную минуту и как тебя воспринимают окружающие. Это ты начинаешь осознавать только на следующий день, но оправдываешь себя тем, что на трибунах такие были все и ты никого в тот момент не видел! Как будто от твоего крика, размахивания руками и нервного

топтанья ногами лошадь может побежать быстрее к финишу! Ты это понимаешь, но на трибунах становишься именно самым естественным в проявлении своих человеческих качеств!

На беговых же дорожках атмосфера такого напряжения! Что если чиркнуть спичкой в воздухе, произойдет взрыв! А у кабинок старта, из которых автоматически распахиваются легкие дверки и грудь лошади вздрагивая от бешеного рывка и вздоха огромного количества воздуха вырывается вперед, нервным лучше не находиться. Сердце не выдержит. Потому что сквозь стихший замерший храп лошадей, только лишь в эту, самую последнюю минуту, перед ударом колокола, ты четко слышишь удары своего сердца и гулкие тяжелые удары животного.

Так вот остановившиеся время с исторической точки зрения, просто проносятся во временном понятии как взмах ресницы или полет мысли! Максимальная концентрация, мобилизация всех своих нервных клеток и цель. Впереди только цель. Сила животного передается тебе, и ты впускаешь внутрь себя огромную волну чего-то необъятного и необъяснимого.

Ты не слышишь громкий гул трибун, ты не видишь в этот момент ничего что происходит вокруг. Ты видишь впереди разлетающуюся от ветра гриву коня, слышишь его четкое, тяжелое, ровно – быстрое дыхание, теплоту и жажду.

Хлыстом во время забега можно пользоваться не более семи раз. И ты отработал до автоматизма у себя эту мысль, не ударить, подождать, перед финишем. Ты ловишь вибрации лошади, её дыхание, ты чувствуешь запас её сил всем своим телом. Ты, сидя верхом становишься единым целым со своим животным. Вы проникаете друг в друга. Лошадь ловит каждый твой порыв, ты пропускаешь через себя её вдох и выдох, вдох и выдох и тонко чувствуешь, когда она увеличивает отдачу сил, а когда она на пределе их!

На конюшнях всегда много кошек. Они избавляют лошадей от надоедливых грызунов. К кошкам относятся с уважением. Их ценность и полезность неоспоримы. Собаки очень дружелюбны. Уход за лошадыю, её учение, выгул в леваде, постоянные тренировки – тяжелейший и самый однообразный труд. И если ты не наполнен любовью и добром, ты здесь не сможешь.

Ставки делались перед каждым заездом в административном двухэтажном здании, которое находилось ближе к ограде ипподрома. Конюшни же располагались ближе к самому ипподрому, беговым дорожкам. В эти дни, дни скачек, возле них и на всей территории ипподрома наводилась более тщательная чистота. Конюхи вставали в четыре часа утра, и все убрали, чистили, выносили, мыли. Над центральной ложей самих зрительских трибун, располагался главный судья. У судьи были помощники на поле. Прямо в зале, где принимались ставки, раздавались программки состязаний.

Следует ли говорить сейчас о том, что Анни провела бессонную ночь. Еще с вечера она поздно ушла, оставив Ангела в деннике на попечительство конюха. Марик на все согласился, довольно быстро. Это даже больше было интуитивное решение. Он никогда не ревновал Ангела к Анни, но ему так хотелось хоть раз стать победителем. Ангел был уже четырехлеткой. С каждым годом шансы коня на победу уменьшались. Никому было не понятно, почему Ангел выбрал своей хозяйкой Анни, но это было признано всеми. Доверие животного человеку было идеальным. Наверное, если бы Анни подошла спереди к Ангелу с огромным ножом, у него ни один нерв не дрогнул бы. Значит так надо. И она, она единственная могла заставить животное делать все что она требовала без единого удара хлыста. Только лаской и добрым словом. Никто не знал, что означает Анни движение, когда она становилась впереди Ангела, расставляла руки в стороны, двигая пальцами ладошек, и слегка поворачивая голову в сторону лошади, издавала тихие звуки голосом, и причмокивая языком. И если Ангел до этого не хотел идти куда-то и сопротивлялся, то это движение – и он молча сдвигался с места, идя за ней, без сбруи.

Ее спрашивали, что сие движение означает? Она пожимала плечами. Она была честна. Она не знала. Это все происходило порывом, где-то на генном уровне, интуитивно.

И вот. Она у старта. Ангел спокоен. Его спокойствие не нарушается даже громким храпом близ стоящих в соседних кабинках животных. Их трепет и нервную дрожь он не ощущает. Его наездница легка как перышко. И ему надо проявить всю свою силу, резвость и выносливость.

Но Анни чувствует себя иначе. От нервного напряжения лоб покрылся испариной и из-под шлема стекает по вискам, расплываясь вверху на очках, впившихся резиной ей в лицо, и сползает по щекам. Ладонки в перчатках стали влажные и Ангел чувствовал быстрые, быстрые удары сердца хозяйки! Грудь часто вздымается и опускается, и она борется со своим страхом. Страхом не победы. Страхом преждевременного фальстарта. Страхом непредвиденных ситуаций. Она первый раз участвует в соревнованиях.

Старт. Ангел глубоко втянул воздух и Анни прищипнула его ногами. Дверцы отскочили, и они ворвались в пустоту, наполненную свободой и драйвом! Лошади бегут только рысью. Галопом нельзя – их дисквалифицируют. Ангел – опытная лошадь. Наездница всем своим корпусом навалилась на стремяна и пружинисто подавшись вперед в седле зависла в воздухе, держась силой ног. Ангел разрезал воздух. Громко храпел. Анни чувствовала. Он не пощадит себя. Ему нужно обогнать всех! Ветер свистел мимо ушей, а она, непроизвольно открыв рот, только сцепила зубы. Коричневая трасса под копытами Ангела стала одним коричневым полотном. Хлыст висел на запястье, но... она его не возьмет в руку. Они с Ангелом единое целое, и она не проявит своего превосходства над животным.

Сквозь зубы она громко повторяла все время и все время одно и то же – Быстрее, родной, давай, давай, ты самый лучший, ты самый лучший, тебе нет равных! Свобода, родной! – и Ангел улавливал каждую вибрацию её тела. Когда рядом появилась морда скачущей лошади, фаворита всех соревнований Браса, Анни поняла, что в эту минуту решиться все и кровь прильнула к лицу, в голове от повышенного давления стали раздаваться шумы. Виски закололо болью. Прильнув еще больше к голове Ангела, она умоляюще воскликнула – Родненький мой, вынеси, спаси, спаси от позора, вдарь!

И Ангел рванул. Его тело натянулось как струна. Анни понимала, это опасно. Он на пределе. На шее стали появляться редкие хлопья мыла. Ее тело сковало в одном едином порыве. Сила и мощь лошадиных мышц устремились только вперед, наперекор ветру. Работа жилистых мышц превратилась в сталь, твердую и напористую. Воздух словно разрезался. Такое напряжение! И одновременно необъяснимый радостный восторг от бешеной скорости и... Рядом раздался самый замечательный, самый ожидаемый и желанный звон колокола. А рядом никого... Только вот – вот сзади, стали слышны задыхающийся храп приближающихся других скакунов. Брас остался верен себе – он великолепен, но сегодня лишь второй. Они победили! Они победили! Анни дико закричала, забывшись, но тут же оторопела сама же от своего поведения. Она упала на шею Ангела без сил, как будто это она держала дистанцию. На табло появились цифры – 2,3 мин. Это победа! Приблизившиеся жокеи на лошадях смотрели только на неё, на Ангела, в изумлении, кто-то не контролировал своих опущенных уголков губ. Она читала это по губам. Все были в очках, глаз не видно.

Анни благодарственно потрепала Ангела за гриву. Успех, успех. И тут шальная мысль ворвалась в голову. – Нам нельзя расслабиться!

Никто этого не ожидал. Она резко дернула поводья в право и Ангел прорвался сквозь толпу набежавших тренеров и конюхов, встал на дыбы, перескочил через ограду и галопом стал удаляться с ипподрома в сторону конюшен. Ей замахали сзади флажком, кто-то руками, все перевернулись на лошадях в их сторону и застыли в недоумении.

Там никого не было. Марик выскочил из боковой двери и схватил лошадь за уздечку. Анни соскочила. Прижалась к морде своего любимого питомца. – Орловский рысак! Не посрамил! – ласково прошептала она. – Люблю, люблю, но сейчас извини меня. Я потом вернусь. Прости... и Марику – Все самое вкусное сегодня ангелу! – и хотела выбежать в боковые ворота,

но с той стороны послышался четкий гул людей, а она в костюме жокея. Она бросилась к противоположным воротам и там шум.

Марик нервно дернул её за плечо:

– Наверх, через крышу, вон туда, там не опасно – и толкнул к выходу через чердачную дверь на крышу конюшен. Взобравшись на крышу, она медленно и осторожно пробиралась в сторону запасного входа ипподрома, туда, где выводят лошадей на прогулку в леваду. И дойдя тихо до края крыши прислушалась. Во дворе между собой о чем-то разговаривало несколько человек. Она легла на живот и стала ждать, когда они уйдут. Сняла очки, шлем, перчатки. Все там же и бросила. – А заберу как-нибудь на днях. – Скинула красную куртку. Но самое интересное. Соревнования закончились и народу становилось все больше. Анни на корточках поползла к противоположному концу крыши. За конюшнями. Тихо. Спрыгнула на землю и побежала к леваде. Но, оказавшись в пространстве между двумя строениями: конюшнями и двухэтажным административным зданием чуть не нарвалась на еще одну группу людей. Они приближались. Так растерялась. Если бы она не была все еще в наряде жокея, то ничего опасного и не было бы. На административном здании повисла, вмонтированная в стену железная пожарная лестница. Она бросилась к ней. Уцепилась и стала взбираться. Запрыгнула снова на крышу. Только вот крыша уже была другой формы. Покатая, треугольная. Медленно, неслышно она стала взбираться вверх по ней, чтобы перейти на другую сторону. Так осторожно, выжидая время после каждого шага наверх и боясь поскользнуться, она Бог знает сколько подымалась!? Вот самый верх, и другая сторона крыши, теперь надо медленно спуститься. Она присела – чутко вслушалась. Внизу раздавались какие-то слабые шорохи, но одного человека. Ну и Бог с этим. Она убежит, пока он разберется что к чему. И она осторожно, осторожно стала спускаться. Вот уже середина крыши, еще чуть-чуть, но нога в сапогах со шпорами поехала, скользко. Держаться не за что. Судорожно пытаюсь схватиться за воздух, Анни, увлекаемая инерцией, побежала вниз. Край приближался, она непроизвольно закричала и ошалела от надвигающегося ужаса. Край... и она оттолкнулась как можно сильнее – прыгнула вниз! А внизу стоял «Даймлер» князя Войцеховского, и он уже даже занес ногу, чтобы в него сесть. Машина, ажно, подпрыгнула от свалившегося в неё сверху груза. Тяжелый шлепок и Анни захохала как маленькая девочка, из глаз брызнули слезы. Она плюхнулась на заднее сиденье и повалилась с него вниз, оказалась на полу автомобиля. Ей не судьба просто было остаться калекой и это был, видимо, один шанс из тысячи! Ведь она могла свалиться и на руль, и на капот автомобиля! Но все равно было так больно!

Войцеховский застыл. Очки в его руке, приготовленные для того, чтобы их одели, так и остались неподвижно в одной точке траектории.

Анни сидела и жалостливо скулила. Ушибы были сильные. Она так испугалась, что мысль ужасного падения вытеснила на мгновение все остальные.

Наконец Войцеховский сориентировался в данной ситуации и быстро открыл заднюю дверцу своего «Даймлера» чтобы оказать помощь, если получится.

Он рывком поднял девушку за плечи и посадил на сидение. Сейчас он уже без труда узнал знакомое лицо. Но еще так ничего и не сказав, стал объектом мольбы:

– Ой, мы не могли бы поехать, пожалуйста, нужно уехать отсюда, скорее, скорее!

Соображал он быстро и действовал так же. Через минуту, машина уже пыхнула черным дымком и взвыла газом. Они удалились. И только отъехав от ипподрома на приличное расстояние, он наконец, остановил автомобиль, и с большим выражением любопытства обернулся к девушке.

– Однако... – ехидно произнес он. Видно, было по выражению глаз, что из него просто рвутся наружу какие-то слова, но и пока больше ничего не нашелся сказать. Как-то так.

Побитым собачонкой, Анни съжившись вся от болезненных ушибов, подняла на него глаза исподлобья. Его взгляд изучал её красное лицо и такого же цвета рубашку наездника. Он рассмотрел, что она опять в мужских штанах и произнес:

– И вы снова в мужской одежде... – помолчал. Хмыкнул сам себе. – Ну, может вам так удобнее миро ощущать себя!?

Анни попробовала шевелиться. Получилось и стала пытаться открыть двери. Он остановил.

– Ну, подождите! Вы же знаете, я вам не причиню ничего плохого, может, даже помогу. Вы сильно ушиблись? Что болит?

– Все хорошо. Это просто везение какое-то! – пожалла плечом Анни. Даже не верилось. Крыша и бац! Она в каком-то странном экипаже, а на неё смотрят черные глаза учителя математики! Все это саму её стало забавлять.

Артур уже скривил губы в своей привычной ехидной усмешке:

– Ну да, мало сказано... А позвольте полюбопытствовать, а что в этот раз вы делали на крыше?

Анни думала, что ответить, соврать или сказать правду, но до него все самого стало доходить. Он сам же себе и ответил и от этого внутреннего ответа удивление все больше стало преобладать на его лице:

– А... так это вы участвовали в скачках. ...Да, да! Победил же скакун Ангел! И вы одеты жокеем. А... А! Это ваша новая авантюра! Женщинам же нельзя! – в глазах у него загорелся огонь неподдельного восхищения! – Я восхищен! Я восхищен! – стал восклицать он. У него был первый порыв схватить Анни за руку и крепко пожать, но передумал. Неожиданно задумался и опять громко спросил:

– Дорогая моя студентка, а что подвигло вас на такой подвиг в этот раз!? Ведь все лавры славы достались не вам?

Анни вздохнула. Решила сказать правду. Князь располагал к себе доверием.

– Ангел должен был выиграть. Мне нечем платить за университет. На него поставили мои знакомые. Мы выиграли. Последний год учебы. Я не хочу его терять, а мы с тетушкой в затруднительном положении. Мне только на учебу. А потом я пойду работать и нам уже будет хорошо!

Глаза князя перестали улыбаться. Внимательно, внимательно он посмотрел ей в глаза.

Повисла затянувшаяся пауза молчания, он отвернулся, положил руки на руль. Но потом она услышала его веселый голос, он сделал предложение:

– Анни, но вы же победили. ...Вы победили не в женском деле! Вы не осознаете, что произошло! Это надо отметить, это обязательно надо отметить! Иначе ни как!

Он опять обернулся к ней, окинул взглядом её одежду:

– Мы сейчас быстро, быстро заедем в хороший магазин – купим вам женскую одежду, обязательно шампанского – ведь вы победитель и я вам что-то покажу.

Анни так смутилась! Он все понял.

– Не думайте ни о чем. Прочь условности. Вы расскажете мне про своего рысака, Орловский рысак, кто бы мог подумать! И... я клянусь, что не причиню вам никакого неудобства!

Они поехали по направлению в город. Периодически он загадочно бросал на неё взгляды с боку. Один раз он даже сказал, широко улыбнувшись – Вам надо поскорее выйти замуж и нарожать детишек, чтобы времени больше ни на что не оставалось. Так вы когда-нибудь плохо кончите. Все это опасно. Но... клянусь Богом, я даже не знаю, что лучше завидовать вашему будущему супругу или сочувствовать! Но то, что он с вами не соскучится – это точно! Такая полная неожиданностями жизнь у вас будет! – он констатировал четко и уверенно.

Автомобили в то время не развивали большую скорость и сильно шумели. Пыль с дороги невидимым слоем осаживалась на все вокруг. На человека, сиденья, капот, стекло, руль.

И как уже однажды, сидя сзади Артура, Анни стала ловить себя на ощущении, что рядом с ней её отец. Она всего этого не понимала, и очень хотела бы понять, что происходит? Князь не был внешне похож на отца. И ничем его не напоминал. Откуда возникает это чувство родственной связи? Эмоции спокойствия, гармонии, тихой радости – как в детстве?

Артур купил ей платье, но она его еще не видела. Он небрежно положил ей сверток на колени, а рядом с собой поставил корзину с шампанским, фруктами, конфетами. Они отъехали далеко от города. Она в радостном ожидании приятного времяпрепровождения, осматривала вокруг местность. Они ехали по равнине. Наконец-то пыль не стала подниматься густым дымом рядом с автомобилем. Тихо и свежо здесь было. Жара спала к вечеру.

Они подъехали к охотничьему домику, прямо на равнине. Домик был не большой, но такой сказочный, веселый среди утопающей зелени.

– Это мое любимое место – сказал князь. – Я купил его недавно. Здесь лучше думается, мысли приходят в порядок и глубоко ощущается покой.

На первом этаже находился камин. Небольшой деревянный столик, стулья, длинная скамья и лестница ведущая наверх. Что было наверху, она так и не увидела.

Ее привлекли шахматы, из кости, резные, очень красивые и дорогие. Она видела такие в магазинчиках и помнила сколько они стоили. Но фигурки на них стояли не рядами. В шахматы уже играли и сеанс игры был не закончен.

Внося корзину с угощением, князь поставил её на стол. Показал рукой на доску с шахматами. – Леди, вы умеете играть?

Анни отрицательно покачала головой.

– Давай научу. – предложил он.

Она опять покачала головой:

– Я, думаю, сразу научиться будет трудно, надо практиковаться, а мне не с кем...

Он остановился прямо перед ней и пристально посмотрел в глаза. Она от этого пристального взгляда даже покраснела.

– Ну... вдруг ты окажешься очень талантливой ученицей? А мне пока тоже не с кем играть. Вот и составишь компанию.

– Ну, хорошо, давайте будем пробовать.

Они сели за стол.

– В скачках азарт, скорость, – проговорил он. А здесь тоже азарт, а скорость приходит не сразу, но тоже нужна. Вначале просто запоминаешь какая фигура как ходит, а потом уже работа ума... Ты должна предугадать ход противника и нанести ему удар. И самое главное – можно потерять много фигур, но остаться победителем, а можно потерять одну, но принять поражение. Фигуры совершенно индивидуальны в своей значимости и возможностях. Король – не самая могущественная фигура.

Анни с самым наивным выражением лица, рассматривала фигуры. Князь следил за её реакцией и его она забавляла.

– А какая самая важная?

– Ферзь. Самая подвижная фигура. Может ходить по вертикали и горизонтали, а также по диагонали. Черный ферзь, по черной диагонали, белый по белой. Он самый опасный.

– А это. – И Анни подняла фигуру коня. – Это конь?

– Да, он ходит буквой «Г».

Анни хмыкнула. Трудно сразу запомнить возможности каждой фигуры. Князь понял её положение:

– Вы не пугайтесь. Никто не запоминает это с первого раза. Надо начать играть и память сама будет выхватывать самые важные моменты. И... я хотел вас попросить рассказать о своей лошади. Вы выделялись среди остальных на трассе, но мне и в голову не могла прийти мысль, что это женщина. Вы ни разу не ударили своего друга хлыстом и..., а...он пришел первым. Я

не так стар, но где бы я не был, а ипподромы я посещаю регулярно, я такого не видел! Что за чудо и в чем секрет?

– Этот вопрос мне задают все, и я не могу на него ответить.

– Это тайна между вами и конем?

– Совсем нет. Я не знаю ответа. Когда я первый раз появилась на ипподроме, он был в леваде еще жеребенком, только взятым от матери. Я посмотрела на него и ...

– Что?

– Трудно выразить эмоции – я поняла, что ради него я буду ходить сюда каждый день. Я стояла зачарованная... Он Орловский рысак, купленный в России, в нем столько было красоты и верности. Понимаете, верность не чувствуется, она только проверяется, а я помню и уже на всегда, какая первая мысль пришла мне в голову – он верный! Ну, вот и все... и больше ничего особенного, просто мы выбрали друг друга и полюбили. Он первый подошел ко мне и стал губами ощупывать лицо, руки, плечи. Он для меня друг, как среди людей дружба. А как можно ударить хлыстом своего друга?

Князь слушал её слова и сам не отдавал себе отчет, что стало происходить у него в душе. От восторженного изумления даже приоткрылся рот, и лицо стало так по-детски добродушно.

– А вы на кого поставили? – спросила девушка.

– А, я люблю ставить на аутсайдеров. Я люблю рисковать. Зато и выигрыш потом забираешь самый большой!

Они помолчали. И Анни вскоре добавила:

– А вот я хочу поинтересоваться. Вы же женаты, а почему супруга баронесса, а вы князь? Так же не бывает в семейных парах!

Артур наклонил ниже голову и отрицательно закачал головой, словно что-то хотел с себя сбросить.

– А вот мне тоже всегда задают этот вопрос, и я его не люблю. Это второй брак баронессы. Она просто не захотела менять ни титула, ни своей родовой фамилии. И я не пожелал. Знаете, мы путешествовали с ней в Северную Америку. Там все другое. Там другой дух, уклад жизни и уже другая психология, отличная от европейской. Так там все меньше придают этому значения. И самое интересное, мне это больше нравится. Талантливые, совершенно не родовитые люди, благодаря своему труду и стремлению становятся монополистами, открывают свой бизнес и делают его успешным.

– Мне это тоже по душе, но я не была в Америке.

– Если у вас есть явные таланты и большие амбиции, я бы вам советовал туда уехать. Но... есть только одно, но... надо перестать себя жалеть, потому что придется работать почти круглосуточно. Здесь... нет такого темпа.

– Не знаю. Мои знакомые говорят, что на наших металлургических заводах с тебя выжимают все твои силы. Но ты так и не можешь начать хорошо жить.

Князь прищурился и посмотрел на неё таким взглядом, как будто первый раз увидел – Это верно. Но у станков же работают совершенно рядовые люди, не обладающие какими-либо выдающимися способностями.

– А у них нету времени ни на что. Рано утром становясь к станку, ты вечером от него отойдешь, просто сваливаясь с ног. И одна только цель в голове – скорее бы до подушки. Какие тебя могут посещать идеи и вдохновения, когда больше ни на что сил не хватает...

Князь глубоко вздохнул. По лицу пробежала легкая грусть и уныние. – Вы старайтесь сильно не делиться таким своим мнением ни с кем. Я встречался с такими случаями, когда полиция подбрасывала к таким вольнодумцам краденные вещи и на них заводили уголовные дела. Люди пропадали в тюрьмах.

Анни с растерянной улыбкой вдруг засобиралась. Артур ни ожидал, взгляд наполнился разочарованием:

– Я вас чем-то задел?

– Нет, нет.

– Если мы затронули болезненную для вас тему, давайте все изменим. Мы же даже не выпили шампанского.?!

– А вы подарите мне его.

– Да, пожалуйста, но... что же случилось? – он встал, взял корзинку. Растерянно взмахнул рукой и ударил себя сбоку.

– Вам не понять, вы совершенно из другого мира. В этом нет вашей вины. Просто вам повезло в жизни. А у меня много очень умных и способных молодых друзей, которые просто не имеют возможности пойти получить образование. А я, ...вы же увидели, на что приходится идти мне, чтобы заплатить за последний курс?

Князь даже с облегчением вздохнул:

– А... вас это все-таки задело. Я прошу прощение и клянусь, что больше никогда не затрону этой темы. Я просто ...я на вашей стороне, но я больше видел, вы же еще настолько молоды, не хотелось бы чтобы такая красота и ваша наивная, добрая душа пропали, как другие. А что касается моей личности – я не распространяюсь о ней и своей жизни, только прошу поверить мне на слово, что я не просто везунчик, которому родители оставили титул и состояние. Я заплатил за него всем что мне дорого.

Анни поднялась:

– Я все поняла, т.е. не поняла, но... только мне не комфортно. И причина в другом. Я бросила сегодня своего друга. Он не пожалел сегодня своих сил и здоровья, он победил, а я его бросила, не успев проститься как следует. Мне не ловко перед вами, но я так хочу опять на ипподром, к Ангелу. Я бы переделалась, а... а... вы не хотели бы со мной его навестить?

– Это замечательно. Переодевайтесь.

– Анни весело рассмеялась. Только извините, я буду в платье, но босиком. У меня сапоги со шпорами, вдруг кто-то увидит!

Артур шлепнул себя по лбу.

– Да, да, да. Я и не подумал... мы туфли не купили.

Анни всю ночь металась на подушке. Это была вторая бессонная ночь. Они побыли у Ангела. И простились. Больше не будет такого приятного времяпрепровождения. Но... её это пугало. А то, что к ней подкрадывался этот страх, её удивляло. Смятение чувств, в которых она все еще не могла разобраться гнетом легло ей на плечи и от этого не избавиться. На какой бы бок она не повернулась, как бы не старалась отогнать от себя впечатления сегодняшнего дня, как бы ни призывала сон, все повторяющиеся как круговорот на киноленте события сегодняшнего дня крутились в голове. И она не могла поверить в то, что сами скачки, которые состоялись в этом же прошедшем дне, ушли на второй план и вытиснились её общением с Артуром Войцеховским. От избытка мыслей и огромной усталости, она не могла ничего анализировать. Перед её глазами просто происходил круговорот с его участием. Его бездонные, темные, жгучие глаза, улыбающиеся губы, уверенная стать – взяли в тиски, и не выпускали. Она осознавала, что эти новые эмоции ей не угодны, они мешают ей рассуждать о медицине, они её подчиняют себе, лишая воли и устанавливая свой контроль. А как же от этого можно избавиться?! Где освобождение? Она не знала.

Проснувшись утром, она знала, что пойдет на практические занятия – резать лягушек в лаборатории. Но первая аудитория, попавшаяся ей на глаза, была аудитория математики. И ноги сами понесли её туда. Открыв дверь – она замешкалась. Стала мобилизовать свои силы, чтобы не идти на поводу эмоций. Молча постояла и бросилась прочь. В лабораторию она ворвалась так, словно за ней гнались и увидела десятки удивленных взглядов, направленных на неё.

Грузно опустившись за стол, она еще тяжело дышала. К ней первым подошел Игн, в засученных рукавах и руки были мокрыми. – Что-то ты девица, опаздываешь сегодня? За тобой гнались, или бежала из-за опоздания?

Анни отрицательно помотала головой и тут же утвердительно закивала. Сумасбродство какое-то – подумала она.

А Игн продолжал:

– Мать ... Мать всех лошадей. Я тебя поздравляю. А еще поздравляю вот с чем – и он протянул ей большое портмоне.

Анни взяла его и заглянула внутрь, там лежало много денег. Брови в изумлении взметнулись вверх. – Это же надо было отнести в кассу. Ну...ладно, я сама отнесу – и резко поднялась. Игн спешно преградил дорогу.

– Нет, нет, постой. Это твои и делай с ними что хочешь.

– Как? А откуда?

– Так я и сам ничего не понял. Отец утром пошел в банк, заплатить за твою учебу, а ему вернули деньги и сказали, что до конца всего курса твое учение оплачено. А кем говорить не велено. Так что это твоя законная часть. Отец спрашивает, на кого ему ставить в следующий раз?

Анни была обескуражена. Пожала плечами, задумалась.

– Может это граф? Да, это, вероятно, граф. Тетушка пожаловалась. Ай... я же просила... ну, да ладно... Надо хоть поблагодарить сходить.

Игн добавил:

– Давай, иди одевай фартук, лягушки скоро скинут.

ГЛАВА 9

Навестить графа фон Махеля она решила вместе с Хелен. Дом Отто фон Махеля был большим и строгим. Можно сказать, сам он им совсем не занимался. Вся его энергия в настоящее время уходила в руководство небольшим металлургическим заводом под Пештом, в которые граф вкладывал свои инвестиции и ему безгранично принадлежала судьба завода. Это было отечественное производство, потому что в Венгерском королевстве капиталы большей частью были иностранные. Нелегко приходилось выживать в суровой реальности бизнеса. И в создавшихся социально-политических противоречиях, связанных большей частью своей с национальными проблемами. В Венгерском королевстве существовали вместе более сотни национальностей и народностей. У них были различные традиции, устои, ценности, традиции и разный менталитет. Трудности прибавлялись и от того, что недовольство рабочих своим унижительным положением усиливалось. Забастовки вспыхивали повсеместно. Рабочие требовали признания своих человеческих прав на свободу, вероисповедание. Получение образования. Свободу передвижения и повышения оплаты труда. Фон Махель не был деспотом и тираном, более того, это был самый лояльно настроенный руководитель, каких только знала история. Беда в том, что все свое основное внимание и все свои силы он отдавал продвижению научного прогресса и решению проблем со своим сыном. А в сутках всего 24 часа и ничего Бог не дал другого. Он человек и быть идеальным во всем, все везде видеть, слышать и знать он не мог. Когда управляющие его завода накладывали на работников повсеместно штрафы, тем самым уменьшая заработную плату, а рабочие коллективно писали письма прошения на имя директора, до него эти письма не доходили. Они и терялись в море другой корреспонденции, какие-то просто выбрасывались в мусор, а какие-то если и попадались ему на глаза среди огромного потока другой, более значимой для него корреспонденции, то он изучал в первую очередь письма с банка, письма новаторов революционных идей в технологии станкостроения, проката труб. И большую часть времени его найти можно было в конструкторском бюро при заводе, на бирже или в полиции. Что же касается его собственного дома, то слуги, так же, как и у баронессы фон Газейшарт, чувствовали себя вольготно и свободно. Граф с юных лет дер-

жал обслуживающий персонал, набранный еще после свадьбы его любимой женой, они с ним состарились, некоторые в его доме и умирали от старости или болезни и это был естественный ход событий. Графу и в голову никогда не приходила мысль контролировать порядок у себя в доме, он в нем только жил и считался его владельцем. Каждая служанка в доме была по давности лет всегда родной и хорошо знакомой. А они никогда не слышали упреков, выговоров, претензий. И они любили своего хозяина. Для таких работников, борьба, которая зачастую вспыхивала внутри Венгерского королевства, была чем-то далеким, удивительным и не понятным. Они не желали менять свой тихий, устоявшийся мирок. Этот мир переворачивался с ног на голову редко и быстротечно. Это, когда родной отпрыск хозяина появлялся на пороге отцовского дома и по большей части не в трезвом состоянии. Все с пониманием набирались по больше терпения и ждали тот момент, когда экипаж столь нервного и высокомерного человеческого создания удалиться за ворота их имения. Они даже считали, больше, чем хозяйский сын, этот дом родным и дорогим.

Анни с Хелен не повезло. В этот вечер отпрыск графа был дома и успокаивал нервы после короткой стычки с родным отцом. Он сидел за огромным столом, накрытым толстым зеленым сукном и тупо смотрел на маятник сувенира, сделанного из серебра, стоявший в центре стола. Мысли пытались решить проблему отсутствия денег. Но только сплошной хаос и этот движущийся маятник из стороны в сторону присутствовали в сознание. Ни одной здоровой мысли нельзя было найти даже в потаенных закоулках головного мозга.

Слуг в доме было вообще мало. Камеристка доложила о визите Анны Милешевской и Хелен фон Хевеши.

Девушки вошли в просторную комнату и наткнулись на раздраженный чем-то взгляд молодого человека. Злобные бусинки впились в гостей и забегали, нервно изучая их. Анни ему была знакома. Он её ненавидел, впрочем, как и многих молодых красивых девушек, которые не испытывали трепета в его присутствии.

Резким движением он вскочил со стула и порывисто пошел к ним навстречу. Анни даже первым порывом было развернуться и убежать. Но это выглядело бы неучтиво.

– А, моя знакомая побирушка – громко произнес он и жестко взял Анни за запястье, поднес к своим губам, имитируя подобие поцелуя. Но губами он так и не коснулся.

– Ваше сиятельство, вы, как всегда, в депрессии – промолвила девушка серьезно – Не светит для вас солнце и птицы не поют. И нет душевных сил и фантазии не хватает вспомнить хоть одно доброе слово. – отпарировала.

Его маленькие глазки прищурились, и он нервно отпихнул её запястье от себя. Взгляд плавно поплыл на Хелен. Ее он не знал. Та от всего слышанного слегка растерялась, но потом спешно присела в легком реверансе и представилась.

Он отрапортовал свое имя. Частичка «фон» четко сказала ему, что эта дама высшего сословия. В отношении её он поостерегся отпускать пошлые выражения. Даже учтиво улыбнулся. И опять впился своими глазками в лицо Анни.

– Да, успокойтесь, Милешевская. Мой батюшка сейчас компенсирует вам недостаток добрых слов, если вы в них нуждаетесь. А меня увольте, чтобы я еще перед всяким отребьем расшаркивался.

У Анни был порыв возразить ему:

– Я не простолоудинка, – но она тут же передумала. Это совершенно бесполезно.

Граф спешно вышел к ним из соседнего кабинета и тут же жестом предложил сесть на тахту из бархатного сукна на кривых ножках. Вскоре был подан чай и печенье.

– Анни, я очень рад вашему визиту. Сам все хотел вас навестить, но, у меня сейчас возникло столько проблем и новых непредвиденных обстоятельств! Не смог. Все держу это в голове, но не успеваю.

Граф был шатен, с пышной шевелюрой, уже седеющих у висков волос. Но лицо умного, пронзительного, добродушного человека. Среднего роста, но в отличной форме. Он всегда очень нравился Хелен. Ее отец был в приятельских отношениях с графом. Речь у графа была быстрая, спешная, но и четкая. Анни сразу стала его благодарить за материальную помощь, чем вызвала у хозяина дома смущение и даже удивление. Он развел руками и произнес с недоумением:

– Мне стыдно, я действительно сейчас пребываю в повышенном темпе жизни и упускаю, что моя дорогая подопечная учиться и учиться успешно – он вздохнул и отвернулся – тихо добавив – Чего, не могу сказать про своего родного сына –, повернулся, – но я не оказывал никакой помощи, Анни.

Анни не поняла ответа. Стала бегло перебирать все произошедшие события за последнее время. А граф поспешил поинтересоваться:

– Дорогая моя, мы когда-то с тобой уже разговаривали на эту тему. Если у тебя возникают затруднения, ты сразу приходишь ко мне. Анни, ты нуждаешься сейчас в чем-либо?

Анни отрицательно покачала головой:

– Нет, граф. Пока нет.

Сын графа давно исчез из поля зрения и совсем из комнаты, что разрядило атмосферу. Граф с утра уже был расстроен очередным инцидентом со своим взрослым сыном. Но визит девушек был для него как бальзам на рану. Анни сама почти никогда не приходила. Граф сам навещал её у тетушки дома или заставлял на ипподроме.

– Что в твоей молодой жизни нового?

Анни всплеснула радостно руками:

– Ваше сиятельство, ну вы же знаете, для меня такая радость. Ангел пришел первым на скачках в воскресенье!

– Да? – это была новость. Граф сам не играл. Ипподром принадлежал ему, но в его дела на данный момент он не вникал.

– Анни. Это превосходно, это чудесно! Я знаю, как вам дорога эта лошадь! Я, признаться, не знал об этом. У меня сейчас на заводе столько перемен!

Он стал с чашечкой чая ходить из стороны в сторону.

– Это приятная новость, среди всех других. А вы, – он остановился напротив неё. – Вы и эта чудесная леди, вы дружите вместе?

– Да и учимся.

– Как дела в университете? Может выписать из Австрии для вас новых книг каких? Ты дай список и это решиться в течении трех дней!

– Да, это нужно было бы. Я напишу, ваше сиятельство. А что у вас за изменения, вы слегка обеспокоены. Это заметно.

– Да, милая моя. Я вот готовлюсь к аукциону. Через два дня состоится. Будет продаваться завод по машиностроению в Кечкемете. Я хочу купить и давно собирался сделать это, все бумаги готовы, но у меня неожиданно возник конкурент, князь Войцеховский. Я и не предполагал, что этот упадочный завод кого-то еще заинтересует. А теперь драка за него сильно поднимет на него цены. Я не ожидал таких обстоятельств. Но... леди эта тема не увлекательна ничем. Давай о тебе. И... Анни, а о какой помощи ты упомянула?

– Ну... кто-то оплатил мою учебу в университете до конца. Я тоже не ожидала. Я думала это вы, Граф.

Он немного помолчал. Все это озадачивало.

– Нет. Нет. И мне стыдно за мою невнимательность.

Лекции по математике Анни больше не посещала. И наивно полагала, что освободилась от наваждения «Князь Войцеховский». Жизнь вернулась в свою колею. Она избавилась от страха быть отчисленной из университета за неуплату, но покой не приходил. Она иногда изда-

лека в коридоре учебного заведения видела фигуру князя Артура и легкий трепет охватывал все её члены тела. Хелен же пропадом пропадала каждый день на лекциях по математике и потом по вечерам зудела Анни, какой он красивый, какой мужественный и какой умный. И все, все в одном человеке!

Анни как-то спросила её:

– А как ты думаешь сдавать химию и биологию, ты так увлеклась математикой! Помниться ..., ты лекарем стать собиралась?

Хелен легкомысленно подняла глаза вверх и съехидничала:

– Ах, ах, я замуж в первую очередь удачно выйти собираюсь. И потом... ты же не знаешь, что председателем комиссии на экзамене по химии будет князь Войцеховский.

Анни впала в ступор:

– С чего это?

– Анни, ну ты как всегда... умная, но не осведомленная. Он же химик в первую очередь, а математика, так, хобби! И потом, деньги то в наш университет вливает его престарелая супруга. Перед ним здесь все расшаркиваются в благодарности.

– Ну, скажешь тоже – хобби, мозги сушить!

– Почему же тогда он лекции по химии не читает?

– Да читает иногда, не на нашем курсе. У него много статей в научных журналах по металлургии, он инвестирует много новаторских идей в этой отрасли.

– Смотри какая разносторонность... Анни была ошеломлена этой новостью, и сама не понимала, радость или разочарование она сейчас испытывает.

– Когда же он спит-то? А лет ему сколько?

Хелен пожала плечами:

– Не знаю. Никто пока не знает. Кто говорит около тридцати пяти, а другие, что уже все сорок. Им все интересуются, но он... он странная личность, смотри, вот вроде на ладони весь, а целая тайна.

И однажды, Анни с Игном стояли у окна в коридоре университета и спорили о своем, никто из них не заметил, как рядом оказался князь Войцеховский. Услышав извинительное покашливание, Анни обернулась и глаза к глазам встретила с преподавателем. Карие жгучие вишни словно кипятком обдали девушку. Но он тихо и спокойно проговорил:

– Господа, студенты, вас математика вообще не интересуется, никак?

Анни утвердительно кивнула головой. Но спохватилась, что это слишком нагло так, смотреть в глаза преподавателю и не уважать его предмет.

– То есть не совсем – поправились она – Больше нужны практические предметы.

– А чем вы собираетесь заняться после окончания университета?

Игн молчал, а Анни поторопилась ответить:

– Людей лечить.

– Ну, значит химия и биология вам нужны в первую очередь?

– Да, – опять кивнула студентка.

– Жаль, это так печально – тогда проговорил Артур, с большой грустью в голосе.

– А почему? – удивилась Анни и его ответом, и тоном, которым он это произнес.

– Ну. Потому, что в основе всех этих дисциплин, а я бы сказал всех этих наук, лежит, все ровно, математика. Хороший хирург знает математику, а в химии без процентов и формул обойтись никак невозможно. Массы тел, доли вещества... Ну, думайте, господа лучше, думайте лучше. И... сегодня на семинаре я собираюсь дать задачу, которая при её решении кем-либо из студентов, позволит ему получить зачет, не сдавая его. Автоматом. Но эту задачу до сих пор еще никто не решил. – И он быстро отошел от них, оставив в легком недоумении.

Пара стояла озадаченной. Молчали. И молчание прервал Игн:

– Ну, что, что решаем?

– Слушай, Игн. Мне нужно срочно научиться целоваться... – тихо проговорила Анни. Стоя в своих мыслях, она смотрела задумчиво в окно.

– Что тебе нужно? – переспросил Игн. Ему показалось, что он не расслышал.

– Мне нужно научиться целоваться!

Он хмыкнул. Почесал затылок.

– Это как-то связано с математикой? Или ты решила преподавателя соблазнить?

– Нет, я собираюсь попробовать решить его задачу.

– Анни... – разочарованно протянул молодой человек. – Стоит ли на это тратить столько времени? Ну, зачем это лекарю? Надо рационально распределять и свои силы и свое время. Ну. Любит он математику, его дело, а я не хочу так распыляться...

– Ну, – Анни вздохнула, – это твое право. Я думаю, в медицине всего еще столько непознанного. И решать встающие каждый день задачи нам придется. Вот и проверю свои силы.

– Да, Анни, брось, он на крючок зацепил тебя, по самолюбию прокатился и ты поддалась. Надо больше внимание уделять практическим занятиям!

Тогда Анни резко выхватила торчащие из-под мышки, зажатые листы каких-то рукописей и быстро развернула.

– Вот смотри как ты лукавишь. Я давно заметила. Вот что ты читаешь! Карл Маркс! Это совсем про медицину!?

Игн невозмутимо забрал назад эти рукописи у девушки.

– Не кричи! Ты не представляешь сколько здесь всего нужного!

– Нужного для чего?

– Для жизни, дорогая, для жизни.

– Игн, я не дуручка. Это ты с огнем играешь. Это если и читать, то не в стенах этого заведения, а дома, при свече, или ночью, под одеялом, чтобы никто не видел, иначе не быть тебе лекарем в этой жизни.

Игн строго посмотрел ей в глаза. Что-то его заставляло колебаться, она прочла это в его глазах. И поняла, что это все для него серьезно. Он сказал, как бы подводя итог:

– Мне это только сейчас передали. Это не мое. Через три дня я должен отдать. И медицина, это еще не вся жизнь, кроме неё в ней еще кое-что есть, важное. И эта литература не для посторонних глаз, ты понимаешь! Ты о ней молчишь, Анни.

Она утвердительно кивнула головой.

ГЛАВА 10

Состоялся аукцион. Продавался с торгов целый завод в Кечкемете. Чета князя Войцеховского и баронессы фон Гайзейштарт пришли вместе. Граф Отто фон Махель пришел с двумя своими помощниками по финансовым вопросам. И оба еще не знали друг друга. На вечеру у баронессы граф не был в гостях. И ему очень интересна была личность князя. Своим помощникам он дал задание собрать всю информацию об этом человеке, но они вернулись ни с чем. Тогда он дал им отдельное поручение и еще дополнительное время для удовлетворения своего желания. Это не было простым любопытством. Граф фон Махель не злоупотреблял информацией в своих целях, но жизнь его научила тому, что не знание о конкуренте чего-либо, может значительно осложнить дела. И это было в порядке вещей.

Торги проводились в английском стиле «Продаже по свече». Зажигалась свеча длинную в дюйм. И тот покупатель, который последним называл цену до того, как свеча гасла, становился победителем. Аукцион, по сравнению с Парижскими аукционами или Лондонскими, был не таким оживленным и вычурным. Представители Венгерского королевства приехали сюда лишь с одной целью, посмотреть на других и показать себя. Скусающая аристократия хоть как-то пыталась разнообразить свой досуг. Но здесь было не мало глав богатых семейств из Австрийской, немецкой аристократии и даже итальянской. Граф Отто фон Махель имел озабоченный вид, а вот князь Артур как всегда слегка отрешенный. Здешняя публика его не сильно инте-

ресовала и потом он четко понимал, зачем он сюда приехал. Баронесса же фон Газейштард имела скучающий вид. Держа под мышкой, как всегда, одну из своих маленьких собачонок, она вяло блуждала взглядом по окружающей обстановке и собравшихся на торги зрителям. Она предполагала, что ... если ей понравится какой-либо из выставленных лотов, она подумает, не приобрести ли ей его. Лотов выставлено было всего четыре и торги шли настолько вяло, что это убивало весь азарт. А ведь лот можно было купить даже из-за азарта, что чаще всего и делалось. Вот стоит или висит у тебя в доме купленная на аукционе вещь и ты уже смутно понимаешь её ценность и важность для тебя, но ты вспоминаешь эмоции, которые тобой овладели во время торгов и это тебя успокаивает, что ты обладатель просто замечательной, редкой вещи, просто эксклюзивной и значимой! Князь Артур сбил всех с толку тем, что опять был в военной форме. У каждого пронеслось по этому поводу легкое недоумение в голове, но никто не высказался об этом вслух. А князь, на самом деле, вчера так поздно засиделся над какими-то чертежами со своим новым знакомым инженером Андраш Мехвартом и его новой идеей о турбине и карбюраторе, что утром элементарно чуть не проспал аукцион. Поэтому одел первое попавшееся под руку. И в самый последний момент, за ним увязалась баронесса.

Завод был продан князю Андрею. Цена, как и опасался граф фон Махель, была поднята до незапланированных им расходов, и он решил сойти с дистанции в этой гонке. Он испытывал дискомфортное состояние, но решил наконец-то познакомиться со своим конкурентом. Князь Андрей настолько почтительно и добродушно отнесся к первому шагу Отто фон Махеля, что тот, в свою очередь, даже этим был обескуражен. Негативные эмоции растворились в атмосфере доброжелательности и любознательности, а граф был ценителем глубокого интеллекта, что дистанции осторожности больше не существовало. Князь даже предложил объединить свои финансовые инвестиции в пропорции 50х50, если этого пожелает граф только лишь для того, чтобы создать твердую и надежную базу под новые, интереснейшие научные идеи инженера-новатора Андраша Мехварта с завода Ганца. – Мы его переманим к себе с завода – было констатировано вслух. Баронесса слегка оторопела от услышанного, но решила не вмешиваться, ей показалось это бредовой шуткой её не выпавшегося супруга. Вначале, точно такая мысль посетила и самого графа, но князь совершенно не вызывал впечатление легкомысленного человека. Граф все больше при общении чисто на интуитивном уровне стал чувствовать, что при всей открытости князя, он совершенно не читаемый с первого взгляда человек, да и со второго и с третьего. Он «мистер X» своего рода. Как герой любимца всей Австрии и Венгерского королевства Имре Кальмана. Оперетты Имре Кальма стали приобретать в то время грандиозную популярность.

Баронесса же, не упустила поинтересоваться у своего супруга, что за странное предложение он сделал графу? – когда они уже покинули аукцион.

Супруг совершенно безлико ей ответил:

– Я знал, что он не примет моего предложения.

Глава 11

Анни списала с доски задачу и долго смотрела себе в папку, где лежали бумажные листы с заданием. Выражение лица у неё было такое, словно ей оттуда показывали кукиш. Князь Артур Войцеховский еле сдерживался от смеха, наблюдая за ней сбоку. Он сидел на подоконнике огромного окна возле доски и все это его забавляло.

Хлопая ресницами в недоумении, Анни по-детски, с наивным выражением лица оторвалась от своей папки. Ее розовые губки дрогнули и вопрос слетел с языка произвольно – А эта задача имеет решение?

В свою очередь Войцеховский задал ей встречный вопрос – Как вы думаете, госпожа Милешевская, какой способ вы применили бы в достижении целей при изучении медицины, научно-исследовательский, основанный на точных науках и анализе, или философский?

Анни замялась. В её голове начинался спутываться клубок, в котором она уже не могла найти ни начала, ни конца. Её удивленный взгляд направился на преподавателя, но увидев его смеющиеся глаза и улыбающиеся губы – стала чувствовать, что падает в пучину сотканной пауком паутины все глубже и теряет ясность мышления. Князь Артур продолжал сыпать вопросами.

– Если перед вами будет лежать больной, вы постараетесь установить причину его недуга путем логически выстраиваемой цепочки умозаключений или физическим путем, вы его обследуете, соберете анализы, послушаете?

– Физическим.

– То есть для вас будет важен цвет его мочи, температура тела, налет на языке?

– Да.

– Но о его заболевании скажем туберкулезом, будут говорить определенные симптомы, которые выведены путем долговременной практики и наблюдений?

– Да. – Анни кивала головой, но смысла его замысловатой цепочки не понимала. – Но как это относиться к математике?

Он замолчал. В аудитории даже потухли слабые шорохи. Слух студентов был обострен в воздухе напряженного ожидания ответа.

Артур сознательно тянул паузу. Его карие глаза издевательски улыбались, наслаждаясь растерянным состоянием студентки. И его вводило в азарт наблюдение как удается раздражить любознательность живого, неопытного ума.

– В науке открытия появляются в большинстве случайно. Человек делает изо дня в день кропотливую, однообразную, исследовательскую работу, ставит опыты, десятки, сотни раз. И проходит год, два, много лет, и в один день не шаблонное изменение, скачек, нестандартное поведение, отклонение от нормы, от традиции, от шаблона и приходит озарение, толчок, идея, вывод. Рождается прогресс, наука ... и конца, и края в этом нет. Но только все это происходит не на фундаменте пространственных воображений или умозаключений. В основе всего точный расчет, в основе, все равно, устоявшаяся система закономерностей и формул. В основе скрупулезная точность, просто твой ум прыгает с этой накатанной точной системной дорожки немного глубже и в результате происходит феномен – открытие!

Анни напрягла все клеточки своего серого вещества, силясь отыскать в этих дебрях цель, ради которой выводилась вся эта цепочка хитросплетений и она стала как бы догонять мысль говорившего эти вещи.

– Математика – это строгая система накатанной дорожки, это точность, которая лежит платформой во всех точных дисциплинах, и в химии, и в биологии. Мне очень не нравится устоявшаяся политика в университете по отношению медицинского факультета к математике. Медики уверены, что им она не нужна.

– Но, но, чтобы решить эту задачу, надо забыв обо всем изучить столько материала, что на это нужно отвести еще пять лет учебы в университете. – возмутилась студентка.

Он утвердительно махнул головой. Ему доставляло громадное удовольствие общение с этой незаурядной девушкой. – Не спорю. И я от вас этого не потребую. И не потребую принести мне точный результат, с ответом. Мне интересен только ход ваших мыслей, и направление, в котором вы этот ответ попытаетесь найти.

Аудитория вздохнула свободно. А преподаватель добавил. – Так же, смею вас уверить в том, что эта задача решается совершенно не шаблонным способом, и это одно из новых направлений развития геометрии, составляющей математики. Мне интересно только одно, правильно ли вы почувствуете направление, в котором нужно двигаться, не более. И у кого нет желания этим заниматься, я настаивать не намерен. Это ваше право и ваше желание. И предлагаю вам со своими предположениями обращаться ко мне в удобное время. Если я буду занят, можно будет поискать для этого более удобное время. Вы всегда будете знать, где меня найти.

Здесь все услышали вопрос, неожиданно поступивший от Хелен:

– А где вас можно найти?

Когда Анни вернулась от доски к своему столу, Игн внимательно посмотрел на неё:

– Ну ... и зачем тебе все это надо?

– Я не знаю. Но что-то в этом есть. Попробую.

И каждый вечер с этого момента, приходя к подруге, Хелен заставляла её за книгами по математике. Растрепанная, заставив весь стол стаканами из-под чая, она то лежала, то сидела, то полулежала на полу, вникала в теории и формулы, чем нагоняла на Хелен черную тоску и даже вгоняла в испуг.

Но задача не решалась. И направление для поиска решения не определялось. И однажды в порыве эмоций, она даже выкинула учебники в окно! На неё напал псих!

Вошедшая и испуганная в этот момент Хелен воскликнула – Да, лучше бы ты пропадала в конюшне как раньше, чем чахнуть и сереть от этой незадачи!

Анни ухватилась за эту идею, как за спасительный круг. – Да, да, Господи. Мой бедный Ангел! Надо его проведать. Он все простит, но я себе не прощу и спешно стала переодеваться. – Да, будь же она проклята эта математика! Как он смог так мозг обработать? Я как одурманенная сижу, только цифры, трехэтажные формулы, иксы! О... О! А Ангел же не знает, он скучает!

ГЛАВА 12

Анни забрала Ангела с ипподрома на прогулку. Она долго скакала за городом по холмистой равнине. Волосы растрепались, ветер обветрил лицо. Она стала чувствовать навалившуюся усталость, собравшуюся за всю неделю. Отпустив коня на свободную волю, она просто впитывала в себя энергию природы, ветра и старалась освободиться от мыслей об учебе, нерешаемой задаче и чувства долга. Ангел наконец то дождался своей любимой хозяйки и обрел долгожданный покой. Медленно перебирая ногами и прислушиваясь к посторонним шумам, они бродили по равнине, когда конь устал. Подставив лицо уже спускающемуся за далекую гору солнцу, она расслаблялась и наслаждалась объятиями ароматного от цветущих трав воздуха.

И вот Ангел насторожил уши. Сзади появился далекий всадник, который не торопливо, но приближался к ним. Анни всматривалась и уже вскоре её сердце забило чаще. Это был князь Артур. Его конь так же не чувствовал на себе принуждение от всадника. Только таким его Анни еще не видела. Без строгой одежды, в одной белой рубашке, без аккуратного хвостика, в который он убирал длинные волосы. И так он выглядел намного моложе. Его гнедой конь был красив и спортивен. Ангел сразу потянулся к нему познакомиться. Они стали обнюхиваться. И у Анни на короткое время перехватило дыхание, ибо в такой естественной среде, без какого бы то ни было напряжения в людском обществе, его мужская привлекательность была неотразима. И даже выражение лица потеряло светский оттенок. Исчезла сдержанность, холодность и отрешенность.

– Гуляете? – дружески поинтересовался он. – Да, я тоже обнаружил, как здесь особенно красиво!

– У вас прекрасный конь. И откуда это красивое создание? – спросила Анни.

– Это английский скакун. Мы его вывезли из Турции. Турция всегда славилась своими базарами и лошадиными в особенности.

Анни не знала, как себя сейчас с ним вести, держаться этикета, как с преподавателем, или по-приятельски, как с хорошим знакомым. И в общем-то, чтобы не растягивать затянувшуюся паузу, решила поинтересоваться:

– Вы много, где были, и в Турции... .. и чем Турция привлекательна?

Его взгляд сейчас был не такой как на занятиях со студентами. Ее обволакивала та приятельская, ласковая теплота, с которой он смотрел на неё и Анни стало казаться, что она оказывает на этого человека воздействие, которого нет при его общении с другими. Такими

восторженными и одновременно настороженными глазами всегда смотрел на неё граф фон Махель. Женщина это всегда замечает чутко и за спиной вырастают крылья.

– Турция? Я в Турции научился играть в шахматы, владеть ножом, ездить верхом, плавать. Красивый народ, выразительный. Все смуглые, темноглазые, черты крупные. Сильный народ, перспективный.

– В каком смысле перспективный?

– Перспективный для роста и развития. Много столетий турецкая кровь смешивалась со славянской кровью. Это всегда делает народ более сильным, здоровым, когда в старую кровь вливается новая, свежая, ну, вы же медик, знаете все это. Люди становятся красивее.

Анни расхохоталась весело. Бытовала в жизни такая предопределенность, только научно она не была проверена.

– Значит народ в Европе не перспективный, где кровные узы более чистые?

– Да. Так и есть. Народ мельчает. Ну...на это еще оказывает влияние пристрастия в еде.

– А что предпочитают в Турции кушать?

– Там много едят мяса – говядину, баранину, морепродукты.

– А... – протянула девушка. – Понятно. Турки же мусульмане, у них вера другая, у них не верят в Деву Марию?

Князь отрицательно покачал головой. Его настороженность во взгляде не исчезала. Но Анни не выдерживала его взгляда, отводила глаза или опускала. И вместе с тем, общение с этим человеком для неё было комфортным и интересным. Она помялась, и наконец задала вопрос, который её действительно интересовал:

– Кто-нибудь решил задачу, которую вы нам задали?

И вот опять эта издевательская улыбка. Он хитро сощурился, но отрицательно покачал головой

– Что, никто не подходил к вам с решением?

Он опять отрицательно покачал головой.

– И я никак не могу. Я не знаю как к ней подступиться.

Он хмыкнул и опустил, наконец-то взгляд и то, что она услышала, её потрясло.

– И я не знаю.

– Что? – удивленно выдохнула Анни.

Он посмотрел на неё в упор.

– Я еще не решил её до сих пор.

– Как? И вы не решили... То есть вы не знаете ответа?

– Не знаю.

Она вскипела, произвольно прищипнула коня. Ангел принял команду буквально и пошел, все быстрее и вот тихо побежал рысью, и стал набирать ускорение.

Князь разочарованно хлопнул себя рукой по колену и тоже прищипнул своего коня.

Анни так не хотела злиться, но эмоции уже разыгрались, и она просто нашла выход в скорости, ну, правда, не ругаться же с преподавателем своего университета. Но куда же деть обиду, которая захлестнула её с головой, она не досыпала всю неделю, измучилась, столько времени потратила впустую, пытаюсь разрешиться бременем этой задачи!

Ангел набирал скорость, но лошадь сзади быстро нагоняла. И Анни даже не заметила, как её злость стала перерастать в спортивный азарт «Чей конь окажется быстрее» Князь принял инициативу, и они уже неслись по пустынной равнине, в опускающихся сумерках и азарт разыгрывался все больше. Ангел нес, как всегда, легко и бег доставлял ему удовольствие. И они опять победили, только теперь в свободном беге. Ангел оказался быстрее. Когда они доскакали до берега реки, Анни сказала себе «Стоп» и стала поворачивать. Становилось прохладно и лошадь устала. Остановившись, она ближе подъехала к князю.

– Вы, остыли? – безлико спросил он.

– Остыла, остыла. Я почти сон потеряла, а вы эту задачу, оказывается сами решить не можете! – она запыхалась. – Зачем же так, надо сказать, чтобы остальные не мучились...

– А вы думаете, кто-то мучается?

– Не знаю.

– Ну, я задал задачу не от забавы. Она была напечатана в сборнике. Я бился над ней тоже несколько недель. Мне просто интересно, может молодые умы быстрее найдут не шаблонное решение? Такое же бывает – ему тоже трудно было переводить дух. – И, поверьте, эту задачу решит когда-нибудь просветленный ум.

Анни смягчилась. – Ваше сиятельство – обратилась она уже весело. – Я предполагаю, что вы оплатили мое пребывание в университете. Я перебрала всех, это вы... Я благодарю вас, что вы меня спасли от отчисления. Только меня мучает вопрос, зачем вы это сделали для меня, вы же понимаете, я не отдам деньги в ближайшее время.

Он промолчал и прищипорил опять коня. – Сейчас быстро начнет темнеть, поедem домой. Я получил большое удовольствие сегодня!

Анни словила себя на мысли, что ей так не хочется расставаться. Эх, эх. Пропала моя душа!

ГЛАВА 13

На завод завозилось оборудование и ремонтировалось прежнее, которое специалисты – инженера, нанятые Артуром Войцеховским, сочли пригодным приносить выгоду и быть полезными для производственного процесса. Сам Войцеховский настолько погрузился в механизм работы своего автомобилестроения, что стал от усталости засыпать в одежде на тахте или в кресле и слуги только укрывали его пледом, гасили электрическую лампочку и складывали аккуратно на стол разбросанные везде листы бумаги и карандаши. К нему стало приходиться очень много народа, и баронесса даже приказала всегда держать горячим самовар, привезенный из России для угощения гостей чаем или сваренным кофе. Но, что было хуже всего, князя не бывало дома допоздна. Он оставался в мастерских со своими коллегами и работал над чертежами. Ему объясняли и показывали, так как он в данной отрасли знаний был дилетантом. Чертежников и инженеров это раздражало, так как они не знали, как лучше объяснить то, что для них всегда было наглядным. Чертеж читался и все. В университете он оставил себе самую малую долю учебных часов и то, только лишь для своих амбициозных целей, чтобы не прерывать ценное общение с профессорами и учеными людьми, так как практика требовала постоянного подкрепления научной теорией и проверкой идей лабораторными опытами.

Баронесса остро отметила, что после того, как запуск завода затянул её супруга в себя, он потерял некий светский лоск и зачастую выглядел как простолюдин, потемневший лицом, расстегнутый в одной рубашке и жилетке, в нечищенных ботинках и загрубевших руках, от работы с металлическими инструментами. Одним утром, она решила очень тактично, по-женски намекнуть ему на это. Они завтракали и князь, как всегда, был погружен в какие-то бумаги, а еду с тарелки брал наспех и безразлично, занятый своими мыслями.

– Дорогой мой, я читала как-то в мемуарах одного австрийского посла, он несколько лет прожил в России в начале 18 века, об императоре, его звали Петр. Петр Великий – знаменитый русский император.

Артур молча посмотрел на неё исподлобья, не уловив смысла её слов и цели, для которой они говорились. В удивлении поднял брови. Баронесса продолжала:

– Так его так часто путали с обычным мужиком, потому что он сам, в простом мужском платье строил корабли, махал топором, забивал гвозди, замазывал мазутом дыры в досках и даже ковал в кузнице, конечно же, и выглядел как простой кузнец.

Артур вдруг поспешил ей напомнить.

– Милая, пожалуйста, я забыл, скажи домоуправу, чтобы коней перековали, скоро разгар лета и я забыл, надо цельнокроенные подковы на всякий случай.

Баронесса незаметно вздохнула, но продолжала:

– Так вот о том императоре писали, что был так прост, что когда послы приезжали к месту его работы, то долго искали, где же там император. А его придворные, иногда, даже разыгрывали послов, напуская на себя важный вид, чтобы их приняли за императора. Наши работники и тебя скоро начнут искать в толпе, не узнавая.

Артур добродушно улыбнулся. Теперь он понял её иронию, и понял, что баронесса сильно заскучала. Но ему, действительно, сейчас не было дела ни до чего, его волновало только сможет ли он претворить свои планы в работу своего предприятия. Допивая наспех кофе, он буркнул в ответ:

– Главное не то, что надето на человека, а то, что у него в голове и уважать меня за мой вид меньше не станут, когда скоро мощности моего завода, обгонят мощности самого Ганца. А его я очень уважаю.

Но баронесса слабо возразила:

– Ганц не ходит как простолюдин.

– У Ганца сейчас большой успех. Он уже не горит, расслабился. Вот я и ударю по его слабому месту. Мне некогда, Лиз.

Он быстро дотронулся губами до макушки супруги, как всегда, и спешно вышел из столовой залы, застегиваясь на ходу.

Баронесса вяло отвела взгляд к окну. Грустно, когда нет смысла ставить перед собой цели и их преодолевать. Денег у них более чем достаточно, а детей нет и не было. Она столько лет вынашивает в себе вопрос к Артуру и не решается его задать: «Зачем ему все это? Кому они смогут это оставить?» Увлечение наукой, она могла объяснить, но покупку завода, эту суету, спешку, заботы и проблемы – для чего? Не понимала. Иногда она отвечала себе на вопрос. «Это его попытка укрыться от бессмысленности жизни» и ужасалась. Быстро отгоняла от себя эти мысли, ибо понимала, что долго это не продлится. Это иллюзорное, призрачное счастье иссякнет и душа будет продолжать попытки искать истинное человеческое счастье. А для человека это счастливое продолжение своего рода в детях, так распорядилась природа.

ГЛАВА 14

Анни с тетушкой в выходной занимались, как всегда, стиркой белья. Прачек из-за экономии денег они не нанимали. На первом этаже дома на печи варился огромный котел с белыми сорочками, подштанниками, полотенцами и скатертями. Все отбеливалось и выкипячивалось. С растрепанными волосами женщины сутились от котла к корыту, одновременно успевая приготовить себе обед, помешивая ложкой на сковороде фасоль с грибами. На улице стояла адская жара, любая одежда сразу прилипала к телу, все окна были раскрыты настежь. Никто не ожидал, но в дверь зазвенел колокольчик. Тетушка удивленно насторожилась:

– Анни, кто это к нам в выходной?

Анни пожала плечами, пошла открывать. В дверь ворвался Игн, возбужденный, и встревоженный.

– Анни, нужно срочно поговорить – громко выпалил он и схватив девушку за руку потянул с собой на улицу.

– Что, что случилось? – заволновалась Анни. Отведя её подальше от крыльца, он развернул её к себе лицом и схватил за плечи.

– Анни, Мне нужна твоя помощь! И если ты не поможешь, я вылечу из университета! Так и будет, все серьезно.

Анни занервничала.

– Говори что?

– Помнишь, эту рукопись, что ты у меня видела, Карла Маркса?

– Да и что, ты с ней попался?

– Да. Я взял с собой на занятия чтобы отдать, ну, не важно кому, ну, получилось так, что сумку забыл на лекции. Ее отнесли в лаборантскую.

– Молодец! – выдохнула девушка. – Сумку отнесли в лаборантскую?

– Нет, только рукопись. После занятий, по химии, ты же была на лабораторных, увидели сумку. В неё посмотрели, чтобы узнать чья она и вынули рукопись. Теперь и сумка, и рукопись у них. Ее закрыли в лаборантской и в понедельник она будет лежать уже у ректора на столе – это немедленное отчисление. Анни!

Анни сильно расстроилась, от растерянности стала размахивать руками и ходить взад и вперед

– Ай... Игн! – возбужденно восклицала она, и не знала даже, что предпринять в этой ситуации. Игн нервничал не меньше, но он уже давно все придумал и теперь жалостливо пытался заглядывать Анни в лицо, готовясь продолжить о главном.

– И что теперь, Игн? – Анни не успокаивалась. Было понятно, чем для её друга все это теперь обернется.

– Анни, теперь выручай. Мне, действительно нужна твоя помощь.

– Игн, так я бы постаралась, но как я тебе смогу помочь?

– Анни, лаборантская на первом этаже. Окно с форточкой. Рукопись просто нужно выкрасть, пока её не отнесли к ректору.

Анни оторопела. Она глотнула воздуха и стала, хлопая ресницами, недоумевающе смотреть на друга, словно у него выросли рога.

Игн с пониманием пожал плечами, вид у него был виноватый.

– Я все понимаю, Анни. Просьба нелепая, но кроме тебя некому или мне ничего больше не сделать.

Анни опять глотнула воздуха и снова стала нервно ходить взад и вперед. Сжав непроизвольно ладошки в кулачки, она била одной вторую, чисто машинально, пытаясь успокоиться. – Вот, новость ты принес. Игн! Я только решила вести благоразумный образ жизни и что... .. опять понеслось? Явно... явно... кому-то из нас суждено вылететь...

– Анни, но... ..Я всегда старался тебе помочь, теперь только ты можешь выручить!

– Ай. Игн! Это чушь, это чушь! Форточка! Ну уже же известно, что рукопись нашли у тебя!

– Анни, я не пролезу в форточку. Я большой. Она открыта сейчас, я смотрел. Жара не сусветная... .. В университете на выходных только сторож. Но он нас не впустит, запрещено на выходных. Не будет рукописи, я все буду опровергать. Пусть ищут. Доказательств же не будет!

– Ай, Игн!

– Анни, нужно завтра, перед понедельником. Ночью, ближе к утру. Я тебя подсажу, ты пролезешь и выкинешь мне рукопись в окно.

– Ай, Игн! А что я скажу про себя? Меня кто в окно выкинет назад?

– А ты осторожно вылезешь назад, я же буду с лестницей. А если не получится, спрячешься в шкаф, до утра, утром откроют лаборантскую и ты спокойно выйдешь.

– Выйду или выведут? Ай, Игн! – глаза у девушки от удивления расширились все больше.

– Ну. Конечно, лучше, чтобы ты вылезла назад. Я буду держать. Анни. Надо рискнуть, мне же тогда все – вся жизнь под откос! Меня же не только отчислят, меня же в полицию заберут.

– Ай. Игн! Ну, о чем ты думал, когда в университет эту рукопись брал? Ну как же так?

– Анни. Ну, что теперь искать виноватого? Сейчас или мы решаемся или мне конец во всем!

Анни чуть не расплакалась. Надо же попасть в такую ситуацию! Так не приятно и друга жалко и самой страшно.

– Игн! А если меня поймают? Меня же обвинят в краже, и я вылету из университета!

– Анни, но у тебя же рукописи не будет. Это уже не политическая... статья. Наврешь что-нибудь, не отчислят за это. Скажешь, опытом одним увлеклась, нужно было проверить. Притворишься дурочкой. Может и не поверят, но ты же так ровно учишься и у тебя какой-то покровитель объявился...

Она как-то странно окинула его взглядом, но решила не акцентировать на этом внимание.

– Ай... Игн! Зачем притворяться, я и так дурочка! Это абсурд, форточка, ночью. Ну кто поверит? Ты представляешь, как я выглядеть буду? У меня только проблемы закончились и на тебе!

– Анни, ну, милая, ну нужно рискнуть. Пожалей ты меня. Тебе только стыд в лучшем случае, а мне вся жизнь решается. Ну ...выручи ... Если что-то случится, я к князю Войцеховскому пойду в ноги упаду, он тебе поможет, слово замолвит! Он такой прогрессивный в этих вещах... ..

– Да, вот с чего ты взял, что он пойдет что-то делать? Это же...

Ее нервное напряжение стало усиливаться.

Игн подошел вплотную и опустил на колено, схватил её руками за талию и взмолился:

– Анни, спаси меня! Туда только ты пролезешь. Милая. Час позора и мое спасение. Выручи. Пожалуйста. Я же из-за тебя рисковал!

Анни опять ударила кулачком об ладошку.

– О, дева Мария! За что мне все это? Только вот стала благоразумной!

– Анни...

– Ну. Я же никуда не денусь, у меня есть выбор?! Мне что опять лучше штаны одеть?

– Ну, да. Я лестницу удобную поищу. Только бы сторож форточку не закрыл, иначе все бесполезно! Но не закроет... нам жара к спасению.

Анни вернулась в дом встревоженная. Тетушка предложила обед, но у племянницы пропал весь аппетит. Ей было не приятно предстоящее мероприятие, она пыталась найти другое решение проблемы.

ГЛАВА 15

Игн тянул лестницу. Они взяли с собой еще Хелен, чтобы она, находясь по отдале, в случае непредвиденных обстоятельств, могла подать сигнал. Ее оставили на углу университета. Анни же с Игн нашли окно лаборантской и стали всматриваться. Везде было темно, большие окна грозно смотрели в пространство и казалось, что вокруг так тихо, что уснуло все живое, и дни стали такими бесконечными, наступила поздняя ночь, но ночь была душная.

Игн спокойно, словно им предстоит только прогулка по парку, давал Анни последние наставления.

– Ты постарайся нащупать защелку, тогда не обязательно лезть в форточку, откроешь окно и это лучше, меньше шума.

Анни недовольно молчала, но впитывала в себя все наставления.

Они приставили лестницу к деревянной вертикальной перекладине окна и Анни легко и проворно стала подниматься по ней. В детстве был большой опыт лазанья по деревьям и заборах. Нащупав форточку, она медленно протянула руку внутрь, пытаясь нащупать защелку, но не нашла. Если бы было все так просто, университет давно бы растянули. Наклоняясь всем корпусом тела влево, она ухватилась сверху за перекладину и потянулась. Повиснув животом на середине окна, она стала внутри нащупывать защелку. Их было две, сверху и посередине. Все шло пока гладко, но сердце билось так быстро, что перехватывало дыхание. Нужно не думать о страхе и действовать. Вернувшись назад на лестницу, она стала осторожно толкать одну из створок окна. Открыла. И ухватившись руками за вторую створку бесшумно проникла в помещение. В темноте она судорожно ощупывала предметы. Ничего не могла нащупать, кроме книг и каких-то бумаг. Тогда она тихо позвала с окна Игн:

– Давай свечку. Или сам полезай сюда...

Он качнул головой.

– Я сторожу, что-то мне на Хелен «стремно» полагаться.

Игн подал свечу. Уже в помещении Анни её зажгла и стала вновь искать то, для чего они это затеяли.

Это заняло время. Столько бумаг лежало вокруг. Навряд ли эти рукописи оставили на видном месте. Анни открывала и закрывала створки стола. Их нигде не было. Теперь шкафы. Нашла. Их положили в папку. Она силясь рассмотреть, прочла: К. Маркс «Капитал», том 2. Сложив их трубочкой, она бросила в окно. За дверью послышался шум и в двери, с обратной стороны, слышались повороты ключа.

Анни ахнула. Кровь прилила к лицу, и по всему телу побежал холод. Стук сердца можно было четко услышать в помещении. И в такую жару, её затрясло от холода. Она обернулась к окну, но дверь уже открылась. Только ладонью она схватила пламя свечи, чтобы потушить. Темный силуэт мужской фигуры вошел вовнутрь и стал, не торопясь искать выключатель. Анни только успела шмыгнуть в бок. Затаила дыхание.

Силуэт тщетно пытался найти выключатель. Видно было, он не знал его месторасположение в этом помещении. Сзади, за спиной, дверь была открыта. Но Анни увидела, как фигура человека на некоторое время застыла. Человек увидел открытое окно и машинально шагнул к нему. Девушка воспользовалась ситуацией и рванула к двери. Со всей силы она понеслась по коридору прочь, пытаясь потеряться в темноте. Теперь выход был только в том, чтобы затаиться где-нибудь и дождаться рассвета, чтобы постараться незаметно выскользнуть из университета. Анни настолько была испугана, что не сразу вспомнила, что в университете на замок закрываются только кабинеты, лаборантские, а аудитории остаются открытыми. Взлетев на третий этаж, она уже слышала, что за ней бегут. Она вскочила в первую попавшуюся аудиторию и притаилась за дверью. Слова, это уже что-то на уровне генетики у человека, стали хаотично слетать с её губ – О, дева Мария, спаси меня, спаси меня! – Она все слышала. Незнакомец догадался, что кто-то в лекционной аудитории. Возле аудитории его шаги затихли и дверь открылась. Анни машинально закрыла лицо руками. Ее грубо схватили за локоть, и она отпустила руки от безысходности. Просто стальным обручем ей сдавили предплечье, и другая рука незнакомца спешно нащупывала у дверей выключатель. Зажегся свет. И она от жесткого рывка, была развернута к незнакомцу лицом. От изумления она открыла рот и застыла в оцепенении. Грозно и внимательно в неё впился взгляд князя Артура Войцеховского. Он рано, рано утром приехал в университет за чертежами, чтобы уехать с ними на комиссию по выдаче патентов. Внизу, в экипаже, его ждал инженер Андраш Мехварт. (Прав был Игн, от Хелен мало толку). Они вместе с профессором химии занимались органической химией и делали не большие опыты с изотопами, которое планировалось применить для усиления магнитного импульса между электродами проводников. Артур наращивал производительность своих станков, для улучшения проводимости металлов. На первом этаже университета, сторож беспрекословно открыл перед ним дверь.

Сердце вот-вот выпрыгнет наружу, и Анни в бешеном сердцебиении видела только широко открытые и сердитые глаза князя. Ну вот сердитость быстро исчезла из взгляда, но в них все еще читалось не срываемое удивление.

Стыд. Такой жгучий и горячий стыд овладел всем её существом. Она опустила глаза и ниже наклонила голову. Ей невероятно невыносимо было выдерживать его взгляд. Его руки все еще сильно сдавливали ей предплечья, но она чувствовала, что страха совершенно не испытывает. И его решительное намерение в отношении вороватого лазутчика испаряется в воздухе. Они еще некоторое время молчали и вот она наконец-то услышала его голос, и от того, что в нем она уловила смех, она опять подняла к его лицу глаза. В них уже прыгали смешливые зайчики и ей даже показалось, что он еле сдерживает смех, но ему только бесконечно смешно.

Наконец-то его руки её отпустили, и он отстранился. Весело, он рассматривал её с ног до головы, а она только бессильно прислонилась к стене. Если бы только можно было сейчас провалиться сквозь землю!

– Анни Милешевская, – раздался его смешливый тон. – Право... Ему даже трудно говорить было, так как он боролся с внутренней лавиной смеха. – Вы всегда отлично выглядите в мужском наряде.

Она машинально дернулась к двери, но его уверенное движение, преградило ей путь. Другой рукой он на мгновение прикрыл свой рот. Похмыкал:

– Анни. Анни. Я знаю, у вас на все есть причины. И что на этот раз?

– Я не могу вам это сказать. Простите меня. – опять виновато потупилась в пол. Он пристально смотрел ей в лицо. Молчал. Если бы она только сейчас подняла глаза, она увидела бы в них то, что любая женщина читает безошибочно.

Его руки твердо сжали её хрупкие плечи, волна не познанного и неподконтрольного ощущения стала кружиться вокруг них, спиралью подымаясь с низу и закручиваясь все сильнее. Он притянул её к себе и с немым вопросом, она подняла глаза и у неё перехватило дыхание. Жаркие губы нашли её губы и машинальное сопротивление его неожиданному поведению стало слабеть. Все её юное, не опытное существо где-то глубоко, куда она так старательно это загоняла, страстно желало этого. Настойчивая, все поглощающая сила мужского желания подчиняли себе все и обезоруживали.

Она стала мягко и плавно проваливаться в небытие и ум... Так не вовремя срабатывающий в непредвиденных обстоятельствах вдруг ворвался в эту убаюкивающую пропасть. Она слабо уперлась ладошками ему в грудь и постаралась высвободиться.

Он принял сопротивление. Отпустил. Но как ей хотелось до конца упасть в черноту его бездонных глаз!

Он молчал.

– Мне необходимо вернуться в лаборантскую и закрыть окно. – Вы позволите? – еле слышно произнесла Анни

Он молчал.

– Я ничего не ворую. Не думайте плохо. Мне надо выручить друга. Он попал в беду. И тут же она пожалела о сказанном, так как с кем она всегда вместе ходит в университете, было всегда видно, и все знали. Зачем она так доверяется князю?

Артур кивнул головой в знак одобрения. В душе его творилось смятение. Он не сдержал своего порыва. Опытный в любовных делах, сейчас он неосознанно сделал то, чего делать не собирался. Как до конца мы, порой, себя не знаем! И идя с девушкой по коридору, он думал только об одном: «Почему он к ней испытывает такие отцовские чувства? И ему бесконечно импонирует её поведение? Он встретил в жизни человека, который живет и пытается жизнь жизнью, такой далекой от лощенного, скучного, светского образа, в котором светская дама прежде всего учиться скрывать свои чувства, быть добродетельной, и такой недостижимой для чужой молвы, сдержанной и собранной, во всем образцовой и точной в исполнении образа жизни людей высшего общества» И это, и еще то, что каким то образом, по стечению необъяснимых обстоятельств, он нарывается на её эксцентричные выходки и они его веселят, ему хочется оказывать содействие в том, где любой другой обратился бы в полицию. И потом, он еще никогда не встречал девушек в ситуациях, когда они загнаны в угол и здесь прорываются самые естественные эмоции, растрепанность чувств, адреналин, хаотичный поиск выхода! Глаза человека в такие моменты становятся неотразимо выразительными, их трудно забыть быстро!

Игн с Хелен сходили с ума. Они оба уже давно поняли, что произошло что-то несурзное. Отойдя подальше от стен университета, они все-таки не выпускали из поля зрения темное окно. И каково же было их удивление, когда через довольно продолжительное время, Анни

появилась в нем опять и тихо спрыгнула на землю. А окно вслед за ней кто-то тихо прикрыл и в нем опять стала отражаться только пустая чернота. Изумленно открыв рты, они ожидали объяснения. Но Анни некоторое время стояла в ступоре, как бы её не теребили за плечо, а потом закрыла лицо ладонями и громко пробормотала:

– Моя дева Мария, я схожу с ума! – но оторвав ладони от лица, набросилась на Игн – Все! Все! Игн, я больше с тобой не вожусь!

Когда им было поведено, что произошло там внутри университета, кроме утаенной одной детали, Хелен от возбуждения не находила себе места. «О, дева Мария, почему не я оказалась в таком романтическом положении! Князь Войцеховский ко всем девушкам относиться с такой галантностью, или только к тебе?» Анни же шла, не чувствуя под собой земли. Бывало, молодые люди срывали дерзко с её губ страстные поцелуи, но она при этом ничего не испытывала. Она и не подразумевала, она и подумать не могла, что может быть так! Из тебя, и помимо твоего желания, вырываются столь сильные ощущения и желания, с которыми не хватает внутренних сил бороться, и эта лавина животных инстинктов побеждает твой разум и парализует волю. Ты глупеешь и слабеешь сразу, но самое страшное, это заполняет весь твой разум, проникает в каждую клеточку твоего тела и жизнь поворачивается к тебе такой стороной, о которой ты не мог и подумать! Наваждение не отпускает, завладевает мыслями, желаниями, меняет весь мир!

ГЛАВА 16

Но князь как ни в чем ни бывало вернулся к своему экипажу и постарался переключиться на предстоящее дело, столь важное для них. Патентная комиссия при академии наук собиралась рано и её решение было так важно и значимо, для этого было потрачено столько времени и сил, переживаний и эмоций, а главное, при одобрении проекта, это предвещало большие перемены в бизнесе, что только об этом думалось, все исчезло, как мимолетная иллюзия и приятное волнение!

В Академии было еще тихо, но уже подъезжали редкие экипажи к парадному крыльцу солидного здания. Из них выходили важные пожилые представители всей немецкой, австрийской и венгерской научной элиты. Они проходили в широкий удлиненный зал с большим, длинным столом посередине. Перед столом, с левой стороны находился белый экран, на который вешались ватманы с чертежами или плакаты. Здесь же можно было чертить и писать. Рассаживаясь неторопливо за стол, к ним расторопно и привычно подходили с подносами обслуга, расставляя перед ними чашечки с кофе, предлагали воду и вазочки с крекерами. Дружелюбно перешептываясь, они привычно ждали подавших заявки на защиту своих изобретений. Торопливо в зал вошел Андраш Мерхват. Князь прошел позднее в зал и сел за стол, возле самого края.

Разложив чертежи перед собой, Инженер Анраш Мерхват постарался унять свое волнение. Он стоял перед такой комиссией уже не первый раз и каждый раз отрывал от себя свое кровное дитя, которым болел, грезил, носился, переживал, переделывал, не спал ночами, собрал и отточил все, а теперь должен отдать на обсуждение, оторвать от себя свое кровное, опять разобрать по крупицам, выдержать атаку сомнений и неверия, отстоять, доказать и вынести на суд. Среднего роста, с крупными кудрями и уже чуть лысеющим затылком, очень умным, простым лицом, Анраш Мерхват славился в Венгрии своими новаторскими идеями, и его настолько уважали в научных кругах, что, казалось бы, переживать уже не за что. Не никому не известный гений встал перед комиссией, а зрелый опытный в науке муж. Но... . В такие моменты, это не имело никакого значения. Перед комиссией предстал не он, а его изобретение, его дитя, молодое и слабое, требующее защиты и затрат сил. А это не легко. Экзамены держать легче.

Мобилизовавшись, Анраш четко и спокойно начал свой рассказ.

Его идея с химическими проводниками понятна будет только ему и членам комиссии. Расслабившись сидеть и просто слушать нельзя. Ты вдумываешься в каждое предложение и

достаешь из своего богатого информацией и опытом умственного «ларца» знания, накапливаемые годами, кропотливо и усердно. В таких учреждениях всегда особая атмосфера.

Князь Войцеховский инвестировал в опыты начальные средства. Проект был не его, но он так живо им проникся. Он знал все его детали. Он его захватил с самого начала. Внутренним чутьем, он знал, что это целое событие в истории науки. Сидя развалившись на стуле, он постукивал карандашом в такт раскачивания ногой воздуха. Весь слух его был обращен к каждому движению комиссии. Он не столько слушал выступающего, сколько ловил эмоциональный фон, царивший в данном зале. Проект он знал наизусть. Дело было за тем, насколько он вызовет доверие у членов комиссии. Насколько доказательна будет его база и приводимые опыты. Всегда случаются неожиданности и среди сотни бесперебойных испытаний вклиниваются сбои. Им нужно быть первыми. Потому что ученые с разных стран, совершенно изолированно друг от друга могут работать над одним и тем же изобретением и приходиться к нему разными путями. Когда-то Карл Бенц был отвергнут со своим изобретением, которое честно выносил в Ларце своего ума и обвинен в плагиате. Его раскритиковали в том, что он скопировал или даже украл идею Готлиба Даймлера. Не все после таких ударов оправляются.

На этот раз этого не произошло. Комиссия не торопилась, но научную базу Мерхвата сочли полностью доказательной. Патент на химические полупроводники для усиления магнитного поля был получен. На ровных листах бумаги, исписанных черными чернилами и исчерченных схемами стояла большая синяя печать: «Запатентовано»

Анраш жадно глотал воду из второго стакана. А князь Артур твердо поставил точку на чистом листе бумаги, на котором он нервно выбивал дробь карандашом. Теперь можно приступить к практическому процессу. В душе появилась радость и успокоение. Он переманил этого новатора-инженера от знаменитого во всем Венгерском королевстве владельца крупнейшего машиностроительного завода, который играл роль экспериментальной мастерской для венгерских изобретателей Ганца. Еще в 1891 году одним из специалистов по двигателям внутреннего сгорания Донатом Банки была сконструирована турбина и карбюратор в этой мастерской.

К вечеру только они возвращались домой, и князь Артур предложил заехать к нему в охотничий домик, чтобы отметить это событие! Ему сегодня так не хотелось в таком парящем настроении проводить ночь в постели супруги, а тянуло на разгул, в его прямом смысле слова, чтобы сбросить с себя накопившуюся за все эти недели суету и волнения.

С корзинами вина и закуски, с бочкой знаменитого венгерского пива они всю ночь шумели среди широкого поля в одинокой избушке, которую так удачно приобрел князь для себя и только для себя. Баронесса даже и не слышала про это. Анраш Мерхват первым в Венгерском королевстве услышал историю реальной родословной линии самого князя, что случилось для него неожиданностью. Но на утро половина из того, что они делали и говорили ночью была просто потеряна из сокровищницы мозга, так как состояние, в котором они под конец воспринимали информацию, было подведено к самой критической точке человеческого бытия. И притом, мешая пиво с вином и шампанским, утром отозвалось сильнейшей головной болью и состоянием не восприятия окружающего мира. Из охотничьей избушки они выбрались опять только к ночи.

ГЛАВА 17

В кабинет графа Отто фон Махеля вошел его секретарь. Граф собирался уезжать домой. Ему принесли информацию о князе Войцеховском. Усталыми движениями граф одевал пиджак и думал о своем. Донесение выглядело сухо. Вкратце, ему отрапортовали, что более подробной информации добыть не получилось. Князь и баронесса – супруги в течении семи лет, но живут вместе еще с более давнего времени. У баронессы фон Гайзейштард это второй брак. Она спонсирует все проекты своего супруга и всю его научно-исследовательскую деятельность. Ни одного патента князь сам не защитил, но всегда является инвестором всех самых крупных проектов в Западной Европе. Печатается в научных журналах, изучает физику,

математику и химию, но больше в их практическом применении. Имеет разряд в шахматах, играет, но не азартен, на скачках. На данный момент занимается приобретенным им автомобилестроительным заводом и работает над диссертацией в сфере математики. Служил два года, но давно, в австрийской армии в чине штунбанфюрера. Был ранен в руку в одном небольшом сражении и оставил службу. О его жизни двадцатью годами раньше совершенно ничего не известно. Только слухи. А слухи говорят о том, что его мать была в гареме турецкого султана наложницей украинкой. И князь – сын наложницы и турецкого султана. Был вывезен баронессой из Украины двадцать восемь лет назад ребенком. Жил в её доме на положении дворового прислужника, в её доме познакомился со славянским учителем, получил домашнее образование. Стал быстро преуспевать и баронесса, дав рекомендательные письма отправила его продолжать получать образование в Киев. Оттуда он перебрался в Санкт-Петербург, там и прожила баронесса четыре года. После окончания Петербургского университета, они переехали во Францию и там прожили три года. Во Франции он защитил звание бакалавра естественных наук, но снова они неожиданно уехали, и кто-то говорит назад в Турцию, а кто-то в Россию. Эти слухи фактами не подтверждены и ни одна душа, близкая к семье баронессы и князя не знают правды. Никто не знает, почему ни в первом, ни во-втором браке баронесса не имеет детей и откуда у неё такое состояние? Возможно, от первого супруга, а возможно и от Турецкого султана, за то, что взяла на воспитание сына наложницы.

Граф, действительно выглядел устало. Сложив кисти рук ладошками, он прикрыл ими глаза и молча сидел так минут пять. Домой ехать не хотелось. В связи с навалившимися за последнее время проблемами, он чувствовал себя так одиноко! Встав и подойдя к окну, он долго всматривался в суету вечерних улиц. Снующих прохожих и редко проезжавших экипажей. Его все чаще стала посещать мысль о женитьбе. Проблемы совсем не стояло. За этого вдовца почли бы за счастье выйти дамы любого возраста. Дело в том, что ему было одиноко, но и страшно менять весь привычный уклад его жизни и он боялся, что выдержит психологически то, что теперь по утрам в его кровати будет просыпаться еще один человек. Только одна женщина не вызывала в нем такого чувства опасения за свой психологический комфорт – Это Анни Милешевская. Но юная девочка так молода, так целеустремленна в своих фантазиях, что ей ли было задумываться о браке? Эту хрупкую, но настолько серьезно относящуюся к жизни девушку к браку пришлось бы принуждать, а он не хотел этого делать. И потом, она была не из высшего общества. Положение графа прикрыло бы слухи о её не знатном происхождении, но Анни была не из тех, кто пойдет против своего сердца. А в сердце её была только учеба и медицина. Граф уже видел в ней хорошего, уверенного врача, грамотного и глубокого.

Слуга спросил:

– Ваше сиятельство, домой? – и граф оторвался от своих мыслей. Он подумал и уверенно сказал. – Мы сейчас в лавку еврея Саньшарского, затем к господам Милешевским.

Но домой граф возвращался еще сумрачнее. Он привез для юной леди красивый подарок и сладости, но дома оказалась одна только тетушка, занимавшаяся шитьем на машинке. Пожилая дама предположила, что Анни на ипподроме, как всегда с Ангелом, но в точности она не знала где делась девушка. Уезжая, его экипаж ехал очень быстро, но в окно, он увидел, что проехал мимо возвращавшейся Анни. Ее точенная фигурка так быстро проплыла мимо окна, что граф вначале осуществил порыв остановить свой экипаж, но потом резко передумал: «Ай, в другой раз!» махнул он рукой. «Будет повод еще раз навестить».

ГЛАВА 18

Приближалось рождество. Шумное и долгожданное! Но к началу нового года, студенты должны были сдать два экзамена. Химии и биологии. И председателем экзаменационной комиссии был назначен князь Артур Войцеховский. Только лишь этот факт заставил Хелен усердно сесть за штудирование лекций. На время её дружеские визиты к подруге по выходным прекратились. Две недели, семинары, практические занятия и они держали экзамен. Кто только

из считанного количества представителей женского пола на весь университет не влюбился в князя? Все! Призналась в себе в этом и Анни. Но её упрямая и глубокая натура сопротивлялась этому увлечению. Если она шла и мечтала с ним повстречаться где-нибудь, то заставляла усилием воли делать обратное. Она обходила его стороной и убегала. Знал ли об этом князь? О, это душа потемки! Баронесса стала беспокоиться его частым ночным отсутствием в доме, но женская интуиция её ничего не говорила. Его забрал у неё завод, понимала она и отгоняла негативные мысли. Притом, что в университете у него остались считанные часы и только волей ректора он был поставлен председателем экзаменационной комиссии. А ректор знал, что баронесса фон Газейшарт большая меценатка. На эту роль князь согласился охотно. Он первый раз в своей жизни принимал экзамен у студентов. Ему было интересно. И, да, он ждал, он очень хотел увидеть Анни Милешевскую. Он даже соскучился, без её забавных выходов! Лежа на широкой кровати, застеленной мягкими шкурами, у себя в охотничьем домике и переваривая события от шумного, сильно суетного дня, силясь выстроить их в стройную логическую цепочку, но в неё всегда, всегда вклинивалась улыбка юной девушки, её большие, бездонные глаза, то удивленные, то испуганные, то сосредоточенные и напряженные. Он еще совсем не придавал серьезности тому, что её образ возникал перед его мысленным взором постоянно, но ему становилось удивительным то, что он желал её видеть наяву. И если этого не происходило, ему чего-то не доставало с щемящей грустью легкого одиночества. Может он его ощущал бы острее, если бы не та глыба производственных забот и волнений, которые он взвалил себе на плечи? Заботы эти были не угнетающими, а естественными для него и их он воспринимал с готовностью и терпением. Это были его личные заботы, это, в данный период жизни, смысл его жизни.

Студенты сдавали хорошо. Это были времена, когда ты шел учиться от большого желания, а не отдав дань устоявшимся в обществе взглядам, что ты просто обязан иметь высшее образование, а завтра будет завтра, диплом сердце согревает, повышая твой статус в обществе. Пытливые умы блуждали в дебрях непознанного, чувствуя на генном уровне, что природа таит в себе мощнейшие знания и силы и в жизни возможно все! Ты всегда чувствовал, что вот-вот, еще чуть-чуть, и перед тобой раскроется некая тайна! Медицина была полна открытий. Перед болезнью и смертью равны все и бедный и богатый. Мать Анни умерла от родовой горячки, и мальчик не выжил. Так у девушки мог быть бы братишка. Но она осталась сиротой. А послеродовая горячка, было самым распространенным осложнением в те годы у женщин. Появление ребеночка ты ждал не в феерическом предвкушении радостного события, а с напряженной тревогой. Смертность была столь высока! Анни в семилетнем возрасте потеряла мать и никогда не сможет стереть из памяти её лицо в последние мгновения жизни. Сколько муки, невыносимой муки было во взгляде, когда перед уходом ясное сознание на миг вернулось к ней. Она узнала, что остается ребенок один, в целом свете один на растерзание жизненным трудностям и невзгодам и это понимание доконало её сердце, оно не выдержало. Не о физической боли говорил её жаркий, измученный взгляд. Душа кричала и рвалась туда в пустоту, с постепенно наползающей тьмой, в бредовом дыму растворяя бело-розовое, нежное личико её девочки. Оно терялось, а все её существо тянулось к нему и беззвучно звало так умоляюще! – «Доченька, где-ты?»

У друзей Анни много сестер, тетюшек и мам «сгорело» после родов. А сколько в первый год жизни умирало младенцев! Матери доживали последующие годы своей жизни старательно скрывая непреходящую депрессию. Времена были сложные и трудные. Но во Франции уже пытались делать кесарево сечение. И результаты положительного исхода были пятьдесят на пятьдесят. Это опасное соотношение.

Всей своей глубокой женской натурой и сутью женского «я» в природе, Анни возжелала изменить ход событий. Она определила уже рано свое место в жизни – своими руками и знаниями помогать женщине встречать благополучное материнство. Ее усердие в ученье было

неоспоримо. Ее знали и ценили. В стенах данного заведения, совершенно не ставилось во главу угла происхождение. О нем, словно забывалось тут. Поэтому здесь студенты чувствовали себя комфортно и значимо.

Экзамены так же сдавались несколько в иной атмосфере. Преподаватель большей частью беседовал с тобой и даже спорил. Если ты вытянул билет с заданием для тебя сложным, и ты чувствовал сейчас свой пробел, это не воспринималось сразу как провал и не грозило отчислением из университета. Ты мог попросить дать шанс проявить свою сильную сторону знаний, и никто не сомневался, что ты сам, своей доброй волей, постарайся поработать в отношении своих пробелов. Экзамены своего рода для преподавателей служили определением дальнейшего направления в преподавательской деятельности, выявлением слабых и сильных моментов в изучении предмета. Учиться шли те, кто, действительно хотел учиться. Отпрыску знатного и богатого рода образование ни приносило дополнительных дивидендов. Они и так могли жить в свое удовольствие, не заботясь о хлебе насущном. Научился грамоте и достаточно.

Анни возле окна дождалась выхода из аудитории своей подруги. Затуманенная и раскрасневшаяся от легкого волнения, она оживленно пыталась передать свои эмоции. И в конце они свелись, конечно же, к тому, что князь Войцеховский сидел такой блестящий и неотразимый. Что его карие глаза прожгли насквозь её сердце, и она чуть с ума не сошла от переполнявших её чувств. Игн тоже хорошо защитился. Анни уверенно вошла в аудиторию. То, что ей сразу бросилось в глаза, что князь Артур одет был в военный мундир, и карандашом в руке нервно выбивал дробь на столе. Если князь со своей стороны считал, что Анни эксцентрична в своем стиле жизни, то также о нем думала она, потому что совершенно странно было видеть председателем экзаменационной комиссии, человека, одетого в военную форму. Что как только она показалась в дверях, боковым зрением он это почувствовал и напрягся, но сохраняя хладнокровие, ни один мускул не дрогнул у него на лице, и он, даже, не повернул голову в её сторону. Но это все было на физическом уровне, а на духовном, он и она почувствовали большое напряжение между ними и одновременно удовлетворение от разрешившегося томящего ожидания встречи. Он так же не поднял на неё глаза, читая какой-то документ, когда она брала билет, но незримо контролировал каждое её движение. И как только она села за стол готовиться, она своим биополем четко ощутила на себе его внимательно изучающий взгляд. Это мешало, и она постаралась взять себя в руки и сконцентрироваться на задании.

Повышенного волнения не возникло. Она его знала. Надо было просто упорядочить мысли, которые словно в «раскиречку» стали крутиться в голове. В помещении тихо переговаривались, шуршала бумага и доносился шум ветра от окна.

Пришло её время. Она вышла к доске. Глубоко вздохнув и окинув всех членов комиссии встревоженным взглядом, стала излагать. В сторону князя Войцеховского она даже ни бросила ни одного взгляда. Как струна, натянутая в луке, она мобилизовала всю свою волю, чтобы посторонние мысли не лезли в голову.

Откинувшись одной рукой на спинку стула, и уже порядком подустав от неудобного сидения за столом, теперь Артур не сводил с неё глаз. И чем больше его глаза жадно изучали всю её фигуру и лицо, тем восхищения и теплоты отражалось в них сильнее. И казалось уже вскоре, что он не слушает то, о чем она говорит с кафедры у доски, а погружается глубже в свои мысли и становится более отрешенным. И каким-то неуловимым оттенком, маленьким штришком в глазах возникало удивление. Удивление самому себе. К нему все отчетливее стало приходить осознание, что эта девушка для него не просто студентка. Она прежде всего женщина. И меньше всего он думает о её знаниях и ответах, а больше о том, как её женское обаяние притягательно! Оно глубоко проникает в душу и обратного пути уже не найдет. Поселиться там и начнет расти. И... ..да, не слышал он уже того, что она говорит, а с удивлением разбирался в том, что сейчас, в эту самую минуту, с ним происходит! Впитывая в себя её образ, ему не верилось, он никогда не знал этих позывов. Как шестым чувством, иногда человек предчув-

ствует грядущие события, так на уровне интуиции, он услышал голос подсознания – «Что эта женщина станет всем смыслом его жизни, это вот-вот нагрет и обрушится неподконтрольной силой, меняя все в твоей жизни!! Беги! Беги пока еще можно! Пока еще сам распоряжаешься своей жизнью!» Это то, что с таким запозданием ворвется, но подчинит себе все без исключения. Это любовь! Так вот она как подкрадывается!? Не заметно, но это же лавина! Он хочет видеть лицо этой девушки каждое мгновение жизни, слышать голос и знать запах её волос, теплоту её тела.

И когда Анни окончила свое выступление, она бросила встревоженный взгляд на князя Войцеховского и замерла. Четко прочитала эту «ошарашенность» в его выражении глаз, Изумление! Чему? Тому, что он четко осознал сейчас. Они дышали любовью. И ток пронзил её тело. Она душой приняла эту волну вибрации в воздухе. И шквал не обузданного счастья ворвался во внутрь неё. Рассудок опустился на самое дно. Пошатываясь, спустилась с кафедры и поспешила вон.

Когда она выскочила из аудитории, Хелен и Игн, другие сокурсники, заметили её перевозбуждение. Она же как очумелая стояла у дверей, не в силах произнести ни слова! Их озадачило такое поведение. Молчали, глядя на неё в упор. Все так же отчужденно Анни пробилась к окну, и то, что громко слетело с её губ, не понял никто – Нет! Мне это не надо! Это дурость какая-то! Это запрещено!

– Что запрещено? – не выдержал Игн.

– Ай, ай – била она в воздухе, как кулаком по столу. – Игн. Ты ходишь на студенческие вечеринки?

– А что? Редко.

– Надо пойти, надо расслабиться. Мне Ангел не поможет теперь!

– Анни, ты здорова? – осторожно спросил он.

– Да. Давай пойдем сегодня гулять. В парк. Ну или лучше на вечеринку. Мы же студенты, жизнь молодая! Хелен, ты с нами?

ГЛАВА 19

Да. Вечер удался! Главное, все первый раз. Анни пила шампанское где-то в парке, на берегу Дуная. Потом они пошли в кафе еврея Ву. Вот таким странным прозвищем его называли все на этой стороне Пешта. Там они пили много пива. Радовались, плясали. Плясали так, что Хелен потеряла каблук, и у всех на утро болели мышцы ног, но они не могли вспомнить, почему они у них болят. Потом они опять пошли на берег Дуная. Уже с темнотой их оттуда прогнала полиция. И в доме у одного из сокурсников, они много пили хмельного эля, чистого, и совсем, поначалу не хмельного. Кричали песни под гитару. Где были родители никто не вспомнил и были ли они вообще. Проваливаясь в водоворот закручивающейся воронки, и отупев от спиртного, испытывалась только очумелая радость и желание излить душу. Может она и изливалась, Анни тоже не помнит. Она не знает, что посреди ночи Игн волок её, размахивающую руками по улице, отняв в одной из комнат у похотливого юнца, решившего воспользоваться ситуацией и всю дорогу ругал.

– Не умеешь пить, не берись, белая ворона! – и смутно только догадывался, что означали обрывки её фраз.

– Не нужно мне это. Он женат! Все ровно пустота! Пустое! Я справлюсь! Вот еще телячьи нежности – для идиотов! А в мире столько проблем!

Не понятно каким-образом, Игн был трезв. И это спасло девушку. Трезвому так смешно слушать пьяные откровения.

– Да, да. Проблемная ты моя. Мир же без тебя рухнет, пить надо научиться!

Доставив Анни домой к тетушке, её сразу уложили спать. И в эту ночь, по крайней мере, она, действительно спала.

На заводе князя Войцеховского произошел непредвиденный инцидент. Три месяца рабочим не выплачивалась зарплата. И самое смешное то, что причиной для этого послужила обыкновенная невнимательность. Все эти месяцы все внимание было сконцентрировано на сборке станков, покупке материалов, оснащении производства сырьем. Инженера работали над модернизацией оборудования, получением патента на изобретение. Потом, идея вводилась в производство. Князь практически поселился на заводе. Бухгалтерией никто не занимался. Вновь принятые на работу работники терпели из благодарности, что их приняли на работу несколько месяцев. Но... терпение иссякает. Начался ропот.

Утром, за завтраком, князь просматривал газеты и с удивлением обнаружил, что с социал-демократическая партия, обратилась в парламент с жалобой на задержку зарплаты на металлургическом заводе баронессы Элизабет фон Гайзерштард. Князь перечитал эту статью еще раз, потом перевернул и прочел название газеты, ибо никогда не обращал внимание, какие газеты читает. Вошла баронесса и он как-то странно посмотрел на неё.

– Что случилось, дорогой? – почувствовала она неладное. За ней следом в столовую вбежало сразу две собачонки. Подойдя сзади к мужу, она всем телом прильнула к его спине и опустила руки на его грудь. Проникла ладошкой в расстегнутый глубокий вырез и стала ласково гладить обнаженное тело. Его мысли были далеко. Оторвав её руку, из вежливости, он поцеловал её прямо в ладонь и встал. Забрал газету.

– Все хорошо. Мне нужно спешить. – и вышел.

Приехав на завод, он вызвал к себе управляющего, и положил перед ним газету, жестко произнес:

– Я не понял... Как это произошло? И неужели наши газеты, то есть венгерские газеты печатают информацию в интересах социал-демократической партии? – он говорил ровно и спокойно. Но твердость в голосе настораживала.

Управляющий молча перечитал статью и очень выдержано и добродушно поднял на князя глаза:

– Я вам хочу сразу сказать. Наши газеты, конечно же, не интересуются проблемами рабочего класса. Но, мне думается, что если газетчиков хорошо проспонсировали ваши конкуренты, то они могут пустить это в прессу, тем более что факт задержки зарплаты имеется.

– А почему он имеется?

– Мы же не наняли никого в бухгалтерию. Работников никто не рассчитывал.

Князь озадаченно хмыкнул. Как вот так бывает, что, занимаясь глобальными вопросами для предприятия, человек может упустить некоторые простые вещи. Князю и в голову не приходило, что он столкнется с такими вещами. Он не думал о этих финансовых вопросах.

– Надо срочно нанять – так же жестко произнес он. – Очень быстро и рассчитать рабочих и не только их, всех. Инженера зарплату получали?

– Дело не в этом – возразил управляющий. – Мы еще много кого не наняли. Завод только запущен. Готовая продукция не выпущена. Никто еще не купил наш товар. Нет денежного оборота. Счета нулевые. Где взять средства на выплату зарплаты?

Князь с какой-то даже тревогой окинул взором говорившего такие вещи. Он быстро соображал и четко понял, как он еще узко мыслит. Нет опыта, и он даже не предполагал о некоторых вещах. Он первый виновник возникшего положения. В задумчивости он стал тереть себе лоб. И тут же отдал распоряжение.

– Мы должны обратиться в банк, срочно, за ссудой. Нужно найти банк с самым приемлемым процентом.

Это нужно сделать быстро. Банк попросит залог – я еду с вами, будем разговаривать о залоге. Контракты с заказчиками подписаны?

– Почти со всеми.

– Господин Истван, это не ответ. Все должно быть надежно. И нужно выяснить, кто напечатал статью, вернее с чьей подачи и кто проплатил такую нам рекламу. Сейчас мы пообедем все банки, а вечером все рабочие должны быть успокоены тем, что в ближайшие три дня получат все с полна. И чуть больше – за терпение.

Управляющий не был уверен в том, что вновь созданному бизнесу, банк так быстро выделит ссуду. Но. Действовать было нужно.

Князь вышел на внутренний балкон, с которого цех литья металла был как на ладони. С самого утра настроение испортилось. Он так не хотел обращаться к баронессе за деньгами. Лучше продать быстро автомобиль, но это, скорее всего не покроет сразу непредвиденных им расходов. В любом случае, автомобиль продавать нужно не в Венгрии, во избежание слухов, о действительно затруднительном положении на его заводе. Он корил себя и злился, что лучше нужно было думать. Так давно человек не испытывал необходимости думать о финансах, все всегда было и сразу, что забота о других людях и обязательства перед кем-либо, даже не встраивались в четкую, плавную череду жизненных событий.

Рабочие суетились возле двух турбин, в очках и защитных шлемах. Вылившаяся из большого отверстия огненная лава обдавала жаром и тяжело падала в емкость, из которой по нескольким отсекам распределялась в тонкие трубы и отходила разветвлениями в более мелкие емкости для медленного охлаждения. Такая махина, и нужно учитывать все, знать весь процесс, и знать детально организационную работу на заводе. Нужны еще люди, грамотные и старательные. Он выкладывается до последних сил и все равно не успевает. Нужно думать, лучше нужно думать!

Немного постояв в легкой задумчивости, он сбежал вниз и вышел из горячего цеха наружу. Они поехали в Венгерский кредитный банк, к управляющему банком Жигмонту Корнфельду.

ГЛАВА 20

После экзаменов, все студенты медицинского факультета проходили практику в больнице. Анни так этого ждала. Что может заменить практику? Если ты собираешься стать хорошим доктором? Она с Хелен рано утром приходили в больничные покои и послушно наводили в них порядок, потом переодевали серые сарафаны с белыми передниками, белыми нарукавниками и белыми шапочками, шли на обход больных и после всего присутствовали на операциях. В эти моменты, конечно же, она забывала обо всем. Сильнейшие впечатления, которые она получала, перекрывали все остальные. Она думала только о больных и старательно ловила каждое слово хирурга-доктора. Уходили из больницы они поздно, ей всегда хотелось облиться большим количеством воды и закутаться в теплое одеяло. Тетушка предлагала ужин. И вот вечером, лежа в постели, мысли о князе Войцеховском опять мучили воображение. Сон не шел. Она вспоминала его такой странный взгляд на экзаменах! И после, никуда не денешься, девичье воображение рисовало её желание оказаться с ним рядом, почувствовать опять его руки на своих плечах и провалиться в томящую негу от горячего поцелуя. Засыпала она к середине ночи, а рано утром, не выбрав сполна все часы отдыха, не выспавшаяся шла в больницу. И вот пришло время, Хелен радостно сообщила ей о том, что в университете перед самым рождеством будет бал. Для студентов и преподавателей, для всех желающих будет бал. И его готовят сами студенты. Университет нашел средства и даже на несколько часов был приглашен оркестр. Дело стало за нарядами, так как бал был только костюмированным. В том то и дело, что костюмы интереснее всего было сделать настолько скрывающими их владельцев, что студенты и преподаватели под ними не узнавали друг друга, это убирало тонкую границу в их сдержанных отношениях и позволяло веселиться от всей души. Мало того, студенты из собственных средств, по желанию скидывались на легкие напитки и сладости. Эта новость парила в воздухе радостным воодушевлением и захватила все их мысли перед самым балом в выборе нарядов.

Хелен быстро заказала себе костюм сказочной принцессы, а Анни захотелось одеться наоборот, в черную, злую волшебницу, темную фею и побыть злым гением. Игн же не мучился выбором, а просто приобрел себе маску мистера-икс и фрак. Он мотивировал тем, что фрак еще пригодится на выпускном, который не за горами, через четыре месяца.

Войцеховского жизнь напоминала что-то похожее.

В залог ссуды князь Артур Войцеховский предложил свой загородный охотничий домик. Работникам завода была выплачена зарплата. Завод работал.

Вечером баронесса, готовясь ко сну, все-таки дождалась мужа. Накинув капот на ночную сорочку, она пошла искать его по комнатам. Нашла возле камина. С бокалом вина, откинувшись на спинку кресла и не сводя глаз с огня, он сидел, устало перебирая в памяти события прошедшего дня. Скинув с себя только пиджак и даже не притронувшись к ужину, смотрел на угасающий огонь камина... Баронесса тихонько села в кресло рядом:

– Ты устаешь, зачем так себя нагружаешь?

Он безлико окинул её взглядом и выдал из себя улыбку в ответ.

– Ты забросил свою научную работу, мало спишь, наспех ешь, скажи, зачем тебе это все надо? Денег до конца жизни хватит, ты же знаешь... – грустно сказала, запнулась. Отвернулась, помолчала, а потом добавила:

– Нам же некому оставлять наследство, просто живи в свое удовольствие, может нам отправится опять в путешествие, туда, где мы еще не были?

Он потянулся к ней, взял её кисть руки и ласково погладил.

– Ну, ну... Брось ты этот пессимизм, Лиз. Мне силы некуда девать, наверное, поэтому.

Она слегка оживилась. Опустилась на пол возле его кресла и провела ладошкой по ноге.

– Ты последнее время совсем отдалился, у тебя может неприятности?

Он отрицательно покачал головой. Но, ему так хотелось побыть одному. Не получилось.

– Ты не спишь в моей постели... пусть ничего нет, но мне хорошо, когда ты рядом. Что происходит?

– Лиз. Просто жизнь... Ты представляешь, как я, как мальчишка, сглупил?!

– Что? Все-таки случилось что-то?

– Я просто взял, и не выплатил рабочим зарплату. Я просто не подумал об этом... о таких очевидных вещах...

– И что? Ты замотался.

– Лиз, ну это же так просто, а я об этом не подумал. Как я могу поднять такой бизнес, если о таких простых вещах не подумал? Это так просто! – пожал плечами и снова зачем-то произнес: – Просто.

Она повела рукой вверх по рубашке. Но он перехватил её руку. Рывком поднялся.

– Лизонька, я выплещу, дорогая, и приду к тебе. Спать очень хочу.

Она встала, раздосадованная, следом и уже вдогонку:

– Чураешься? Как будто я тебе против твоей воли хоть когда-нибудь не давала спать. –

И совсем про другое – Пришло приглашение от ректора университета на рождественский бал. Артур обернулся.

– И что? Ты хочешь по развлекаться в студенческой среде?

– Я же должна поддерживать имидж первой меценатки в Европе.

– Лиз, ты же предпочитаешь только высшее общество, самые сливки. Это не для тебя.

– Ты будешь на бале? – в свою очередь спросила она.

– Нет. Лиз, мне сейчас не до этого. – и вышел из комнаты.

ГЛАВА 21

На самом деле, этот первый в истории Будапештского университета бал, который в свою очередь очень удивил и взволновал венгерскую молодежь и даже преподавательский состав, был шахматным ходом венгерского правительства. Правительство Кербера решило по за игры-

вать со студенческой массой. Балы устраивались во всех наиболее крупных научно-исследовательских заведениях Венгрии под Рождество. Политические и национальные столкновения на Балканах стали обостряться. Венгрия занимала все более агрессивную позицию в отношении Сербии и Хорватии, это оказывало влияние на молодые умы. Население Венгерского королевства не одобряло действий правительства, законов парламента. А особенно выступала против прогрессивная молодежь и преподаватели высших и средних учебных заведений, интеллигенция. Распространялась в большом количестве подпольная социал-демократическая литература. Против политики расизма и религии. Интеллигенция, как самая грамотная часть населения, сочувствовали национальным меньшинствам. Создавались социал-демократические кружки, где на добровольных началах учителя вызывались обучать грамоте рабочих и их детей. Полиция то там, то здесь изымала запрещенную литературу, а перейти совсем к откровенно агрессивным действиям не решалась. Балы, были своего рода попыткой отвлечь молодое поколение и интеллигенцию от мыслей возмущения в сторону правящих кругов. Надо показать заботу о досуге студентов и внушить мысль, что правительство озабочено вопросами культурной и научной жизни королевства. Делается это просто. Выделяются некоторые средства и вызывается ректор университета, с которым мило беседуют на тему организации праздника в студенческой среде. А еще одним из самых эффективных способов отвлечения молодых умов от дел насущных был ввоз из стран Западной Европы кинематографа. Немое кино манило в залы демонстрации огромное количество народа. Это стало огромным веянием того времени. Дамы грезили о романтических кавалерах, кавалеры о красивых, чувствительных леди, принимались наряды, менялась мода. Выйдя из раннего кинотеатра, ты грезы о красивой жизни и преданной любви уносил домой, дорисовывая в воображении уже на месте героев кинематографа себя и мечтал оказаться на их месте. Студенты на переменах, только, и перекидывались друг с другом впечатлениями о просмотренном фильме, о прекрасных героях. И как бы там ни было, бал предстоял значительный и захватывающий. Прекрасное место завести новые знакомства, показать себя, познакомиться с незнакомкой и просто потанцевать.

Баронесса с князем в самый последний момент решили показаться на балу. Артур Войцеховский одел фрак, но графиня проявила весь свой изысканный вкус. Самая лучшая портниха Венгерского королевства, в самые короткие сроки, за очень хорошую оплату была приглашена для пошива платья. Камеристка несколько часов улаживала волосы и вплетала в них черный жемчуг. Артур приехал домой снова поздно. Быстро переоделся и они сели в экипаж. Подъехали они к парадному входу университета уже в самый разгар праздника и вошли в самый большой зал в учреждении, где обычно проходил выпускной вечер или студенческие викторины. Решив создать самую таинственную и романтическую обстановку, было решено заранее электричеством не пользоваться. Везде, где только можно было расставлялись подсвечники, народ шумел и суетился. Музыка играла очень тихо, пока только для фона. Все ждали выступления ректора и угощались шампанским, легкими винами, сладостями. Глаза разбегались от изобилия костюмов. Нет, в масках были не все, но большинство. Преподаватели сидели за столиками и оживленно переговаривались. Никто никого не представлял, обстановка царил непринужденная и веселая. Баронесса, никогда не посещавшая такие вечера, где все более-менее попростому, ради веселости и удовольствия, даже растерялась. Своим шикарным туалетом, она бросалась в глаза всем и в зале возникло на короткое время напряжение. Жен, практически никто не взял, за исключением человек десяти из преподавателей. Но это было не то место, где демонстрировались драгоценности. И об этом баронесса не подумала. Но растерянность очень быстро прошла, так как люди, имеющие огромные состояния, уже не сильно стремятся производить впечатления в обществе, они становятся к этому инертными. Окинув медленно, внимательно, с большим интересом огромный, украшенный елочными ветками и гирляндами зал, баронесса кивнула несколько раз головой в знак приветствия людям, сидящим за столиками, дирижеру оркестра и перевела взгляд сбоку на князя Войцеховского. Его глаза медленно, но

напряженно бродили по залу и заметно было, искал кого-то. Баронесса насторожилась. Но ... вот взгляд её супруга, видимо, нашел человека, которого искал, и они не спеша направились в ту сторону. Из-за столиков поочередно стали вставать представители элиты данного заведения и протягивать дружеское пожатие князю, и целуя протянутую руку баронессы. Им предоставили места за столиками. Артур желал общения с Имре Мадач, прославившимся венгерским поэтом и неординарным философом, преподававшим в этом университете на кафедре философии и перспективным, довольно молодым физиком Дьёзе Зелплен, экстерном и уже бакалавром естественных наук. С ними у него установились дружеские отношения в стенах этого заведения. Они раньше часто общались.

На трибуну поднялся ректор Иштван Рене, лет пятидесяти, маленького роста и мелкими чертами лица. Его внимательно слушали только первые минуты, но потом шепоток, и неумная энергия молодой крови, которая жаждет веселья стала невзначай заглушать его речь. Он не пытался наводить порядок, радуясь возможности сбросить с себя бремя произносить никому не интересные слова. Поздравив всех с Рождеством, с готовностью покинул трибуну и вернулся к своему столу. Он был с супругой

Вот теперь оркестр громче заиграл, так полюбившуюся в Западной Европе музыку Имре Кальмана из оперетты «Веселая вдова». Имре Кальман был родом из Венгрии и являлся гордостью всех представителей Венгерского королевства, но, сам уже давно проживал в Австрии. Началось еще большее оживление. Всех закружило в танце, вихре волнующих вибраций и любопытством, какая красавица скрывается под маской сказочного персонажа. Женщин было в два раза меньше, чем представителей мужского пола. Многие пригласили сюда своих возлюбленных, не имеющих никакого отношения к этому учреждению. И от проносившегося мимо ветерка, создаваемого шуршащими платьями, свечи весело мигали своими огоньками, направляя пламя то в одну сторону, то в другую, а воздух наполнялся ароматами живых еловых веток.

Анни и Хелен танцевали и танцевали. На всем своем курсе они были единственными представительницами женского пола. И хотел бы, не заскучаешь. В прорези своей маски она бросала быстрые взгляды на чету баронессы и князя и быстро отводила глаза, не желая ни малейшими движениями выдавать себя. Столики расставили для студентов вдоль окон, чтобы середину зала предоставить для танцев. В перерывах между музыкальными произведениями, она выпивала бокал шампанского, и тут же клала руки на плечи кавалеру, и они уносились под музыку в центр, а потом по кругу. Игн, на правах друга, ими не занимался. Его они видели изредка, не успевая даже передохнуть. От выпитого шампанского настроение парило и словно подымалось вверх, унося все мысли из головы, опустошая закоулки сознания и оседая усталостью в ногах. Курить выходили в фойе или на улицу. Она кокетничала со всеми и никому ничего не обещала. Рассматривая украдкой баронессу, оживленно беседующую за своим столиком с ректором, она старалась найти в ней как можно больше изъянов. В ней просыпалась женщина. И чувство глупой, неоправданной ревности никак не подавлялось выпитым шампанским. Она завидовала этой женщине, но одновременно и сочувствовала. У неё были права, на любимого ею мужчину, она сидела с ним рядом, она его слушала, она ему улыбалась. А вечером они вместе придут домой, у неё есть право раздеться перед ним, дотронуться до него, обнять. Они вместе лягут в одну постель. Он называет её по имени, у них так все привычно и по-родственному. Ей так хотелось быть на её месте! А сочувствовала, ПОТОМУ ЧТО САМАЯ БОЛЬШАЯ СИЛА БЫЛА НА СТОРОНЕ девушки: молодость и красота. Анни знала о своей красоте. Когда это говорят все вокруг, когда ты постоянно ловишь на себе восхищенные взгляды! И такой взгляд она видела у Артура Войцеховского, ведь она не могла ошибиться, да... он же не любит свою супругу! И это удивляло и радовало одновременно! Но признавала вкус баронессы. Платье обтягивало все еще гибкую, стройную её фигуру, и осанка у неё была королевской. Анни так не могла. В ней не было такого высокого благородства. Она была просто живая и хрупкая, тонкая, легкая девочка. В той женщине чувствовалась стать, уверенность в

себе, тихая гармония внутри и отрешенность от этого мира, как будто она существовала с его страстями, уже в не его. Плавность и отточенность, не торопливость движений, добрый и гордый взгляд. Эту женщину было за что любить и уважать. И неосознанное уважение возникало внутри Анни к ней, еще не будучи даже с ней знакомой.

Когда Игн в паузе между танцами подошел в Анни, она воспользовалась этим моментом, чтобы передохнуть и перевести дух. Схватив его под локоть, она потянула его прочь из зала. Они подошли к окну.

– Ну ты матушка – без остановки. – улыбался он.

Анни в наряде злой феи, с длинным плащом, подбитым снизу черно-синим атласом и с высокой, остроносой шляпой никто не узнавал, кроме самых близких друзей. По губам. Только у неё одной были такие нежные, капризные губки. Они очень быстро запоминались, также как и глаза, если их хоть раз увидел. Все на курсе, и даже преподаватели, оказывали ей знаки внимания. Но, ей это только мешало. Она избегала всего этого разными способами. Где-то жестко останавливала попытки сблизиться, где-то включала идиотское поведение совсем маленькой, ничего не понимающей девочки, и от неё отходили, пожимая плечами, в легком недоумении. Игн был просто другом. У одной только Хелен возникали к нему вопросы. Она однажды спросила его:

– Тебе, что совсем Анни не нравится как женщина?

Он молча покачал головой, в тот момент занимаясь резанием лягушек, на лабораторном занятии.

Хелен озадачилась.

– Так, а тебе девушки, вообще, когда-нибудь нравились?

– Нравились – не желая углубляться в эту тему, кратко ответил он.

– А кто?

– Слушай, отстань, – оборвал он и отошел к другому столу.

Так вот не добившись правды, его больше не выспрашивали. И только с Игн Анни всегда чувствовала себя свободно и непринужденно. Как бы в безопасности, от посягательств на её красоту и сердце.

Стоя возле окна, Анни на мгновение сняла маску и попросила у друга платок. Вытерла влажное лицо и шею. Там за стеклянной дверью вновь раздались веселые нотки, хлопали пробки шампанского, каждые пять минут.

– Игн, а как ты думаешь, это слишком неучтиво приглашать на танец своих преподавателей? – спросила она и стала обмахиваться платком. Она не взяла свой веер.

– Я, думаю, кто с супругами, то неучтиво – ответил друг. – И ...на кого же ты на целена? Дай-ка угадаю, князя? Да. Князя, но ... он сегодня в паре, матушка.

– Это так печально, – с иронией произнесла она и опять надела маску, – не хочу сегодня быть узнанной.

Игн извинился и быстро удалился. К его, приглянувшейся ему маске, подошел незнакомец. Не кстати.

Подлетела Хелен с молодым джентльменом. В зале было жарко и она так же взмокла от пота, шампанское делало свое дело. В легком опьянении, она уже запутывалась в словах!

– Ну, что, тебе сегодня не повезло? – с намеками стала закидывать вопросами подругу. – С супругой, супругой. Ах, ах. Они же такие разные, бог, мой! Я никогда не видела настолько разных людей! Она сама холодность и серость, как мышь, только наряд ... Ты видела какой у неё жемчуг!? Платье! Оно великолепно! Вот что Анни делают деньги! Она просто королева! И стиль, и цвет! Все изысканно! Анни, я тебе давно говорила, ну заведи ты себе любовника! Так же будешь наряжаться!

– Ты тоже можешь завести себе любовника, что ты все мне их предлагаешь? А?

– Я? – и Хелен повела кокетливо плечиком перед кавалером, заманчиво улыбнулась. – А вот и заведу! Я ж сама прелесть! Кто попадет под мои чары, уже не вырвется назад!

Они расхохотались, но смех у Анни был натянутым. Она ни разу не увидела, чтобы Войцеховский хоть разок посмотрел в её сторону. Ну, понятное дело, она неузнаваемая, но неужели она не привлекательна в этом наряде? Черный, блестящий, так элегантно обтягивает её тонкий стан и красивую талию? Ну, что ей нужно сделать, чтобы привлечь его взгляд? Она хотела проверить, почувствует ли он, что это она? Подскажет ли ему его сердце? Или он так увлечен женой? Когда она рядом, ему никто не нужен?

И, как, и как она хотела бы закружиться в танце с ним? Как она хочет ощутить снова эту желанную волну окутывающей теплоты, когда он оказывается совсем рядом и почувствовать трепет легких бабочек, там, внизу, под животом.

Хелен глотнула шампанского и подставила губки для поцелуя. Вместе со своим кавалером, они слились в томном поцелуе. Анни же украдкой посматривала в бок, туда на стеклянную дверь, где вдали, возле трибуны стояли несколько человек и увлеченно о чем-то спорили, медленно потягивая вино. Она всматривалась в этот точенный профиль и все её существо тянулось к нему, туда, где его интересовал только разговор с собеседником. Он бросал взгляды в зал, на танцующих, он иногда поворачивался в бок, чтобы отметить взглядом свою супругу, как-то обыденно, без интереса, но взгляд загорался, когда в чем-то начинал возражать собеседнику.

– «Что же делать, что же делать? Я мечтала его увидеть на балу. Вот пришел. Я так хотела его увидеть, увидела, и я так хочу оказаться рядом, услышать его голос и заглянуть в глаза, заглянуть для того, чтобы еще раз разглядеть в них то неистовое желание владеть сердцем и мыслями любимого человека. – Надо что-то сделать? Ведь он для чего-то же пришел? Неужели только для того, чтобы с кем-то беседовать. Это можно делать легко и в обыденности студенческой жизни. А сейчас бал! Ах, зачем он взял супругу? В её ли возрасте плясать на балах у студенческой братии? Но...она и не пляшет, но... но ведь для неё студенческий бал – не её уровень, почему она пришла!? Что-то надо сделать...». Хелен совсем опьянела. Может попробовать через неё вытянуть его на танцы. А там и она подвернется, как бы в невзначай.

Она положила руку подруге на плечо с заигрывающей улыбкой:

– Слушай. Наши преподаватели почти не танцуют, давай мы изменим эту ситуацию? Хелен, давай ты пригласишь нашего молодого Дьёзе Зелпнера? А я еще кого-нибудь? А?

– Да на кой он мне нужен, у меня есть кавалер – надулась подруга.

– Ой, ну Хелен, ну пойми, – уговаривала Анни, – идем-ка в сторонку, скажу кое-что и она потянула её в сторону от кавалера, прилипшего к ней.

Хелен не сразу, путаясь и тормозя в объятьях спиртного, но додумалась до хитросплетений Анни. Посмотрела усмешливо на неё в упор:

– Ты, что, готова, тоже? Тебя, наконец-то кто-то пробрал?

– Только ж ты, дурында, потанцуй пару раз, с разными, чтобы не так в глаза все бросалось. Надо, чтобы казалось легкой студенческой шалостью. – принялась консультировать Ани.

– А мой кавалер?

– Один танец я станцую с ним, а потом приглашу князя. Давай, мы растрясем этих зажатых умников!

Хелен глотнула еще глоток шампанского и вручила бокал своему кавалеру, слегка пошатываясь, направилась в зал. Анни видела, как она подошла к Дьёзе Зелплеру и игриво что-то ему сказала. Он пожал плечом и оставил свой бокал на столике. «Все, пошло...» – мысленно сказала себе Анни, но легкое, сковывающее возбуждение стало подкатывать к горлу и сдерживать её порыв. Она повела кавалера Хелен в зал, на ходу допивая до дна свой бокал, чтобы опьянение, разогнало её скованность. Она ждала, она наблюдала, она подкарауливала удобный момент, чтобы подойти к князю Войцеховскому. И чем ближе приближался момент, и дежурный танец вот-вот должен был закончиться, она чувствовала опять волнение, которое её

сковывало. Не дотанцевав, она подхватила новый бокал и стала спешно его осушать. В голове зашумело и она почувствовала, что волнение улечивается, но тяжесть опускается гирями на ноги и они становятся ватными. Все, сейчас или некогда. Вежливо извинившись перед кавалером, она направилась вперед, в сторону своей цели. Но... «я так рванула!» – быстро мелькнула у неё мысль, и она тут же замедлила шаг. На неё направились взгляды всех, кто стоял у трибуны и мило беседовали. И чем ближе она подходила, тем больше замедляла шаги. – «Я слишком быстро иду» И вот, он смотрит на неё. В прорези маски она напрягла все свое зрение, чтобы не пропустить ни малейших изменений в его глазах, она хотела угадать его мысли, его отношение к происходящему. И увидела, он напрягся. У него даже еще больше выпрямились плечи и в глазах пробежала надежда, что злая волшебница – объект его мыслей... Вспыхнула радость и удовлетворение. Он, тоже ждал, он хотел оказаться рядом с ней и вот подвернулся момент и это прекрасно! Но он не уверенно ждал, к нему ли подойдет черная фея?

Анни, как ни старалась держаться уверенно и игриво, как не пыталась сдержать дрожь в голосе, не смогла. Поэтому слова вылетали коротко и быстро.

– Добрый вечер, ваше сиятельство. Студенческий бал, а вы не пытаетесь даже повеселиться? Можно вас пригласить на танец? – она завела руки за спину, сцепив их кольцом, чтобы унять трепет. Руки мешали, как хвост лисе во время спасительного бега.

Он подошел вплотную и её обдало жаром. Чисто машинально, и это совершенно было неуместно, она повернула лицо в сторону баронессы и увидела, что та прямо смотрит на неё и взгляд выражал недовольство. Со стороны, даже поведение князя Войцеховского выглядело неучтиво по отношению к ней. В его настолько спешной готовности принять приглашение студентки угадывалось полное равнодушие к чувствам своей супруги.

Но... это уже не важно было для них, двоих. Она почувствовала твердую руку князя у себя на талии, а другую на руке. Возникла сразу ощущение этой шемящей неги и трепета, всеобъемлющей теплоты, которая исходила только от него, его одного. Ей стало так радостно и волнительно! Её ладонь в его ладони! И отпустив все свое напряжение, она отдалась его рукам и руководству в танце. Сбылась её мечта сегодня. Не смотрела, даже не задумывалась о том, что на них смотрят сотни глаз. Вначале в зале медленно плыли вибрации нерешительности и удивления, молодые люди прислушивались к своим эмоциям, как принять такое поведение одной из них. Но, видя, с какой легкостью один из преподавателей принял такой жест, приняли решение думать об этом, как о руководстве к действию. Девушки рискнули и пригласили своих преподавателей на танец. Это смело и у преподавателей вызвало шквал эмоций, удивления и одобрения. Анни же только знала, что сейчас она в его руках. Она впитывает в себя все тончайшие вибрации его чувств, настроения, мыслей. Она заглядывала все смелее и смелее в его глаза, потому что убедилась, что ему она не безразлична. На тонком, не видимом уровне, рядом с ним, к ней приходила эта уверенность и теплая волна успокоения и комфорта разливалась по телу. Если бы только можно совсем отпустить себя и раствориться в его объятьях! Ах... вот оно как бывает! – осознавала она

– Анни, вы можете снять маску? – услышала вдруг она его просьбу.

– А зачем вам это?

– Хорошо, лучше не снимайте, пусть будет так.

Но она почувствовала, как он хочет, чтобы она осталась без маски и легко откинула её. И даже уловила тяжелый выдох из его груди. От него исходила необузданная, мощная волна внутренней силы, здорового, обладающего сильнейшей энергетикой, в самом расцвете лет мужчины, тело которого как корсет, только сдерживало рвущийся шквал неудовлетворенных желаний, поток сметающих все на своем пути, страсти. Колоссальная сила притяжения возникла между ними. Она была настолько сильна, и они оба противостояли ей, но цепкий взгляд баронессы и даже не её одной, прочитал все. Сердце женщины забило с такой адской силой, что грудь стала вибрировать от неподконтрольных толчков сердца, кровь прилила к её лицу, и её

веер безжизненно повис на руке, хотя как раз-таки в этот момент он требовался больше всего. «Лишняя» – откуда-то слово стало стучать в висок. – «Лишняя, а ведь ему уже только из-за этой студентки еще нужен этот университет, который он не смог оставить, когда они приобрели металлургический завод, требующий от любого его владельца немислимых усилий и тем не менее!» Ее реакция была так выразительна и машинальна, что стоявший рядом с ней ректор Иштван Рене прочитал с легкостью её эмоции и к лучшему, что она не смотрела в его сторону, чтобы увидеть взгляд полной жалости и неловкости за студентов. Баронесса, ослабев, опустилась на стул, ей предложили воды.

– Жарко?

Услышала она чей-то учтивый голос. Но мысли лихорадочно закрутились в голове, она поняла, что теряет «лицо». Это было недопустимо, пусть даже именно в данный момент в её сторону никто старался не смотреть.

Ректор Иштван Рене присел напротив.

– Милостивая госпожа, ...баронесса, вам не хорошо стало?

Она еще не успела взять себя в руки и подняла на него глаза, полные мольбы и страха. Его карие, пронизательные глазки впились ей в лицо. Он все, все прекрасно понимал. Он даже сочувствовал.

– Кто эта студентка? – глухо спросила она.

– Эта известная красавица нашего университета, Анни Милешевская.

– Она из высокородных?

– Не знаю, баронесса, я могу узнать для вас все.

Баронесса закрылась веером.

– Я вас прошу, вы шикарно будете отблагодарены. Пусть её больше не станет в университете. Совсем, совсем.

Иштван Рене оторопело откинулся на спинку стула, глазки его заморгали и в них мелькнула недоверчивость.

– Милостивая госпожа, может вам все показалось? Через четыре месяца они выпускники и вы её больше не увидите.

– Ваше сиятельство, четыре месяца, это слишком много ... А благодарность моя не знает временных границ. Она слишком дерзка, это недопустимо! Сделайте, прошу вас, что-нибудь, – но все еще читая в глазах Иштвана Рене удивление и нерешительность, добавила, – Я не для того участвую в финансовых мероприятиях вашего учреждения, чтобы затем получать от его учащихся, учащихся, мисье, даже не от ученых мужей, в отношении себя наглость и фамильярность. – Голос её был тихим, но настолько стальным, что ему все больше хотелось отклониться от неё дальше, чтобы не дай господь, сила этой обиды, не затронула и его.

Он помолчал. Опустил глаза. Но потом тихо сказал:

– Вы мне позвоните. Я готов, но может ваши эмоции улягутся, утро вечера мудренее.

А вихрь кружил их внутри зала, по кругу, но для них время остановилось. Бывает вот как – тебя глубоко, и уверенно терзает мысль, что рядом с тобой сейчас твой человек, твой, Богом данный. Пришел тот момент, для кого-то быстро, для кого-то так не скоро, когда ты встречаешь человека, и внутренний голос, с самой глубины подсознания, тебе нашептывает не умолкая, вот, это твое, единственное, самое дорогое, желанное и тебе предназначалось его любить, еще до твоего рождения, высшими силами – это предопределение. И от того, что ты обрел свою вторую половину, а без неё до этого ты шагал по жизни один, тебе становится тепло и защищенно. Ты ощущаешь гармонию внутри себя и свою полноту.

И что со всем этим делать, когда по пути, идя по дороге жизни, ты связал себя с другими людьми перед обществом и самим Богом?

– Анни, а почему вы пригласили меня? – вдруг спросил он.

Она растерялась. Опустила глаза и уставилась ему в грудь взглядом. Так неловко от этого вопроса.

– Я, я...но вы же меня так часто выручали, я с вами больше знакома, чем с другими.

Он усмехнулся:

– Анни... Меня всегда так восхищала ваша отчаянность и рискованность. И вместе с тем, вы... так женственны и обольстительны. Этот феномен я никогда не встречал и до сих пор не могу его объяснить. Мужские поступки, решительность, не свойственная ни одной женщине и нежность, беззащитность. Чудеса! Вы только поэтому меня пригласили? Вы сейчас изменяете сами себе и не решаетесь все сказать, как есть?

– Вы решили, что все про меня знаете?

– Да.

– Вы самоуверенны. Но ... Знаете, я не так решительна, как вам кажется, ибо была бы более хладнокровной, а у меня этого нет. И потом, вам не понять, вы не боролись за выживание, вы просто живете в свое удовольствие. Карма, слышали про такое? Решительность – не моя суть, а только сложившиеся обстоятельства.

Он не стал возражать, но в его глазах она прочла выражение отрицания и снисходительности. Тихо, тихо он бросил, безлико – ну, да... не понять – но интонация, с какой он это произнес, как будто говорила: «Вот мне то как раз, это знакомо больше, чем кому!».

Ей не хотелось, чтобы танец остановился. Все её существо тянулось к нему и возникало чувство, что врастает в него с костями, кожей, кровью. «О, дева Мария, что за наваждение, я не смогу с ним расстаться!».

Но музыка смолкла. И она словно очнулась, первое интуитивное движение у неё было посильнее уцепиться за его руку, но тут же испугалась саму себя и ослабила силу. Медленно, медленно рука сползла вниз и повисла вдоль тела, безжизненно. Но у него порыв был такой же. Только здравый рассудок заставил совершать какие-то действия, вопреки зову сердца. Он отвел её в сторону.

Вскоре он вернулся к баронессе. Она сидела вся взмокшая, хотя не танцевала. Веер нервно гонял теплый воздух. Он понял её мысли. Но ему было все равно. Еще запах другой женщины не развеялся и выражение её глаз стояло в воображении неотступно.

Баронесса сумела справиться с эмоциями и специально выдержала паузу, чтобы не выдавать себя и своих чувств. Она дождалась еще нескольких композиций, дала остыть после танца своему супругу и только тогда стала настаивать на том, чтобы им уехать. «Ей тут жарко, ей тут скучно и ей тут дискомфортно» Муж предложил ей по танцевать с ним, но она возразила, сослалась на резкую головную боль и заспешила к выходу, легким поклонам прощаясь со всеми присутствующими.

Не хотел, но все понял князь Войцеховский, это была естественная человеческая реакция. Они уехали с бала. И как только это произошло, Анни потеряла весь интерес к празднику. Вскоре покинула бал и она. Игн и Хелен еще оставались.

ГЛАВА 22

Через несколько дней, с ней в университете произошел ошеломивший всех случай. Анни не все видела сама, не все знала. На одной из лекций, сзади, одним из студентов в сумку была подложена отпечатанная рукопись Карла Маркса и Фридриха Энгельса теоретиков коммунизма. Это была какая-то мистика! Она спасала своего друга, когда того в действительности поймали с этими сшитыми бумагами. А здесь у неё их обнаружили, но про них она была в неведении. Сразу после лекций её вызвали в деканат. Ректор сидел за столом, и она помнит, как войдя еще отметила про себя: «Что-то он не смотрит в глаза, но весь его вид такой пасмурный и сердитый, а все остальные, двое профессоров и лаборант, стояли поодаль, в каком-то ожидании» Воздух был пропитан негативом и даже опасностью. Удивление было преобладающей эмоцией в этой ситуации, но странно, легкий страх вползал в сердце, заставляя его учащенно

биться. Она растерянно подошла ближе к столу, и ректор поднял на неё глаза. Ничего доброго они не сулили. «О дева, Мария, что же случилось?»

Иштван Рене начал четко и говорил так, словно хотел каждое свое слово нагрузить дополнительным весом.

– Анни Милешевская. Нам было доложено, что в стенах университета вы распространяете запрещенную литературу!

– А? что? – выдохнула она в изумлении.

Он четко повторил.

– Кто... кем доложено? – у неё от поразившего изумления мысли спутались.

– Разрешите нам проверить вашу сумку. – попросил ректор.

Она хаотично схватила свою сумку и вытрясла из неё все на пол. И вот она, выпала, длинными желтыми, отпечатанными на машинке листами на паркет. Она остолбенела. Глаза расширились и руки перестали слушаться. Схватив рукопись, она еще раз и еще прочла заголовков и сердце похолодело. Какая-то невидимая, темная сила накрыла её тяжелым покрывалом и у неё возникло ощущение, что она оказалась в темноте, а в ней по углам сидят цепные псы, она их не видит, но они вот-вот готовы броситься на неё чтобы разорвать.

Громкий, тягучий вздох раздался в напряженной тишине. Ректор вышел из-за стола, подошел, нагнулся и забрал рукопись. Хотя мысли её спутались, все еще не до конца верилось, что это происходит с ней по-настоящему, но часто встречая в коридорах университета ректора Иштвана Рене, он ассоциировался у неё с добрым, интеллигентным, даже чаще отрешенным от мира сего человеком и он сейчас стал для неё тем злодеем, который одним только движением руки ломает её такую хрупкую жизнь, её мечту, безжалостно растопчет эти годы труда и напряжения физических сил прилагаемых для успешного учения. Бессонные ночи, переживания, ограничения своих плотских желаний в смысле отказа от отдыха, мелких покупок, ну ведь она же девушка.

– Анни Милешевская, в данной ситуации, вы понимаете, что это запрещенная литература, что вы, однозначно, отчисляетесь из университета, без права восстановления и что в лучшем случае, только из-за нашего к вам расположения мы не станем сообщать об инциденте в полицию, чтобы не запятнать университет и не создавать лишних проблем никому. Вы должны написать заявление об отчислении вас из университета по доброй воле, по семейным обстоятельствам.

– Нет! – громко крикнула она

– Если вас отсюда выведет полиция, вы не только будете отчислены, но и потеряете свободу на пару лет. Вы хотите этого?

Она резко и быстро, быстро замахала головой и из глаз брызнули слезы. Закусив от ярости свою ладошку, она судорожно стала выкрикивать:

– Это не мои рукописи. Я их вижу первый раз! Недоразумение! Это какое-то недоразумение! Верьте мне! Я же ничего не знала. А... Мне это просто подбросили!

Но в их движениях, в их взглядах она читала неумолимость. Слова отскакивали от невидимой стенки. Они уже все решили!

Закрыв лицо руками, она залилась слезами. Ректор отошел к окну и стал терпеливо ждать, когда закончиться женская истерика. Анни не долго плакала. Она настолько имела сильный дух. Мысль прожгла её неожиданно: «Гады, какие гады! И я тут ползаю перед ними, унижаясь!» Вдруг она оторвала руки от лица и выпрямила плечи. Поднялась и устало стала собирать свои вещи. За какие-то десять минут, ей казалось, что из неё ушла вся её энергия. Гордо посмотрев на присутствующих, она четко произнесла – Я подумаю. Завтра скажу о своем решении! – и быстро вышла. Она чуть не бежала, она не видела ничего вокруг. Она не заметила, как Игн пытался ухватить на бегу её за руку. Она отмахнулась. Бежав по улице, она тоже ничего кругом не видела. Взлетев по ступенькам, она ворвалась в дом и опять взлетела по ступенькам

на второй этаж, ничего не ответила перепуганной тетушке и упала на кровать. И еще до двери тетушка слышала громкие, неудержимые рыдания, даже похожие то на вой, то на скуление побитой собачонки. Поспешила к племяннице и затрясла её за плечи.

Еще на следующий день, Хелен осторожно постучала в кабинет математики. Она узнала, когда приезжает обычно князь Войцеховский и поведала ему о случившемся, о том, что знала сама.

Она ожидала и готовилась к высокомерному отношению, но этого не произошло. Внимательно все выслушав, он попросил передать Анни, чтобы та приехала в охотничий домик и рассказала ему все сама. Через несколько часов он отправился в свое имение, чтобы взять коня и отпустить экипаж, переодеться.

Баронесса, проснувшись очень поздно, принимала ванну и ей прислуживала её камеристка. Супруг вошел в ванную комнату, когда та уже одевалась. Застегивая капот, она с удивлением посмотрела на мужа.

– Ты так рано? Это что-то не естественное! – томно проговорила она.

Тихо, спокойно, как бы издали Артур спросил:

– Лиза, зачем ты так?

Она поняла к чему вопрос, но... ей было проще не признаваться, хотя спокойное и умиротворенное настроение, после принятия ванны улетучилось в миг. Подойдя к зеркалу, она стала расчесываться, тем самым стараясь скрыть свое равнодушие.

– Ты всегда добра к людям, Элизабет. Ты не можешь сломать жизнь этой девочке! Если не предпримешь каких-либо действий и не обратишь все вспять, **ТО НАЧНУ ДЕЙСТВОВАТЬ Я – А ЭТО ВЫЗОВЕТ В ГОРОДЕ ТОЛПУ СПЛЕТЕН И ОБСУЖДЕНИЙ.** Тебе это надо?

Она напустила удивление и в недоумении повернулась к нему, пожала плечами.

– Артур, у тебя что-то случилось? Я не могу угнаться за твоими мыслями, ты о чем?

– Опять твоя дикая ревность! Девушке подбросили запрещенную литературу и выгнали из университета, с твоей подачи?

– Милый, как больно ты меня ранишь... Я всего лишь борюсь за свою семью, брак, дом. Неужели ты мог допустить, что я позволю какой-то «пиглице», на моих глазах флиртовать с моим мужем? И потом, я... я в шоке от твоих слов, тебе ли не все равно? Эта безродная девочка завтра же выскочит замуж, нарожает себе ребятешек и забудет обо всем! Ты вступаешься за неё, и это дает мне право подозревать – что ты к ней не равнодушен. Я не узнаю тебя!

– Лиза, ты судишь о том, чего не понимаешь. Изначально ты родилась в роскоши и блеске. – немного помолчал, подумал не слишком ли он резок, но мысль понесла – Ты... можешь допустить, что люди имеют цели, о чет-то грезят, за что-то переживают?! Эта девочка станет блестящим хирургом и может быть спасет сотни жизней. А ты из-за ревности... Она живет ради этого, а не только для того, чтобы отдать дань природным инстинктам размножения.

Она так внимательно и сосредоточенно стала заглядывать ему в глаза.

– А откуда ты знаешь?

Он стал сердиться. Баронесса, право, часто донимала своей ревностью. Она бегала, бегала взглядом по его лицу и резко отвернулась. Ком подкатил к горлу.

– Ты упрекаешь меня в том, что я бесцельно живу? Какие цели ты ждешь чтобы я перед собой ставила. Я уже в её годы знала больше, чем она, видела больше, чем она, её узкий мирок не сравним с моими масштабами!

Он угрюмо молчал. Не понимает, совсем не понимает баронесса что он имеет в виду. Разговаривать становилось трудно и к нему подступало раздражение.

Баронесса же подхватила собачонку и хотела быстро удалиться, чтобы не накалять конфликт, но вдруг обернулась. Взгляд с вызовом пробежал по лицу князя.

– Я баронесса фон Газейштард! И я женщина! Да она хуже меня во сто крат, хотя бы потому, что не подумала о моих чувствах, когда танцевала с тобой. Ты ей понравился, и все – «трава не расти!». Если бы еще меня не было рядом, а то... – и в раздражении махнула рукой.

Артур смягчился и уже спокойнее:

– Лиза, она молода, нет мудрости. Ты же знаешь – все приходит с годами. Ей это, конечно, урок, но так жестко! Это слишком! Пусть она учится... и потом, может быть там больше студенток, её поступок не воспринялся бы так вызывающе. Женщин почти нет в университете! Другая же студентка тоже пригласила преподавателя на танец.

– Тот преподаватель был без супруги. Артур, мне не двадцать лет, чтобы ничего не понять. Она влюблена в тебя как кошка!

– Чувства нам не подконтрольны, ты знаешь. В этом её вина? Еще раз подумай, она молода, не опытна, поддалась порыву и, возможно, уже была не трезва. И что, вот взять и все для неё закрыть?! Ты забыла кто я? Ты никогда не была настолько тщеславна!

Баронесса разрывалась от противоречивого чувства: ревности, злости, гордости и неприятия душой своего поступка. В сущности, она была очень добрым человеком. Пометавшись из стороны в сторону, она обмякла и прислонилась к двери. Артур услышал уже совершенную подавленность в её голосе и муку. Слова как бы выдавила из себя.

– Мне не двадцать лет, я не девочка. Я почувствовала угрозу, ты ни на кого никогда так не смотрел, как на неё! Ты на меня никогда так не смотрел! Пусть она знает, что за все в этой жизни нужно отвечать, всему есть цена!

Он спокойно подошел к ней, обнял, пропустил свою руку ей за затылок, и наклонил к своей груди.

– Тс... Тс... – услышала она шепот. – Я всегда твой и остаюсь только с тобой. Я ведь тоже не мальчик. Знаю цену всему, и ты себе все надумала.

Ее плечи обмякли, она обвила его руками и повисла. Такие минуты ласки от него давно не было. Она знала, её это давило и оскорбляло, он исполнял свой супружеский долг и особенно в последнее время не пытаясь даже создать романтику, быстро и холодно, чтобы скинуть напряжение и расслабиться, привычно погладив её голову, лежащую у себя на груди и моментально провалиться в сон, не слыша ни одного слова, произнесенного ею. Им не нужно было приезжать в Венгерское королевство. Ей это уже становилось понятно все больше. И что ей теперь делать?

ГЛАВА 23

Анни выкричалась, заплакалась, высказалась. А на следующее утро решительно отправилась к графу фон Махелю. Она прометалась всю ночь. Она стояла на коленях в молитвах к деде Марии и ход её дальнейших действий определился. Уставшая, измученная, с воспаленными глазами и кругами от бессонницы она взяла себя в руки и решила действовать. Терять было уже не чего, а университет для неё – не только цель. Для неё сейчас вся жизнь была поставлена на кон. Ей всегда говорила тетушка, что чувства графа к ней не только дружеские. Хелен постоянно напоминала ей в трудные минуты о любви его. Выхода не было, только он может ей помочь. Если любит, она готова пожертвовать всем, даже своей девственностью. Концы концов, пора взрослеть и набираться женского умения. Покровительство графа надо использовать. Утром, подойдя к дому графа и позвонив в дверь, прежде чем она увидела хозяйина, ей успел подействовать на нервы отпрыск знатного рода, который не пропускал случая, чтобы не поиздеваться. Его дико возбуждало то, что она всегда умела дать ему отпор, а это его только подзадоривало. Когда экономка Дора доложила о неожиданном визите Анни Милешевской, он в халате тупо бродил по дому в поисках пива, которое граф уже давно запретил держать в доме, а все спиртные напитки прятались в чулане и ключи находились только у графа. Ибо все начиналось у молодого отпрыска с пинты пива и заканчивалось пьяными оргиями в

борделях. Только услышав краем уха о визите Милешевской, он поспешил ей на встречу. Граф был в ванной и не знал.

Меньше всего Анни сейчас была готова воспринимать издевки наглого сына. Загравив ей проход в гостиную комнату, он с ехидной усмешкой, из-под черных бровей смотрел на неё. Ее обдало перегаром и спертым запахом мускуса вперемешку с табаком. Устало вздохнув, Анни прижалась спиной к косяку двери и стала терпеливо ждать.

Он расставил свои руки и приблизившись к ней вплотную, оперся ими на стену.

– Милая побирושка, чем обязаны?

Анни молчала.

Он навалился на неё всем своим корпусом. Придавил к стене и сделал попытку впиться губами ей в губы. Со всей своей яростью она толкнула его и не ожидая, он потерял равновесие и чуть не упав, схватился за ручку двери. Это его разозлило, и он хотел даже вновь броситься на неё, но она выкрутилась и вбежала в гостиную.

– Ах ты... – выругался он и неотступно пошел за ней, тяжело дыша ей в спину. Но, по дороге его взгляд задержал графин с водой. Жадно глотая воду прямо из графина, он косо таращился на девушку.

– Ты с какой целью так рано? – наконец-то поставил он графин. – Еще в таком помятом виде. Тебя что насильовали всю ночь? За деньгами? – и тут его взгляд обострился, и он громче:

– Что, насильовали и не заплатили? К покровителю прибежала?

– Вы только об этом можете думать целыми днями? – смело спросила она.

– Да... а о чем я еще должен думать? Ты ко мне обратись, я хорошо заплачу – и он опять подошел к ней вплотную и провел сзади по спине рукой.

Она отстранилась.

– С вами? Так лучше с голоду умереть, чем с вами!

– Так ты ж еще не умирала ни разу! Тебе ли знать о голоде? Вот и дергаешься, как кобыла под конем на случке...

Она удивленно и презрительно посмотрела на него:

– Наверное вы голодали когда-нибудь?!

– Я? – и он сухо рассмеялся. – Я. Нет. Но видел, как женщины готовы на все ради куска хлеба и как они тогда покладисты!

Анни даже дернула плечами от сдерживаемого раздражения и злости.

– Может они не от голода. А ради детей? А вы на пожертвования, конечно же не способны! Кто-то от тупого безделья с ума сходит, а кто-то от горя и нищеты.

Он стал сердито серьезным. Но тут в комнату вошел граф. Он был удивлен и очень обрадован. Но, глянув в сторону своего отпрыска, ему стало неудобно, за вид своего сына, за запах перегара в гостиной. Но, уже ничего не поделаешь в данный момент и он спешно отвернулся. В жилетке на белоснежную рубашку, он собирался завтракать и отъехать из дома. Она увидела искреннюю радость в его глазах и легкую озабоченность. Руки целуют только дамам высокого сословия, но он всегда припадал губами к её запястьям. Предложил ей завтрак, и она согласилась, хотя аппетита совсем не испытывала. Желание поведать ему свою проблему было четким и осознанным, но она не знала, как это преподнести. Он заметил её замешательство и озабоченность и решил не ходить вокруг да около, а облегчить её положение.

– Анни, я вижу вы чем-то озабочены и давайте сейчас без лишних ушей все мне расскажете – взяв её за руку он повел в свой кабинет. И все время, пока она ему рассказывала о том, какая проблема свалилась ей на плечи столь внезапно, ЕГО ЛИЦО ВЫТЯГИВАЛОСЬ И МРАЧНЕЛО.

В конце возникла томная, долгая пауза и повисла тишина. Граф размышлял, стоя у окна, устремив свой взгляд на улицу, но на самом деле его внутренний взгляд пытался заглянуть внутрь себя и разобраться в своих ощущениях. Его угнетала щемящая тоска в осмыслении

того, что шансов у него вызвать у молодой девушки хоть чуточку любви к себе, таяло как февральский снег. И если раньше её заботы были обращены только на учебу, но сердце её было свободно. То теперь он услышал, вернее догадался о том, что сердце девушки стало занято. Иначе не возникло бы этой проблемы. Если она говорит, что не имеет никакого отношения к запрещенной литературе, значит так оно и есть. Для него Анни всегда была кристально честна. Он просто знал в сравнении, насколько могут люди лгать, какой у них тогда вид и каким тоном голоса они обычно это делают. Каждодневное общение с сыном, с людьми в бизнесе научили его этому знанию. Анни кто-то приревновал из высокопоставленных особ и решили убрать с поля зрения. Все так банально!

Анни же с нетерпением ждала ответа графа. Но тактично, чтобы не висеть над ним своей нетерпеливой энергетикой отошла в конец комнаты и затихла.

А он все молчал и молчал. И Анни уже стала думать, что он не захочет брать на себя ношу разрешения её проблемы.

И вот он принял решение для себя и еще более пристально поглядел на девушку. Слова его стали медленными и очень неуверенными. Ему не легко было это говорить:

– Милая моя девочка. Я, конечно же сделаю все, чтобы разрешить эту проблему. И мне это ничего не стоит, я поеду к ректору, предложу ему денег. Я постараюсь.

Анни шумно выдохнула. У неё как груз свалился с плеч. Не может же такого быть, чтобы ректор университета не пошел на компромисс с самим графом фон Махелем, одним из самых влиятельных людей в Венгерском королевстве. Владельца завода, ипподрома и нескольких магазинчиков. Но она видела, что граф еще многое хочет сказать. Напряжение осталось.

Он медленно пересек всю комнату и близко подошел к девушке.

– Анни Милешевская, девочка моя, не хочу ходить вокруг да около. Уже довольно длительный период времени я мучаюсь одной дилеммой, а в разрешении её уже только вы можете мне помочь, – и она увидела какой напряженный и печальный у него взгляд, – Анни, я люблю вас. Я желаю взять вас в жены. Почему дилемма – потому что я знаю, что намного старше вас, но я могу, я уверен, я могу сделать вас счастливой и дать вам все для осуществления ваших планов в жизни. Вы взрослеете, я это вижу, вы станете жить со мной совершенно другой жизнью. У вас исчезнут проблемы, которые вас тревожат. Мое положение и мое состояние. Анни, вы достойны другой жизни, а я только такую женщину хочу привести в свой дом... – и он умолк, и она кожей почувствовала его напряжение.

Слегка придавленная услышанным, и... сбитая с толку, непредвиденным оборотом событий, она как солдатик, опустив руки по швам смотрела на него, удивленно хлопая длинными ресницами.

Он взял её ладошки в свои руки и стал медленно целовать. Она и шла сегодня, предвидя какую плату ей придется решиться заплатить за решение своей проблемы. Но это было столь неожиданно и масштаб этого предложения так грандиозен, что она даже речи лишилась в первые минуты услышанного.

Он перестал целовать её руки, нерешительно и осторожно взял за плечи и притянул к себе. Любовь его была осторожной. Он вначале слабо коснулся её губ, потом сильнее и вот она почувствовала, как он отпускает свои эмоции и поцелуй набирает силу и страсть. Она даже побоялась отстраняться, но, но... надо признаться, она его не хотела.

Когда он отпустил её, она чуть не расплакалась от той муки, которая вошла в её осознание. Муки выбора. И муки выбора не сердца, а разума.

Он в ожидании не сводил с неё глаз. И она понимала, что должна что-то сказать.

– Ваше сиятельство... – начала она, но он перебил: – Анни, я прошу тебя называть меня просто.

– Граф. Я так ценю ваше отношение ко мне, но... но я не ожидала, это для меня так, так... я не могу прийти в себя. Можно мне пойти домой и все осмыслить? Я сейчас не готова, я в шоке.

Он опять притянул её к себе и поцеловал в лоб, по-отечески.

– Конечно, конечно, милая. Я не буду давить на тебя. Ты подумай. Решается твоя жизнь. Я буду ждать. – Отпустил. – Позавтракай со мной.

Вернувшись домой в легком трансе, она застала ожидавшую её подругу.

Хелен без её ведома сходила к князю Войцеховскому. Когда она поведала ей об этом, Анни всем своим сердцем была благодарна ей за заботу. Он попросил её приехать в охотничий домик. Да она полетит туда на крыльях! В душе, после пережитых негативных эмоций, словно после затянувшегося ливня, выглянуло солнышко и на полянке стали распускаться свежие, яркие первые цветочки. Но она так дурно выглядела. Подойдя первый раз за два дня к зеркалу, она отшатнулась. Эти воспаленные глаза! Эти впалые щеки! –«О, дева Мария! Теперь я знаю, как люди старятся!» Я поеду вечером, я должна привести себя в порядок – ответила она подруге и тут, когда она уже на тонком интуитивном уровне почувствовала, что проблема её уладится, такую сильную усталость ощутила, что каждое движение стало даваться с трудом. Посмотрев с благодарностью на подругу, она осторожно положила свою голову ей на плечо и несколько раз прошептала:

– Я чуть-чуть посплю, не могу, посплю. Хорошо?

Но Хелен ответила твердо:

– Да, поспи. Я пойду к твоей тетушке. Но кто тебе поможет уложить волосы как ни я? Ты ж должна поехать не золушкой, а принцессой. Я тебя наряжу и только тогда отпущу. Все. Спи.

ГЛАВА 24

Артур Войцеховский ждал Анни довольно долго. Несколько раз он выходил из дома и садился на коня, выезжал на встречу, туда, где в западной стороне находился город.

Он поражался своему нетерпению и упрекал себя за это! Как мальчик сгорает от нетерпения первого свидания, так и он не находил себе покоя, но твердо знал, что сейчас в его жизни все иначе! Им не владела безраздельная, жгучая, эгоистичная страсть! Он не причинит этой девушке ни малейшего неудобства. Он как отец, озабочен её жизнью, судьбой, её проблемами, желаниями. Она ему нужна вся, целиком, а не только красивым, желанным телом!

Анни появилась на горизонте, и он направил коня в её сторону. Она увидела его нетерпеливый порыв. Спрыгнув, он обхватил её за талию и почти стянул с коня. Опять, как и на бале, она слышала громкий стук его сердца, грудь у него вздымалась. Вновь их обоих охватил феерический взрыв счастья. Он сдерживал себя колоссальными усилиями, чтобы не испугать её своим натиском. Долго, внимательно глядя в её глаза, скользя взглядом по её губам, всем своим существом, она ощущала его желание. Но... она в его глазах читала отрицание. Вот этого понять было невозможно. Почему в них боролось не принятие её, она – стену, выстроенную им, увидела перед собой. От этих смутных догадок её как будто бросило в холод. Только не это! Не предпринимая никаких действий, она замерла, находясь в кольце его рук и не зная, что делать?

Он сильно, резко притянул её голову и впился губами. Но это все выглядело так, словно он не всегда справляется со своим желанием, оно побеждает, а потом усилием воли он опять выстраивает стену между ними. Это было так мучительно! И она решила все выяснить. У неё не было никакого опыта, все что она говорила и делала, было на интуитивном уровне.

– Князь, вы меня любите? – прямо и очень твердо спросила она, но руки у неё тряслись от избытка эмоций и ноги подкашивались.

Он сильно, сильно прижал её к себе, как будто у него вот-вот отнимут самое дорогое для него в жизни!

Он её любит. Она это читала в его глазах, она чувствовала это в его голосе, движениях, но он её отрицал. Он сознательно её держал на расстоянии этой не понятной стеной, не видимой, но ощутимой. Она и не знала, что так может быть! Только её тонкая чувствительность посылала не ясные сигналы, заставляющие стыть кровь в жилах от ужаса несбыточных надежд. Вот, ты только дотронулся, прикоснулся к своему счастью, тебя охватило чувство полноты и радости и вдруг – все, ты в пустыне, холодной и темной, одна, все исчезло и счастье оказалось миражом. Почему? Что это? Но сейчас же она в его объятьях. И его сильные руки сжимают ей затылок, они дрожат, и он так же – боится потерять её!

Она снова спросила:

– Князь, вы любите меня? – и сейчас её голос наполнился слезами.

Вот теперь он отстранился. Да, он знал, он должен быть честен. Он не может манипулировать этой девушкой и играть её чувствами.

– Анни, вы мне стали так дороги! Я люблю вас! Я готов делать для вас все, все что ни скажете, что ни попросите! Но... до конца мы не можем быть вместе. Официально не можем.

Анни даже ахнула. Она не верила своим ушам, она не предполагала, что так может быть, разве так бывает? И мысли её стали хаотично работать в усилиях понять, что происходит!

– А как можем? – появилась межбровная складочка и в недоумении – Как любовники?

Он промолчал, но глаза его сказали: «Да». Ее ошпарило кипятком, и она отступила назад. Тело стало ватным, бессильным и ей хотелось опуститься на землю и к чему-нибудь прислониться.

Дальше её слова летели не подконтрольно её разуму, а только подгоняемые обидой и слабостью силы духа в такие моменты.

– Князь. Не молчите. Не лгите мне ни в чем. Я ничего не понимаю, что нам мешает, что вам мешает, если вы меня любите? А, наверное, не знатность моего положения? Отсутствие приданного, и я гожусь только на роль любовницы!? – на глаза накатились слезы. Она теряла силу. – Но, но, мне казалось, вы сильнее, вы смелее, вы не так как все зависите от предрассудков! Даже граф, граф выше этого! Его это не останавливает! А вы, вы же трус! Трус!

Он был смущен. Да, в его глазах отражалось чувство вины, но он сильнее расправил плечи и выпрямил спину, тем самым подчеркнув свою непоколебимость. Стена между ними стала не преодолимой. Она чувствовала, что её слова бесполезны и совершенно ничего не изменят. Он открылся для неё, но в глубине своего разума уже все решил и этим самым снова закрылся. Она просто выплескивает наружу свои эмоции.

Закрыв лицо в отчаянии руками, она в отрицании и как бы в неверии замотала головой. Он дотронулся до неё и настойчиво отнял их от лица. Ей даже показалось, что его глаза так же стали влажными от слез.

Он стал все объяснять:

– Анни. Мне все это также мучительно, как и вам. Я не знаю, как мне жить без вас... – осекся и поправился – тебя? Где искать силы, как избавляться от этого наваждения! Я хочу, чтобы ты радовалась в этой жизни, а не грустила. Чтобы твоя мечта исполнилась, и чтобы ты была рядом, все время рядом! Только сейчас это не может быть явно!

– Но, князь... – она хотела возразить...

– Если ты этого не желаешь, этого не будет, но... я буду желать этого, как не желал этого еще никогда в своей жизни! Анни, ты девочка. Ты еще только познаешь жизнь! Не все так просто и однозначно, как тебе видется!

– Так говорят слабые люди! Что может мешать, если мы любим друг друга? Вы женаты? Вы женаты... но, вы же не любите свою жену, вы живете со старухой, зачем, князь, зачем так?

Теперь он выпустил её и в глазах появился холод и мука. Почему мука? У него мука! Самого блистательного, самого мужественного и умного мужчины на свете?

Она увидела его спину, он медленно пошел вперед. Почему? Он не хотел смотреть в её глаза? И как бы зацепившись за него невидимым тросом, она зашагала следом, как в бреду. Ей надо было все понять.

– До тебя у меня была жизнь. Анни, я старше тебя и не изначально был богат. Ты просто не знаете мою жизнь в прошлом. Да, я живу с немолодой женщиной, но только ей я обязан тем, что имею сейчас. Но на самом деле, поймите, это все иллюзия. Моего ничего нет. Все благодаря ей и все её. У меня ничего нет. Пока она со мной, я богат, как только я разведусь. Я ничего не имею. Я никто.

– Как это? – выдохнула она.

Он обернулся и встал перед ней прямо, как перед священником.

– Анни, нет смысла сейчас копаться в моей родословной. Она так сомнительна. Я бастард. Моя мать была наложницей турецкого султана. В семь лет я попал в дом баронессы. Она, только она знает мои настоящие корни. Не важно, что мой отец турецкий султан. Главное, что я незаконнорожденный. Баронесса дала мне образование, потом, после смерти её первого супруга, я стал её протеже и потом мужем. Я амбициозен, так же, как и ты. И у меня тоже есть цели и желания. Только когда тебе предлагают роскошь и решение всех твоих проблем деньгами и положением в обществе – ради чего от этого отказываться!? Я был счастлив. А баронесса прекрасная женщина. И она живет ради меня, и любит меня. Я не могу причинить ей горе. У неё большое сердце. Ее погубить я не в состоянии, она этого не заслужила. Только добро. Одно добро я видел от неё и любовь!

– Но, вы же её так и не полюбили!

– Это моя проблема. Я до вас, вообще никого не любил. А сейчас я связан брачными узами и не разорву их никогда!

– Но... так ли она добра, князь? Ведь это только по её просьбе со мной свершили такое? Она легко ломает жизни, люди для неё ничто! Вы заблуждаетесь! Я думала и поняла, она меня убрала из университета за то... вы знаете, за что!

– Убрала. Анни, она вас вернет. И все это она сделала из ревности. Никто не знает, на что способен из ревности! Жизнь сложнее, чем ты её видишь. Но, ты молода, ты максималистка. Анни, любовь испаряется как дым, а жизнь очень жестока!

Анни потупилась в землю. Ангел бесшумно ел траву сзади. Она начала осознавать его слова, но не принимала их. Она четко знала, что это неправильно и так не должно быть. Значит он её не любит. Богатство и положение в обществе для него сильнее и важнее. А значит любовь всегда что-то второстепенное и она ему не важна! Это только слова, закрывающие правду!

– Значит, состояние и деньги – это то, что в жизни вы цените превыше всего! Вот это истинна! – и ей стало от своих же собственных слов так тошно. Она готова сейчас была умереть. Иногда на нас наваливаются эмоции такой силы, что держать их усилием воли ты не в состоянии, а что делать в этих ситуациях, за что цепляться, чтобы перенести это и жить дальше – ты не знаешь? Состояние не стояния в свою полную силу охватило её. Плечи её опустились и как будто согнулись от груза, который незримо положили ей на плечи. И в то же время, только на уровне интуиции ей уже хотелось оправдать его, потому что ради денег она отправилась на кражу с Игн и ей то понятно, когда обстоятельства заставляют совершать переломные и дерзкие поступки в жизни!

– Анни. Ты потом, потом меня поймешь, когда совсем станешь женщиной, и у тебя появятся дети. Ведь ты тоже не откажешься от своей мечты ради своей любви. Просто у тебя нет еще этого выбора.

– Князь. А если у меня есть выбор. Мне сегодня предложил замужество один из знатнейших людей в нашем городе, граф фон Махель. И ему не важно мое положение, он переступает через это?! Он не боится потерять свое положение в обществе, как вы! Значит, вот он любит, он не делает выбор! Он по-настоящему любит меня, а вы закрываете свою трусость словами

о благородстве! Неужели женщина, которая живет с вами каждый день не чувствует вашей нелюбви?! И неужели ей так проще, жить с человеком, который её не любит и знать это? Я не понимаю! Я не могу это понять! Не лучше бы в жизни сделать над собой усилие и не унижать себя таким положением?

– Анни. Это надо испытать самому, говорить всегда легче.

– Нет. Я уверена, она не довольствовалась бы таким положением. Просто ей вы, как и мне, говорите о своей любви! Ведь правда, Я права?!

Он промолчал.

Она устало уперлась головой в круп лошади, как провинившийся ребенок. Голова заболела от напряжения испытанных эмоций. Ей захотелось очень остро, до нетерпения, домой, домой, под одеяло. Слишком тяжело разочарование, а как же дальше, как завтра собрать силы и продолжать жить с тем, что человек которого ты любишь, живет с другой и он тебя отверг! Такая путаница в голове, в чувствах, она поняла, что чтобы она сейчас в эмоциях не говорила, это только пустые слова и надо с этим поскорее покончить и может быть скоро за многое ей станет стыдно. Вот только надо разрешить для себя последний вопрос.

– Мне выйти за графа? Чтобы, как и вам, поуютней устроиться в жизни? Если нет смысла в любви – как вы считаете, значит надо приспособливаться к обстоятельствам? – этими словами она унижала его, вероятнее и в ней жил этот женский эгоизм, что ей так хочется хотя бы словами причинить боль тому, кто причинил её ей. Если бы еще не давно шальная мысль могла бы закрасться ей в голову, что она способна это произносить, да еще кому, в лицо человеку, который для неё был совершенен во всем и где-то даже недосыгаем! Она не поверила бы.

И тут резко и решительно бросилась к нему. По щекам текли горячие слезы. Но слова слетели с языка вызывающе:

– Князь, мне выйти замуж за графа? Скажите мне! Прямо скажите!

Да, в его глазах было много муки и тоски. Она кулачком стукнула его по груди:

– Скажите! Так будет лучше?! И удобнее?!

– Да, Анни. Так будет лучше для тебя – твердо произнес он.

Она еще раз в порыве стукнула его кулачком по груди.

– Да будет так! – и стремительно запрыгнула в седло. – Ангел, прочь отсюда. О, дева Мария, она сейчас закроется одеялом и завоюет от боли! Такая боль! Такая душевная боль! А он просто трус, приспособленец! О, дева Мария! Будь он проклят! – И Ангел понес её домой с большой скоростью. Князь даже не попытался остановить, догнать. У него тоже не было сил. Стена, которую он мысленно выстроил себе для того, чтобы ничего не изменить в жизни, сейчас обрушилась на него, и он стоял опустошенный. Обстоятельства пошли не так, как ему хотелось. Анни оказалась намного эмоциональнее и максимально прямолинейна, ему все виделось проще! О... сколько в этом мире женщин мечтало стать его любовницей! Но Анни, почему нет! Чем ей это навредило бы? Кто узнал бы? Деньги, образование, он все обеспечил бы. Рядом с ним выросла бы и училась невероятно покоряющему искусству наслаждения.

ГЛАВА 25

Все происходящие события за последнюю неделю обескровили Анни. В институт её вернули. И как-то один раз, в перерыве между лекциями, у неё возник разговор с Игн. Сидя на подоконнике и прижав голову к окну, она неожиданно задала ему такой вопрос. – Ты же читал рукописи Карла Маркса и Фридриха Энгельса? О чем они? Так опасны для всех?

Игн оживился:

– А хочешь почитать? Ты поймешь.

Она отрицательно покачала головой. Ей было не до этого. Друг заметил, что она осунулась, поникла.

– Эта книга рассказывает, что для людей самый приемлемый и прогрессивный строй, в котором они могли бы жить счастливо, это коммунизм. Но для установления этого строя,

должны назреть предпосылки. Но этот строй возможно установить только путем революции, потому что ни один правящий класс не отдаст свою власть добровольно. Потерять свое богатство и власть никто не хочет. Но пока есть богачи и власть в их руках, равенства между людьми никогда не будет, всегда будут существовать голод и нищета, болезни и унижения.

Анни слушала и слушала внимательно, только огонька в её глазах так и не вспыхнуло. Не это её сейчас волновало больше всего.

– А разве могут быть равны люди все?

– Могут. Эти богачи жируют благодаря труду рабочих, рабочий класс создает их блага, но они имеют все, а тот, кто создает это благо, выживают. Но, я тебе рассказываю это все так утрированно, надо читать.

– Да, это так – тихо сказала Анни. – Но разве можно достичь равенства и счастья, путем насилия?

– Революции, – пояснил Игн.

– Революции? Это же не логично.

– Ну, да. Только разве можно по-другому? Ты же учила историю. На протяжении всего существования жизни на земле существовали войны, революции. Восстания рабов – помнишь, мы изучали. Восстание Спартака. По-моему, люди, вообще никогда не умели договариваться друг с другом. Даже в своих собственных семьях!

Анни вздохнула. У неё в душе давно поселился ком слез, и жизнь как-то потеряла свои краски. Стало все вокруг уныло. Силясь выкинуть произошедшие события из головы, потому что она перебирала и пересматривала их снова и снова, от этого уставала и растрачивала впустую свою энергию. Погрузившись в учебу, она не находила в этом успокоения и отрады. И запоминаться и заучиваться все стало с таким трудом. Ничего не попадало в голову, но зато память вновь и вновь переносила её в тот значимый вечер для неё. И как только она возвращалась туда, ком слез внутри начинал шевелиться и грозился взорваться потоком слез. Но не могла же она навечно закрыться у себя в комнате и все горевать. Необходимо было дальше жить, общаться с людьми и учиться. Она закрылась как ежик колючками от мира и теперь его воспринимала в прострации.

Она подобрала свою сумку и направилась в аудиторию на лекцию. Но по дороге она сказала своему другу такие слова:

– Скажи мне, неужели жизнь человека ничего не стоит и её можно так, одним махом руки перечеркнуть из-за чего-то: ревности, злости, обиды, неприязни? И так быстро и легко! Да... они могут себе позволить все! Как мы беззащитны!

– Ты о чем Анни? – спросил Игн.

– Да, неважно. Пойдем.

Она дала согласие графу выйти замуж. Она не знала, что творилось у графа дома, когда его родной отпрыск узнал эту новость. Он впал в такую ярость, что слугам даже было приказано закрыть его в комнате. Он рвался и испускал ругательства, он метался по комнате из угла в угол. Он не верил и не мог принять это событие. Безродная девчонка войдет в этот дом, где когда-то хозяйничала его мать! Высокородная леди! Она будет распоряжаться их слугами, деньгами отца, она сядет за один стол рядом с ними и уляжется спать на одну постель с его отцом, а вместе с тем он предрекал ей только одну роль в жизни – приносить подносы, мыть полы, посуду, готовить еду и чистить их вещи! Он всегда распаялся её отпором и строптивостью, но вместе с тем, отношение к ней у него было только как к девушке борделя, объектом удовлетворения его похоти и желаний. Его заводила её красота, и чем строптивей она была, тем больше он её ненавидел. То, что она училась в университете, казалось ему ошибкой, которая вскорости разрешится и каждый год, он был уверен, что это последний год её учебы, но приходил следующий, но он не вносил сомнения в его умозаключения. Граф же понимал, что с таким положением вещей надо что-то делать. Жить с сыном в одном доме он больше

не мог, агрессивность его была столь явна, что могло произойти непоправимое. Он спросил у своей будущей жены, не желала бы она начать строительство нового дома и даже не ожидал, насколько эта идея вызовет энтузиазм у Анни. Чувство великой благодарности родилось у неё к графу. В своей жизни она и помышлять не могла о том, что, когда-то сможет иметь дом, построенный по её вкусу и желанию! Она вложит в него душу, свою фантазию! Дом – это всегда твоя защита, твоя опора в жизни, твое пристанище, когда ты по жизни растрачиваешь силы и изнемогаешь. На время эта новая идея притупила даже боль осознания того, что никогда не сможет жить рядом со своим любимым мужчиной. Анни высказала надежду, что её любимого коня заберут из ипподрома, и он будет жить в конюшне её любимого дома. «Хватит ему рваться на скачках!» Пусть теперь только живет и гуляет с ней, он заслужил отдых. И со своей стороны она постарается помочь своей тетушке. Граф в качестве свадебного подарка, вместо драгоценностей, которые Анни отвергла, купил землю и помещение на улице Дохань, недалеко от еврейской синагоги, где они запланировали открыть мастерскую, по пошиву нижнего женского белья с ручной вышивкой, для чего были наняты вышивальщицы и там же лавку для торговли этими изделиями. Тетушка не верила во все происходящее. Граф же отметил практичность своей будущей супруги, которая предпочла заняться обустройством быта и развитием семейного бизнеса вместо того, чтобы баловать себя драгоценностями и нарядами. Дом Анни продумала не большой, но уютный, очень светлый. Ей хотелось так много света в помещении, и окна большие, округлые сверху, где в одной из комнат, она сделала нишу, которую обрамляли четыре высоких окна, а в ней она видела длинный, массивный диван, где она сможет много читать или общаться со своими друзьями. Да, веселиться с друзьями, в ней еще оставалось ребячество. Она не думала о детской, но она подумала о кабинете графа и своем. Дом строился двухэтажным, Округлым, узким, но с огромным, высоким крыльцом, вдоль которого выстраивались массивные колонны, защищенным фасадом из балкона от дождя, и балкон так же защищался от дождя козырьком из черепицы.

Судьба повернулась так неожиданно! Ее заботы о строительстве своего дома и покупке мастерской для тетушки заставило думать Анни, что судьба не так к ней строга и даже очень благосклонна! И в браке можно находить свое счастье и радость. Как то вечером, проходя по улице вдоль ограды, закрывающей уже начатое строительство их нового дома, она долго, долго стояла, смотрела сквозь дыры в заборе на уже начавшие расти стены её дорогого детища и уверенно сказала сама себе : «Я хозяйка своей жизни и буду изо всех сил стараться стать счастливой рядом с графом и сделать счастливым его. Я, самая дерзкая и самолюбивая девчонка всего нашего района, стану покладистой и послушной, спокойной и рассудительной, ласковой и внимательной женой для супруга! Ведь все дело только в наших мыслях, и я заставлю их работать так, как я хочу! Могла ли я и мечтать о том, что у меня будет свой, современный, красивый, стильный дом?! И если судьба протягивает подарок, надо им наслаждаться!» И она уже по ночам рисовала себе мысленные картинки, как она будет устраивать быт в этом доме, какой создаст интерьер, какие у неё будут занавесочки, какая мебель, а какую шикарную она придумала себе ванную комнату! Клянусь, девой Марией, мало у кого в Венгерском королевстве будет такая ванная комната!». Да, это же неопишное счастье и удовольствие просматривать чертежи, интерьеры модных домов и перенимать для себя их детали, стиль, а потом ездить по магазинам и покупать то, что тебе нравится! Кстати, она, даже и не посещала в Будапеште никогда и десятой части тех магазинов, которые там существовали. Но граф посоветовал съездить в Австрию, и даже в Париж для этого! Когда она это услышала, то не поверила своим ушам! Неужели такое возможно?!

Свадьба была назначена сразу после выпускного и окончания университета – получение звания бакалавра медицины. Анни, получив диплом, держала его долго в дрожащих ладонях и чувство великой гордости обуяло всем её существом. Каждый год учебы был как последний. Денег зачастую не хватало и приходилось во всем себе отказывать. Уверенности дойти до конца

не было никогда, было только желание и стремление. Несколько скудных слезинок упало на диплом и её стали трепать по плечу, окружающие сокурсники, видя, как она растрогалась. Это был пока первый и единственный выпуск в университете, где обучались женщины. А их всего было два человека: Анни и Хелен.

Игн весело откупоривал шампанское и разливал в подставляемые кружки, так как бакалавров никто не догадался захватить с собой на торжественную часть выпускного. Двоих девушек холили и лелеяли и к ним было особенное почтение. Они уже имели приглашение, как самые успешные выпускники в престижные клиники королевства. Но... Игн выбрал себе другой путь.

– Я буду работать в больнице для бедняков, – заявил он всем. Хелен поперхнулась шампанским и немедленно подскочила к нему, чтобы уточнить этот невероятный факт.

– Да, да, я уйду работать хирургом в больницу для бедных! – еще раз повторил он персонально для неё.

Ее это даже возмутило. Анни тоже насторожилась, новость была неожиданной. Они собирались работать вместе.

– Но... там же совсем малое жалованье у врачей! – воскликнула Хелен.

– Да, я знаю, но я остаюсь еще на кафедре младшим преподавателем, так что проживу как-нибудь.

– Но..., – не унималась Хелен. – Там совершенно нет базы, там нет таких возможностей для роста, как в клинике, я слышала, там постоянный дефицит с лекарствами, анестетиками, а больница переполнена пациентами. Игн, ты для чего шесть лет корпел над книгами и конспектами, чтобы потом отдаться вшам на съедение в какой-то больнице?

Взгляд, которым он в эту минуту одарил девушку заставил её умолкнуть. Первый раз в жизни она видела его разъяренным. И слова, которые он произнес после её возмущенных фраз, чеканили каждое слово, словно он хотел, чтобы это намертво было вколочено в её мозг.

– Хелен! Твои слова более чем возмутительны! Я и иду туда, где больше всего и нужна помощь врача! По-моему, наша профессия это подразумевает! А ты, видимо, хочешь сделать карьеру и не испачкать руки в крови?! Или гнушаешься людей? А перед болезнью все равны, как бедные – так и богатые, и если их, лишают лекарств, так если еще лишит и помощи врача, тогда зачем им вообще давать хоть какую-то жизнь в этом мире? Давайте будем убивать детей бедняков прямо при рождении!

Анни не понравился этот накал страстей, и она попыталась стать между своими друзьями, дабы смягчить витающий вихрь закручивающейся ссоры.

Она обернулась к подруге и погладила её по руке, и видя, что та готова уже что-то резкое отпарировать, прикрыла ей рот ладошкой.

– Все, все, дорогие мои, вы перешли все границы! Давайте вместо того, чтобы веселиться, а мы этого ждали так долго, здесь затеем драку!

Игн только огрызнулся:

– Я с женщинами не дерусь, – но Анни тут же повернулась к нему и хлопнула его ладошкой по лбу. – Джентельмен, черт тебя подери! Ты своими откровениями скоро накличешь на себя беду.

Хелен показала ему язык и взяла Анни под ручку, в знак солидарности – Если хочется, никто не запрещает устраивать войну вшам! – все-таки отпарировала она.

Игн вежливо промолчал. Но Хелен через минуту чуть не хватил удар, когда она услышала слова подруги. – Дело в том, дорогая моя, что я тоже, вероятно, возьму в этой больнице практику.

И Хелен только медленно выдохнула:

– Что? Я сейчас сплю или уже в сумасшедший дом попала?!

– Не драматизируй так, моя дорогая.

– Но, как, Анни, но ведь сами же говорите, что перед болезнью все равны и бедные и богатые, я же не против, но зачем идти туда, где даже работать нечем? Ты же знаешь, как они финансируются! Чем лечить то? Ты выдержишь, когда почти каждый твой пациент будет умирать, и ты поймешь как ты беспомощна, и не потому, что тебе не хватило знаний, а потому что их нечем лечить? При всем желании!?! И не считайте меня полной идиоткой!

Анни, соглашаясь качнула головой. Это было печально. Ласково погладила подругу по руке еще раз:

– Да... это прискорбно. Но если еще и врачи откажутся облегчать страдания малоимущих людей, то это будет хуже некуда.

Хелен вдруг вырвала её из внимательно слушавшего их диалог окружения и потащила в сторону. Анни возле самого своего уха услышала её слова:

– Анни, не делай этого. Ты станешь женой графа фон Магеля, ты же понимаешь, он так же переступает определенные условности и ему это не легко. Ты входишь в высшее общество, и ему не сильно понравится твой выбор!

Анни стала совсем серьезной. Подруга как никогда была права.

– Ну... – и она стала колебаться. Я подумаю над твоими словами. В конце концов, можно же в больнице для бедных просто подрабатывать!

– Какое подрабатывать, батрачка мне нашлась! Ты теперь дама светского общества! Нужды в деньгах у тебя не будет, зачем изнурять себя работой!

– Хелен, но тут я с тобой не соглашусь... я как раз-таки считаю, что чего-то добиться в жизни можно только трудом! Мы полны сил, энергии, мы должны отдавать себя работе и больным!

Хелен фыркнула – Люди делают карьеру для того, чтобы зажить прилично. А ты уже сейчас все это получаешь, так цени это и не отвергай! Наслаждайся жизнью и не вешай проблемы себе на плечи, а то быстро состаришься!

– Ладно, моя хорошая, у нас еще будет время поговорить на эту тему! Так мы с тобой идем на выпускной вечер или нет?

ГЛАВА 26

В глубине души Анни ждала и хотела увидеть на выпускном вечере князя Артура. Но он так и не появился. Она понимала, что выпускной бал не повториться, эти события в жизни редки и особенны, но как ни старалась поднять сама себе настроение – не смогла. Еще Игн куда-то запропастился, она хотела пригласить его на ужин в доме графа фон Магеля, в честь помолвки. Будет её тетушка и самые близкие друзья, а у Анни их было только двое: Хелен и Игн. Оба они представители высшего общества, не то, что она, но за шесть лет обучения в университете, ни с какой стороны они не дали ей это почувствовать. А с Игн они вместе были еще раньше. У него добропорядочная, сильно обедневшая, простая семья, и от прошлой знатности и высокого положения почти не осталось следа.

Анни много танцевала в свое удовольствие, участвовала во всех конкурсах, но взгляд её настороженно время от времени направлялся на огромную дверь входа в актовый зал. Ей несколько раз даже показалось, что он вошел и сердце её начинало учащенно биться, однако – не случилось. Тогда как тень, она незаметно скрылась у всех из поля зрения и кэб, в ночной прохладе и при тусклом свете газовых фонарей, одиноко увозил её домой.

На следующий же вечер, в доме графа фон Махеля собралось не большое количество гостей. Граф нервничал только лишь по одной причине, чтобы его родной отпрыск, с которым он все еще пока вынужден жить под одной крышей, не испортил приятного вечера своим необузданным нравом.

На круглый стол собиралось все фамильное серебро и праздничные сервизы. В центре была поставлена огромная хрустальная чаша – сосуд, наполненный алкогольным коктейлем, приготовленный в любимой винной лавке одного зажиточного венгра, который за годы про-

цветания своего бизнеса, отлично знал вкус постоянного клиента – графа фон Махеля. Анни одела свое самое красивое и праздничное платье из нежно розовой парчи с тончайшими кружевами, в коем, впрочем, она была и на выпускном бале. Пришли Игн и Хелен, тетушка Анни и старый, верный приятель хозяина дома – граф Герхард фон Кербер, известный австрийский политик, а также сын, пока еще в трезвом состоянии Томас фон Махель.

Тетушка Анни была женщина молчаливая на людях. Вечер пройдет, и никто даже не вспомнит о её присутствии. Но в жизни, в быту, когда она оставалась в своей привычной домашней обстановке, более говорливого человека трудно найти.

Но персона, которая в данный момент приковывала к себе самое пристальное внимание был сын графа – Томас фон Махель. Его с утра пытались под любым предлогом сплавить из дома, но заметив с утра повышенную суету и хлопотность, он под любым предлогом постарался остаться. И граф с тревогой бросал на него косые взгляды, контролируя его настроение. А, поэтому, круг званых друзей самого хозяина дома, сократили до одного. Но. На редкость, поведение младшего отпрыска знатной фамилии на сегодняшнем вечере было необычным. А это то и пугало больше всего. Он был тих и не многословен. И в этом его спокойном поведении таилась необычность, не свойственная этому человеку и затаившаяся буря, перед своим кульминационным проявлением.

Игн идти не хотел. Он понимал, что не вписывается в данное общество ни стилем своей жизни, ни настроением, ни отношением к человеческому бытию. Анни уговорила и со скучающим видом он покладисто отбывал свою миссию, представляя круг друзей новобрачной. Анни усадила его рядом с собой, Хелен же предпочла место рядом с молодым графом, который играл совершенно не свою роль, но, ведь, она и не знала его истинную сущность, как знали другие, а поэтому, с радостью принимала ухаживания.

Герхард фон Кербер, человек любознательный, живо стал интересоваться развитием медицины в настоящее время. Разговор приобрел познавательный характер. Игн живо, чтобы отогнать скуку, вклинился в развивающийся разговор. Герхард фон Кербер поинтересовался, где берутся «подопотные» для хирургических экспериментов и был весьма удивлен, когда ему объяснили, что при клиниках держат свинофермы. Свиньи таким образом являлись ценным материалом для будущих открытий в медицине. Но, так же использовались и трупы, которые привозили из Будапешских ночлежек для бездомных. Игн принялся рассказывать о нашумевшем изобретении немецкого еврея Адольфа Зингера, которое публиковалось во всех журналах. Интроскоп – прибор, который позволял врачу делать минимальный разрез на теле человека, трубка с прикрепленным мини-фонариком вставлялась во внутрь, освещая органы и помогала быстрее находить больной орган или участок ткани, чтобы её удалить. В Венгрии такого прибора еще никто не видел в глаза, но в научных кругах о нем много говорили. Это позволило меньше производить разрезов на теле человека наугад, в поисках проблемы и быстрее ставить диагноз. А также в Америке недавно была произведена ошеломляющая всех операция доктором Теккери по разделению сиамских близнецов – взрослых девочек, у которых был сросшийся бок. А во Франции сделана попытка провести кесарево сечение, но закончившаяся смертью матери, однако же младенец выжил. Начали, все в той же Америке, делать операции по удалению аппендицита и удачно. Гордости за развитие медицинской науки было много. Это позволяло увеличить продолжительность жизни и снизить смертность. А главное, давало лишний повод для отпора невежественной политики священников, утверждавших о неизменности бытия и пагубной роли развития знаний и разума для человечества. Диалог Герхарда фон Кербера с Игн проходил в мирном течении времени, до тех пор, пока не прозвучала злополучная фраза Томаса фон Махеля, решившего, что ему пора занять место на сцене.

– Люди высшего общества призваны быть примером для людей низшего сорта в добродетели и чистоте. Ведь не секрет, что отребья в нашей стране умирают больше и чаще и только лишь потому, что живут в грязи.

Анни с испугом бросила на него свой взгляд и тут же перевела его на Игн. Она знала его мнение по этому поводу и её это заставило еще тревожней насторожиться. Ее друг заметно покраснел. И потому, как четко и громко он положил на стол столовый прибор, она поняла, стрела попала в цель и сейчас события начнут разворачиваться стремительно.

С еле сдерживаемым раздражением, Игн произнес такую речь:

– Работа мозга не зависит ни от цвета кожи, ни от классовой принадлежности человека. Да... у людей бедных, может быть меньше знаний чем у людей богатых, но, это лишь потому, что у богатых людей есть возможность платить репетиторам, гувернерам, за деньги покупать книги, а у бедных таких возможностей нет. У них нет на это денег. Как нет их и на то, чтобы обеспечить для себя более комфортные и чистые условия проживания. Ведь не секрет, что пользоваться ванной в наше время может позволить себе лишь очень состоятельный человек.

Граф Герхард фон Кербер решил смягчить накалявшуюся обстановку, и он понимал, что должен занять позицию Томаса фон Махеля, человека просто взрывного. Самым лилейным и вкладчивым голосом он произнес:

– Но... пьянство и наркомания процветают в кругах людей низшего сословия, а не высшего – тем самым он преследовал цель просто обезоружить одним ударом сына графа, но, он и не подозревал что поджог другой фитиль. Анни и Хелен просто заерзали на стульях. Тетушка почувствовала что-то неладное, но все-таки, еще ничего не поняла. После этой фразы, Игн просто взвился. Но увидев умоляющий взгляд Анни, стал пытаться вернуть себе хладнокровие. У него это слабо получалось. Слова стали проскакивать сквозь сжатые зубы:

– Кто знает, может, если кого-то из нас на месяц отправить в условия проживания бедняка, то слабо можно было бы поручиться за нашу благочестивость! Может, мы, вообще, дошли бы до животного состояния!

Вся публика переглянулась. А Анни осторожно наступила ему на ногу под столом.

Граф фон Махель спокойно возразил, только чтобы сменить тему разговора:

– Вы, молодые люди! Вам свойственен максимализм и эмоциональность. Такие настроения сейчас очень характерны для современной молодежи, но мудрость приходит лишь с годами.

Игн возразил:

– Нет. Это не тенденция в молодом возрасте, это тенденция нынешнего времени. Просто развитие науки и культуры сейчас позволяют нашему сознанию подняться до понимания равенства всех людей на земле. У крестьянина, или рабочего, или любого другого человека такая же голова, руки, ноги, как и у человека высшего общества. Есть сердце, душа – и они совершенно одинаково функционируют в теле – у всех, без каких-либо различий! Любая батрачка на заводе, так же заботиться о своих детях и хочет видеть их счастливыми. А угнетение человека человеком происходит, как раз – таки при несовершенном и не развитом обществе. И чем цивилизованнее становится общество, тем меньше в нем развито угнетение одних людей другими.

– Вы полагаете? – спросил граф фон Махель.

– Я в этом убежден. Когда-то процветало рабство. Развитие экономики и науки стало искоренять его понемногу.

– Но, в Америке, все еще развита политика расизма. Негры только номинально получили права. Но они не участвуют в выборах, не преподают в университетах, ни лечат белых в больницах.

– Прогресс в том, что они, хотя бы уже номинально получили права. И, почему, не лечат в больницах? Я, недавно в американском журнале прочел статью, соавтором которой был черный врач. Все совершенствуется.

Томас фон Махель, переварив слова, сказанные графом фон Кербером, вновь вступил в диалог и Анни непроизвольно приложила ладонь ко рту, чтобы не вскрикнуть – Операции

на головном мозге еще же не проводятся? Откуда вы можете знать, что у бедных и богатых все одинаково?

Слова были настолько вызывающими и провокационными, что даже граф фон Махель готов был запретить такие разговоры за столом. Он громко позвал камердинера:

– Подавай, дорогой, кофе.

Но клубок продолжал катиться, распутываясь на ходу. Анни увидела, что у Игн, даже желваки заходили на лице от нетерпения.

– Нет, мозг человека мы еще не оперировали, но это не за горами. Но мозг собаки вскрывали. Притом это были как бродячие, бездомные псы, так и породистые собачки, прожившие всю свою безоблачную жизнь в богатых семьях со своими хозяевами. Эксперименты по вскрытию мозга доказали, что он у всех их одинаков. Это одно. А также, если бы вы, граф, сами, имели бы больше знаний, то наверняка, знали бы, что в истории накопилось очень много фактов, когда самые выдающиеся люди были выходцами из простых слоев населения. Ну, хотя бы, знаменитый полководец – Наполеон Бонапарт!

Взвизгнули брошенные столовый прибор на тарелку, а следом сочный баритон Томаса фон Махеля!

– Я не позволю никому!

Но договорить он не успел. Все подскочили со своих мест, кроме тетушки Анни, а граф фон Махель оказался рядом с завидной живостью и надавив ему рукой на плечо, жестко дал понять, что скандала не будет ни при каких обстоятельствах.

Сорвав салфетку с жилетки, Томас фон Махель швырнул её на стол, вывернул плечо из-под руки отца и поспешил прочь из столовой.

Игн все делал медленнее. Но в таком же раздражении. Раскланявшись и поблагодарив за ужин, он счел нужным удалиться. Анни, обескураженная, тяжело опустилась назад на стул. Граф поспешил к ней. Их глаза встретились, Анни молила извинить её за все происшедшее, считая себя виноватой, а граф молил простить его за выходку сына, которая сорвала ужин в честь помолвки.

Увидев сожаления графа, Анни успокоилась. Принесли кофе. Граф объявил о помолвке и надел на палец девушки золотое кольцо с брильянтом. Тетушка даже прослезилась. Хелен весело обняла подругу и чмокнула в макушку. Анни долго трогала это украшение, рассматривая камень. Она видела такие украшения на знатных дамах, ну, вот и она, теперь, будет иметь вещь, какую имели все дамы высшего общества. Нельзя сказать, чтобы от этой мысли она пришла в восторг, но от неё повеяло какой-то надежностью и свободой, хотя, казалось бы, наоборот, девушка связывала себя узами брака и подчиняла свою жизнь супругу.

ГЛАВА 27

Анни стала работать с Игн в больнице для бедных. Это была центральная больница города. В ней лечились и взрослые, и дети. Хелен устроилась в клинику.

Первые недели превратились в ад. Никто из них этого не ожидал. Профессия врача – самая чистоплотная и интеллигентная профессия. Но. Но к вечеру Анни казалось, что на неё налипли тонны грязи и приходя уставшей, сбитой с толку, испуганной и измотанной как физически, так и эмоционально, она просила свою тетушку выливать на неё подогретую на печи воду с ведра, забиралась с ногами в корыто и долго сидела в нем, пытаясь привести свои мысли в порядок. Единственное, что её радовало в данный период времени, от сумасшедшей суеты и впечатлений, ей некогда было и подумать о князе Артуре. Впечатления были настолько сильны и неприятны, что каждую ночь она видела сны, в которых события представлялись еще ужасней, чем в реальности. Она просыпалась с ощущением давления и негатива и избавиться от них ей было трудно в течении всего дня. А были дни, когда она была на шаг от бегства с больницы. Ей хотелось от безысходности громко-громко закричать и бежать сломя голову, в любом направлении. Только бы оставить эту больницу далеко. Она корила и линчевала себя каждый

вечер, и каждый вечер думала, что завтра не найдет в себе силы появиться перед больными снова. Но на утро, проснувшись от толчка страха и тяжести ночного нервного напряжения, она сидела десять минут на кровати и понимала, что не может так поступиться своей совестью и долгом перед больными. Перед ней всплывали разные лица, в которых она каждый день и каждую минуту наблюдала муку и боль, отчаяние и призыв о помощи, надежду на человека с дипломом доктора, и спускала свои ноги с кровати, шла умываться, без аппетита завтракала и уходила из дома на работу. Каждый день ответственность, каждый день выбор между жизнью и смертью, каждый день работа мозга до полного предела в поисках ответа на поставленную задачу. И никакого шаблона, никакой «накатанной колеи». Потому что каждый пациент человек, а человек по природе своей каждый уникален и не повторим. Несколько раз у неё был срыв. Она всю ночь плакала в подушку и была уверена, что никогда, никогда не сможет стать хорошим врачом.

Бредя вечером по улице, она заглядывала в лица прохожих, пытаясь понять, как они живут и о чем думают, потому что она ни о чем кроме болезней последнее время не думала. Глаза горя и муки, рваные раны, лужи крови, мочи, Гнойные раны, различные высыпания и слезы, покрасневшие и набухшие участки в различных частях тела у людей – все что у неё стояло перед глазами и что она не могла отогнать никакими усилиями воли. Если раньше всегда мир казался ей солнечным, светлым и играющим самыми радужными красками, то теперь все выглядело унылым и опасным. Как будто опасность и горе поджидало её за каждым углом и грозило наброситься при первой же возможности. Она спрашивала себя каждый вечер, что случилось с её мозгом, настроением и с её жизнью. Но не могла же она думать, когда училась, что больные всегда смеются, радуются жизни и у каждого у них улыбка на лице. Не могла она думать о том, что раны или различные опухоли имеют приятный вид, гладкость и розовый приятный цвет. И не могла же она думать, что, когда принимаешь ответственность за принимаемое решение, тебе всегда становится от этого легко и радостно?!

А вчера она не выдержала вида смертельной агонии маленького, рыженького мальчика лет шести, умершего от кишечных колик и только успела спрятаться за дверь, как слезы градом полились из глаз, и она только закусил железный отрывок шланга, чтобы не завывать в голос. Там её застал Игн. Слезами она замочила ему всю рубашку, так, как только он с понижением обнял её за плечи, она не выдержала и отпустила все свои сдерживающие потуги.

Выплакавшись, она подняла на друга свое мокрое от слез лицо и только сейчас увидела какие у Игн большие и глубокие глаза! Он сочувствовал и все понимал. Об этом можно было даже не спрашивать.

Отпустив её, он быстро накапал ей в рюмку успокоительных капель и заставил выпить.

– О, дева Мария, я никогда, никогда к этому не привыкну... – со стоном промолвила она.

Как старичок, проживший сто лет, он произнес банальную фразу:

– Человек привыкает ко всему.

– Игн, ты нормально спишь по ночам?

– Нет. Плохо, как и ты. Иногда вообще не сплю. А иногда, зная, что если сегодня не усну, то завтра мозг начнет плыть, принимаю сто грамм коньяку и тогда ложусь спать. На пол ночи хватает. И... вероятно, мужчины, равнодушнее. Ты читала, один французский ученый писал, что у мужского населения в коре головного мозга меньше центров, которые отвечают за переживания, чем у женщин. Поэтому, мужчины и могут воевать, а женщины нет. ...Вероятно.

Он почему-то очень внимательно посмотрел на Анни, она так и не смогла никак трактовать его взгляд и молча вышел из кабинета. У неё быстро промелькнула мысль – Что столько лет зная Игн, она так ничего о нем и не знает. Во всяком случае, ей с ним всегда надежнее.

В больнице ей довелось близко познакомиться со многими опытными хирургами. Все они были людьми такого же не знатного происхождения, как и она, но людьми, поражающими её своими энциклопедическими знаниями и изумительной памятью. В итоге, она возблагодарила

деву Марию за то, что познакомилась с такими людьми. Они стали для всех молодых врачей-практикантов большим авторитетом, не только масштабом своих познаний о человеческом строении и лечения болезней, но и чувством врачебного долга и самоотдачи. И сражаясь эти три недели с собой, со своими фобиями, с болезнями, и возвращаясь с больницы домой очень поздно, она ни разу не виделась с графом фон Махелем и как будто бы забыла о его существовании вообще. Он несколько раз заезжал к ним домой, справиться о её делах, но так и не застал. Упав в сумасшедшую кутерьму непредсказуемой жизни молодого доктора, она забыла про все, все, кроме своей работы и поэтому, слова, сказанные за завтраком её тетушкой, произвели на неё эффект разорвавшейся бомбы!

– Анни, вчера заезжал граф, оставил сотни гульденов, чтобы ты купила себе свадебное платье. Ты не забыла, у тебя через два дня свадьба!

Соответственно, реакция, которую она увидела на свои слова, со своей стороны удивила тетушку. Анни сидела с таким видом, словно перед ней за столом сидела не родная тетка, а сам сатана сообщал ей известие.

– Анни, ты что? – выдохнула тетушка.

Анни и так не испытывала аппетита за последние три недели во время еды. И ела все что ей предлагали автоматически, даже не разбирая, что ест. Но сейчас ей не хватило сил ни моральных, ни физических закинуть ложку каши в себя.

Как зомби она встала из-за стола и ей показалось, что это уже выше всякого предела её сил. Эти силы просто высасывала у неё её больница. Но ей так же требовалось прилагать усилия, чтобы заставить себя сыграть роль радостной невесты и приготовиться стать женой мужчины, которого она уважала, но никак не любила. Когда момент первой брачной ночи был еще далеко. Когда руки не желанного мужчины еще не скоро прикоснуться к тебе, ты тешишь себя надеждой, что все легко и получится как бы само собой. Но когда этот момент просто выстреливает пред тобой случившимся фактом, и ты должен мобилизовать все свои внутренние силы и справиться с эмоциями неприятия этого события душой, совсем другое дело!

Тяжело дойдя до лестницы на второй этаж, она прильнула всем своим корпусом на колонну опоры между этажами и безжизненно повисла на ней, закрыв глаза, прячась от реальности темной закрытых глаз.

Тетушка забеспокоилась.

– Анни, тебе не хорошо?

В ответ молчание.

– Анни, что с тобой?

Молчание.

– Анни, ты выходить замуж не передумала?

Тогда Анни нашла в себе силы отрицательно качать головой. Устало и отрешенно обернувшись к тетушке, она добавила:

– Тетя, вы же знаете мой размер. Купите мне платье сами. Я любое приму.

Удивившись, но видя состояние своей племянницы, своим внутренним мудрым житейским опытом, она почувствовала, что сейчас не время приставать с расспросами.

– Ну, хорошо, если тебе совсем безразлично как ты будешь выглядеть... Но... твою красоту, детка моя, трудно испортить.

Анни устало стала подыматься по лестнице, чтобы собраться на работу и отдала последние хлопоты в руки родного человека. На данный момент, её работа показалась ей не такой уж отвратительной, по сравнению с грядущими событиями, нежеланного брака. Но она должна справиться с этим. Несколько раз за последние недели и только метаясь на подушке ночами, её посещала очень здравая мысль «Если я за деньги и положение в обществе продаю себя нелюбимому мужчине, то зачем мне нужно было отказаться от предложения князя Войцеховского, с которым рядом она мечтает быть! Зачем она так поторопилась с выводами?» И тут же отве-

чала себе. – Там любовница и никакого положения в обществе, а здесь, я супруга графа и стану графиней, какой же это право красивый титул!» Но становилось еще тяжелее на сердце, и она отворачивалась к стене, словно от себя, не хорошей. И насильно заменяла такие мысли другими. Ведь у неё будет теперь свой, красивый, уютный, большой дом! А это многого стоит! И, за это нужно побороться!

Граф фон Махель в светских кругах был фигурой известной. После объявленной помолвки его с Анни Милешевской он стал фигурой «Нон-грата». Не было ни одного дома в венгерском королевстве, где не обсуждалось бы это событие.

Даже баронесса фон Гайзейшарт, настроенная лояльно к неравным бракам, вдруг резко изменила своим взглядам и везде, где ей приходилось появляться в светском обществе за последнее время, высказывала к этому свое негативное отношение. Ее негатив подогревался еще тем, что особенно за этот последний месяц её супруг стал отдаляться от неё по причинам, в которых она даже сама себе боялась признаться! Женское самолюбие было задето до самой глубины. Ей, действительно, было не двадцать лет и простую сексуальную влюбленность, она уже могла отличить от чувств более глубоких.

Ни одним словом князь не обмолвился в адрес обсуждаемой всеми помолвки, но в его взгляде затаилась такая изматывающая душу грусть, что опытной женщине прочесть это не стоило никакого труда. А затем все это стали усугублять частые одинокие ночи в семейной постели, так как супруг пропадал неизвестно где. Тайно приставленные к нему соглядатаи баронессы донесли, что в порочащих его связях не замечен, а всегда остается ночевать один или с коллегой по работе в охотничьем домике. Получалось, что князь до полной самоотдачи ушел в свой производственный бизнес. А весь его охотничий домик превратился в кузницу новаторских идей и завален был различными чертежами, в которых понимали что-то только избранные. Он получал патент на изобретение за патентом для своего производства. И, действительно, завод стал наращивать мощность. Он появлялся в доме баронессы только лишь для того, чтобы контролировать процесс проведения электричества и установки телефонной линии. Дом баронессы, был почти одним из первых частных домов, кто занялся своей электрификацией. То же самое делалось на заводе и следом в охотничьем домике. Впрочем, о браке графа фон Махеля судачили, но эти разговоры терялись в столь же воодушевленно обсуждаемых разговорах по поводу внедрения электричества в королевстве. Приезжие из Австро-Венгрии и Франции, Германии сообщали, что там не осталось практически ни одного бизнеса, работающего без применения электричества в производственных и бытовых целях и ни одного более-менее фишенебельного дома. Больницы и высшие учебные заведения в этом являлись новаторами. Теперь можно будет даже вечерами и по ночам при необходимости освещать помещение столь ярко, сколько тебе захочется. Проводили и телефоны. Они пока еще представляли из себя вид двух трубок, одна из которых находилась на прямой опоре, а другая на проводе подносилась к уху. Но с другим человеком можно было разговаривать в любой момент, не выходя из дома и не приглашая его с визитом к себе. Для кого-то это было необъяснимым чудом. И в большинстве, это были знатные домохозяйки.

Только баронессе все эти чудеса и восторг, в который они приводили, не приносили облегчения от гнетущих мыслей. Вернулись те бессонные, мучительные ночи, которые по молодости и в первые годы жизни с Артуром Войцеховским она испытала в своей жизни, зная, что его привлекла к себе смазливенькая, молоденькая «волоцушка» своим еще упругим и прекрасным телом.

И поэтому, в данный момент. Произнося фразу при свидетелях:

– Сочувствую графу фон Махелю в том, что искренность его чувств не оправдывает его надежд. Молодой плебейке очень важно всеми правдами и не правдами попасть в высшее общество! – она вкладывала максимально накал своих негативных эмоций и женской обиды, за отсутствие любви со стороны законного супруга.

И говорила она эти фразы так часто и в столь различных вариантах, что князь однажды не выдержал и резко одернул её. – Лиза. Тебе ли не все равно? Ты настолько часто это произносишь, что создается впечатление о женской зависти.

Она как будто уже давно ждала этого вопроса и была к нему подготовлена особенно тщательно. – Мне жалко графа. У него такая прекрасная репутация! А это такая редкость для людей, имеющих большой бизнес! Он практически единственный человек во всем Венгерском королевстве, и даже в Австрии слывающий человеком честнейшим и порядочнейшим! И как его то угораздило! Она высосет из него все! Все! И загонит в могилу раньше времени.

Артур криво усмехнулся, но она видела, что он не разделяет её убеждений. – Ты настолько уверена в своих предположениях! словно эта девушка прожила с тобой рядом много лет, и ты знаешь все её планы!

– Милый, у меня огромный житейский опыт!

– Да... да... да... – вздохнул он и ей от этого вздоха стало еще невыносимее от глубоко спрятанной обиды.

– Не бери на себя так много негатива. Это вредно для здоровья. Подумай лучше иначе. Что эта молоденькая девушка скрасит уже не молодые годы хорошего человека и привнесет в его жизнь разнообразие и много радости!

Вот эти слова были для неё неожиданностью, к которой она не подготовилась. На время потерявшись, она наблюдала, как её супруг поспешил быстро допить свой кофе. Не имея желания дальше дискутировать, он поторопился покинуть столовую.

Она обреченно уронила голову на свои руки. Легче бы стало поплакать. Но слезы не шли. В душе было холодно, очень холодно!

ГЛАВА 28

Анни Милешевская и граф Отто фон Махель венчались днём в Эстергомe – старинном городе, расположенном на южном берегу Дуная в церкви Базилика святого Адальберта. Это был выбор графа. Здесь же он венчался со своей первой женой. Венчание носило закрытый характер. Из приглашенных со стороны графа было только три человека: граф фон Кербер, Томас фон Махель и экономка его дома – Дора, пожилая женщина, немка. Рядом с Анни стояла её тетушка и Хелен. Всю ночь Анни крепко проспала, но только благодаря тому, что вечером тетушка поила её чаем с мятой и давала успокоительные настойки. А когда среди ночи Анни снова начало знобить от жутких мыслей, она поняла, что успокоить нервы сможет только чем-то достаточно крепким. Прокравшись со свечкой в руке на кухню, она потихонечку выпила пол бутылки вишневой крепкой настойки, заготовленной тетушкой для гостей. Утром её трудно было пробудить, но очнувшись, она упростила принести ей настойки еще.

Приехав за Анни в экипаже, граф обратил внимание, что его невеста имеет несколько заспанный вид, но, сам тщательно скрывая свое волнение, никому бы не сказал, что поднимал себе настроение двумястами граммами коньяка. Ему так не хотелось всей этой церемонии, этой суеты, приготовлений и поездки в Эстергомe! Но отдать дань традиции было нужно. Он с большим бы желанием просто уединился бы со своей невестой в дальней комнате своего дома за легким интимным ужином, плавно перетекающем в первую брачную ночь. Никак нельзя. Надо выдержать дресс-код. Зачем подливать масло в огонь, им еще жить в обществе, которое сейчас самым активным и не пристойным образом обсуждало его и его действия.

Анни, ужасно, хотела спать, ни смотря на то, что крепко спала ночью. И чуть не заснула в экипаже по дороге в Эстергом. Слова священнослужителя она слышала, но совершенно не пропускала через себя.

Все происходило словно во сне и спустя какое-то время она и не вспомнит, в каком была платье на собственной свадьбе. Тетушкой было предложено пригласить с утра для укладки волос в прическу лучшего будапештского цирюльника. Анни отказалась. Волосы кучерявились сами, и она доверила свою голову подруге, потому что ей было абсолютно все равно, насколько

красиво ей их уложат в прическу. Хелен же справилась со своей задачей. Встречая свою невесту на крыльце дома, чтобы усадить в свадебный экипаж, граф в самую первую минуту её выхода, даже, почувствовал, как у него перехватило дыхание – настолько девушка была хороша! Все делалось по-современному, без соблюдения национальных традиций, без церемоний и свадебных выкупов. Сын графа и его старый друг граф фон Кербер в Эстергом приехали собственным транспортом. Анни только смотря сбоку на уверенную руку графа, подставленную ей для поддержки и боясь смотреть ему в лицо, про себя ежеминутно молила деву Марию, чтобы все сегодня прошло быстро и легко и отгоняла от себя навязчивые мысли о том, «что умерла бы от счастья, если бы это была рука князя Артура, в этом белом манжете с серебряной запонкой.»

Графу было тяжело на душе. Он понимал, что его будущая супруга не поднимает на него глаза не от невинного смущения и трепета, а от стыдливой лжи самой себе и окружающим о мнимом счастье. И также понимал, как много усилий он должен приложить для того, чтобы не стать для этой девушки любимым и желанным, но хотя бы только близким и приятным. Но он настолько желал видеть эту белокурую, красивую головку каждый день на подушке в своей кровати, он настолько желал слышать каждый день её голос, он настолько желал каждый день ощущать в своей руке тепло её руки, что решился на эту борьбу и пошел против всего элитного общества, осуждающего этот брак.

По окончании церемонии они вернулись в дом графа. Томас был трезв. У него была веская причина вести себя прилично. Перед самой свадьбой, отец зашел к нему в комнату и предупредил, что со всей решительностью лишит его наследства, если бракосочетание хотя бы в малой степени омрачиться по его вине. И голос отца в этот момент звучал столь твердо, и убедительно, что ему не нашлось даже что возразить. Это было бесполезно и решено!

С широко открытыми глазами, Анни смотрела на изысканно убранный стол. Ее сердце стало отгаивать после церкви и проповеди священнослужителя, которые только лишней раз наводили её на мысли – «Не совершает ли она ошибку всей своей жизни!» Такой утонченности и роскоши, они никогда не видела и не мечтала о таком. И мысли, что теперь и она ко всему этому будет причастна, растапливали лед в её сердце. Она будет ходить как царица по красиво и богато обставленным, убранным комнатам с осознанием того, что хозяйкой этой красоты и является Анни Милешевская, девушка из не знатной семьи, но богатым и глубоким внутренним миром, достаточным потенциалом для того, чтобы заслужить все это для себя!

Ее глаза впитывали красоту сверкания переливающихся под тяжелой люстрой хрустальным светом высоких бокалов, кувшинов и ваз, в которых просто кричали своим совершенством царицы всех цветов розы! Различные, до селя ею и не виданные яства, и разнообразие напитков! Серебряная посуда и белоснежные накрахмаленные салфетки, хрустящие при каждом к ним прикосновении! Граф услужливо отодвинул перед ней высокое кресло, и она стала погружаться медленно, медленно в состояние легкого удивления, как мало она знает о жизни богатых людей и какие они счастливые должно быть от всей этой роскошной комфортности! Даже куда-то убежал все время давивший ей на сознание страх перед первой брачной ночью! Но, подняв взгляд от кушаний, на человека напротив и увидев внимательные и встревоженные глаза графа Отто фон Махеля, страх снова схватил её в свои цепкие объятия, и она видела выход только в том, чтобы позволить себе как можно больше шампанского, чтобы избавиться от мысленного контроля и не имея сил сопротивляться своей же собственной душе, полностью отдаться на волю чужого ей человека.

Хелен же ловила на себе лукавые взгляды Томаса фон Махеля и, совсем угнетенная скукой в этом узком кругу самых близких людей, решила легким кокетством, хоть как-то поднять себе настроение.

Томас фон Махель был мрачнее тучи. Шампанское ему даже не подносили. Он бросал тяжелые взгляды, полные ненависти на Анни. Но так как сидел рядом с Хелен, и старался галантно за ней ухаживать, та ничего не замечала. Разговор между ними медленно тек в своей

скучной банальности и Хелен отмечала про себя, что Анни слишком часто держит в руке бокал и яркий румянец вспыхнул на её красивом лице, что делало её еще более неотразимой. Только тетушка поняла какими силами управлялось поведение её племянницы, и она первая заметила, что всегда озорной взгляд с этакой «чертавщинкой» светящейся изнутри, убежали «бесята» и он стал серьезным и глубоко вдумчивым. Грань расставания с молодостью пройдена, и сделан первый шаг в жизнь взрослой замужней женщины со своими проблемами и тревогами.

И когда поздно вечером, оставшись совсем одна, в чужом доме, без поддержки тетушки и подруги, наедине со своим страхом, Анни подошла к зеркалу и долго смотрела на себя. Она, всегда смелая и рискованная, с трудом в данный момент справлялась с этим чудовищем – страхом. Глядя на себя, она повторяла снова и снова «Я справлюсь». Усталость, накопленная за день напряженного противостояния своим истинным желаниям и попыткам стойко играть взятую на себя роль, наваливалась на плечи и усугублялась количеством выпитого шампанского, которое ей сейчас так мало помогало. Она вздрогнула, когда в дверь бесшумно вошел граф и каждый его шаг, приближения, гулко ударял прямо в сердце. Как бы она не старалась совладать с собой, глаза распахнулись ужасом.

– Аня – тихо позвал он. И голос его был нежен и ласков. – Я мужчина, но мне кажется, я понимаю, что ты сейчас испытываешь... Может тебе нужно привыкнуть ко мне? Будь со мной честна, я удовлетворю любую твою просьбу, твоё желание.

Набежали слезы, и она хваталась за воздух, чтобы не разрыдаться. Волна признательности пошла от её сердца к графу, взамен на его понимание и такт, но она в глубине души чувствовала, что если не сможет сейчас переломить себя, то не сможет никогда. И хаотично искала слова, чтобы выразить понятно свое смятение и чувства, в которых с трудом разбиралась сама. И вот, пытаясь находить нужные слова, она медленно стала объяснять свое смятение.

– Я. Я. Я боюсь. Простите граф. Я ничего не знаю, я не сведуща и инстинкты мне ничего не подсказывают. О... , дева Мария! – Она закрыла лицо руками. – Помогите мне, я буду очень прилежно учиться. Но... – и не смогла дальше продолжить.

Граф терпеливо ждал и чутко старался уловить каждую нотку в её интонации. Слова были ничто, интонация выдавала истинные мотивы происходящего. – Но, что, Ани? – переспросил он и обнял её за плечи.

– Лучше пусть все сразу, чтобы потом стало легче, я хочу все принять сейчас, я доверяю вам во всем.

Отто фон Махель по-отечески гладил её волосы и сдерживал свой тяжелый вздох. Не так, совсем все не так происходило у него с покойной женой и слова молодой жены только лишний раз доказывали ему, как глубока пропасть между любовью и её реальными чувствами. Какую глыбу ответственности возложил он на свои плечи и сколько это потребует от него неимоверно много сил!

ГЛАВА 29

На утро Анни проснулась одна. Отто фон Махеля рядом не было. Но эту ночь она помнила хорошо. Все произошло не так ужасно, как ей представлялось и, этим утром, её душа словно вырвалась из тесной клетки, в которую она мысленно себя загнала. Граф был настолько нежен и внимателен, чуток и ласков, что ощущение одиночества и то, что всеми покинута, заменилось ощущением обретения надежного тыла за спиной и защищенности. Она обрела рядом верного, родного человека, который будет дышать рядом с ней, помогать во всем и поддерживать, потому что он любит не той любовью эгоиста, а заботливой, преданной, тихой и всепрощающей, похожей на любовь Господа нашего, безусловной любовью.

Отто фон Махель зашел в комнату уже одетый в костюм и для него было важно знать, в каком настроении проснулась его супруга. Анни потянулась к нему еще в полусонном состоянии, и гнетущая тяжесть напряжения между ними окончательно испарилась в воздухе. Оковы

скованности рухнули. Граф получил надежду, а Анни мудрого друга. Им будет комфортно вместе всегда. Это почувствовалось интуитивно и это радовало.

Поцеловав её в щеку, он решил не быть долго навязчивым в своем внимании. Он мог бы сегодня и завтра не заниматься вопросами бизнеса и оставаться дома с молодой женой. Но зрелая мудрость подсказала, что его чрезмерная обходительность и заботливость так же сейчас будет неуместна, ей нужно время для того, чтобы привыкнуть к новому дому, и к мужчине, ставшим её супругом.

Никто не подумал о том, что может омрачить начало семейной жизни. Когда Анни спускалась по лестнице в столовую для завтрака, её с ехидной улыбкой встретил Томас фон Махель. Она хотела вернуться в спальню и попросить камергера принести завтрак в комнату, но никого рядом не обнаружила и потом, она не успела. Молодой отпрыск знатного рода, очень быстро оказался рядом и очень близко от её лица сверкнули его карие глаза с нескрываемым похотливым интересом. Его пальцы больно впились ей в запястье и её рванули к себе, она упала ему на грудь, успев только закрыться своей свободной рукой. Его рука нашла её грудь и сильно сдавила пальцами. Анни от неожиданности ахнула.

– Есть потенциал – услышала его слова.

С силой оттолкнувшись, она чуть не упала сзади на лестницу, успев схватиться за перила. В ней вспыхнула такая сила негодования и ужаса, смешанного с чувством противности. Краска прилила к лицу. Как гибкая пружина, она вскочила на ноги и размахнувшись, ударила его по щеке. Ответ последовал так быстро, тут уж он не ожидал.

Первым её порывом было убежать к себе в спальню. Она даже поднялась на несколько ступенек вверх. Ее догнала здравая мысль. Она сейчас такая же хозяйка в этом доме, как и он и бегать как мышь от кота она не должна. Обернувшись, с вызовом она бросила на него гордый взгляд и стала уверенно спускаться к столу. Пройдя мимо, он наградил её снова ехидной улыбкой и увязался следом за ней. Сели к столу. Она еще не привыкла к утонченно убранному сервированию стола. Прекрасная посуда, красиво нарезанные овощи, живописно разложенная на блюдах еда, выпечка и миниатюрный серебряный кофейничик с горячим кофе. С тетушкой они всегда жили просто, не замысловато. По центру ставилась простая еда, чаще это была каша или варенные бобы, горох и каждый накладывал себе порции на тарелку. Из напитков были настойки, чай, молоко, реже тетушка варила брусничный кисель, когда их угощали знакомые ягодами. Не долго она рассматривала и любовалась убранством стола. В её адрес снова понеслись наглые издевательства праздно проводящего свои дни отпрыска.

– Ну, что... папик остался доволен сегодняшней ночью?

Анни сердито взглянула на него, но решила промолчать. Только аппетит, под тяжелым взглядом неприятного соседа медленно улечивался вон.

– Давай мы с тобой договоримся так... Ты папика ублажаешь ночью, а когда он уходит, мы с тобой будем развлекаться вместе. Поверь, я многому могу тебя научить. Ты мне до конца своей жизни будешь благодарна.

Анни не выдержала и с раздражением бросила салфетку на стол. Резко поднялась. Потом опять села. Мысли помогали сдерживаться. Нет, она не дворовая девка молча сносить издевательства того, кого она больше всех презирала на свете и уже давно. Уверенными движениями, она стала накладывать себе на тарелку пышные булочки. Взяла поджаренный бекон с хрустящей гренкой.

– Держишь позу?! – нервно проговорил Томас. – Да, надо приучаться к хорошим манерам. Ты вилок и ножом то хоть умеешь пользоваться или показать?

И он легко оббежал стол, встал сзади у неё за спиной и демонстративно схватив её за кисти рук, стал всовывать в ладонки вилку. Анни вырвала руки и стукнула кулаком по столу. Он отошел, напыщенно разведя руки в стороны.

– Сюда будут приходить различные люди, не твоя голытьба, с которой ты общаешься. И ты должна научиться хорошим манерам, чтобы не опозорить папика.

Анни пожалела о тех словах, которые слетели у неё с языка:

– Я думаю, что на твоём фоне, я буду смотреться даже очень неплохо! Хуже, чем ты, его уже не опозорить.

Он нервно и натянуто рассмеялся.

– Ко мне уже все привыкли, я из их общества, чтобы ни делал, я им все равно буду родным, а вот ты... всегда как под увеличивающим стеклом, как бактерия, на конце иголки!

– Ну, если тебя не очень беспокоит мнение окружающих и это не мешает тебе комфортно жить, почему я так не могу? Не обращать внимание на мнение окружающих!

– Тебе то, конечно, все равно, а вот папику?! Это его сейчас прельщает твоя смазливая физиономия и упругая грудь, а пройдут дни, дни, даже не месяцы и каждый из окружающих начнет описывать твою невежественность и плебейское происхождение, ну... ты же учишься, знаешь, что количество перерастает в качество!

– Нет. Здесь прямо за столом я наблюдаю совершенно противоположные законы. – отпаривала она и сделала паузу.

– И это какие же?

– Какие? Ну хотя бы... что количество благ, которые сваливаются на человека при его знатном рождении, не превращают его в цивилизованного индивидуума общества. А скорее наоборот, индивидуум деградирует в звериное состояние, со звериными инстинктами и повадками. И этот индивидуум сидит сейчас прямо напротив. Лязгает зубами, как волк и несет гадо-сти, как оскалившаяся гиена.

– Ты. Кукушка, выбирай выражения! А то я выпорю тебя на конюшне, как последнюю блядь. А ты еще хуже. Свою блядскую натуру прикрываешь дипломом врача! И готова ради денег подкладываться под любого старикана.

– Может я и кукушка, по-твоему, тогда должен знать народную мудрость, что ночная кукушка, дневную всегда перекукует. Это ты начни контролировать свои слова. А то накукую отцу, наследства лишит и из дома выгонит. Ведь у нас и свои дети могут быть, ты не подумал?

У Томаса стали на лице играть желваки, а рука нервно сжимала и разжимала нож в руке. Анни даже показалось, что быстрое движение и этот столовый прибор вонзиться ей в горло. Но она потрудилась с имитировать снисходительную улыбку, чем еще больше подлила масло в огонь.

– Осторожно, кукушка. А то папику завтра сообщат, что нашли тело неизвестной женщины в какой-нибудь канаве. И труп могут не опознать. Если я еле терплю твое присутствие в своем доме, я не собираюсь терпеть твою спесь!

– И я тоже. – и размахнувшись, Анни выплеснула ему чашку кофе в лицо.

Он подскочил и рванулся к ней. Она усилием воли, сжав зубы, заставила себя по-прежнему остаться сидеть на стуле. Только коленки и руки задрожали мелкой дрожью. И она их спрятала под стол. Его руки сзади схватили её за плечи. Она приготовилась к худшему.

Он был взбешен, но прекрасно понимал, что, если у супруги его отца останется хоть малейший след на теле от его домогательств, это будет его последний момент пребывания и в доме отца и в его жизни. Он давно ходил по краю пропасти, сам удивляясь терпению родителя. Его руки ослабли, и он снова схватил Анни за грудь. Как ужаленная кошка она, извернувшись, вскочила. Перед ним только мелькнули её разъяренные глаза и дальше он только отмахивался от её ударов. Она исхлестала ему все щеки, била кулачками по груди, и схватив из вазы цветы, стала обрушивать весь цветочный водопад ему на голову. В стороны только отлетали лепестки и ветки. Он успел схватить её за руки, но она стала кусаться. Вывернулась. Схватила со стола кофейник и стала им размахивать, попадая ему по рукам. На ковер выливались темные струи кофе.

– Дикая! – крикнул он и укрылся в соседнем кабинете.

Анни стояла, тяжело дыша и пытаясь привести себя в порядок. Она понимала. Что с этим нужно как-то справляться и со своими эмоциями. Скорее бы уже переехать в свой дом, и она постановила себе что сейчас же соберется съездить на стройку и теперь будет сама контролировать ход строительства и торопить всех, пусть это и будет стоить им с Отто фон Махелем дополнительных расходов.

Возвращаясь вечером домой, празднично проводящий свою жизнь отпрыск знатного рода даже не вышел из своей комнаты, зато вернулся граф. Анни стала увлеченно рассказывать ему о строительстве и осторожно попросила ускорить их переезд. Супруг все понял. Он не знал, что произошло сегодня утром и Анни, словом, не обмолвилась, но его также беспокоил сын и рядом с его присутствием, граф испытывал дискомфорт. Ему хотелось уже быть только рядом со своей супругой.

Пришло следующее утро и Анни отправилась в больницу. Первого она встретила Игн. Ставший за все это время лучшим другом и понимающим человеком, близким ей по интересам и по духу, Анни по нему даже соскучилась. Он отказался прийти на её венчание, поздравив словесно, но ей его не хватало. Он также обрадовался. Но, как всегда, был очень занят, всегда торопился, всегда старался во все вникнуть и везде быть полезным. Он быстро принялся рассказывать Анни, что наблюдает сейчас одну беременную женщину, и ребеночек в животе не переворачивается, а ей срок подошел родить. Кесарево сечение в Венгерском королевстве еще никто не решался делать. Единственное, что практиковали в этих случаях, положить живот в ледяную ванну. Ребенок начнет убежать от холода и перевернется. И Игн попросил Анни заняться подготовкой этой женщины к процедуре.

– Я вчера уже ассистировал на операции – похвастался он. – Гангрена ноги. Бедному старику отрезали ногу. Спал я сегодня только с употребленным коньяком.

В больнице не хватало бинтов, средства, выделяемые из казны в первую очередь, тратились на анестетик-кокаин и эфир, необходимый при операциях.

Бинты делались из старых сорочек и рубаш. Их аккуратно нарезали и кипятили. Всех клиентов просили рваные, старые сорочки не выбрасывать, а приносить в больницу.

Анни как тень ходила везде за доктором Дэвидом Цобиком. Венгр по национальности, он уже двадцать лет имел опыт работы хирургом. И самым первым врачом в Венгерском королевстве кто оперировал миндалины при воспалительных процессах. А в те времена у детей – это было частым явлением. И только самые последние пять лет, во время этой операции с использованием хирургической гильотины, пациентам стали вводить мягкий анестетик в виде раствора кокаина. А раньше эта операция для врача была пыткой, пациенты кусали за пальцы от боли и врач, не успевший убрать пальцы, рисковал их потерять насовсем.

Она пропускала через свой мозг каждое его слово. Она как «девушка на побегушках», бросалась выполнять каждое его распоряжение первой. Она влюбилась в своего наставника как собачка привязывается к своему хозяину. Она не подвергла сомнению ни одно его действие. И даже Игн стал выговаривать ей в том, что не разделяет её слепой веры каждому умозаключению учителя. Они тоже люди и тоже ошибаются. Утром они начинали ритуальный обход, и она бежала следом, вооружившись большой папкой с картонной бумагой – представлявшей аналог карточки больного, за его семяшкой походкой. Пришурив один глаз и расширив максимально другой в пенсне, все уже заучили наизусть его коронную фразу, произносимую при появлении в палате: «Мы не сможем переставить горы, но мы сможем выстроить платину!», которая вселяла надежду пациенту и ободряла врача в успехе лечения.

Анни понимала, что она должна будет оперировать больных. Как все врачи это делают. Придет он – этот первый раз и надо справиться. Но она боялась. Молодых врачей не сразу бросали в дело. Некоторое время она исполняли работу медицинских сестер, наблюдая работу врача-хирурга со стороны и привыкая ко всему, затем их ставили ассистировать при операции.

Это уже было сложнее, потому что всю ответственность за операцию и жизнь больного брал на себя главный хирург, но ты должен все делать исправно и уметь зашивать живую ткань и держать в руках инструменты умело и уверенно. Но, приходит время, когда ты оперируешь и принимаешь решение. А в ходе операции могут произойти самые не запланированные и неожиданные моменты. Когда больной – живой человек, все просчитать невозможно.

Ребенок в животе молодой женщины так и не перевернулся от ледяной ванны. Доктор Цобик сидел озадаченным, рядом со своими коллегами. Анни и Игн, «постойки смирно», выстроились у входа в кабинет.

– Женщина молода, силы есть. У нас достаточно эфира и шелка? – строго спрашивал доктор обслуживающий персонал. Обычно веселое и добродушное его лицо, сейчас было напряженным.

Его коллега, младший хирург, доктор Анри Мирано, итальянец, воспротивился. Он уже осознал ход мыслей главного врача.

– Это колоссальный риск! Такие операции успешны только в пяти случаях. И это в клиниках, с более богатым хирургическим оснащением и лучшими условиями!

Доктор Цобик кивнул головой. Он все отлично знал. Его усталый взгляд с надеждой, ища помощи в принятии решения обвел внимательно всех присутствующих. Не найдя поддержки, он как бы ушел в себя, погружившись в размышления, а все напряженно ждали. В кабинете повисла пауза и воздух, как будто, стал плотным и осел на плечи, давя своей тяжестью. Анни первый раз в жизни столкнулась с таким и в душе у неё вырос немой вопрос «что же делать в данной ситуации?». А, следом за ним, тихий ужас вполз внутрь и у неё глаза стали расширяться, словно решение должна была принять она. Все фибрами своих тел уловили флюиды гнетущего напряжения, витающие в помещении. «В данный момент решалась судьба молодой женщины и её не рожденного еще ребенка, а их в эту жизнь послала только воля Господа!».

– Эта женщина тогда обречена. – наконец произнес доктор Цобик. – Попытавшись прооперировать, мы дадим ей шанс.

Анри Мирано вскочил с места и нервно стал вышагивать по кабинету взад и вперед. И со стороны казалось, что свои мысли он высказывает вслух не окружающим, а самому себе.

– Если она умрет сама, нас никто не обвинит. Вы, учитель, правы, но этого не объяснить простому обывателю. Они не поймут, что операцией мы давали ей шанс. Нас обвинят, если она умрет под вашим скальпом. Не надо оперировать, я так думаю.

Доктор Цобик менялся в лице, и все наблюдали, как оно у него становилось упрямее.

– Все бояться делать эту операцию, так как мало практики. Но она была описана во многих работах. Если мы так никогда и не начнем, уповая на то, что пусть кто-то другой будет первым, мы так и не научимся хорошо оперировать. Нужно начинать. Я последний месяц очень тщательно изучал работу еврейских врачей-акушеров. В голове что-то отложилось. Дело за практикой. Кто семья этой пациентки?

Все направили взгляды на Анни, она вела записи.

– Пациентка живет с матерью, супругом. Они работают на новом заводе Войцеховского. – И произнеся эти слова, она вздрогнула. Тупые иголки вонзились в сердце. Как долго уже она о нем не думала! И вот!

– Пригласите мне её родных, самых близких. Я поговорю с ними, постараюсь все объяснить, и, если они дадут согласие, завтра готовьтесь к операции.

– Кто с вами? – спросил Анри Мирано.

– Ты, Анри, и все остальные будут нужны. Зовите родных. Решение за ними.

Анни встревожилась. Доктор уловил её порыв.

– Что?

– А что мне сказать, если будем оперировать, самой пациентке? А вдруг она сама и будет против?

– Да, Анни. Она должна все знать. Вот ты и расскажешь, но она не будет против. Все хотят иметь шанс на жизнь.

ГЛАВА 30

Да. Операция была назначена на утро. Пациентка дала согласие. После сумасшедшего дня, Анни решила заехать к Ангелу на ипподром. Не долго ему уже осталось жить там. Достроиться её дом, и он переедет туда в конюшню и получит заслуженный покой. Но, сейчас, в тяжелых раздумьях и с нехорошим предчувствием, она хотела его увидеть. Он снимал каким-то чудесным образом с её плеч и мыслей негатив.

Было поздно, и она никуда не поехала верхом. Она просто долго стояла, прильнув к лошадиной морде, закрыв глаза и весь прошедший день мысленно подвергался анализу. В своем сердце она была абсолютно уверена в правильности принятого решения доктора Цобика. Но если есть на белом свете сила предчувствия, то ей сейчас не предвиделся лучший исход операции. Кто знает? Может это так говорит с тобой подсознание, может это и есть интуиция врача?

Теплые, шершавые губы Ангела дотрагивались до её спины, она протягивала ему ладошку, и он опускал свои губы в них, оставляя её влажной. Домой идти не хотелось. Она почему-то с большим желанием отправилась бы сейчас в дом к тетушке, упала бы там на кровать и долго смотрела бы на круглую луну за окном. А придя в дом к графу, нужно было подавать ответные знаки внимания на заботливость супруга, а еще, не дай Бог, ей придется столкнуться с этим гнусным сынком. А у неё сейчас не было ни на что сил.

Ангел стал учащенно фыркать. Переминаться с ноги на ногу и за спиной Анни почувствовала чье-то присутствие. Обернувшись, при свете газового фонаря, она разглядела смуглое, красивое лицо князя Артура. Он приближался. Ее сердце гулко заныло и застучало как «бешенное». Усталость как рукой сняло, вернее, она сейчас её перестала ощущать, так как её перебили чувство волнения и тайной радости.

Подойдя, он хотел было дотронуться ей до плеча, но передумал. Она увидела такое томительное ожидание в его глазах и грусть. Он скучал. Да, он скучал все это время. И как всегда, всегда уже было, по её телу побежал легкий холодок, уступающий место разливающейся теплоте по всем членам и наконец-то, чувство комфорта и успокоения уверенно овладело её эмоциями, и пришло понимание глубиной души того, что это её родной человек, волею судьбы для неё не предназначенный.

– Анни – тихо произнес он. – Я видел вас с экипажа и уже дальше ехать не мог. Я должен был вас увидеть. Это сильнее меня, оказывается.

О, дева, Мария! Ее вдруг, охватило неистовое желание прильнуть к его груди, спрятать лицо в родной теплоте и так стоять бесконечно, пока хватит сил в ногах. Это было толчком огромной силы и бороться с этим желанием у неё тоже не было сил.

Он это почувствовал и сам притянул её к себе, сильно обнял. Она почувствовала его дыхание возле уха и твердую руку на затылке, пальцы перебирали выбившиеся из-под шляпки волосы.

Ангел из ревности легонько толкнул её мордой в плечо, и она отстранилась. Всегда она умела брать себя в руки и знала, даст сейчас волю чувствам и эта животная, мощная стихия заставит её забыть обо всем и даже совершить непоправимое.

Он не хотел её выпускать из своих объятий, но она упрямо отстранялась.

– Князь, ни вам, ни мне это не принесет благо.

– Ты хочешь сказать, что теперь мы должны играть роль оловянных солдатиков и наши чувства загонять как можно глубже?

– Да – твердо ответила она.

– Но зачем, Анни. Мы взрослые люди. Мы понимаем, что жизнь диктует свои законы, но чувства – это тоже воля Бога. Что сейчас мешает нам хотя бы, хотя бы общаться? Вы же избегаете меня всеми силами, да и я, честно сказать, вначале пытался так поступать.

– Князь, я сейчас замужем.

– Да. Анни, Я и желал этого и не желал.

– Как? – не поняла она его слов.

– Я желал, чтобы ты заняла в этой жизни то место, которое заслуживаешь. Но... Но мне горько осознавать, что с тобой рядом другой мужчина и он к тебе очень близок.

– Да, князь. Это горькая правда. Мы все малодушные люди. Мы хотим любить, но ничего не отдать в жертву своей любви. Мы не хотим бороться за свою любовь. А теперь я буду бороться за счастье своей семьи, – проговорила она, но он по её опущенным ресницам видел, что нет силы правды в этих словах. И в то же самое время, его поражала такая глубокая, мудрая зрелость, так не свойственная её возрасту.

– Анни... ты теперь графиня. Я хотел этого для твоей жизни, и ты не перестаешь меня удивлять, ты молода, а в твоих словах столько зрелости и силы воли!

– Князь. Я только теперь понимаю ваши слова и ваше решение, я в этой жизни совершила точной такой поступок как вы когда-то. И теперь я его не осуждаю, наверное...

– Анни, я не могу долго не видеть тебя. Мы же можем общаться, ну как друзья, почему нет?

– О, князь. За последнее время столько всего навалилось, я ни о чем другом кроме своей работы и не думаю.

Она потрепала Ангела по морде и простилась с ним.

Они вышли на улицу и должны были расстаться. Уже темнело, ей нужно вернуться в дом графа, иначе он начнет беспокоиться. Но ей так стало теплее на душе и легче. Прощаясь, она как будто, часть себя оставляла князю. Эта борьба, такая не нужная и изматывающая. Он сильный, красивый, такой желанный, такой притягательный! Сидя в экипаже, скудная слеза украдкой пробежала по её щеке и пропала в воланах одежды. Она ехала в противоположную сторону от тетушкиного дома. К дому графа.

Граф встревоженный встречал её у входа. Она потянулась к нему подставляя щеку для поцелуя. И сразу поспешила подняться на верх и принять ванну. Спина разламывалась пополам от напряжения всего дня и надо смыть весь негатив водой. Граф остался ждать её к ужину в низу, а перед дверью ванны она наткнулась на Томаса. Он все с той же ехидной улыбкой, попытался обхватить её за талию и больно сжать в своих наглых руках, но получил увесистую оплеуху, как всегда, рассмеялся и сбежал вниз. Анни нервно сбрасывала с себя всю одежду. Теплая вода, вот что спасет её от раздражения!

ГЛАВА 31

Анни увидела глаза женщины и отвернулась. Она обладала сильной энергетикой и любой взгляд могла выдержать, но не сейчас. Она провалилась стремительно в свое детство и перед ней стояли глубокие, полные муки глаза матери в свои последние минуты жизни. У неё даже пронеслась в голове быстрая мысль «Может все имеют такой взгляд в самые экстремальные мгновения своей жизни?». Мольба о помощи и осознание бессилия и беспомощности в данный момент. Человек, какой бы он взрослый не был, становится в такие мгновения маленьким ребенком, который не может ничего, и не знает, что предпринять, как изменить ситуацию, что может ему помочь? Но в этом взгляде была еще надежда. Человек хотел жить. За свою совсем короткую практику в больнице, Анни уже встречала взгляд, в котором не было желания жить. Человек так измучился от болей и устал бороться с собой и с обстоятельствами, что принимал смерть осознанно и естественно.

Электричество в больнице проведено еще не было и все операции по возможности проводились утром, когда солнце вставало высоко и в окнах проходило много света. Время было около 11 часов. Все тщательно мыли руки перед операционной, врачам повязывали спереди клеенчатые фартуки. Инструменты стерилизовали в кипящем закрытом аппарате, напоминающем железный таз. Доктор Цобик был настолько сконцентрирован, что даже не на все вопросы

сестер отвечал, пропуская их мимо. Встали с оголенными поднятыми руками полукругом и в помещение две сестры вкатили каталку с пациенткой. Анни вошла следом, она готовила женщину к операции. Очень важно было чтобы эфир начал действовать не раньше, чем сделается разрез на животе, но ни в коем случае не позже. Установив прочно каталку, пациентке быстро надели маску. Одна медсестра быстро и проворно раскладывала на столике рядом инструменты из стерилизатора. Анри Мирано контролировал действие эфира и командовал «Можно!»

Громко и жестко доктор Цобик потребовал: «Ланцет». Внизу живота, выше лобка, был сделан горизонтальный надрез, посочилась кровь, сестра стала быстро прижигать медицинским паяльником. А Доктор Цобик торопился, он уже резал мышцы живота, они прижигались дальше. Ребеночка быстро извлекали за ножки, он не дышал. Обрезали пуповину, положили его на пеленку на руки сестре, она хлопнула его по щекам. Синий комочек не зашевелился. Она констатировала, что он мертв. Доктор Цобик услышал эту информацию, но сейчас его больше интересовала жизнь матери. Вынув послед, он командовал: «Шелк». Это значило, что нужно быстро шить. Анри Мирано мерил пульс пациентке, он падал. Мокрый пот большими каплями выступил на лбу доктора Цобика. Он быстро стал зашивать ткань матки, мышцы, потом быстро, быстро кожу. Шов был сделан. Он глубоко вздохнул. И тревожно посмотрел на своего ассистента. Тот держал руки на шее пациентки, там, где ниже ушей пульсирует жизнь. Мирано убрал руки. Они безжизненно повисли, и он с выражением недоверия на лице поднял голову на доктора. – «Пульса нет» – И в голосе было столько удивления! Все до этого шло хорошо. Как, как такое могло случиться и почему?

– Насос! – на весь зал раздался голос доктора Цобика. И, началась такая стремительная суета. Анри Мирано молниеносно бросился подсоединять насос к трубке эфира. Но тело медленно-медленно приобретало все более белый-синий цвет и холодело. Все было бесполезно. Доктор дрожащей рукой опустил скальпель на зашитый живот пациентки, там его оставив, и обойдя каталку устало побрел из операционной. Операция не удалась.

Когда к нему в кабинет зашел Анри Мирано, Анни слышала, как доктор Цобик говорил: «Медленно, медленно оперируем, нужно все делать очень быстро! В этом причина! И эфир. Что-то надо делать с эфиром... Что-то надо делать с эфиром. Он не так быстро действует, как надо. Господи, ну в чем же дело? Женщина была здорова! Почему остановилось сердце?» С тем же неммым вопросом ходила и Анни и Игн. Все твердо знали. Операция была необходимой, доктор Цобик угадал, что другого шанса у женщины нет. Ребенок завернулся в пуповину и задохнулся и в этой ситуации все, все бесполезно, кроме операции, но почему пациенты умирают?

После работы, Анни пошла к своей подруге Хелен в клинику. Ее интересовал вопрос, делались ли когда-нибудь за последнее время подобные операции там, где проходили лечение люди состоятельные, где оснащение в аппаратуре и медикаментах было лучшим.

Но Хелен её не утешила. В клинике подобных случаев еще не было. Кесарево сечение в Венгерском королевстве первым попробовал делать только доктор Цобик.

Но Хелен и озадачила свою подругу. Ее интересовала её личная жизнь. Томас фон Махель оказывал ей знаки внимания. Присылал корзины цветов, один раз встречал после работы у входа в клинику. Анни только услышала это имя, замахала руками. Хелен даже не ожидала такой эмоциональной реакции.

– Ты что? Он красив! Он статен! Он один из десяти самых богатых наследников в нашем королевстве! Где мне еще подвернется такая выгодная партия! Или ты опасешься, что я и Томас отнимем у тебя все наследство!

Анни ужаснулась. Она и не ожидала, что такие мысли появятся в голове, старой по годам, дружбы подруги.

– Хелен, милая моя. Я тебя умоляю, выкинь этого человека из своей головы! Он злостный пьяница и садист! О, дева, Мария, я не ожидала, что ты не рассмотришь этого человека! Это

так ужасно! Любая женщина, которая свяжет какими-нибудь узлами себя с этим человеком, обрекает себя на муки! На стыд и унижение!

– Но почему. Анни! Я его ни разу не видела пьяным!

– Милая моя, ну тогда просто инкогнито в течении нескольких дней покарауль из-за угла нашей усадьбы, не поленись потратить время и у тебя не будет больше иллюзий по поводу этого человека! Хелен, кто угодно, но только не он!

Хелен пожала плечами. Она так и согласилась поступить. И случай не заставил себя ждать.

Этим же вечером, как и следующим вечером, Томаса фон Махеля камергер вынимал пьяным из экипажа. А через два дня он вообще пропал на несколько дней из дома и граф стал мрачнее тучи. Анни слышала утром в плохо закрытую дверь, как граф давал распоряжение своему камергеру опять поискать его в борделях. Анни раньше не видела, насколько это изматывает графа. Он в такие дни просто на глазах менялся. Взгляд становился тусклым, тревожным и даже с ноткой обреченности. Ей было его жалко. Но уходя на работу, она забывала обо всем. Работа затмевала все остальные тревоги и неурядицы.

С графом у неё текла спокойная, размеренная жизнь. Он не докучал ей своим слишком внимательным отношением и заботой. Но когда им доводилось быть вместе, Анни даже и не могла раньше предположить, что мужчина умеет быть настолько нежным и ласковым. В её представлении, конечно же, они были грубее и нетерпимее, чем женский пол. И притом, ей с графом всегда было интересно разговаривать. Она пришла к выводу, что он более тонко и глубже даже чем она, видит людей. Последнее время она стала делиться с ним всем, что в течении дня происходило у неё на работе и её удивляло, как ему это не безразлично! Он вникал во все, как её друг Игн, и давал свою оценку происходящему так точно и лаконично! И ему так же, как и ей, глубоко импонировал характер доктора Цобика и его отношение к работе, к пациентам. Ее удивляло то, и она не могла этому дать объяснение, что выходец из старого знатного австрийского рода, начавший свою жизнь в роскоши и сейчас живущий в роскоши, он не был этим горд и так же, как и она и Игн оценивал людей не по знатности происхождения, а по тому, какой они ведут образ жизни, по уму и способностям. Сам не был самолюбив и не кичился своим происхождением. И при своих капиталах, мог бы уже давно вести спокойный, праздный образ жизни, занимаясь только собой и купаться в полном благополучии, но... это было совершенно ему не свойственно. Он занимался своим металлургическим заводом, проводил там больше времени, чем кто-либо другой из его окружения. Рано вставал, поздно возвращался, читал много новейшей литературы о развитии техники, всегда сам просматривал статистические сводки, которые каждый день для него готовил его управляющий и даже сумел окружить себя такими же трудолюбивыми, и не заносчивыми людьми, которые являлись начальствующим составом у него на производстве. Анни даже приняла к своему сведению, как нужно работать с утра до ночи, не жалея своих сил. Зато дома, граф совершенно не занимался. Но ...этот также не простой вопрос, решался хлопотами серьезной, исполнительной и очень рассудительной экономкой Дорой. Все, на полном доверии, было отдано в её руки, её в доме очень уважали, и она чувствовала в нем свою неограниченную власть над всеми, кроме хозяев. Но с хозяевами она вела себя как равная и граф это приветствовал. Граф да, но не его сын. Но зная отношения сына с отцом, Дора просто игнорировала глупое и паразитическое существование младшего отпрыска, снося молча, не вступая даже в разговоры о его поступках и словах, зная, что граф будет всегда её защищать и никогда не скажет в её адрес дурного слова и не осудит. Томас фон Махель, конечно же создавал дискомфорт для всех. Даже хотя бы тем, что его так часто приходилось камердинеру носить пьяного на своих плечах из ресторанов, борделей, комнат, сдаваемых внаем. Приходилось убирать разбитые им в таком состоянии вещи, бокалы, посуду. Приходилось по утрам приносить отпаивающие его рассолы и чай.

Сносить его не добрые взгляды и порою унижительные ругательства. Но, они все научились не обращать на это внимание!

Граф однажды вечером, когда они с Анни сидели, укутавшись в пледы у камина, предупредил о своем отъезде, на неделю, в Вену. По банковским делам. Он хотел в Вене решить какие-то вопросы по кредитам, так как основные свои капиталы он держал именно в Австрийских банках, а не в венгерских. Анни сидела и не могла сразу разобраться в возникших у неё чувствах. С одной стороны, она как бы почувствовала какое-то облегчение и даже свободу. А с другой стороны, чувство потери. «Неужели мне становиться жаль, что граф так на долго уезжает первый раз?» И вот она поняла. Остается же этот мерзкий, наглый, надоедливый «потомок фамилии фон Махель». И целую неделю она будет один на одни, не считая слуг, с ним в этом доме. «А может переехать на время к тетушке? Но нет... Она даст только лишний повод этому гнусному человеку думать, что она его побаивается!».

Граф уехал. Два дня Томаса втягивали домой в невменяемом состоянии. Когда по утрам он отходил и высыпался, Анни уже не было, она уходила в больницу. И вот на третью ночь он не появился дома, и она с большим облегчением уснула после двенадцати, а утром решила наконец-то выспаться, так как все-таки находилась в нервном напряжении рядом с неприятным соседом. Она, конечно же закрывалась в комнате и внизу была комната Доры, но ... ..но напряжение присутствовало. Утром, выспавшись, она решила насладиться ванной и попозже отправиться на работу. Разомлев, она растянулась в теплой воде и закрыла глаза, наслаждаясь теплой негой. Томас открыл дверь отмычкой с обратной стороны, и Бог его знает, как ему это удалось. Анни довольно долго лежала и не подозревая, что над ней нависла мрачная энергетика этого негодяя. Она её как-бы почувствовала и открыв глаза, ахнула от неожиданности и испуга. Он напряженно и молча рассматривал её в ванной. Она закрыла грудь рукой и нервный холодок пробежал у неё по спине.

– Прочь отсюда, как вы вошли! – воскликнула она.

Его глаза были ясными. Лицо не помятый имело вид. Она поняла, со вчерашнего дня он не пил. Видимо поздно ночью бесшумно вернулся домой.

– Ну, ну... ну... – спокойно протянул он. Его взгляд медленно и похотливо скользил по её обнаженным участкам тела и всему, что видно было из воды. Она поглубже опустила в ванну, машинально и с вызовом стала смотреть ему в лицо, отвечая такой же дерзостью. Пауза затянулась. И она понимала, что нужно что-то предпринимать. Чувство такой мощной неприязни овладело ею, что она стала чувствовать, что поддается гневу.

– Уйдите. Прочь. Я сказала. Вы. Наглец, иначе я закричу! – повторила она громко.

– Кричи, – так же спокойно произнес он.

– Кто прибежит? Камергер? Дора во дворе и не услышит.

И он подошел близко, рукой стал вести по её плечу, спускаясь ниже. Анни вывернулась.

– Ты что, так смакуешь смотря на голых женщин? Как будто никогда не видел? Ты же пропадом пропадаешь в борделях!

– А чего это тебя касается! Сейчас на тебя хочу посмотреть.

Анни промолчала и стала хаотично искать выход из таких обстоятельств.

– Вы мерзавец! Мне нужно одеться – сказала она наконец только то, что пришло в голову.

– Одевайся, – спокойно сказал он. – Тебе что, тоже впервой быть голой перед мужчиной?

– Впервой.

– Да что ты говоришь? И с папиком у тебя, что ли, платонические отношения? За деньги раздеваешься, неужто не привыкла?

Она в недоумении смотрела на него и видела только то, что он не уступит ни в чем и ничего сейчас не испугается.

– Я расскажу Отто, – уже тише произнесла она.

– Рассказывай. А я все с недоумением буду отрицать, где доказательства? – все так же твердо и спокойно констатировал он.

Анни растерялась. Громко, громко несколько раз крикнула «Дора!». Но, видимо, этот негодяй был прав, она вышла за чем-то на улицу.

Тогда она позвала камергера, в надежде иметь просто свидетеля, когда будет жаловаться графу на сына. Но... молчание. Как же так, все сложилось против неё...

Тот ехидно улыбнулся. Ему доставляло удовольствие бессилие Анны. Он опять упрямо тыльной стороной руки коснулся её плеча и стал медленно водить рукой из стороны сторону опускаясь ниже, пока Анни с силой не ударила по его руке, но он сделал вид, что рука упала в воду и уверенно надавил ей на грудь. Она стала сопротивляться. От чувства униженности и противности у неё даже выступили слезы. Деваться было некуда и она поднялась из воды во весь рост, поспешив захватить полотенце с вешалки, потянувшись, но Томас подхватил её под мышки и приподняв, выхватил из воды всю, задержав, не ставя на пол, со всей силы прижал к себе. Она забилась в его руках и все, что ей оставалось, укусь его за щеку. Он отпустил её, размахнулся и ударил по лицу. Она подхватила полотенце и стала торопливо в него заворачиваться, не обращая внимание на удар. Проскользнув мимо него, он больше не предпринимал попыток её схватить, она вбежала в свою спальню, и как была в полотенце, упала на кровать. На короткое время она дала волю эмоциям, поплакала. Но очень быстро взяла себя в руки и села перед зеркалом, решительно задав сама себе вопрос: «И что со всем этим делать? Нужно что-то делать!».

ГЛАВА 32

Когда Анни пришла в больницу, её сразу направили в операционную, ассистировать доктору Анри Мирано при вправлении вывиха и наложении гипса при переломе второй руки мужчины, лет тридцати. Человек упал со строительных лесов, при строительстве дома. Когда Анни спросила пациента, какой дом они строят, у неё задрожали руки, и доктор Мирано это заметил.

– Должно быть графиня фон Махель, это ваш дом? – после спросил он её.

Спустя какое-то время, она встретилась с Игн, и решила с ним посоветоваться, нельзя ли этому работнику, который пострадал при строительстве её дома, предложить компенсацию? Ее мучила вина. А в этих вопросах, Игн всегда был так рассудителен. Но её друг завел разговор совершенно в другом направлении, она не ожидала настолько не шаблонного подхода.

– Ты, конечно, помоги этому несчастному. Какое-то время он не сможет работать, но дело здесь не в тебе, Анни. Надо учинить проверку начальнику стройки, насколько он обеспечивает для работников должную технику безопасности. Страховочные леса, лестницы, крепкие веревки, которые должны привязывать всем, кто работает на высоте. Я... думаю, тот негодяй, просто жульничает и экономит на всем этом, как и они все.

Анни внимательно приняла это к сведению, только не знала, что со всем этим делать теперь? Растерявшись, она стояла перед другом с недоумением на лице.

– И что теперь делать?

Игн усмешливо посмотрел на неё и ответил шутливо:

– Высечь управляющего стройки розгами.

Анни развела машинально руками, она не поняла, шутит он или серьезно. Тогда Игн еще шире улыбаясь, подошел к ней вплотную и дружелюбно погладил по плечу.

– Тебе ли этим заниматься? Расскажи супругу, пусть он предпримет какие-нибудь меры.

– Граф уехал в Австрию, вернется к выходным.

– Ну понятно. ...Ну, стройка же никуда не убежит... – пожал Игн плечами.

– Игн, а вдруг завтра опять что-то произойдет?

– Съезди сейчас туда, пока нет операции, и просто поговори с управляющим, предупреди, а приедет граф, пусть с ним разбирается.

Анни согласилась, что в его словах есть резон. И уже засуетившись, чтобы выполнить намеченное, вдруг задала удививший Игн вопрос – А где взять розги?

Тот даже отвлекся от рукописей, в которые каждодневно записывал свои наблюдения за больными, во время работы. Теперь уже он не понял, шутит она или серьезно. Решив, что она шутит, сказал не задумываясь – Должно быть на конюшне или где изгороди в деревьях плетут. – и принялся усердно что-то записывать.

Игн так изменился, во время работы в больнице. Или он стал таким после того, как начал читать запрещенную властями литературу? Теперь почти всегда он был серьезным и ответственным. На него можно было положиться в любом вопросе, и он так же взрослел не по годам, как и Анни.

Съездив на стройку, Анни расстроилась окончательно. В её представлении, дом должен был быть уже достроен и начаться внутренние работы. А выяснилось, что начали строить только второй этаж. Если бы она не побывала сегодня на стройке, она, может быть еще не поехала бы на ипподром. Но, когда она эмоционально поговорила с управляющим, накрутила окончательно себе нервы, ничего не разобрала из того, что он ей наговорил, а поняла только одно, что не так скоро, как собиралась переселиться сюда, она решительно отправилась на конюшню.

Приехав затем в дом графа, она вела себя более чем загадочно и странно. Обошла весь дом, ко всему присматриваясь. Но, видимо, не удовлетворившись, разочарованно поднялась к себе наверх. Томас фон Махель, поздно вечером пришел на своих ногах, но не трезвый. Анни приоткрыла свою дверь и стала терпеливо прислушиваться ко всему, что за ней происходило. И когда Дора проходила мимо её комнаты, она выглянула и спросила, что делает то «недоразумение» сейчас. Дора сделала вид, что её ничего не удивило и ответила – Просил принести ему чай в комнату. Анни неожиданно чему-то обрадовалась и щелкнула восторженно пальцами руки – Неси, Дора. Только приостановись возле моей двери. Пожалуйста.

Дора была умная женщина. Она видела всегда суть человека безошибочно. Когда Анни как супруга переступила порог этого дома, Дора успокоилась и обрадовалась. Глаза девушки были умные и глубокие. Такие люди никогда никого ни притесняют, ни унижают и свои порядки не навязывают. А значит измениться что-то к худшему не может. И сейчас она утвердительно кивнула в знак согласия головой и пошла готовить чай отпрыску знатного рода. Дверь Томаса находилась так же на втором этаже, только в другом пролете. И когда Дора шла назад с готовым чаем, Анни всыпала в него приличную дозу снотворного и сказала управляющей. – Дора, дорогая, так надо. Я сама со всем разберусь. Главное, чтобы он выпил. И чтобы дальше не происходило, вы не вмешивайтесь.

Прошло какое-то время, и когда Дора, забрав поднос из комнаты Томаса, возвращалась. Анни поинтересовалась, спит ли то-«недоразумение». И получив утвердительный ответ, пробралась к нему в комнату. Ей так везло в этом деле сегодня, потому что тот негодяй даже спал на животе, лицом вниз и его не пришлось переворачивать. Подправив его руки к перилам кровати, она крепко, крепко ремнями привязала его к разным железным балясинам кровати. То же самое сделала с ногами, но ремни сделала длиннее, чтобы тело не чувствовало натяжения. И теперь осталось только ждать. Анни вернулась к себе в комнату и засекла время. Она даже поспала немного, так как действие снотворного было рассчитано на шесть часов хорошего сна. Пробудившись, она вытянула розги из-под кровати и отправилась в комнату Томаса фон Махеля. За окном было темно, но забрезжил нежный рассвет. То «недоразумение» еще спало и требовалось чуть-чуть подождать. Анни даже потренировалась в воздухе махать розгами и звук, разрезаемого воздуха, издавая своеобразный хлопок, видимо, и пробудил спящего. Открыв глаза, он поводит взглядом впереди себя, пытаясь понять, откуда идет такой звук. Анни быстро приняла боевую позу и стала напротив. Это легко написать. Но сделать гораздо труднее, как и все в нашей жизни. От волнения краска прилила ей к лицу, и она в любой

момент готова была отказаться от своего плана. Когда она стала чувствовать, что решительность её слабеет, она насильно стала прокручивать у себя в голове все некрасивые сцены с его участием, чтобы побольше разозлиться. Он дернул рукой, видимо для чего-то, может почесать себе нос или чтобы приподняться, но что-то жестко держало её в тугом кольце, не позволив сдвинуться даже на три сантиметра. Он машинально поднял ноги. Они приподнялись, но до какого-то уровня, а дальше какая-то сила заставила их упасть назад. Анни видела, как округляются от озадаченности его глаза, и он стал дергать руками в попытках изменить позу и не смог ничего сделать. Тут он почувствовал её присутствие и стал пристально всматриваться сквозь темноту, но уже с пробивающимся из окна лучом раннего света. Узнав, в темной фигуре, её, он удивился еще больше. Даже Анни показалось, как закрипели извилины его мозга в попытках понять, что происходит. Он дернулся и в одну сторону, и в другую. Выругался и бессильно вернулся в исходное положение.

– Черт, подери, что происходит? – нервно спросил он. – И что ты сюда приперлась?

Она молчала, наблюдая за всеми его потугами высвободиться и по лицу его читала, что к нему приходит само по себе осознание, что происходит сейчас. Он еще старательнее всмотрелся в её фигуру и разглядел в руках розги. Анни даже расставила ноги на ширине плеч, чтобы устойчивее стоять при взмахах розгами. И когда он окончательно уяснил себе что все это значит, он стал пытаться высвободиться еще сильнее, а Анни стало страшно, но отступить было уже поздно. Она стала произносить заранее заготовленные фразы и делала над собой усилие, чтобы они звучали как можно увереннее.

– Я начинаю воспитательный процесс. И предупреждаю тебя, что это только начало, если ты, хоть каким-нибудь словом в мой адрес, хоть каким-нибудь движением в мою сторону, заденешь меня впредь, то я придумаю для тебя наказание гораздо серьезнее. Я тогда, клянусь, что просто вылезу из своей шкуры, я потрачу на это все свое время, но я уговорю графа лишить тебя наследства.

Но, видимо, его злость и обрушившееся неожиданно состояние тупой оторопи, не дали ему расслышать её слов.

Он закричал на неё:

– Курица! Развяжи меня, идиотка, я убью тебя, можешь не сомневаться! Тупая голодранка! Развяжи я сказал! – Слова слетали с такой злостью, что Анни уже не надо было накачивать себя гневом, он возник сам собой. И в свой первый удар она вложила всю свою силу.

В темноте, она не видела на его спине появившейся красной полоски. Второй удар и он закричал еще больше, пытаясь вырваться. Это был мужчина и сила в руках была так или иначе. От его разъяренных рывков задергалась кровать, но балясины не дрогнули. Слава, Деве Марии! Кровати в те времена делались прочными. Она, удовлетворившись увиденным, стала раздавать удары быстро и сильно. Он извивался как мог, матерился, просто орал, изо рта на подушку текли слюны. Потом слезы от боли. А Анни вкладывала в каждый последующий удар весь свой накопившийся гнев, а потом к нему и приобщила весь свой стресс, накопленный за проработанное время в больнице. На каждом ударе, она чувствовала, как она очищается, от накопленного негатива! Он орал уже только одним сплошным матом, не пытаясь высвободиться. Только вздрагивая от каждого удара. И тогда придя к мысли, что нужно заканчивать, она решила произнести заключительные слова!

– Проси у меня прощения за все оскорбления, за все свое поведение и поклянись, что бросишь пить!

– Пошла ты! – только обреченно вырвалось у него. Он не подымал уже голову с кровати, только скрипел зубами от боли.

– Клянись, иначе я не остановлюсь, пока в моих руках будет сила! И еще хоть раз, только раз движение твое в мою сторону – я уже клянусь ты останешься ни с чем! Сам знаешь, ночная кукушка, дневную перекукует! Клянись!

– Пошла ты, сука! – огрызнулся он.

Тогда она стала изо всех сил стараться бить сильнее. Размахивалась с большей амплитудой и напрягала руку до последнего. И стала чувствовать, что выдохлась сама, руки устали.

– Клянись! – прокричал он наконец-то

– Не слышу! – отозвалась Анни.

– Клянись!

– Что клянешься?

– Клянись не приставать больше!

– Вот то-то же!

И она с облегчением и с удовлетворением опустила свои руки, а в них, повисшие прутья. Сейчас она его не боялась. А дальше будет видно по обстоятельствам. Он молча затих. Возле его головы была большая мокрая лужа. И под ним тоже! Ну, это естественные последствия, при данном наказании. Анни устало выдохнула и медленно побрела в свою комнату. У неё разламывалась спина и ощущение было такое, что в эту ночь она разгрузила вагон с камнями. Ее наказуемый, только и смог, повернув голову, с ужасом посмотреть ей в след! Она даже почувствовала, как злой огонь прожег её спину.

Два дня он завтракал, обедал и ужинал в своей комнате и вообще никуда не выходил. Когда вернулся граф, он вынужден был спуститься к ужину к столу. Был молчалив и закрыт. Таким его еще никто не видел. Украдкой, с яростным взором, он посматривал на Анни, когда она этого не видела. Граф почувствовал что-то неладное, но ничего не понимал. За столом разговаривал только сам хозяин и изредка Анни отвечала на его вопросы. От младшего хозяина дома, никто не услышал даже слова, только все видели, что сидит он на стуле натянутый как струна и ни разу не облокотился на спинку стула, как это делал всегда. Граф озадаченно хмыкнул и решил все выяснить позже у Доры. А когда все узнал, от удивления еле пришел в себя. Он некоторое время не знал как ко всему этому отнестись! Но, потом все звенья сложились в одну, и он решительно пошел на разговор к сыну. Ко всему испытанному, тот получил еще угрозы со стороны отца, и как раз-таки в теме лишения наследства, если каким-либо действием затронет новую хозяйку этого дома! Еще ни одного человека в своей прозябающей жизни он ненавидел с такой яростью, как Анни!

ГЛАВА 33

В больнице царил хаос, как всегда. Анни с удивлением для себя выяснила, что одной из самых страшных болезней господствовавшей в жизни – является не сыпной тиф и не туберкулез, а сифилис. Презервативы в начале 20 века только-только стали применяться и это слово до конца не соответствовало ситуации, о них только узнавали и большинство людей к ним относилось с недоверием, кто-то с удивлением, а кто-то с предопределением. В городской же больнице, где работала Анни пациентами, были крестьяне, рабочие, мелкие служащие, люди с очень низким денежным доходом. Средствами предохранения, разумеется, там никто не пользовался и требуется еще сказать, что внутренняя атмосфера семейных отношений господствовала с архаичными традициями. Женщина в семье не пользовалась уважением и не имела практически никакой правовой помощи. Воля супруга должна была исполняться беспрекословно, а супруга меньше всего беспокоили проблемы супруги, и никто не интересовался желаниями женского пола, о чувстве собственного достоинства никто не слышал, положение полу-рабыни считалось естественным состоянием вещей. Женщины, ставшие пациентами больницы, вскрывали так или иначе свои насущные проблемы и становилось так очевидно, что одно взаимосвязано с другим. А сколько женщин умирало в послеродовой горячке? Да, это было горе, семья теряла члена семьи, который больше других давал своим детям тепло и любовь, заботу. Но ... практически в каждой семье происходила смерть, не матери, так ребенка, и это превращалось в обыденность, которая притупляла чувства и ожесточала сердца. Молодой девушке, только входившей в жизнь с открытым сердцем и широко открытыми глазами было трудно принять

эту действительность и к ней привыкнуть. Тягостное чувство стало ежедневно оставлять у неё работа. Все заметили, а Хелен даже сказала однажды:

– Бросай ты свой бедлам и переходи в нашу клинику, иначе превратишься в высохшую мумию. Хотя... – и она махнула рукой, – я поняла одно, перед болезнями и, правда, все равны, только богатые умирают красивее, в чистой накрахмаленной постели и их не ужасает мысль, как без них теперь выживет семья!

Граф фон Махель также не однократно предлагал перейти на работу в клинику. Там она была бы более свободна в отношении графика работы и там не так близко принимала бы к сердцу смерть пациента, ибо, пусть это и кощунственно звучит, но правда, семья не оказывалась на краю пропасти, если теряла главу семейства, деньги позволяли продолжать жить ни в чем не нуждаясь, дети не умирали с голоду и не вынуждены были надрываться на тяжелых работах, чтобы поесть.

Как всегда, Анни советовалась во всем с Игн. Он видел, как она переживает по всякому поводу и ходит как тень, после неудавшейся операции. Иммуитета так все еще у неё и не выработалось. Но... Это был Игн. Он же менялся и менялся совершенно в другом направлении. Его марксистские взгляды преобладали все больше. Он уже не находил общего языка со своим отцом, ведь корни у него были дворянские. Он готов был работать бесплатно, только бы что-то менялось в этой жизни к лучшему. Он просто изнурял себя работой и выносил её тяготы как оловянный солдатик. Его бесило, когда кто-то, хотя бы только намеком разделял людей на тех, кто достоин лучшего ухода и отношения, и тех, кому и так сойдет. Вентиляция была только в операционной, а должна была быть в каждой палате и смотровом кабинете. Не во всех помещениях имелся водопровод. Туалеты были общие, разделенные только на женские и мужские. А можно себе представить, что стоило больному человеку отстоять очередь в туалет, когда тебе стоячее положение само по себе давалось с трудом. Все знали, что бедные люди, чаще всего затягивали развитие своей болезни до последнего и уже в самых крайних случаях обращались к врачам. В деревнях лечились самогонкой и пиявками, травами. Все! Второй болезнью, по своему масштабу – был туберкулез. И в больнице не было ни одного пациента, который вылечился бы. Потому что приходили в самой последней стадии этого заболевания, когда жидкости уже полно было в легких, пальцы рук и ног утолщены и пульс неравномерный. Практически, в больницу приходили, чтобы умереть. Игн любил бедных людей, работяг, и не любил господ. По своей сути, ему вообще было невыносимо, кому-либо подчиняться, и он служил только тому человеку, которого уважал!

– Когда Анни спросила его, не исполнить ли ей желание своего супруга и перейти на работу в клинику, он посмотрел на неё с осуждением. По выражению глаз она все поняла и ей стало стыдно, за свое малодушие. Он ничего не ответил, отвернулся и принялся перебирать какие-то стекляшки на столе, Анни знала, что это образцы крови. Больше к этому разговору она не возвращалась и для себя определилась четко – прочь малодушие и слабость! И даже запретила графу вновь затрагивать эту тему.

И во всей этой бочке проблем и неприятностей, негатива и хаоса, были и интересные моменты. В больнице был один очень незаурядный персонаж – это итальянец по национальности, доктор Анри Мирано. При его появлении, все сразу отмечали, что улыбка на лице появляется машинально. Очень толковый доктор, он обладал такой особенностью, что все его душевное состояние, становилось читаемым для окружающих, сразу. Эмоционально он реагировал на все! И при всем этом очень увлекался психологией, которая в те времена развивалась медленнее всего остального, но обладала колоссальным потенциалом, он очень мечтал прославиться на этом поприще, и даже пытался претворять её в жизнь работая с пациентами, ему это слабо удавалось и еще он слишком был озабочен своим материальным благосостоянием. Нет! Упаси, Господи! В жадности упрекнуть его было невозможно! Он был щедр, но всегда мечтал разбогатеть, прославиться, его больше заботило зарабатывание денег! Он стремился их

зарабатывать много, и у него это никак не получалось. Испробовал он многое. Красавцем его трудно назвать, но обаятельный и оптимистично настроенный человек, он пытался преуспеть на сексуальном поприще. Соблазняя зажиточных дам из высшего общества, он становился альфонсом. Но несколько раз хорошо получив за свои услуги от ревнивых супругов, которые не желали оттока своих капиталов в эту сторону, быстро переориентировался и стал продавать в бордели презервативы. Благодаря этому он имел постоянный, стабильный доход, но не большой. Не все могли себе позволить эту защиту, так как она стоила не мало, а денег у народа было не много. И большого количества презервативов, в те времена просто не изготавливали. Так как процесс их производства был нестандартным. Они делались из толстых кишок коров, быков. Соответственно, убивать животных только лишь для этих целей никто не собирался. Был еще один не хороший инцидент в его практике врача. Он стал воровать кокаин, который использовался как анестетик, для обезболивания и продавать его на сторону. Доктор Цобик, расследовав это дело, чуть не выгнал его из больницы и лекарства спрятались в шкафы под замок, ключи от которого выдавались только людям материально ответственным, под статистику прихода и расхода и отчета об остатках. Следует сказать, что в те времена, кокаин свободно продавался в аптеках, но был очень дорог. Анри Мирано делал большую скидку, и он становился дешевле. Но...здесь его заработки были пресечены. И мысли о богатстве настолько сильно владели его душой и телом, что он сам был частым клиентом у совсем не многочисленных психотерапевтов того времени. В Австрии считалась не плохая есть школа психологической науки и работали там при клиниках знаменитые психотерапевты – Зигмунт Фрейд, Альфред Адлер. Анри Мирано нашел средства, чтобы попасть к ним на консультацию. Но был не понят. У него не смогли выявить проблему психического расстройства. Его же цель подсознательная, была в перенимании опыта и овладения практиками влияния на людей, чтобы более успешно научиться ими манипулировать. Трудно осудить этого целеустремленного человека, заиклившись на цели больших заработков. К этому стремятся почти все, весь смысл только в силе этого желания. Он был деятелен, умен, трудолюбив. Анни он так же сразу очень понравился. Она очень быстро перестала обращать внимания на его постоянные подтрунивания:

– О, Анни, найди и мне пожилую состоятельную даму, чтобы я мог решить все свои финансовые проблемы и достичь целей в жизни! – А какие у него цели в жизни? – то на это он отвечал Анни:

– Овладеть практически методиками достижения своих целей, желаний. Уметь оказывать влияние на людей и получать желаемое через внушение, не прибегая к насильственным действиям!

Анни просто впадала в ступор от таких заявлений. Но...какое-то шестое чувство ей подсказывало, что не так все заоблачно и рациональное зерно в этом есть». Только чаще она отвечала ему шуточно: – «Да...это желательно научиться делать, чтобы через самовнушение человек выздоравливал!». А Анри Мирано не запаздывал с ответом: – «Милая моя, а я о чем! Человек должен лечиться не только медикаментозно! Должно быть, что-то еще! Ведь, говорят если Богу надоест своими прощениями, то он может исцелить тебя с небес. Бывали в истории случаи!» Самое смешное, что с ним разговаривать, было большое удовольствие. Анни пообещала ему, что если встретиться ей одинокая пожилая миллионерша, то она непременно ему сообщит об этом и постарается организовать их знакомство.

Но, самое потешное было то, что глубину его умозаключений, не могли постичь даже самые опытные и знаменитые психологи, но...но они добросовестно и со всем старанием напрягали умственные силы. Следя за цепочкой его размышлений и увлекаясь самим процессом развития его мысли и уже с нетерпением ожидая итог, к чему все это было, потом теряя логику, они запутывались и заходили в тупик, а доктор Анри Мирано уходил неудовлетворенным.

Так посетив Вену, он дорого заплатил за прием психотерапевта Альфреда Адлера и в предвкушении получения ответов на вечно мучающие его вопросы, глубоко уселся в кресло, напротив доктора. Оценив умное выражение лица собеседника, он начал издали.

– Доктор, вот смотрите, в истории же известны случаи, когда люди, не обладая хорошей родословной и не являющиеся выходцами из богатых семей делали головокружительную карьеру и сколачивали большое состояние?

Доктор Адлер утвердительно кивнул головой. С удовлетворением, Анри Мирано продолжал.

– Эти случаи немногочисленны, но факт есть факт. Скажите доктор, а почему у этих людей получилось добиться таких хороших результатов и подняться на вершину материального благосостояния?

Адлер не ожидал этих вопросов, только лишь по тому, что его пациенты были озабочены абсолютно другими проблемами, но подумав, очень четко стал излагать свои доводы.

– Во-первых, потому, что Бог наделил их совершенно незаурядными качествами, кои присущи очень малому количеству людей, и ... я. Думаю, кропотливому труду. Они были большими «трудоголиками». Вот, даже общеизвестный факт, что Наполеон Бонапарт, имел способность спать всего по двадцать минут в день, а все остальное время суток был очень деятельным!

Анри Мирано расширил глаза, этого факта, он не знал.

– Да? А как ему это удавалось? Ведь, даже физиологически это невозможно, я же врач. Человеку для сна требуется как минимум 7 часов.

– Я думаю, в умении отключаться. Понятны ли вам мои слова? Отключаться, это когда ты умеешь настолько глубоко проваливаться в состояние небытия, и твои внутренние процессы достигают наибольшей степени расслабления, поэтому восстанавливаются и пополняются энергией за более короткий промежуток времени.

– А можно ли добиться этого любому человеку?

– Вероятно, но не сразу и методично и старательно прилагая усилия, думаю, что да... Но ваша проблема в чем, что вы хотите от психотерапевта?

– Знаете, доктор, а у меня недостаточно веры в это. Я испробовал все, было время, когда я работал до изнеможения, но мое благосостояние от этого не менялось несколько.

– Ну... – и доктор Адлер развел руками. – Причин могло быть очень много. – Во-первых, бывает количество перерастает в качество, но это длительный процесс, процесс так сказать накопления. Ты много работаешь, поначалу, не жалея сил, приобретаешь навыки, и потом количество полученных навыков приводит к качеству, к развитию мастерства, так сказать, вам же еще нет и сорока, вы достаточно молоды, не останавливайтесь. Это одно... и есть еще много других факторов, влияющих на этот факт – Увеличения благосостояния. Это и талант, данный нам от Господа нашего, и обстоятельство, и даже место, и время, удача, наконец!

– Вот, удача! Она зависит ли от каких-либо факторов, или это науке не известно?

– Неизвестно! Она спонтанна, но... лично я считаю, что все создается в жизни, по справедливости. Если человек удачу не заслуживает, она покидает человека!

– О, нет, доктор! Я прочитал много книг по истории и обнаружил, что порой человек выбившийся из низов, по воле судьбы, как вы говорите, встречает эту самую удачу, потом он ведет очень неблагопристойный образ жизни, творит произвол, интригует, но удача не покидает его и он умирает в роскоши! И справедливости, Господа нашего, здесь не прослеживается.

Лицо у доктора Адлера все больше стало приобретать глупое выражение. Честно, говоря, у него даже проскользнула мысль, что у пациента реально большое расстройство с психикой и довольно редко встречающееся в природе, так как физиологически признаков этого расстройства не наблюдалось. Но, то, что он пришел не в то место, ему так стало казаться все более четко.

– Скажите, а чем вам нужна моя помощь? – уточнил он. – Озвучьте вашу проблему?

– Я и озвучиваю. Простите, может не ясно выражаю свои мысли, но здесь важны детали, чтобы вы ясно поняли, суть.

– Да, да, так в чем суть, я же психотерапевт, а мы все больше углубляемся в историю. Вы, так сказать, мой коллега, вам также хорошо известны свойства мозга человеческого, от меня то вы что хотите?

– Хорошо, я тогда лучше начну с конца, и пойдем в начало. Я желаю разбогатеть и ищу взаимосвязи, законы, так сказать, по которым это богатство приобретается!

У доктора Адлера заскрипели извилины. Он, честно, даже не знал, как на все это реагировать! Это все не так просто, как кажется! Люди с психологическими расстройствами, склонны зачастую разводить сложную философию и плести паутину умозаключений, но ...но так или иначе, в глазах, в их движениях, в повадках, это психическое расстройство отражается, а здесь, или это, реально, редкий случай для науки, или человек не туда попал? Ведь прием стоил не дешево и потратиться на то, чтобы вспоминать историю, было бы верхом легкомыслия. Он долгое время молчал, одновременно изучая глаза пациента, и старательно прислушивался к себе, к своему внутреннему голосу, не зная, что ему дальше делать. И решил, что пациента нужно обследовать. Он подсунил ему чистый листок бумаги и попросил нарисовать свое внутреннее состояние, как он себя ощущает и в каком расположении духа находится.

Лениво, но послушно, Анри Мирано набросал свой портрет. И надо же признаться, что у него было отлично развито пространственное мышление, и художественные способности. Он просто точно изобразил свой портрет.

Адлер остался не удовлетворен.

– Я просил нарисовать ваши ощущения, как вы себя чувствуете, гнетет ли вас что-либо или вы позитивно смотрите в будущее? Мне важны были еще цвета, которые вы употребите в своем рисунке. Ну, впрочем – он покрутил бумагу. – Вы как бы нарисовали свой портрет, из чего я делаю вывод, что у вас замашки сверх самолюбивого человека, желающего получить в жизни всеобщую известность и даже власть. Амбиции, очень много амбиций!

– Возможно, доктор, но, если это есть, то есть. Если бы я не хотел что-либо изменить, я не пришел бы к вам на прием! – как истинный итальянец, Анри Мирано начинал вскипать, так как процесс установки причин и следствий делался слишком медленно и ничего так и не прояснилось!

Отложив бумагу, Альфред Адлер стал пристально смотреть на пациента, гадая, какую тактику ему сейчас лучше предпринять. И видя вполне адекватные перед собой глаза, решил, что простая беседа принесет гораздо больше пользы в выяснении причины обращения к психотерапевту. Самое интересное, что эта причина так и не была установлена.

– Вы хотите выяснить взаимосвязи между явлениями, как бедный с рождения человек приобретает богатство, по каким причинам это происходит, взять, так сказать, эти закономерности для себя и приобрести самому богатство?

– Да! Да! – чуть ли не воскликнул в восторге, от того, что был, наконец-то понят, Анри Мирано.

– Но, позвольте, если бы я их знал, то сам уже давно купался бы в роскоши! – ответил Альфред Адлер и этим просто убил итальянца наповал. Тот даже с досадой хлопнул себя по коленкам и руки его безвольно легли на подлокотники кресла.

– Вы, хотите, сказать, что это вопросы к Богу? И что наука бессильна в разъяснении причин такого явления, проведения взаимосвязей и выведения закономерностей?

– Да, я в это глубоко убежден. Это непостижимые вопросы, они решаются на другом уровне, это вопросы к небесам!

– Что вы. Доктор! Для Бога это вообще вопросы неприемлемые! Думать о богатстве – это греховно! Но меня это не останавливает. Ведь несколько десятков лет назад религия не могла подумать даже о том, что вопрос дето родства можно регулировать и контролировать!

А это факт! И тот же самый философский вопрос, который сейчас применяется в физике и химии и даже в биологии, который вы озвучили «Перерастание количества в качества», когда-то не был известен. Сейчас он не подвергается сомнению. Значит должен быть закон, должны быть закономерности увеличения денег и приобретения большого состояния! Должен, доктор! Просто вы не знаете, мы не знаем его еще!

Альфред Адлер улыбнулся и как истинный психотерапевт в заключении изрек – Я, верю, что вы на пути грандиозного открытия. Дерзайте, вы его должны открыть!

Анри Мирано шел по улице раздраженный. Его попытки выяснить правду у самого известного психотерапевта Австрии провалились. От зашел в таверну. Нервы ходили ходуном, он не мог в таком состоянии пуститься в обратный путь. Иначе, по дороге он сойдет с ума! Из таверны его обуяли чувства гнева на Господа. Как хорошего господина, его не бросили пьяного на улице его компаньоны застолья, а наняли ему экипаж... Только он долго не ехал. Так случается. Через квартал от таверны находился костел и Анри Мирано приказал остановиться возникшему. Шатающейся, но целеустремленной походкой он направился к входу. В зале собралось много народу. Его никто не останавливал, так как у входа никто и не караулил никогда. Сев на свободное место скамейки в конце помещения, он поначалу вслушивался в проповедь священнослужителя и под конец, даже чуть не заснул. Но. Видимо. Так было угодно самому Господу, проповедь в этот вечер затрагивала тему даров Божиих. Когда силой веры Иисус вершил чудеса, исцелял больных и воскрешал мертвых. Замотав головой, эмоциональный итальянец стал все отрицать. На каждый брошенный вызов пастыря он вскрикивал – Нет!

На него стали посматривать с удивлением, посетители с первых рядов стали оборачиваться. А у Анри Мирано даже от переизбытка чувств слезы выступили на глазах. Он выхватил из кармана носовой платок и всхлипывая, все сильнее мотал головой. Из него выходило спиртное. Дальше все стало еще интересней. Продолжая отрицать произнесенные фразы пастыря церкви и, периодически, всхлипывая:

– Нет! Нет! – он вызвал недовольство публики, на него зашикали. У пастыря сбились мысли. Растерявшись, он тогда воззвал к нарушителю дисциплины – Что сын мой, означают твои слова– Нет!»

Анри Мирано живо вскочил с места и стремительно направился к проповеднику.

– Отец преподобный! Господь никогда не слышит наши молитвы! Это все выдумки, для подкрепления веры! Вы сами, хоть раз в жизни встречали чудо или чудесное исцеления, после молитв? Нет, преподобный, вы не встречали!

– С чего ты это взял, сын мой?

– Потому что я знаю. Я сам столько молитв вознес к Господу! И ничего!

– А за что душа твоя радеет, какая у тебя нужда к Господу? Скажи, может мы все помолимся за тебя!?

Анри Мирано гордо выпрямился. Его, чуть, пошатывало и он рукой ухватился за деревянную решетку, отделяющую зал для посетителей и подъем с кафедрой для пастырей. Ему насущно необходимо было высказаться, так как с этим он ехал на прием к психотерапевту, и не разгневившись нисколько эмоционально, не желал держать это бремя в себе.

– Преподобный. У меня много проблем. Я работаю как вол. Я копаюсь в человеческих телах, я каждый день вижу смерть и скажу вам одно– нет чудес и нет чудесных исцелений! Это все ложь! Я несколько лет подряд носил десятину в церковь, я молил и взывал, чтобы Господь направил меня туда, где я могу сколотить себе состояние, и все пустое! Я не могу разбогатеть! Но я много работаю!

Пастырь смешался. Всматриваясь внимательно в нарушителя дисциплины, он стал догадываться, что человек не трезв. Вопрос заключался в другом, что теперь со всем этим делать, раз уж он оказался здесь! Стараясь сохранять спокойствие, он вкрадчивым голосом стал объяснять:

– Сын мой, но ты одет, обут. А богатство у Господа не просят! Ты запутался в темноте, тобой движет малодушие и эгоизм. Люди просят у Господа хлеба, а ты просишь денег и богатства! Разве ж так можно! В мире столько горя и господь всем помогает, укрывает, утешает, подсказывает, учит. Ты не хочешь радоваться жизни только лишь потому, что здоров, у тебя есть пища и кров? Это уже не мало!

Анри опять замотал головой.

– Вот, преподобный, вы сами произнесли фразу – не мало! Но вы не сказали много! Потому что это не много! А все, все – и он обвел весь зал рукой – все, кто здесь сидят, хотят богатства. Только молчат и не говорят об этом вслух. Все малодушны, а в сердце – и он ударил себя кулаком в сердце – В сердце все хотят того же, что и я! И даже вы, преподобный хотите этого!

Пастырь, явно, был сконфужен. У него совершенно не было желания разводить дискуссию, но он не знал, как покончить со всем этим.

– Вы, не доверяете библии. Поэтому Господь и не одобряет ваши прошения. Прежде чем что-то просить, нужно верить. Надо во всем полагаться на Господа. Надо чтить Слово Божье и исполнять его заповеди!

Вдруг Анри Мирано сам поменял тактику. Он посмотрел на преподобного так, словно первый раз его увидел и в глазах его зажегся лукавый огонек. В зале все прихожане с вниманием наблюдали за инцидентом, так несвойственным для этих стен.

– Так, отец преподобный. Первая заповедь – «Возлюби ближнего своего как самого себя»! Вы, отец мой любите меня, вот такого как я есть! Так помолитесь же за меня!

– Хорошо, хорошо, сын мой, – и к прихожанам, – мы все сейчас помолимся за тебя. Давайте обратимся с благодарственной молитвой в конце нашего служения за этого запутавшегося человека!

Зал встал. И пастырь сложил руки перед грудью, приподнял голову, как бы обращаясь вверх к кому-то и громко стал проговаривать – Отец наш небесный и Матерь Божья, дева Мария, уповаем на вас и молимся о вразумлении этого заблудшего сына, ибо милость Господа совершенна и непостижима, вразуми его, помоги понять ценности в жизни божьи и отвратить свой взор от денег и искоренить свою жажду – иметь богатство...

Анри же опустил на колени и рядом с пастырем стал слышаться его все больше и больше набирающий силу голос, который в итоге заглушил молящегося за него священнослужителя – Господи, помоги разбогатеть, помоги разбогатеть, прошу тебя!

Пастырь прекратил это словоблудие, его пересилил живой человеческий интерес. Он спросил:

– А зачем тебе богатство, что ты с ним будешь делать?

Мирано открыл глаза, как очнувшись после сна и опять посмотрел на священнослужителя так, как будто первый раз его увидел.

– А чтобы вы делали с богатством, отец преподобный? А может оно у вас уже есть и вам не нужно работать?

– Но, сын мой, не я молюсь о богатстве, а ты, что ты хочешь, каковы твои цели? Если тебе Господь даст роскошную жизнь, ты сразу перестанешь трудиться?

Анри задумался. Сейчас он был честен. И перед собой, и перед всеми – Да. То есть нет. Я занялся бы другим. Я бросил бы лечить, а занялся бы экспериментами и... и много бы путешествовал! Вот!

– Вот, сын мой, мы и выяснили, что, все-таки, ты бы так уже не работал! А Господу это не угодно! Он не благословляет лентяев! Тебе, скорее всего, просто не нравится твоя работа, она тебе в тягость, так постарайся поменять её на то, что ты делал бы с большим удовольствием. Но работать надо! – Мирано захмыкал. – Да, нет, я люблю свою работу. Но я и дом большой хочу!

– Пути Господни, неисповедимы... Молись о доме, о доброй жене и послушных детях и Господь всегда выйдет на встречу.

– Вы, уверены, ваше святейшество?

– Абсолютно, сын мой. Ты не молись о деньгах, молись о здоровье, о доме, о том... чтобы Господь помогал делать работу хорошо.

– Но, как я куплю дом без денег?

– Еще раз говорю, сын мой, не думай прямо о деньгах. У Господа пути, это не наши пути. Может он дом даст тебе с той стороны, о которой ты и не помышляешь своим человеческим разумом!? Он появится с неожиданной стороны и это будет чудом для тебя. Ведь можно иметь много денег, но сварливую и злую супругу, эгоистичных и черствых детей. В любой момент можно потерять здоровье и тогда деньги не дадут тебе тепло, не облегчат боль и немощь. Ты узко мыслишь, сын мой, а мудрость Господа не объемлюща. Ее не постигнуть разумом.

– Правда, отец?

– Сын мой. Приходи чаще в церковь, служи больше Господу, проси у него мудрости, проси радости и любви, доброты, добро делай и да восполнит Господь все нужды твои по богатству своему в Славе!

– Это так и есть?

– Это так и есть.

Мирано расчувствовался. В эмоциональном порыве он бросился обнимать священнослужителя. В зале раздался радостный ропот, кто-то зааплодировал, как актеру. Вот теперь неугомонный и настырный итальянец выходил из церкви с удовлетворенным чувством. Ему стало легко на душе и светло.

ГЛАВА 34

Аргур Войцеховский встречался в университете с Дьёзе Зелплен, младшим научным сотрудником в Будапешском университете, прославившимся своей нашумевшей научной статьей «Об основных направлениях кинетической теории газов в истории физики». Молодой ум считался очень перспективным, а предприниматель думал сможет ли использовать его идеи в своей деятельности по автомобилестроению, и его идея была близка его интересам. Дьёзе Зелплен сразу предупредил, что основы кинетической теории газов были заложены не им, а Даниилом Бернулли в 1738 году. Его же заинтересовала идея применения математической теории ударных волн. Разработка теории имела огромную перспективу, так как в научных кругах часто стали поговаривать о появлении не только такого чуда как экипажи сухопутные без лошадей, но и появлении таковых, только в воздухе, преодолевающих силу земного притяжения, и способных двигаться в небе. Пока это были лишь визуальные фантазии.

Аргур Войцеховский был уставший. Дела шли не так хорошо, как хотелось бы. Заказчиков было мало, завод работал только на половину. Его мозг интенсивно работал круглосуточно. Он первый раз в жизни вошел в крупный бизнес и терпел затруднения. Зарплата рабочим стала задерживаться, не на много, но, сам факт повторялся неоднократно. Не было динамики. Войцеховский все реже стал появляться в университете. Сам забросил свою издательскую работу, новые идеи не появлялись и ему стало казаться, что он забуксовал. Каждый день решались конкретные практические вопросы, требующие его полного погружения в работу и времени ни на что не оставалось. Он долго, несколько лет изучал тему ударных волн, искал в научных журналах новые статьи и вот, от инженеров, работающих с ним бок о бок на заводе, услышал о талантливом мыслителе, разрабатывающем эту же тему. У него даже близко не было представления, как это он сможет применить в предпринимательской деятельности и использовать для создания усовершенствованных деталей машин, но на уровне интуиции он чувствовал, что эта тема имеет огромный резонанс и перспективное будущее.

– На мою статью обратил внимание Феликс Клейн. – говорил Дьёзе. – Я пришел к выводу, что ударные волны должны оказывать давление на волны, которые распространяются только

в направлении областей низкого давления. Теория ломающихся волн требует только математического подхода. =. но и углубленного знания математики. Давайте князь будем сотрудничать вместе, так как я слышан, вы очень дальновидный математик, ваш опыт поможет мне в некоторых её разделах, которые мне еще не хватило времени проанализировать. – и его речь была быстрой и вдохновляющей. По огоньку в его карих глазах князь узнал себя в 20 лет, возраст, в котором еще так мало для тебя преград и тебе кажется, что весь мир будет у твоих ног. Дьёзе Зелплен был очень амбициозным человеком, с князем они были очень похожи, это дает быстрое понимание друг друга, но в практической работе мешает, так как только противоположности притягиваются друг к другу, а одинаковые люди начинают конфликтовать и отталкиваться друг от друга, так как энергия обоих заряжена в одном полюсе. И князь, своим житейским опытом уже улавливал эти моменты. Но, камнем преткновения, в данный момент была не психологическая несовместимость, а отсутствие сил и времени. Он трезво оценивал свои возможности и четко знал, если он поддастся в эту сферу, ему придется отстраниться от своего производства, в котором и так все шло не гладко. Снять с своих плеч эту ответственность ему никто не даст. Он уже не мальчик, полный амбиций, который купил себе серьезную, дорогую игрушку, поиграл с ней, надоело и бросил. И сейчас, он чувствовал огорчение, что уже должен делать выбор в сторону ответственности, там сотни людей с семьями, долги, обязательства, контракты, кредиты и занимать свое человеческое время наукой и экспериментами он не мог. Дьёзе же, не мог сейчас принять какое бы ни было заманчивое предложение поработать со своими идеями и экспериментами над усовершенствованием производства, даже за соблазнительную оплату, так как его идеи требовали еще больше теоритической работы и развития. Артур Войцеховский чувствовал в молодом человеке родственную душу и научный разговор их плавно перетек в дружескую беседу. Однако же ни тот, ни другой, не могли согласиться на предложения противоположной стороны.

Князь вздохнул.

– Вы можете смело попросить меня поучаствовать в вашем проекте финансами, за очень выгодный процент при условии его защиты, но своим участием я участвовать в нем не могу – вы знаете, что я приобрел металлургическо-автомобильный завод, модернизировал его, насколько позволили силы и время, опять-таки, финансы, и сейчас дистанцироваться от него я не могу.

Дьёзе слегка улыбнулся.

– Да, князь, я часто встречался с вами в университете, и сейчас я вам скажу, что вы не важно выглядите, я помню какой вы были живой и увлеченный. Только, не в обиду, князь, не могу ответить себе на простое человеческое любопытство «Зачем вам это надо?» Вы же перспективный математик и химик, я читал ваши наброски и статьи, я не совсем согласен, т.е. с вашим подходом, но... вы могли бы оставить след в науке, а приобрели убыточное предприятие, и все забросили. Вы сами то, уверены в том, что это вам надо? Вы, один из самых богатых людей в Венгерском королевстве? Если мое любопытство перешло дозволенные границы, остановите меня, я не обижусь.

– Ну, я вам скажу обескураживающую вещь не лицеприятную для меня – богат не я, а баронесса фон Гайзейштард, и вот предприятие мне и нужно для того, чтобы сделать свое состояние, свое. Пусть это и не совсем красивым путем. Знаете, на востоке есть мудрый фразеологизм – «Если молишь о дожде, приготовься ходить по лужам!». А купил я убыточное предприятие потому, что прибыльные просто не продаются, вы заметили. А у меня есть источники дохода, чтобы его поднять и сделать процветающим. Дело для меня новое, опыта нет, но мне нравится мой подобранный коллектив инженеров-новаторов, они дорогого стоят. В жизни почти все решают деньги, но люди, которые становятся для тебя друзьями или близкими для тебя, гораздо больше, чем состояние!

– Я с вами солидарен, князь. Только вопрос в другом, будут ли рядом с тобой эти люди, если у тебя не станет денег!

– Да, вы смотрите глубоко. И я это понимаю. Бог всегда дает человеку какие-то ресурсы. Одному крепкое здоровье, другому талант, третьему богатство, а четвертому богатых покровителей. Есть ли разумность в том, чтобы отталкивать от себя протянутую Богом руку и не пользоваться ресурсами, которые он дает.

– Ну, конечно же, конечно же – и Дьёзе протянул князю поднос с чашечкой кофе – фишка только в том, князь, что Бог дает, но, порой ты не можешь распознать что дает, и в какой момент, можно же и пройти мимо протянутой руки, не разглядев её. Просто у вас хватило соображения, князь, сразу понять, что это возможность. Но, многие, очень многие проходят мимо. Я вот и боюсь упустить в своей жизни шанс, и пройти мимо протянутой руки. И в науке, это сплошь и рядом встречается. Из множества путей и вариантов, мы редко выбираем верный, а столько времени уходит и сил на борьбу с жизнью и работу на не верно выбранных направлениях.

– В этих вопросах, молодой мой коллега, необходима интуиция и умение освобождать свой разум и сердце от предрассудков. С возрастом, ко мне все больше приходит понимание, что нового как такового, в природе вообще не существует. Развитые, просвещенные организации жили на нашей планете до нас, вы не допускаете, что если жизнь есть сейчас, то она существовала и до нас, и знания предыдущих цивилизаций остались для нас в духовном мире и мы чувствуем её интуитивно. Даже в науке, открытия в определенных направлениях происходят всегда сначала на интуитивном уровне, а человек экспериментально воплощает их в реальность!

– Князь, римская католическая церковь осудила бы нас за святотатство! – проговорил Дьёзе Зелплен, но выражение его глаз выражало искреннюю солидарность со всем сказанным, и даже больше, он не думал никогда об этом, но пришедший к нему человек высказывал живые мысли, находящие отклик в его сердце и расширяли его представление о бытии.

Артур Войцеховский не располагал временем расслабляться на таких дружеских беседах, хотя он и ощущал себя в данный момент комфортно и чувствовал, что понят. Он поднялся с подоконника, по привычке на который усаживался и любил одновременно беседуя, следить за происходящими событиями за окном.

У Дьёзе Зелплена, увидев попытку собеседника, уже выйти на завершающий этап их беседы, возникло, легкое беспокойство. Ему не хотелось прерываться и вещи, которые затронул в разговоре Артур Войцеховский ему были глубоко интересны.

– Князь. Я прошу вас, вы не ответили мне на главный вопрос – Вы согласны, вы видите рациональное зерно в моем вариационном принципе Цемплер, который в состоянии обсудить непрерывные потоки и ударные волны в единой форме. Моя теория нелинейных уравнений гидродинамики тесно связана с изучением волн малой амплитуды и не может игнорироваться. Я сейчас занялся вопросом изучения вязкости газов, а ударные волны в гидродинамике могут быть только сжимающие волны, то есть, любое внезапное изменение в потоке газа, ударная волна может быть только сжимающей природы, следовательно, волна может перемещаться в сторону только более редких слоев газа.

– О. Вы не до конца уверены в том, что делаете, раз интересуетесь моим мнением? Ваш труд оценили профессор Лоранд Этвеш, и вы еще сомневаетесь в правильности направления? Я предвещаю вам успех в будущем и в научной карьере, только бы хватило упорства. Нужно стать увереннее, вы если чувствуете истину сердцем, то, даже если все станут сомневаться, вы не должны иметь сомнения. Это не легко, идти против жизни, но вспомните Карла Бенца, никто не верил в его изобретения изначально, никто, супруга поддерживала, но его как человека, не как ученого, она в это не вникала. И вот, мы имеем транспорт без лошадей и путей его усовершенствования неограниченно!

– А вы, князь, увлечены сейчас этим?

– Да. Я увлечен. Самое интересное, что я все больше начинаю думать о том, что, решая организационные вопросы своего предприятия, я занимаюсь не своим делом и оно у меня крадет почти все мое время. Я сейчас попал в некий вакуум и не знаю, как из него выбраться!

– Вам просто не достает очень способного организатора. Вы найдите себе его и перенаправьте свои усилия туда, куда вас больше тянет.

– Меня это решение уже посетило, я и занимаюсь поиском такого человека.

– А что конкретно вы планируете делать на своем производстве?

– У меня даже не совсем производство, а больше экспериментальная база. Мы думаем об увеличении скорости автомобиля и его большей закрытости. То есть, чтобы автомобиль для его хозяина, стал мини-домом, ну это утрировано, но вы же меня понимаете?

– Да.

– Ну, вот. Автомобиль должен быть закрыт от ветра, дождя. Увеличится его скорость и пассажиру в нем без защищенности извне станет дискомфортнее, от усиления потока воздуха. Это надо изменить!

– Я уверен, вы это сможете, князь – поддержал молодой ученый.

– Спасибо. А вам больше уверенности и удачи. – князь ловко нахлобучил шляпу и подошёл к Дьёзе, пожал ему руку. При прощании, добавил:

– И все-таки, если нужны будут инвестиции в проект, я с радостью, на очень выгодных для вас условиях. Помните.

Аргур вышел из университета и поймал кэб. Свою машину он давно продал, да и не сильно ему нравилось ездить на ней по улицам, привлекая пристальные взгляды прохожих. Вернувшись на завод, к нему подвели для знакомства второго управляющего по кадровым вопросам. Внимательно изучив его умное и открытое лицо, князь задал ему несколько вопросов для получения необходимой информации и остался удовлетворен. Они решили на заводе организовать курсы подготовки молодых рабочих для работы на станках. К двоим вновь набранным приставлялся опытный мастер, за что ему к заработной плате доплачивалась надбавка и в дополнительное время после работы он целиком занимался новичками. Так меньше делалось брака. – Ваши предложения по повышению производительности на предприятии – как бы мимоходом, задал еще вопрос князь, уже переключившись на вывешенные чертежи на кульмане и внимательно просматривая их, рукой подзывая к себе инженера-конструктора.

Нового управляющего по кадровым вопросам звали Миклос Дилси – венгр, настроенный оппозиционно против существующего режима. Ему импонировала простота и деловитость его нанимателя. Он, находясь уже в возрасте 45 лет, повидал в жизни не мало. Но, вопрос застал его врасплох. Он не ознакомился еще с производством. Внимательные глаза Войцеховского мимоходом скользили по его лицу и по лицу инженера-конструктора, который ожидал очереди своего вступления в разговор. Но, недолго думая, Миклос Дилси дал ответ:

– Я не знаю обстановки. Хотя, самое первое, что приходит на ум – это максимальная занятость рабочих.

– Объясните, что вы имеете в виду – попросил Войцеховский.

– Да, да, я это и собираюсь сделать. Люди должны максимально быть загружены на производстве. Тогда меньше и нарушений, и расхолаживаний. Пусть людей будет меньше, но зарабатывают они больше, все равно, это выгоднее, чем два работника и две зарплаты. Нужно тщательно присмотреться к самой работе служащих и рабочих. Может кто-то загружен только на половину. Тогда стоит ему вменить в обязанности еще участок или часть выполняемой другим человеком работы, а высвободившихся людей перенаправить на вновь создаваемые места, не набирая извне людей. То есть, с улицы. Нужно увеличить заработки, на немного, и люди будут довольны и вам меньше затрат.

Войцеховский уже более пристально присмотрелся к говорившему, глаза его прищурились.

– В вашем предложении есть рациональное зерно, у нас этим никто и не занимался до сих пор. Вы, займитесь. Но... чтобы наши действия не спровоцировали увеличение выпуска брака! Если работнику добавляется участок работы, он должен уметь делать эту работу и успевать. Здесь нужно очень аккуратно! – произнес он как констатация факта и тут же переключился на чертежи, которые за год работы с инженерами он научился читать быстро.

Миклос Дилси утвердительно качнул головой. И увидев, что хозяин уже стал слушать инженера Иштвана, вышел из кабинета.

Гром грянул после обеда для всех. На предприятии произошел несчастный случай! Который парализовал всю работу до конца дня.

Открывался новый цех и там делался ремонт. Несколько рабочих на огромных лесах, сооруженных специально для работы на высоте, красили сверху трубы, запрокинув головы вверх. И один из них не закрепился страховкой. Толи не успел, толи не сказали, толи сам проигнорировал. Внизу же несли носилки с песком и один из носильщиков споткнувшись, падал на леса, сильно их качнув. От неожиданного сильного толчка, рабочие, находящиеся наверху лесов, слетели с подножек. Один повис на страховке, не долетев до земли, второй же без страховки разбился на цементном полу, с высоты 8 метров.

В пустом цеху повисла жуткая тишина и её разорвал густой, яростный крик одного рабочего, осознавшего произошедшее и все бросились к упавшему. Он лежал на спине, подогнув неуклюже ногу под себя и с головы по цементному полу стала растекаться медленно кровь, быстро впитываясь в цемент. Все повисли над ним в застывшем ужасе на лицах. Тот, кто повис на страховке, сверху закричал первый:

– Врача, вызывайте срочно врача, бегите за врачом!

– Куда? – раздалось снизу несколько голосов.

– В приемную бегите и ищите инженера Иштвана! Быстрее! Он упал не лицом вниз, может еще живой!

Через пять минут началась дикая паника. Рабочий еще дышал. С диким криком ворвались в приемную, на крик выбежали все из кабинета директора. Рабочий не умел пользоваться телефоном, он начал взахлеб, судорожно хватая ртом воздух объяснять, что произошло. Лица у всех вытянулись и глаза наполнились испугом. Войцеховский быстро сорвал трубку телефона и стал набирать номер клиники. И, видимо от того, что ему там ответили, он пришел в ярость. Все услышали его сердитые слова:

– Мне плевать, я оплачу за все. Все операции и лечение будет оплачено лично мной! – его видимо спросили, кем и он добавил – Войцеховский! – потом он почему то, сдал ждать и через пять минут в нервном порыве бросил трубку и позвал Иштвана. – Еще телефон, другой больницы, еще, нужно, нет мест сказали, другой номер, давай!

– Это больница доктора Цобика, муниципальная. – стали звонить туда.

– Что значит муниципальная?

– Для всех, кто не имеет толстого кошелька.

После все бросились в цех. Иштван поспешил на улицу дожидаться врачей.

Доктор Цобик приехал с Мирано и с Иштваном в одном единственном на всю больницу экипаже, переделанном под скорый лазарет, где можно было поместить несколько носилок. Над несчастным рабочим выстроилась целая толпа. Его боялись тронуть, пошевелить, потому что никто не знал, сколько у него переломов. Войцеховский угрюмо спрашивал управляющего:

– Кто он, почему без страховки? – и когда узнал, что это сталевар, которого направили заниматься окраской труб на высоте, побелел от злости и все видели, какие невероятные усилия он прилагает, чтобы не выпустить ярость наружу. Работник использовался не по специальности. Это нарушение всех правил и техники безопасности.

Доктор Цобик, при помощи Мирано, осторожно и медленно стали осматривать пострадавшего. Он дышал, но от болевого шока был без сознания. Ему вкололи двухпроцентный

раствор Кокаина для обезболивания и два кубика снотворного, чтобы благополучно перевезти в больницу. Доктор констатировал перелом плеча, ноги в двух местах, раздроблен локоть и косточки черепной коробки торчали наружу. Кто-то, закрыв рот рукой, судорожно рыдал сзади, кто-то периодически охал, а кто-то ходил в нервном тике взад и вперед, хватаясь за голову и причитал:

– Ах, Никола, Никола, как же так! Что же теперь! О, дева Мария! О Дева Мария!

У Войцеховского руки были сжаты в кулаки и желваки ходили ходуном на щеках, но он молча следил за работой врачей. Когда разбившегося погрузили на носилки, Истван взялся помогать их нести. Войцеховский пошел с доктором рядом, его вопросы были жестки и лаконичны:

– Он выживет? Есть шансы?

Доктор Цобик медлил и это напрягало еще больше. Нервы ходили ходуном и волна яростного раздражения, даже, от дунувшего навстречу открытой двери воздуха, наваливалась во всю свою силу.

– Доктор, почему молчите?

– Я ничего не могу гарантировать! Ничего! Ну, и заранее похоронить человека, тоже не могу! Случай тяжелейший, самый тяжелейший! У нас такого давно не было! – потом помямлил губами и четко произнес:

– У нас не хватает медикаментов. Вам бы в клинику.

– Нам там отказали, нет мест, но... доктор. Я еду с вами, и я оплачу все... все расходы, вы назовите лекарства, мы достанем все, все что нужно!

– Да... это уже хорошо, – проговорил Цобик. – Жаль, только кровь ему не достанете. Он теряет много крови!

Войцеховский отвернулся. И все замолчали. Молчание было тяжелое, гнетущее.

Пострадавшего рабочего сразу доставили в операционную. Анни разложила инструменты. И быстро стала обрезать волосы с головы пациента, а затем тщательно их сбрасывать. Сестра следом обрабатывала участок для операции анестетиком. С Артуром Войцеховским, Анни неожиданно для себя столкнулась в коридоре. И она поняла его присутствие здесь. Но обмолвиться даже словом не было времени. Когда доктор Цобик и Анже Мирано мыли руки перед обеззараживанием до операционной, доктор сетовал:

– Самое ужасное, что придется делать краниотомию черепной коробки, у него височные кости раздроблены и торчат наружу. Если мы их просто удалим, у него в виске образуется огромная выемка. Это изуродует ему всю голову. Мы оставляли себе обработанные широкие фасции бедра. Нужно взять их и постараться закрыть выемку. У нас очень мало воска, вот пусть сестра быстро скажет князю Войцеховскому об этом. В аптеке на улице Ваца продавался хороший воск. Заодно, пусть купит побольше прорезиненных повязок, бинтов и анестетика, он дорогой, а нам не лишним будет, хинин, 1%-ый раствор желатина, несколько упаковок – если выживет, ему его много нужно будет, и ... пусть купит много шелка. Пока все. Но это только пока.

Сестра очень живо направилась передавать поручение, а доктора, закончив процедуру обеззараживания рук, поспешно вошли в операционную. Анни стояла у изголовья, держа наготове дыхательные трубки. Когда доктор Цобик кивнул головой, она быстро ввела их в горло пациента. Скальпелем, доктор стал делать разрез кожи головы.

Анри Мирано быстро прижигал кровь.

– Вы будете делать по схеме Крейлейна? – спросил. – Нам нужно дождаться Войцеховского с воском.

Доктор ответил:

– Успеет, нам нужно удалить еще все осколки и гематому. – он осторожно отодвигал пласт кожи. – Бедняга – озадаченно сказал он. – Ему еще жить и жить. Молодой, полон сил. Что с давлением?

Анни с механическим тонометром все время слушала удары пульса. – Падает, 115 было, сейчас 110. Мы его можем потерять, если дальше будет падать.

– Да, дорогуша, но не каркай мне под руку, я сам все отлично знаю.

Упреки во время операции были обычным делом от доктора Цобика. На них никто не обижался. И он стал напряженно скальпелем доставать осколки черепа и выбрасывать их на железную миску. Время шло, он делал это осторожно, чтобы не повредить сосуды и нервы. – Ну что, что там с воском? Он скоро уже понадобится!

Анже Мирано бегом бросился к выходу и из коридора только доносился его громкий голос:

– Приехали? Все быстро, быстро в операционную. Приехали? Вот, вот хорошо! – и он радостный вернулся назад. – Есть воск!

Операция длилась четыре часа. Больной выжил. Но теперь необходимо было провести операцию на ноге и руке. Такого длительного наркоза, сердце не выдержит сразу. Решено было пациенту два дня колоть снотворное, а потом провести следующие операции.

Когда Войцеховскому Анни сказала, что пока все складывается для больного удачно, в его глазах зажегся огонек надежды. Все это время он мерил шагами коридор. Внешне он выглядел спокойно, но бледность лица и играющие желваки на щеках, выдавали сильнейшее напряжение. Всегда подтянутый и одетый во все самое дорогое, для Анни сейчас его внешний вид был не привычен. Но, она его давно не видела. За навалившимися неприятностями и заботами, он потерял временно весь свой привычный лоск и ему это было безразлично. В одной жилетке, накинутой на полу распахнутую рубашку из дорогого шелка, в нем трудно было разглядеть руководителя крупного завода.

Иштван же вел себя по-другому. Он сидел на скамейке и только раскачивался взад и вперед, взгляд его уперся тупо в пол. Все понимали. Самое главное – это спасти жизнь рабочему, ну а все неприятные разбирательства еще предстоят. Войцеховский был, конечно, зол. На предприятии не соблюдалась техника безопасности, и рабочий был использован не по назначению. Но, когда он мимоходом задевал своим взглядом сидевшего, всего серого и поникшего управляющего, ему становилось его жалко так же, как и пострадавшего рабочего. Прежде всего, Войцеховский винил себя. А Иштван и не знал, что его начальник и не думает его увольнять. Эта мера была уже бесполезна. И Войцеховскому не доставляло удовольствия раболепие в глазах подчиненных и проведение карательных мероприятий. Главное, вынести из этого урок и сделать все, чтобы такого больше не повторилось. Когда Анни сообщила о результатах операции, Артур отправил своего управляющего назад на завод, чтобы начались устраняться беспорядки и возобновился нормальный режим работы.

Артур хотел поговорить с Анни, когда сила произошедшего несчастья перестала давить на плечи и появилась надежда, а колотившееся суматошно сердце стало понемногу успокаиваться. Он устало опустил на скамейку. У него на лбу выступил холодный пот, как при волнении на защите патентов. Желваки перестали играть на лице и напряженное выражение сменилось отрешенным, направленным вглубь себя, взглядом, глубоко уставшего человека. Он сел, а Анни в его присутствии разволновалась, как маленькая девочка. Ее сердце, как и всегда, стало учащенно биться и она, желая скрыть свое бурное волнение и нахлынувшую силу чувств, попыталась ускользнуть незаметно, но была поймана за запястье, и он силой притянул её, заставив присесть на скамейку рядом. Еще некоторое время он молчал, собираясь с мыслями, после пережитого стресса, но её ладонь в его руке была зажата с силой, так, что Анни даже показалось, что у него это движение на фоне пережитого – чисто машинальное, настолько крепка как камень была его рука. Не стала вырываться, подумав, может ему это необходимо в

этот момент? Но вот, рука стала мягче и теплее, и её ладошка почувствовала легкие пожимания, потом он поднес её к губам и прильнул к ней надолго, словно она была для него в этот момент укрытием, теплым и уютным. Она повернулась к нему всем своим корпусом и когда он оторвался губами от её ладони и поднял глаза, у неё «засосало под ложечкой». «О, дева Мария!» Эти бездонные, жгучие-карие глаза, одни на целом свете и когда они обращены на её глаза, она терялась в потоке захватывающего и не контролируемого вихря, лишающего её сил. Тело становилось как ватное и единственное что ей хотелось в этот момент, упасть безропотно ему на грудь и оказаться в горячем кольце его обнимающих рук. И как всегда, когда она чувствовала, что начинает проваливаться в это небытие, захватывающее все члены тела, силовым усилием воли она заставляла себя выдержаться из этого обволакивающего потока. Она еще могла себя контролировать. В коридор в любой момент могли выйти люди, и она медленно стала отбирать у него свою ладонь. Он отпустил.

– Как ваша жизнь, Анни? – тихо спросил он.

– Моя жизнь, вот она. Вы видели. А у вас, я так понимаю, неприятности.

– Я не про это, Анни. – он облокотился на спинку скамейки, и она видела, что ему сейчас необходим хороший сон, просто хороший сон. Он осунулся за последнее время и даже постарел, но по-прежнему, был для неё красивее всех мужчин.

– Вы еще не беременны?

– Как? – она прямо была удивлена столь откровенным вопросом и еще внимательней заглянула ему в лицо, он в качестве подтрунивания или действительно его это интересует?

Он усмехнулся:

– Вы зачали ребенка, Анни?

Она замешкалась, он сам прочитал в её глазах, что еще нет и с облегчением выдохнул. Так как она сидела совсем рядом, она почувствовала этот выдох и с еще большим изумлением стала искать что-то в его глазах, ибо не могла ответить сама для себя, почему его это так беспокоит. И решила спросить:

– Это вас беспокоит чем-то?

И опять он усмехнулся. Она видела, он все еще её любит. В глазах было столько нежности! С улыбкой в уголках губ, он стал говорить – Пусть вы не рядом, Анни, но я знаю, что со мной в одном городе, и я знаю, что милая женщина обо мне вспоминает, это дает мне смысл жить. Я боюсь вас потерять. Роды так опасны для женщин. Я, думаю, граф позаботится, чтобы вы рожали в самой лучшей клинике Австрии? Я правильно понимаю?

Анни пожала плечами. От этих слов, она готова была просто раствориться в его объятьях, у неё даже на глаза набежали слезы, и она отвернулась, чтобы он этого не заметил. Но ...но чувства оказались сильнее, как она не подавляла свои эмоции, у неё вырвалось глухое «О...» – и, поняв, что эмоции вырвались наружу, от замешательства и обиды на саму себя, слезы стали катиться еще сильнее, она поспешила их смахнуть. Но эти обманщики накатывались на глаза снова и снова, и она поняла, что их скрывать уже нет смысла и просто в эмоциональном порыве решила обратиться в бегство.

Аргур машинально подался рывком вперед за ней, но передумал. Этого делать не следовало, ни в этот момент и не в этом месте. Отпустив напряжение, он привел свои мысли в порядок, встал и безучастно побрел к выходу. Да, необходимо было хорошенько выспаться, но перед этим надо заехать на завод.

Пресса сработала так быстро, что никто не ожидал. Во всех газетах на первых страницах мусолился инцидент на предприятии князя Войцеховского. Скандал раздули и профсоюзы, и сами газетчики. Краски были сгущены, все писали, что рабочий чудом выжил, что условия для работы на предприятии для людей ужасны, к этому добавили баснословные задержки по зарплате, невероятно огромную нагрузку объемов работы на каждого человека и низкую оплату труда. Из Войцеховского сделали злодея, уклоняющегося от комментариев, хотя он еще и не

слышал и не читал того, что о нем написали. Вернувшись домой в первом часу ночи, он не стал никого будить и не имея даже аппетита поужинать, лег спать. Утром спал долго, так как организм взял свое. Был первый выходной, и он решил не ездить на предприятие до обеда. Проснувшись и оторвав голову от подушки, что далось ему с большим трудом, он дотянулся до часов на тумбочке, и отметив для себя время, опять упал на подушку. Он с радостью готов был еще поспать, но к двери приближался веселый визг мосек баронессы и у него из груди вырвался громкий стон. Было понятно, что вихрем сейчас распахнется дверь и этот шумный карнавал ворвется в комнату и войдет супруга. От злости, он даже сжал подушку. Настроение было не веселое и предчувствовалось что-то нехорошее. Так и случилось. Дверь распахнулась и на кровать стали запрыгивать с разных сторон собачонки. Любимая борзая хозяйина, замыкающая процессию, осторожно подошла сбоку, обнюхалась и ласкаясь, положила морду на край кровати. Артур машинально стал её гладить рукой, внимательно рассматривая в это время фигуру супруги. Баронесса вошла с охапкой газет и лицо её выражало крайнюю взволнованность. Стремительным движением она уселась на край кровати и протянула Артуру газеты:

– Прости, что не даем тебе выспаться, но ты должен это, поскорее узнать. У тебя на заводе вчера разбился человек? Все, все газеты сегодня пестрят об этом. Господи! Что случилось! Мне Марк с утра принес прессу. Ты же знаешь, я не читаю. Но он сказал, что нужно обязательно прочитать в этот раз. Там столько грязи на тебя, на твое предприятие!

И чем больше её волнение распалось, тем спокойнее оставался Войцеховский. Там уже и читать было незачем, баронесса своим выражением лица и бурной жестикуляцией все продемонстрировала наглядно. Он помрачнел, но никакого волнение ни его взгляд, ни телодвижения не проявило. Баронесса в ожидании ответа напряженно смотрела ему в глаза и от его не понятного спокойствия, её напряжение увеличивалось. Не дождавшись, она снова набросилась с расспросами.

– Артур, я вправе знать, что у тебя происходит? Что-то давно уже происходит! И я не понимаю – что!

Тогда он стал подыматься. Его голое до пояса тело, такое сильное и рельефное, было для баронессы как приманка для изголодавшегося зверя. Когда он стал вставать и на спине задвигались от движений мускулы, у неё загудело в голове и мысли одна за другой стали смешиваться с совершенно другими мыслями, всплывающими в разум с этого момента. Она под села и облокотилась ему на плечо, повиснув сбоку на руке и мешая одеваться. Он терпеливо остановился в своем намерении одеться, но ему только этого сейчас не доставало! Глубоко вздохнув, он потер сложенными руками свое лицо, выражая желание отрешиться от всей этой суеты. Отвечать баронессе, что-то же надо было, и он стал говорить, медленно и спокойно:

– Вчера, в нарушение техники безопасности, сталевар упал с лесов. Леса были ненамеренно задеты другим рабочим, несшим носилки с песком. Произошел несчастный случай. Мы отвезли рабочего в больницу. Он жив. Ему еще предстоят операции, и я возьму на себя не только все расходы по его лечению, но и по содержанию его семьи, до полного восстановления его работоспособности.

– А если он останется инвалидом? – испуганно произнесла баронесса.

– Значит предприятие будет пожизненно выплачивать ему компенсацию!

– Но нигде такого нет!

– Лиза, у нас будет и все закроют рты!

Она стала гладить его по плечу, положила голову ему на спину и голос её стал жалостливым и просящим:

– Артур. Ну не могу я понять, не могу, ну зачем тебе этот завод?! Что, вообще происходит! Тебе нравится такая жизнь? Ты богат. Ты очень богат, а живешь... и выспаться нормально не можешь? Зачем это все? – она подняла голову, как будто её осенила догадка. – Я бы еще понимала, если бы ты жил в страхе, что это все можешь потерять! Поэтому эти бессонные

ночи, этот «трудоголизм»! Но у нас же все по-другому. Все твое, я же в могилу с собой это не заберу.

Он повернулся к ней и взял её за руки.

– Лиза. Ну это моя жизнь! Это я не высыпаюсь. Что ты то переживаешь? Я же не нарушаю твой покой!

– Но, я не понимаю. Понимаешь, я не понимаю! Скажи, ну неужели человек добровольно ищет трудности, когда у него все есть? Разве такое бывает? Для чего?

– Потому что мне претит мысль быть альфонсом! Я здоровый, крепкий, дееспособный мужик. Я должен что-то делать, что-то преодолевать, за что-то бороться и переживать. А жизнь в сытости и в праздности до отупения – это не моя жизнь. Ты же меня знаешь!

Она покачала головой и потянула руки к нему – Я так жалею, так жалею, что мы уехали из Австрии! Ты бы целиком занялся наукой, но все было бы спокойно. А этот завод! Ты понимаешь, что это не игрушка! Ты погрузился в это производство, но ты же его не знаешь, у нас никто этим никогда не занимался! Там люди, много людей, там свои законы, там такой жестокий мир, конкуренция! Ответственность! Я тебя не вижу! Мы стали совсем чужие! И я не ревную. Просто завод забирает у тебя все силы! Прости, милый, но ... я никак не могу понять смысл всему что ты сейчас делаешь?

– Потерпи. – он сперва перехватил её руки и хотел отстраниться, но и в этих отношениях здравый рассудок включился вовремя, и он понимал, что так отгородиться от семьи и от супруги, как это делал он за последние месяцы нельзя. Это слишком! Поэтому сам обхватил её за плечи в ответ и прижал к себе, легонько поглаживая по плечу. – Потерпи. Работа наладиться, все определится по своим местам. Я стану свободнее. А для меня это чисто спортивный интерес. Как на скачках! Я сам наберусь знаний, работники разберутся, мы поднимем предприятие еще до мирового уровня! Здесь самая дешевая рабочая сила, Лиза и пока правительство занимается межнациональными вопросами, мы сможем манипулировать несовершенством налогового законодательства, ты, женщина, ты не видишь здесь преимуществ, а их вижу. Все будет хорошо, все будет хорошо, на все нужно только время и силы. Сил у меня хватит!

– А что с прессой! Я никогда не думала, что в нашем государстве все так озабочены судьбой простого рабочего! Я просто ничего не понимаю уже! Они против тебя! Кто он, а кто ты! Мне может заняться этим вопросом, Артур? Они больше никогда не позволят себе злоязычие в твою сторону.

– Лиза, это все элементарно и естественно! Мои конкуренты хорошо знают свое дело! Это же бизнес! Здесь честных правил не бывает! Или ты конкурента или он тебя!

– Ты ничего не будешь предпринимать? Но ... когда льется грязь на тебя, она льется и на меня, так не должно быть ... – и она отстранилась, заглядывая ему в лицо, испрашивая разрешение на то, чтобы принять участие в его проблемах и видно было, даже оживилась, так как появилась причина, занять себя серьезным делом и избавиться от скуки.

– Нет. Они, что, завод у меня отберут? А тратить силы, на то, чтобы отмыться от грязи, зачем? Мне на другое нужно много времени! Лиза ... Мне нужно время! А ты не обращай ни на что внимание, потому что в любом случае это будет выглядеть как ходатайство обеспокоенной мамочки за нерадивого сына. Не надо.

– Давай я помогу! Давай я займусь газетчиками. Я подам на них в суд и найму лучших адвокатов! Они в следующий раз десять раз подумают, прежде чем затрагивать твое имя в прессе. Надо один раз показать свою силу, потом уже не понадобится.

Он подумал. Предложение было не пустое. Но, нет. В это даже вникать не хотелось.

– Не стоит!

– Ну, хорошо, хорошо. Ну, сегодня – выходной, ты останешься дома?

Он встал и продолжил одеваться. – Давай позавтракаем. Я не ужинал и, по-моему, не обедал, вчера.

ГЛАВА 35

Граф фон Махель несколько раз пригласил Анни в оперетту, и она заболела этим. Ей казалось, что она попадает в сказку и только там она сумела не думать о работе, о Артуре. Там же она черпала источник вдохновения для жизни и поэтому, потом уже посещение оперетты для этой семейной четы стало традиционным. Если у графа идти не было настроения или он был занят делами, Анни ходила с Хелен или с тетушкой. Такой же заядлой поклонницей оперетты всегда была и баронесса фон Гайзерштад. Но ходила она на оперетту одна. Граф фон Махель в антракте всегда подходил поздороваться к баронессе. С ним она была учтива и приветлива. Анни же просто игнорировала. Это никому не бросалось в глаза. Заметили такое странное поведение только граф и Анни. Сам же граф фон Махель и виду не подавал, что это его хоть чем-то беспокоит и не выказывал беспокойства, а Анни вначале обижалась. У неё резко портилось настроение, становилось дискомфортно, как дома у графа, когда в нем находился его сын. Но, однажды, сам граф подобрал к её сердцу ключик должными словами и после их, ей совершенно стало безразлично отношение к ней графини. А сказал граф такие слова: «Неужели ты позволишь какой то чудачке, которая просто завидует твоей красоте и молодости, портить твое настроение и вечер? Если это так, значит в душе ты ставишь себя ниже её, а это неправильно. Тебя Господь наш наделил гораздо более щедро в этой жизни!» И после, отношение к таким чудачествам баронессы, у молодой женщины полностью изменилось, и баронесса на невербальном уровне это почувствовала. Это её напрягать стало еще больше. А однажды, её отношение к этой простолюдинке навсегда превратилось в желание уничтожить её, испепелить раз и навсегда. И это при том, что больше ни к кому на свете таких чувств она никогда не испытывала! Ее саму это стало угнетать и сжигать изнутри. Но справиться со своими эмоциями, баронесса была не в силах. Однажды вечером желание посетить оперетту появилось и у Войцеховского. Баронесса чутко отметила про себя, что такое желание у него возникло, не смотря на его загруженность делами, сразу после того, как она беспечно обмолвилась своим отношением к новобрачной чете фон Махель, посещающих оперетту периодически, произнеся такую фразу:

– Чтобы посещать оперетту, нужно иметь вкус, а откуда он может быть у золушки, проснувшейся принцессой, её, видимо граф стал к этому терпеливо приучать, чтобы хоть как-то ввести в высшее общество! – И когда баронесса, уже сто раз пожалела о своих высказываниях, стало поздно, у её супруга проснулось это желание, а её интерес к театру угас, он же стал настаивать на том, чтобы она составила ему компанию во что бы то ни стало ни сейчас, так в следующий раз. И вот с этого времени, посещение театра для баронессы ассоциировалось с негативными ощущениями. В тот раз, когда ей пришлось составить компанию своему супругу, вся её миссия обернулась контролем со стороны за двумя любящими друг друга людьми. Анни заметила Войцеховского только во время антракта, но графиня знала, свой бинокль он не всегда направлял на сцену. Он искал её и нашел. Она сидела с графом на противоположном балконе, как обычно, и увлеченно следила за разворачивающимися действиями на сцене. Во время антракта, граф с Анни, поспешил поприветствовать всех знакомых, посещающих театр и баронессу в том числе. Держась за руку супруга, она четко ощутила, как он напрягся при встрече с четой фон Махель. Бросив мимоходом сбоку взгляд на его лицо, невозможно было не увидеть, как он на неё смотрит! Баронесса давно чувствовала – это очень серьезно! Более того, это стало уже страшно. Это не увлечение. Это чувства большей силы и управлять ими уже не получиться. Прилагая невероятные усилия для того, чтобы держать себя в руках и натягивать сквозь боль веселую улыбку на лицо, графиня тратила всю свою энергию и домой после театра возвращалась раздавленной, обескровленной и совершенно ни к чему было задавать своему дорогому супругу эти нелепые, детские вопросы, чем мотивировано его неожиданно возникшее желание посещать театр! Спустя какое-то время, у баронессы совершенно пропало желание ездить в оперетту, и она стала увлекаться кино. Его тогда все чаще стали заводить

из Франции и Германии. Но туда уже ходить, у её супруга желания не было. Но ...кто знает, измениться все может неожиданно!

ГЛАВА 36

На экспериментальной базе завода Войцеховского разгорелись новые дискуссии по получению новых материалов. Идею подал сам Войцеховский. Он уже несколько месяцев решал возникшую перед ним задачу, повышения производительности его завода. Нужны были новые технологии и увеличение скорости работы, для того чтобы обогнать конкурентов и увеличить количества заказчиков и покупателей новой продукции. С появлением электричества и электрических ламп накала, спрос на проволоку и нити кабелей резко вырос. Требовалось монополизировать это производство именно в данный момент, иначе потом будет поздно. Шанс нельзя упускать. Он измучился сам и измучились его инженеры-технологи. Время торопило. Часто они задерживались на производстве до 3 часов ночи, спали три-четыре часа, даже не возвращаясь домой, на кожаных диванах, и опять включались в исследования. Нужна была проволока определенного диаметра и её требовалось производить в большом количестве. Но самое интересное, что работая с металлами и изучая их под микроскоп, проделывая различные эксперименты по добавлению к металлам при различных температурах примесей было обнаружено повышение их прочности и стойкости к сопротивлению и коррозии. И эти исследования подвели к созданию новых видов твердых сплавов – быстрорежущей стали. Войцеховский понимал, что это нужно запатентовать и это навсегда произведет переворот в машиностроении.

На основании стойкостных испытаний режущих инструментов и экспериментальных плавок был определен оптимальный состав легированной инструментальной стали, получившей название быстрорежущей: С – 0,67 %; W – 18,91 %; Cr – 5,47 %; V – 0,29 %; Fe – остальное.

В результате постоянных экспериментов и хронического недосыпа, бдительность и реакция его были притуплены. В один из дней, он сильно обжег себе участок руки и это вывело его из рабочего состояния на несколько дней. Он отправился в больницу, в надежде увидеться с Анни, но его постигло разочарование. Игн сообщил, что ей сильно нездоровиться и она не выходит на работу. Лечить руку Войцеховский доверил Игн. После, принимая обезболивающие до момента заживания руки он вынужден был остаться на вынужденном отдыхе дома, занялся чтением самой новейшей, только поступившей в продажу научной литературы и в этот момент чуть не довел себя до инфаркта, так как из журналов стало известно, что теми же самыми вопросами по изучению свойств металлов и их примесей занимались на тот момент американские ученые Ф. Тейлор и М. Уайт, с разницей лишь в том, что они добавляли к железу вольфрам, а Войцеховский молибден. Но никто еще не запатентовал свои идеи и разработки. У Войцеховского случился самый первый в его жизни приступ. Ему по-настоящему стало страшно. Он впервые, почувствовал, как это все дается в науке. Когда твой мозг, практически никогда не отдыхает и хаотично работает. Тебя осеняют догадки, а порой по ночам какая-то сила будит тебя и к тебе в голову осторожно закладывается новая мысль. Чтобы её не потерять, ты торопишься её законспектировать, и не важно, день это или ночь, а потом начинаются эксперименты, один за другим, неудачные. На протяжении длительного времени ты находишься на нулевой отметке и когда свою идею уже сбрасываешь со счетов, в какой -то момент времени ты нарушаешь установившейся шаблон, что-то происходит не так как всегда, и ты близок к удачному завершению эксперимента. Получается то, что ты и предполагал. И тогда ты начинаешь изучать весь по детальный ход эксперимента, где ты нарушил эту тонкую цепочку традиционных этапов прохождения исследования и что подвигло к появлению новых изменений!? Ты этим словно болеешь. Ты выпадаешь из жизни, ты терпеливо и упорно бьешь в одну точку и когда ты приблизился к самому долгожданному результату и предвкушаешь победу, перед тобой обрушивается стена! И разверзается пропасть! И сердце в немом шоке дает сбой! Оно не выдерживает такого накала энергии.

Баронесса ходила взад и вперед по комнате и тихонько выла в платочек, когда над Войцеховским колдовал доктор с клиники, тот самый, когда Артур с Анни первый раз вошли в этот дом и девушке требовалось вправить вывих руки.

Вколов Войцеховскому несколько кубиков нитроглицерина, он посоветовал отвезти его в больницу. Сам доктор был изумлен, что достаточно молодой человек получил себе уже первый приступ. Баронессе же казалось, что вот-вот придет её очередь. Она, действительно, стала ощущать сильную боль и ей пришлось заняться тоже.

Доктор, после обескураженно поинтересовался, что у них такое происходит в жизни и сколько Войцеховскому, реально лет. У него выпало пенсне из прищуренного глаза, когда он услышал, что Артуру всего 35 лет.

Ложиться на лечение Войцеховский наотрез отказался. И у баронессы чуть не случился припадок, когда на второй день она не обнаружила его дома. Войцеховский торопился закончить эксперименты и уехать со своими запатентованными исследованиями в Германию чтобы сделать попытку запатентовать свои разработки раньше американских ученых. Он сам желал получить на этот раз свой первый патент. Но, мимоходом, следует сказать, что давно нанятый им человек для того, чтобы незримо контролировать жизнь Анни фон Махель, ему донес причину её недомогания. Женщина беременна и у неё сильнейший токсикоз на самом раннем сроке беременности. У неё начинался новый, ответственный этап в жизни каждой женщины. Бог сделал ей подарок – стать матерью.

Войцеховский через три недели получил патент и практически одновременно в Америке патент получили ученые физики Ф. Тейлор и М. Уайт. И совсем для всех неожиданно он уехал в Америку. Возглавлять его производство остался управляющий Иштван. Баронесса вообще не понимала, что происходит последнее время. Такой одержимости у своего супруга она никогда не замечала. Ее мозг не принимал оправдание, которое он сам себе придумал. Она чувствовала, что он лукавит, но где и зачем, не понимала. Ну, никак не могла она согласиться с тем, что погоня за богатством, имея его, может быть настолько изматывающей для человека. Люди способны работать до изнеможения, чтобы потом, достигнув определенной состоятельности начать вкушать в жизни чувство покоя и получать удовольствие от своих возможностей. Но, имея это состояние, человек за что борется и к чему стремиться, ради славы... ради будущего своих детей, ради любимого человека, нуждающегося в помощи? У неё ответа не было?! Ее мозг не мог его придумать. Ясно было одно, для неё настали мрачные дни. Она его теряла. Или уже потеряла. С ней жила только оболочка человека. Вся его суть, его душа, его мозг и его сердце находились не рядом с ней и не в этом доме.

Когда Анни переболела период острого токсикоза в самый ранний триместр беременности и угроза выкидыша миновала, она вернулась на работу. Рабочий, получивший столько травм на производстве Войцеховского, быстро поправлялся. Но его рука никогда не будет работать так как раньше. Лицо его было искошено и это навсегда. Но, от Войцеховского он получил солидную компенсацию, что позволяло ему проходить хороший курс лечения и получать хороший уход. Каждое утро, Анни стала навещать его и приносить фрукты, сладости. Он, оказался сладкоежкой. К нему каждый день приходила маленькая дочка с супругой, мать. Он незаметно привыкал к своему состоянию, он чувствовал защищенность и заботу.

Как-то, в театре, когда Анни пошли с Хелен, так как граф не смог, та вскользь сказала ей, что Войцеховский уехал в Америку, и её подруге сделалось дурно. В антракте они уже возвращались домой, потому что Хелен перепугалась за состояние её здоровья. Та, зажав рот рукой, слабо скулила как собачонка, отрешенно уставившись в окно экипажа и слезы медленно катились из глаз. И до Хелен дошло..., она хлопнула себя по лбу.

– Тьфу, ты. Это ты из-за него так убиваешься? Но, баронесса же осталась. Он вернется. А ты, что подумала, что навсегда уехал!?

Анни даже взвизгнула. Она, действительно то и подумала. Ее охватила такая паника и сразу, в ту же секунду, чувство огромного горя навалилось на плечи, потери, отчаяния. Она вспомнила его слова. – «Пусть вы не рядом, но со мной в одном городе и я этим живу» – и только сейчас осознание этих слов прожгло её насквозь. И так же нечаянно её посетила огромная радость, как только опровергалась эта страшная новость. Хелен облегченно выдохнула и продолжала:

– Что ты! У него дела налаживаются. Я слышала, он там что-то изобрел. Получил патент. Предприятие работает, он расширяется и скоро вернется.

Анни стала успокаиваться, а Хелен внимательно глядела на неё со стороны и лукаво улыбалась:

– Ты его так любишь! О, дева Мария! Как, должно быть трудно каждый день играть роль верной и любящей супруги? Анни, Анни. Когда мы с тобой были еще моложе, я и не предполагала, что ты сможешь это сделать. А ведь я тебя всегда к этому подталкивала. А ребеночка ты хочешь или как?

– Хочу, Хелен. Хочу подруга.

– Но, он же не от любимого мужчины, это обуза, ты молода, богата. А может после родов фигура испортиться?

– Это мой ребенок. Моя кровь и плоть! Я помню, как меня любила мама и отец. Я хочу так же.

– Ну, хорошо. Тогда все хорошо! Любовь твоя к Войцеховскому платоническая и пусть будет, это даже полезно для женщины!

И они прижались к друг другу, как два воробушка. Хелен любила свою подругу.

Разработка быстрорежущей стали дало рождение появлению новым инструментам обработки металла. Сверла, метчики, плашки. Резко возросла производительность механической обработки и это предшествовало изобретению быстроходных станков и автоматов.

В самом конце 19 века – почти одновременно внедряются три новых процесса получения стали: бессемеровский, мартеновский и томасовский. Производительность плавки стали возрастает резко до 6 тн. в час.

Войцеховский сам не понимал своих ощущений. Он двигался, у него были идеи, у него были патенты. Доходы стали расти, он высоко поднял оплату всему своему новаторскому коллективу инженеров-конструкторов и инженеров-технологов, но к своей мечте он не приблизился. Он сильно желал заниматься усовершенствованием автомобиля, сделать его совершенно закрытым, комфортным. Его разработки уклонили его в другое направление, а автомобиль совершенствовался и очень быстрыми темпами. Об этом периодически освещалось в научной литературе.

На последнем месяце беременности чета фон Махель въехали в свой новый дом. Анни выбрала себе спальню на втором этаже и все подобрала только по своему вкусу, а также гостиную и библиотеку, комнату для гостей, ванную, мансарду, кухню, комнату для Доры и детскую, доверив своему супругу обустройство только своего кабинета. Хотя она снизила до того, чтобы Дора по своему желанию выбрала себе кровать и мягкую мебель для отдыха. Они широко отпраздновали свое новоселье. Анни изъявила желание пригласить на праздничный ужин, не только самых близких друзей, но и людей, которых искренне полюбила в своей больнице. Доктора Цобика и доктора Мирано. Пришли Хелен и Игн, тетушка. Дора переехала в новый дом вместе с ними с большой охотой, так как оставаться с младшим представителем рода фон Махель ей не хотелось. Она стала близким и дорогим для молодой женщины человеком, к которому молодая хозяйка привязалась за это время, пользовалась её советами и в отсутствие рядом тетушки, восполняла чувство одиночества в чужой семье ненавязчивым присутствием строгой, всегда уравновешенной, но доброй женщины. И с первым же днём, после прошедшего новоселья, Анни на работу уже не выходила, по решению всех членов семьи. Ей

стало очень трудно ходить. Быстро уставала, болела спина, стала неуклюжей и малоподвижной. Граф давно уже выкупил место для своей супруги в дорогой и известной клинике Австрии, и они готовились к отъезду. Таким счастливым и помолодевшим граф привлекал внимание всего своего респектабельного окружения. О них возобновились разговоры, которые не всегда были добрыми. Граф Томас фон Махель уверял любителей сплетен, что ребенок совершенно не графа. Тогда чей он? Догадки выдвигались разносторонние. Его отцом предположительно называли Игн. И даже, даже ввязали и фамилию Войцеховского, хотя вместе их никогда никто не видел, после совместного танца на Новогоднем вечере в университете. Люди запомнили тот случай, как ни странно, и украсили его даже сверх того разными фантазиями, уж слишком они для их утомленного обыденностью воображения были подходящей парой. Молоды, красивые, эксцентричны и даже стойки в своем неприятии укоренившихся за столетия традиций у представителей высшего общества. Впрочем, времена настали такие, что что-то расшатывалось в обществе, что-то старое изживало себя и приходило новое. Но, толком, что приходило новое, никто не мог разобрать. Молодежь, оканчивающая университеты, не так уже гордилась своей знатностью, если это был ребенок богатого семейства, а хорошо учившийся студент, не придавал столь острого внимания тому, что его семья не относится к знати. Все общались на равных, все хотели оставить свой след и в науке и в своей стране и в мировом пространстве. Рабочее движение расширялось и набирало силу. Все осознавали, что ими движут справедливые требования и интересы, а масштаб разрастающегося движения начинал утрачивать. Рядом была Россия, и оттуда доносились отклики появления терактов в Москве и Петербурге, размах черносотенского движения и все большее недовольство царской властью. Правительство Будапешта и полиция, просто обескровилась в вечной борьбе за возникающими то тут то там дебошами и их подавлением, а в особенности нахлынувшей политической литературой, где вскрывались пороки существующего строя – капитализма и разносторонне описывался прогресс в этом социализма. Умы заражались этими идеями. Этот строй привлекал равенством, надеждой, позитивом. Люди, вынужденные упорно и много трудиться для выживания, услышав только лишь маленькую часть из всей этой глубокой и масштабной науки развития человеческого общества, пропускали это через себя и принимали, как надежду на избавление от безысходности и всего тупика своей жизни, где царят только нужда, зависимость, усталость и болезни.

Через две недели Анни с графом фон Махелем уехали в Австрию, где графом была арендована целая комната в знаменитой частной клинике Рудольфинерхаус, созданной в 1882 году известнейшим хирургом по имени Теодора Биллорта, в одном из самых живописных районов Вены.

Анни спокойно и тщательно прошла обследование, которое не выявило ни малейшего отклонения от нормы и беременность протекала хорошо. Молодая, здоровая женщина и её плод гармонично сосуществовали вместе, а как иначе? Но, но ...это было начало 20 века! Медицина развивалась со скоростью, напоминающей извержение вулкана. Однако же, на то время суть её была такова, как дал ей определение Мефистофель: «Дух медицины понять нетрудно – вы тщательно изучаете и большой и малый мир, чтобы в конце концов представить всему идти, как угодно Богу!» Роды сами по себе в те времена, были для женщины как игра в рулетку и шансы всегда устанавливались 50х50. Их не ожидали в восторженной дымке парения над землей от радости и гордости, а также значимости просто божественного, предстоящего появления на свет человека! Радовались только после благополучного разрешения и лишь только после этого, так как смертельные случаи переживала практически каждая семья, не зависимо от своего финансового благополучия. С медицинской точки зрения жизнь женщины была полна опасностей. Способность производить детей на свет означала главный смысл в жизни женщины. Брак без детей не мог считаться полноценным. Продолжая род своего мужа, женщина-аристократка одновременно укрепляла и свое собственное положение внутри

семьи, а также приобретала вес в обществе. Здоровью женщины немалую опасность представляли прежде всего многочисленные беременности. Предохранение почти не практиковалось из религиозных соображений, поэтому аристократки часто беременели и рожали в среднем по 5 детей каждая (и это не считая выкидышей). Проблемы могли начаться еще во время беременности, до родов. Пренатальная (дородовая) диагностика в 19 веке была на очень низком уровне, врачи знали мало о развитии плода и профилактических мерах по предотвращению возможных проблем. В середине 19-го века из Франции в габсбургскую империю пришел новый метод – метод выслушивания стетоскопом сердцебиения плода в утробе матери. Это позволило точно диагностировать замершую беременность и своевременно извлекать плод, не дожидаясь опасных для жизни матери осложнений. Как и ко всем последующим новым достижениям медицины, самыми первыми доступ к этому методу получали представители „высших“ кругов. Часто беременность заканчивалась преждевременно выкидышем. В корреспонденции женщин-аристократок тех времен это весьма часто упоминаемый факт. Многие беременные женщины зашнуровывали талию и носили корсеты. И хотя это очень осуждалось в обществе, и в случае выкидыша носившую корсет женщину семья осыпала упреками за безответственность, но, видимо, для многих беременных тщеславие и желание выглядеть стройной были превыше всякого благоразумия.

Как только появлялись какие-то осложнения, жизнь роженицы 19 века часто висела на волоске... Потому что на случай тяжелых родов тогдашняя медицина располагала очень малым арсеналом средств и далеко не всегда могла помочь. А осложнений могло быть много – «неправильное» положение плода, многоплодная беременность, асфиксия, крупный плод, преждевременное отслоение плаценты, инфекции, диспропорции тела плода...

Если плод лежал «неправильно», искусная повитуха могла попытаться рукой повернуть плод в утробе матери. Но тут появлялась опасность отслоения плаценты (кровотечение!) или прижатие пуповины (перекрывается кислород плоду!).

Накладывать щипцы при родах разрешалось только врачам. Несмотря на то, что к услугам аристократических семей были лучшие врачи того времени, смерть от осложнений при родах была увы явлением нередким даже у них... Кесарево сечение почти не практиковалось. Конечно, медикам уже были известны случаи проведения таких операций еще с античных времен. Но почти все они заканчивались смертью роженицы. Например, смертность матерей после проведения кесарева в 1840 году составляла более 90%! Женщина почти всегда умирала – от инфекций или кровотечения. В Вене только в 1860 году был документально зарегистрирован первый случай, когда женщина выжила после операции кесарева. И только когда в медицину в 80-х годах XIX века прочно вошло учение о септике и антисептике, и были сделаны открытия в области наркоза, эта операция стала намного безопаснее, и смертность при кесареве снизилась до 3-5%.

В случае замершей беременности делали «паровые» ванны и пили отвары, вызывающие отторжение погибшего плода. Если отторжения не происходило, плод извлекали с помощью зеркал, крючков. Это была довольно «кровавая» процедура. Неудивительно, что все женщины испытывали панический страх перед сложными родами. При родах все были равны перед богом – и прачка, и княгиня. Но вот в чем женщинам высших кругов однозначно повезло в сравнении с женами бедняков – у них был низкий процент смертности от родильной горячки (послеродового сепсиса).

Небольшое (но важное) отступление на тему «родильной горячки», связанное с Веной...

В конце 18 века в Вене стали появляться общественные больницы. Польза была двойная – бедные там могли лечиться за казенный счет, а врачи и студенты изучали медицину на живых (и мертвых) людях. Это считалось очень прогрессивным вкладом в развитие медицинской науки, а также в сфере социальных реформ. Пребывание в больнице было бесплатным, и многие неимущие беременные шли туда рожать (ведь за вызов повитухи на дом надо было

платить). К середине 19 века ситуация в родильных отделениях венских госпиталей была просто ужасающей! (это было до открытия понятия «антисептика»). Смертность от послеродового сепсиса в отделениях для рожениц, у которых роды принимали врачи, была огромной – 30-40%!!!! И долго никто не мог объяснить, почему же смертность рожениц от того же сепсиса в отделении, где роды принимают повитухи, составляет всего считанные проценты??? Врачи ломали головы и не находили ответа... А в больницах разыгрывались душераздирающие сцены... Поденщицы и нищенки на сносях на коленях рыдали и умоляли перевести их в отделение повитух, потому что наслышаны, что врачи «убивают» женщин.

А происходило вот что... Врачи вскрывали трупы в анатомическом театре и, наспех вымыв руки (а то и просто вытерев их носовым платком), тут же шли принимать роды или осматривать рожениц. И заносили инфекцию... А повитухи ведь не работали с трупами и просто мыли руки с мылом. Но это было отступление. Эта проблема мало касалась аристократок, так как они никогда не рожали в общественных госпиталях и от родовой горячки умирали реже других. Рожать в больнице вплоть до начала 20 века считалось признаком бедности и безысходности. Особенно были опасны многоплодные беременности – и для матери, и для детей. Дети в таких случаях часто рождались с низким весом, и первые недели их жизнь висела на волоске. В случае, если оба близнеца были мальчиками, то у аристократов возникала также проблема очередности наследования. Кого из сыновей считать старшим? Чисто логически правильным было бы считать старшим того, кто первый появился на свет. Но курьезным является то, что старшим принято было считать того младенца мужского пола, кто появился **ВСЛЕД** за своим братом. (Я не нашла точного объяснения этому, нашла только предположение, что считалось, что тот, кто родился вторым, тот первым был зачат). Даже когда младенец выживал в результате родов, ему предстоял самый опасный (первый) год его жизни. Смертность детей до года в «высших» кругах Вены во второй половине 19 века составляла 10% (а в бедных слоях населения до 25%!). И даже когда ребенку исполнялся год, тоже не было никакой гарантии, что он достигнет взрослого возраста. Наибольшую опасность для детей представляли инфекционные заболевания. Большой ужас наводила на матерей дифтерия – одна из главных причин смерти маленьких детей. Дифтерия начиналась с температуры, вела к опуханию горла, затруднению дыхания и в большинстве случаев заканчивалась мучительной смертью ребенка. И только с изобретением сыворотки против дифтерии (Нобелевская премия по медицине 1901), матери вздохнули с облегчением.

Как прослеживается из корреспонденции аристократок 19 века, немало детей умирало от «детской холеры» (кишечной инфекции). Печальная реальность – смерть детей в 19 веке была частым явлением, независимо от положения семьи в обществе и толщины её кошелька.

Принято считать, что во времена, когда смерть детей была постоянным спутником, и горе могло случиться в любой момент, родители воспринимали эти удары судьбы более невозмутимо и стойко. Но источники (письма и дневники) говорят несколько другое... Смерть ребенка часто повергала мать в глубокую депрессию. Этикет строго запрещал аристократке демонстрировать свои чувства на людях, а что творилось в её сердце – об этом остается только догадываться... Записи в дневниках, и переписка с родными дают нам сейчас ценную информацию и явно говорят о том, что у многих матерей душевные раны были очень глубокими. Иные матери долго не могли оправиться от тяжелой утраты, это накладывало отпечаток на её отношения с остальными детьми, а также могло привести к отчуждению в отношениях с мужем. Анни готовилась стать медиком. Да, она окончила медицинский факультет Будапештского университета, но это еще не значит стать медиком. Но знала она о человеческом организме больше, чем простой смертный. Почему врачей часто судят и считают перестраховщиками? А это данность профессии. Они знают о болезнях больше, они и видят их чаще, поэтому перестраховываются уже чисто автоматически.

О, дева, Мария! По подсчетам, Анни родить должна была через две недели, и она стала бояться. Раньше, занимаясь больными в своей больнице, и затуманенная проблемами день ото дня, она не успевала подумать о возможно плохом исходе родов. А сейчас, когда кругом сновали врачи, и то и дело осматривали, мерили, проверяли, брали анализы, да и сама пациентка ничем не занималась, время стало тянуться медленно и утопичные мысли приходили в голову произвольно. Рядом был супруг, о котором можно только мечтать! Он растворился в ней. Он ей заменил и отца, и мать, и самого заботливого и галантного любовника. Конечно же, он был умудрен жизнью, рационален и продуман во всем. Ему порекомендовали еще на самых ранних месяцах беременности хранить воздержание, а на последних, вообще забыть о интимной жизни, и как самый послушный ученик граф соблюдал все требования. Как он называл свою молодую супругу «Светлячок». Ему доставляло наслаждение просто находиться рядом – вглядываться в её лучистые огромные глаза, проводить с ней вечера у камина с бокалом вина. Помогать ей разбирать с помощью своего мужского логического ума и житейского опыта возникающие затруднения в обыденной жизни, легкой печалью касаться воспоминаний о своей первой жене, так как Анни типаж человека был таким же. А главное, в его возрасте, пробудиться в надежде на большое и яркое будущее, снова начать строить планы и даже мечтать о чем-то! Однажды, вот так и было, присев у камина и облокотившись на его ноги, накрытые небрежно пледом, она и спросила его:

– Какая у него мечта в жизни?. Граф так был озадачен. А задумавшись, не смог и ответить сразу. Он, в суете, в постоянной работе и заботе о своем бизнесе, в проблемах с сыном – перестал просто думать об этом! А поэтому, только чуть усмехнувшись ответил:

– Светлячок. Ты забываешь сколько мне лет. Какие мечты? Мечты люди себе определяют в юности, а потом всю жизнь работают над их воплощением.

– А у тебя же была мечта в молодости?

– Конечно. Я родился в состоятельной семье, но все время хотел построить бизнес по-своему, как его вижу я. Отделиться от отца, иметь свою команду, с которой тебе комфортно и с которой ты куда-то все время движешься.

– И все!

– Для тебя это мало?

– Нет! Я в том смысле, только это или еще что-то хотелось?

– Ну, Анни, ты знаешь. Одна моя мечта исполнилась. Только она потом перестала быть мечтой. Как только у меня появился свой бизнес, начались самые трудные времена – вечная гонка, чтобы сохранить этот бизнес, расширить, приумножить, а затем, чтобы конкурировать с другими и каждый день как первый раз, новости, новости, непредвиденные обстоятельства, трудности, срывы, расторжение контрактов, нарушение договоренностей, обман и поиск, не останавливаемый ни на минуту новых заказчиков, новых возможностей и новых вариантов. А вторая мечта, как бы взяла и посмеялась мне в лицо. Ты же моего Томаса знаешь? И чья здесь вина? Может моя? Может жены, а может это просто карма? Тогда её нужно отработать! Но... но я не знаю как! Я не знаю, что сделать, чтобы он стал лучше?

Анни похлопала его по коленке. Она не хотела, чтобы он думал о грустном.

– Ну, ну, не надо. Ты просто не думай об этом. Вот смотри на огонь, он так умиротворяет!

– А если на огонь смотришь раздраженным, то он вовлекает просто в агрессию

– Вот, твоя карма, возможно, дает тебе второй шанс, ты не думал об этом. Из всего есть выход и все не навсегда!

– Да, светлячок. Этому малышу или малышке, я буду уделять все свое внимание! И это замечательно. Я где-то читал, что родители в возрасте рожают очень одаренных детей. Они, как бы передают им всю свою жизнь накопленную мудрость и знания, на генетическом уровне, а в молодости родители еще сами как дети, они более эгоистичны, больше думают

о своих удобствах, в таком возрасте как я, мы уже думаем только о ком-то. Мы знаем, что выспимся, выспимся хорошо уже только в гробу!

Анни рассмеялась. Положила голову ему на колени. – Ну, вот и договорились. Я тогда буду побольше спать! Ну, только давай вначале все-таки родим.

По вечерам, они не спешно выходили в прославленную венскую оперу. А перед сном, Анни чаще стала думать о Боге! Вот теперь он ей понадобился. Она молила, чтобы он её избавил от страха перед родами и молила о благополучных родах!

Этой ночью, они спали с графом на разных кроватях. Она стала чувствовать, что урывками, не так чтобы непрерывно, но из неё, между ног вытекает вода, как слабый, незаметный ручеек. А спать так хотелось! Беременные очень плохо спят. Они и устают за эти девять месяцев от того состояния, что спать ты можешь сколько хочешь, только спишь ты настолько плохо, что постоянно не высыпаетесь. Все сдавлено плодом. Все органы и поэтому организм работает на износ и во всю свою «сверхсилу», а ему все мешает. Ей как шип вогнали в голову и мысли хаотично заработали, сердце забилося как у зайца. Она же медик. Она сразу сообразила, что это за вода тихонько льется на кровать! Графа в соседней комнате будить не стала, но как только она зажгла ночник, он проснулся и стал спешно одеваться. Двери в комнату жены всегда оставлял открытой, чтобы не проспать ответственного момента. Анни держалась за низ живота, так как почувствовала слабые, слабые, но уже более тягучие потуги, что и отличало их от простого шевеления плода. И самое странное в этот момент было то, что Анни, почему-то очень важным стало убраться. Ее шикарные, волнистые, белокурые волосы ей так мешали, что она еще поддерживая одной рукой живот, как уточка вперевалку, направилась к туалетному столику, чтобы привести волосы в порядок. Потом она быстро, быстро направилась в умывальню, чтобы привести всю себя в порядок. А граф, только бросая короткие вопросы, тоже стал машинально куда-то собираться, только куда? Все было рядом. Выйдя в огромный длинный хол, он разбудил дежурную медсестру, дремавшую на маленьком диванчике. В умывальне у Анни на пол плюхнулся слизкий большой сгусток. Это отошла пробка. Вот и настал этот страшный и такой решающий момент в жизни любой женщины – начались роды, а сколько они продлятся – не мог сказать никто, все очень индивидуально, а уж как они пройдут и чем закончатся, ведомо только Богу одному!

Анни ввели в родовой зал, где кресло было сделано для удобства извлечения плода. Ее ничего не смутило. Она это все уже видела и знала. Не знала она только одного, что её в данный момент осматривать будет мужчина. Схватки стали усиливаться и становились более длительными, но ей еще не стало все равно, кто у неё будет принимать роды. Когда она только поступила в клинику, её осматривала женщина. И даже словом никто не обмолвился, что роды будет принимать профессор-гинеколог! Она так расстроилась. Ее первый порыв был даже сбежать из родового зала. Она резко завернулась и наткнулась на своего супруга. Сзади он следовал за ней.

Готовясь к приему данной роженицы, профессору выходки пациенток, подобные этой, были не в первой. Он поспешно встал и громко позвал санитарку-акушерку. Следовавшего, сзади супруга тотчас удалили и подхватили Анни под руки с обеих сторон и потянули к родовому креслу. Акушерочка ласково стала уговаривать роженицу смириться с тем, что роды у неё будет принимать мужчина.

Подготовив какие-то бумажки для записей, профессор включился в дискуссию.

– Моя хорошенькая мамочка, вы должны выбрать, что для вас в данный момент важнее – отдаться в руки грамотному специалисту в этой области или поддаться своим предрассудкам – стыдливости! Вы же сама медик – вы же должны понимать, что мужчина в клинике, перестает быть мужчиной, он доктор и не больше! Когда вы родите и покинете стены клиники, вы меня никогда не встретите и забудете, что такой-то бородатый дедушка, что-то там у вас видел и даже щупал. Фу... молодая мамочка, как не стыдно – быть образованной женщиной и быть настолько закомплексованной! Ложитесь, ложитесь – мне нужно посмотреть на сколько пальцев у вас

уже открылась маточка и прощупать, как расположен плод. Это важно! – и он, безапелляционно, стал натягивать на руки перчатки. Санитарочка-акушер также одела перчатки. Увидев это, Анни даже на долю секунды забыла про боль. Для неё это было удивительно. Это что-то новое и это замечательно! Это лишний раз предохраняет пациента от попадания во внутрь него инфекции. Да... в её больнице и даже в клинике, где работала Хелен такого не было, об этом и не слышали! Руки, мыли перед операцией и даже перед глубоким осмотром пациента очень тщательно, потом их дезинфицировали в специальном растворе хлорной извести, но... то, что она увидела тут, было ново и очень прогрессивно! – А что-то вы надели? Это откуда? – не удержала она своего любопытства.

Профессор заулыбался и стал сам рассматривать свои перчатки, как будто первый раз видит – а вы про это? В Венгрии такого нет? Да, да. Это из Америки. Наш учредитель приобрел целую партию, и они используются нами в самых важных случаях. Они только появились в больнице Джонса Хопкинса. Я приехал из Америки только две недели назад. О, там жизнь бьет ключом! Вы бывали когда-нибудь в Америке? – задал он вопрос Анни.

Она отрицательно покачала головой, морщась от очередной схватки. Медсестра – Акушер накрыла кресло белой пеленкой и предложила ей расположиться на нем. А профессор продолжал – Со временем планируется выпускать медицинские перчатки только лишь разового использования. Это большой прорыв! Это здорово, прямо скажем! Они работают сейчас над тем, как их сделать как можно тоньше, чтобы не уязвлялась при их одевании чувствительность руки, но в тоже время крепкими. Но самое главное, как при их разовом использовании сделать для них абсолютно непроницаемую оболочку, в которую они будут запаковываться. Так, милая мамочка, вы легли, а теперь постарайтесь не напрягаться, без надобности. Я посмотрю положения плода, пока у вас перерыв между схватками.

И вот Анни первый раз в своей жизни ощутила весь набор чувств, который испытывает женщина, когда к ней, в её самое стыдливое и такое чувствительное место грубо внедряются руки, непростительно глубоко и властно и это руки совершенно незнакомого, далекого и чужого мужчины!

Ее лицо залила краска и даже покатились скудная слеза, слеза обиды от собственной беспомощности и безысходности. Но, профессор имел настолько безучастный вид и настолько прислушивался к собственным ощущениям, ЧТО ДАЖЕ И НАМЕКА НА ЛЮБОПЫТСТВО ИЛИ ВОЖДЕЛЕНИЕ НЕ МЕЛЬКНУЛО НА ЕГО ИНТЕЛЛИГЕНТНОМ ЛИЦЕ. Он медленно и тщательно продвигался по влагиалищу и видимо наткнулся на головку младенца, но через плаценту, и был этим очень удовлетворен. А затем, когда он уже закончил свое обследование, он снова проговорил:

– Я, предполагаю, что мы быстро родим, хотя у вас и довольно узкий таз. Но мышцы крепкие и плод расположен правильно. Перестаньте смущаться, моя милая мамочка, наконец, ...нам с вами еще соприкоснуться вместе несколько часов и скоро вам станет не до стыдливости. А для, меня, уж поверьте мне – все так не ново! Я видел все это уже сотни раз! И могу вам, даже сегодня поведать много интересных вещей, которые появились там, за океаном и скоро появятся и у нас! Вы слышали такое слово «Презерватив»? И он будет не из кишок коровы.

Роды. Что можно сказать про роды. Ничего нового, но и ничего повторяющегося. Каждый человек индивидуален и каждые роды уникальны и не повторимы. Анни готовилась ко всему морально. Но, все произошло для неё хуже, чем она предполагала. И только – хуже, чем она предполагала. Потому что каждая женщина, которая рождает только первый раз, никак не может подготовить себя ни морально, ни физически к той боли, которую ей предоставляется Богом пережить. И после родов подсознание это все быстро блокирует, ибо если не сделает этого Бог за человека, человек сделает все возможное, чтобы с ним это в жизни не повторилось. А возобновлять численность населения на планете необходимо. Да. Вот поэтому, мы идем на это снова и снова.

Роды. Только представьте себе, что у тебя внутри, преодолевая все преграды на пути, шевелясь и двигаясь идет к свету, к выходу твое родное существо, но оно же имеет массу и размер. И твоя живая плоть рвется, не выдерживая этого натиска, но даже уже некоторые роженицы особо не ощущают этой боли и даже той, когда их на живо зашивают, потому что все тело к этому моменту настолько натерпелось, настолько изломалось, настолько обессилило, что по сравнению с этим, то – когда тебя штопают, уже просто укусы комара. Каждая, уже сильно выраженная перед родами схватка с огромной силой разрезает тебе весь живот нестерпимой тягучей болью по нарастающему эффекту и у тебя такое впечатление, что твои внутренности, кто-то схватил в кулак и изо всей силы выдирает из тебя через промежность. Но при этом, у тебя просто напополам переламывается спина, а рядом над ухом тебе кричат – Еще усилие, вдох и тужимся! – В грубой приказной форме. Но... Тебе, действительно все... все равно. Природа делает свое и природа же заставляет женщину так нестерпимо желать поскорее вытолкнуть из себя то, что её сейчас выкручивает так изощренно наизнанку.

Анни была уже в небытии. Она поняла, что еще один раз, взять себя в руки, стиснуть зубы и напрячь все свои силы – не сможет! У неё не было больше сил! Но это был конец. Профессор сейчас подошел уже к ней к изголовью и спокойно произнес:

– У вас, милая мамочка, родился сын. – А Анни услышала эти слова, как во сне. Она только смогла повернуть к нему голову и слабо улыбнуться. Подушка под мокрыми волосами была тоже мокрой и по лицу еще медленно стекал пот. Глаза слипались в неимоверном желании поспать, ну хотя бы пять минут и никого не видеть, ни слышать, ничего не ощущать. И потом, как своя сон, она услышала опять слова профессора, видимо он говорил это медсестре – Роды самые заурядные, совершенно ничего интересного. – Своя сон Анни так это стало смешно. «Ничего интересного! Вот как! О, дева, Мария! Это может произнести только человек, никогда сам не рожавший!» И она провалилась в глубокий сон. Такой сон, когда ты по-настоящему отключаешься от всего мира и тебя бы, сейчас, не заставил пробудиться даже гром из пушки.

Мальчик родился в 9 фунтов. Крепкий и здоровый. Граф в холе клинике вымерял за четыре часа каждый метр шагами. Уставший профессор сообщил радостную новость и вот только сейчас граф позволил себе присесть на диван. Он постоянного волнения и напряжения, он так же устал и приятное, быстро накатывавшее тепло стало разливаться по всему телу, а в груди сердце учащенно забилось и взрыв целого шквала захватывающих эмоций ударил наконец в голову. Это самое замечательное, что только может произойти в нашей жизни! У него появился крепкий наследник, продолжатель рода и его самого! Его родной и такой желанный ребенок!

ГЛАВА 37

В то время ситуация в больницах чем-то схожа была с ситуацией на войне. Игн за полтора года работы возмужал раньше, чем природа это делала с человеком. Столько смертей видеть каждый месяц работы – откладывало свой отпечаток. И настроение, и отношение к работе прошло несколько этапов. Он пережил этап, когда проникаешься полным медицинским нигилизмом. В своем дневнике, который он начал вести, начиная работать в больнице, он писал: «А теперь я понял всю суть медицины, что в её владении находятся два-три действительных средства, а все остальное – лишь «Латинская кухня» Например, чтобы предотвратить повторение припадков грудной жабы – рекомендовано очень много средств: мышьяк, сернокислый цинк, азотнокислое серебро, бромистый калий, хинин. Попробовать какой-либо из этих средств не мешает, но верного успеха обещать не следует. В медицине, например, есть еще такой термин «Ставить диагноз на основании того, что помогает» Больному назначается лечение, и если данное средство помогает, значит, больной болен такою-то болезнью.

В то время медицина не имела представление о разных группах крови. Игн очень часто принимал пациентов, с тяжелым малокровием. Люди, бедных слоев населения жили в отвратительных условиях и плохо питались. По договоренности, с доктором Цобиком, они проводили

исследования по переливанию крови. Другими способами малокровие лечить не умели. Игн за свои и родительские сбережения приобрел для больничной лаборатории самый мощный на то время микроскоп. Его он заказал во Франции. И часто, задерживаясь после работы, он напрягал зрение рассматривая образцы крови. Свои размышления он конспектировал и рассказывал о своих предположениях доктору. Тому всегда было некогда. Анни не работала, оставались только Анри Миррано и Игн, но он старался уделять внимание своим молодым коллегам. Он же сам и подвел однажды Игн, к мысли о том, что типов крови не три, как тогда считалось, а больше. Типы крови различались количеством эритроцитов на 1 кв. метр, но уже догадывались, что типы крови зависят не от количества эритроцитов, а от их размера.

И однажды, констатируя очередной летальный исход после переливания крови, доктор Цобик в сердцах, бросил испачканное кровью полотенце рассерженно на стол, и грозно сказал всем:

– Все! Хватит! Мы в тупике. Хватит заниматься бессмысленным занятием и переливать кровь – ясно же, что проблема в другом. Только в чем?

Анри Миррано стал уточнять.

– Да, кровь не приживается, она быстро сворачивается и ничего не меняется!

Это был момент, когда Игн потерял всю веру в медицину и в её смысл. Домой он шел чернее тучи. У него не было даже желания пойти на собрание по изучению политической литературы. Нередко он посещал их. Они собирались на квартирах – нелегально. Там же он познакомился с интереснейшим человеком, он скрывался в Венгрии временно от преследования и был родом из России. Пообщавшись с ним близко, Игн поразился сильнейшему интеллекту этого человека и его памятью. Он держал в голове и мог моментально в нужный момент извлечь как доказательство любую выдержку, афоризм или ссылку из того огромного объема литературы, которую он за свою молодую жизнь успел прочитать. Легко переходил с одного языка на другой, ловил мысль собеседника и мог раньше его и точнее за него её закончить. Живой и шустрый, улыбчивый, но с такими внимательными, даже сказать, «въедливыми» глазами, он запоминался и сеял глубокие семена в головах, слушавших его или общавшихся с ним. Он рассказал, что за политические убеждения и выступление против царизма у него был в 1887 году в Шлиссельбургской крепости повешен родной брат.

Игн жил целеустремленно, всегда с внутренней борьбой в своей голове и сердце, но, как и у любого живого человека, приходили времена отчаяния, и он поддавался унынию. Медицине он отдавал первенство. И неудачи выбивали его из равновесия. Все чаще он стал пристращаться к спиртному, но, его независимый и своевольный ум понимал, что это худшее средство из возможных, ибо на утро становилось еще тяжелее, а проблема не уходила. Она только закрывалась ширмой на некоторое время. Но, Бог милостив. Этот этап жизни, у него прошел и в результате одного произошедшего события, он воскресил веру и в медицину и науку. И помог ему в этом все тот же доктор Цобик! Этот удивительный медик!

В больницу приняли женщину, у которой опухоль занимала всю левую половину живота, от подреберья до подвздошной кости. Что это была за опухоль, из какого органа она исходила? Ни расспрос больной, ни исследование её не давали на это никаких хоть сколь-нибудь ясных указаний. С совершенно одинаковой вероятностью можно было предположить кистому яичника, саркому забрюшинных желез, эхинококк селезенки, гидронефроз, рак поджелудочной железы.

Игн рылся во всевозможных руководствах и вот что находил в них:

– С гидронефрозом очень легко спутать эхинокок почки. Мы много раз видели также мягкие саркоматозные опухоли почек, относительно которых мы были уверены, что имели дело с гидронефрозом. Рак почки нередко принимался за брюшинные опухоли желез, опухоли яичника, селезенки, большие подпоясничные нарывы.

При кистах яичника встречаются очень неприятные диагностические ошибки... Дифференциальное распознавание кисты яичника от гидронефроза оказывается наиболее опасным подводным камнем, так как гидронефроз, если он велик, представляет при наружном исследовании совершенно такую же картину.

Клинические симптомы рака поджелудочной железы почти никогда не бывают настолько ясны, чтобы можно было поставить диагноз.

Рядом с женщиной сел Анри Миррано, а профессор Цобик, как всегда, ушел в себя, но все отлично знали, что он не пропустил из прочитанного ни одного слова. Игн констатировал свои записи и в заключении поставил диагноз – Предположительно гидронефроз – и машинально отошел в тень, словно боялся, что его разоблачат и раскритикуют в пух и прах.

Доктор Цобик посмотрел на Миррано. И тот выдвинул свое предположение. – Рак почки.

Цобик пошамкал губами. Он ничего не стал оспаривать, но напоследок решил провести свой допрос пациентки. И первым делом он предложил больной лечь на кушетку. Бедная женщина. Эта болезнь измотала её и её выражение лица говорило о том, что она не верит в то, что ей хоть кто-нибудь может помочь и уже единственное, чего по-настоящему она желала – скорой смерти. Зачем они её исследуют, зачем они её мучают? Дали бы какого яду, и она возблагодарила бы Деву Марию за это. Устало и очень медленно она побрела к кушетке. Анри Миррано помог ей улечься. А доктор Цобик стал очень легко и проворно трогать кончиками пальцев её огромную опухоль. И все время он задавал ей вопросы, которые выстраивались в последовательную цепочку логического рассуждения. Игн и Миррано стояли как заколдованные. Профессор обратил внимание на консистенцию опухоли. Она была рыхлой и уплотненной где-то уходя в глубину, туда, откуда она стала расти. Он попросил больную более громко подышать и следил за тем, смещается ли она при дыхании, находится ли в связи с маткой, и какое положение она занимает относительно нисходящей толстой кишки. И наконец профессор приступил к выводам.

– Женщина за последние 4,5 месяца потеряла 20 кг. в весе, то есть на лицо постоянная потеря веса, усиление нарастающей слабости, повышение давления, боль в области почки и при пальпировании создаются образования в области почки и наконец – кровь в моче и постоянная субфебрильная температура.

Игн в предвкушении результата аж рот раскрыл забывшись. Но, профессор опять не торопился. Он как на блюдечке преподносил им урок, как нужно не торопиться и медленно, и осторожно, как слепой, идущий по обрывистой горной тропинке, следовать этой цепочке тонкого исследования, нанизывая новое и новое звено. Он не оставил без внимания ни одного самого мелкого признака. Чтобы объяснить какой-нибудь ничтожный симптом, на который никто не обратил даже внимания, он ставил вверх дном весь огромный арсенал анатомии, физиологии и патологии, а сам шел навстречу всем противоречиям и неясностям и отходил от них, лишь добившись их объяснения. И в конце концов, когда, сопоставив добытые данные, профессор пришел к диагнозу «Рак-мозговик левой почки»

Игн с Миррано тяжело выдохнули. Это шло вразрез их диагнозу, но авторитет профессора слабо подвергался сомнению. И понятно было одно – эту больную вылечить невозможно. В больнице ей будут только облегчать страдания кокаином. В голове Игн промелькнула малодушная мысль – то, что мы её не сможем вылечить, это было понятно с самого начала. Но... ..но, то как работал профессор – это восхищало.

Через неделю больная умерла и её вскрывали. На секционном столе лежал труп, и все напряженно ждали результата.

Профессор извлек из живота умершей опухоль величиной с человеческую голову, тщательно исследовал её и установил – рак-мозговик левой почки.

Самое интересное, что ни у одного из присутствующих при этом медиков даже сердце не кольнуло от боли и жалости к женщине, которая носила её почти пять месяцев и столько выстрадала. Всех интересовал только факт и научный подход к установлению диагноза.

Профессор серьезно и даже с укором обвел взглядом своих ассистентов, но потом быстро подобрел и добавил:

– Запомните. В диагностике заболеваний очень важны именно мелочи и тонкости. Все нюансы и мелкие штрихи – так как они помогают нам не запутаться в похожести протекания различных заболеваний. Но, запоминать эти мелкие признаки различных заболеваний помогает только опыт и вам от этого никуда не деться. Невозможно младенца сразу научить высшей математике, поэтому старайтесь, но воспринимайте это как данность!

Игн же в не проходящем удивлении только буркнул себе под нос:

– Но было же сразу понятно, что мы её не вылечим!

– Да, дорогой коллега, – отмахнулся доктор Цобик, – но врач должен иметь надежду до тех пор, пока у больного прощупывается пульс и даже после того, как он перестает уже прощупываться – иначе нет роста.

Игн прочел в научном журнале статью американского профессора Уильяма Холстэда, где он высказал свои предположения о существовании типов крови больше трех и о признаках, которыми, по его мнению, должны отличаться типы крови. Это была насущная проблема в те времена, и она живо обсуждалась в медицинских кругах. Все понимали, как много им удалось спасти бы жизней, если бы кровь при переливании во время операции не сворачивалась. В последние недели Игн часто навещался в университет, где беседовал с преподавателями на интересующую его тему, просил помощи в предоставлении средств и оборудования лаборатории при кафедре. Но, к своему разочарованию оснащение университетской лаборатории было столь скудным, что его приобретенный во Франции микроскоп давал ему гораздо больше возможностей для изучения крови и её состава. Хелен была далека от тех проблем, которыми занимался её бывший сокурсник, но тем не менее оказала ему посильную помощь, испросив разрешения осмотреть лабораторию центральной частной клиники Будапешта. Тема для познания была актуальна и очень популярна, поэтому профессор Иоффе Вайнберг с большим желанием встретился с любознательным молодым доктором в этой лаборатории. И ко всему прочему, известный доктор Цобик, как самый воинственный хирург среди всех, пользовался глубоким уважением у своих коллег и большой известностью. К большому изумлению Игн от профессора Иоффе узнал, что первоначально профессор Цобик и начинал работать в этой клинике, так как получал медицинское образование в Австрии и закончил Венский институт патологии с почетом. И по сему никто не придавал значения его простому происхождению. Но, живя в простой среде и желание помогать простым людям, а также стержень аскета перебороли карьеризм, и он возглавил муниципальную больницу, где преобладающим количеством пациентов были бедняки. Игн сделал тоже самое, хотя до сего момента и не знал о поступке доктора Цобика.

Профессор Иоффе Вайнберг был евреем, маленьким, кучерявым, очень внимательным и живым. Игн даже в общении провел параллель между двумя для себя знакомыми людьми, так как они были очень похожи по типуажу. Это с тем социал-демократом, вынужденно посещающим Венгрию, чтобы избежать ареста на родине – в России. Только первый был брюнетом, а второй рыжим.

Хелен принесла кофе и профессор Иоффе закурил сигару, уютно развалившись в кресле. С этого момента, как он затянулся сигарой, его движения диаметрально изменились, стали медленными и плавными. Он поведал молодому медику о том, что в Австрии в Венском институте патологии ассистент Карл Ландштейнер вплотную занимается темой свойств крови и больше, чем он ни даст никто. И совсем недавно на научной конференции медиков звучал его доклад, весьма и весьма интересный тем, что он связал возникновение групп крови как таковых с эво-

люцией человечества. И четко дал разделение свойств крови на три вида. Он сумел это доказательно преподнести. Это один из самых перспективнейших мировых ученых.

Игн даже об этой фамилии сейчас слышал впервые и его начинала медленно угнетать мысль о том, что за огромнейшей суетой в больнице, он пропускает в жизни столько важного и чувство отсталости и ущербности стало в нем расти. Как сделать так, чтобы все успевать и одно не приносилось в жертву другому. Желание всех принять, отточить мастерство хирурга при проведении операций, забирало все время, которое необходимо было использовать для собирания теоретического материала и постоянного вникания в мировую научную мысль и исследования. Но, самое интересное, что и теория не могла существовать без масштабной, каждодневной практики. Для Игн возникала дилемма, которую он не мог пока разрешить. Но, доклад на научной конференции в Вене его сильно озадачил, он решил во что бы то ни стало получить его и тщательно изучить. Он попросил, хотя бы в общих чертах профессора поведать об основных идеях Карла Ладштейнера.

Профессор с готовностью согласился.

– Ладштейнер начал с того, что взял кровь у себя и пяти своих сотрудников, отделил сыворотку от эритроцитов с помощью центрифуги и смешал отдельные образцы эритроцитов с сывороткой крови разных лиц и с собственной – он описал агглютинацию, происходящую при смешивании плазмы крови одного человека с эритроцитами крови другого. Так вот наличие или отсутствие агглютинации, по его мнению, и является главным поводом для того, чтобы разделить все образцы крови на три группы – А, В и 0. Он дополнил идею возникновения групп крови на протяжении эволюционирования человечества, и это было очень познавательно послушать, хоть данная теория и не нова, но он преподносит её с необычной стороны. Вы же знакомы с этой теорией?

Игн залился краской от стыда. Но лгать он не мог, это выглядело бы безобразно в данный момент.

Иоффе конечно же был обескуражен. Но Игн не знал, что здравомыслящий хирург и просто мудрый в силу своего житейского опыта человек, не осудил его за это ни в коем случае. Профессор понимал, что такая целеустремленная любознательность молодого медика дорогого стоит, а время и годы сделают свое. Он просто еще очень молод.

– Не смущайтесь, дорогой мой молодой коллега. Не знание этих вещей оправдано вашей молодостью. Я обязательно отправлю вам имеющийся у меня доклад, если вы мне укажете свой адрес. Просто он у меня находится дома, не здесь.

Хелен, до сих пор хранящая молчание, предложила через неё передать доклад своему другу и сокурснику. А в завершение, раз уж молодой специалист выбрался посетить их клинику, он предложил совершить по её обустройству небольшую экскурсию, за исключением частных платных палат, в кои заглядывать они не могут себе позволить, вот так праздно, дабы не потревожить покой её обитателей.

Игн почему-то утратил свой обычный боевой дух, после посещения клиники. Молодые люди максималисты, в большинстве своем. Они не желают ждать – им подавай все и сразу. И Игн считал, что он опаздывает жить, хотя это было не так. Домой он побрел пешком с Хелен, чтобы хорошая погода и прогулка пешком позволили ему развеять свое уныние. Они не далеко отошли от клиники и по дороге повстречали Анри Миррано. Он так же медленно прогуливался вдоль аллеи, которой начинался самый живописный парк Будапешта с выходом на набережную Дуная. Хелен с Анри Миррано уже успела познакомиться на новоселье у Анни. Но ближе пообщаться им так и не довелось. Эксцентричный итальянец предложил посетить маленький ресторанчик, один из многих, коими изобилует, набережная Дуная.

Они оживленно вошли и облюбовали себе маленький круглый столик возле окна. Игн сразу же задал Миррано мучивший его вопрос – Что это за теория о происхождении различных групп крови эволюционным путем? Ты читал об этой теории?

– Да.

– Вот. Тогда я не понимаю, как я смог закончить медицинский факультет, когда все вокруг слышали и знают, а я – как с необитаемого острова человек?

– Не усугубляй. Я сам только недавно о ней услышал, мне доктор Цобик дал прочитать доклад австрийского ассистента Венского института.

– Расскажи. А то я ночь спать не буду. Хотя бы только самое интересное.

Миррано с лукавым взглядом посмотрел на Хелен, чтобы удостовериться, будет ли ей это интересно? Хелен постаралась сделать участливое выражение лица и всем своим видом дала понять, что готова воспринимать информацию.

– У всех первобытных людей была группа крови 0. Предположительно она зародилась около 40 000 лет назад. I группу крови часто называют «первокрвью», так как остальные 3 группы образовались из неё посредством мутации. I группа крови является универсальной при переливании, так как подходит всем людям, независимо от их группы крови.

Игн сморщил лоб.

– Это я что-то припоминаю. Где-то я наталкивался на подобную теорию, но как-то пропустил мимоходом. Ну, а дальше?

– II группу крови связывают с переходом человека от охотничье-собирающего образа жизни к аграрному. Иногда II группу крови именуют вегетарианской. III группа крови предположительно появилась в связи с использованием в пищу молочных продуктов, что предопределило очередную эволюцию пищеварительной системы человека.

– Вот как – произнесла Хелен. Это все довольно занятно, но практической ценности не представляет.

– Согласен – прокомментировал Анри Миррано. – Я с большим любопытством выяснил бы, какая у меня самого группа крови. Это, я считаю, в скором времени необходимо будет знать каждому. Я вот думаю, что если у людей разные группы крови, то при переливании разных типов крови и происходят неудачи при операциях.

– Да, в этом есть объяснение многих проблем, но это не доказуемо. Нужны опыты, постоянные опыты. – сказал Игн. – А в нашей лаборатории нет ничего для этого.

– Может это возможно в нашей клинике? – поинтересовалась Хелен.

Но Анри Миррано остановил их героический порыв словами – Напрасно. Это все абсолютно напрасно.

– Почему?

– Вы были в Венской лаборатории при институте когда-нибудь?

Игн и Хелен отрицательно покачали головами.

– Я был несколько раз с доктором Цобиком. Так вот на сегодняшний день в мире нет лаборатории лучше по оснащению, и я думаю, через пару месяцев мир узнает о новом открытии, о котором уже догадывается пол мира и это будет опубликовано. Мы опоздаем, как всегда.

На это справедливое замечание и не нашлось, что возразить. Игн молча отвернулся к окну. Весна вступила в свою силу, и зеленый цвет, самый яркий и чистый в эту пору радовал глаз. Почему всем в какой-то момент нашей жизни кажется, что жизнь проходит мимо, бездарно, мы чего не так делаем, мы не успеваем, мы теряемся и не понимаем куда нужно двигаться, а молодость мечется, жаждет действий, требует четко определенного направления, в нас столько сил и не растроченной энергии, любви.

Миррано видел, что в последние дни его коллега по работе ходит пасмурный, озабоченный.

– Тебя это волнует? – спросил он.

Игн пожал плечами.

– Это быстро пройдет, потому что не это главное.

Тут уж больше всего проявила любопытство Хелен.

– А что главное?

Миррано лукаво улыбнулся. Ему нравилась легкость характера Хелен.

– Главное – сколько ты имеешь в этой жизни денег.

Игн напрягся. Он не любил разговоров на эту тему и не любил такого повышенного людского интереса к деньгам. Вечные смешливые разговоры и шутки своего коллеги на эти темы он воспринимал в рамках эмоционального и веселого характера итальянца и никогда серьезно. Только сейчас, в тоне его голоса почувствовалась серьезность и глубина переживаний. И его это удивило. Пристально глядя в улыбочивое лицо Миррано и не понимая до конца, серьезно тот это сказал или в шутку, он спросил:

– Ты это серьезно? Серьезно считаешь, что деньги самое главное в жизни?

Миррано на самом деле всегда был честен и серьезен, он просто преподносил это в шуточной форме. Он и сейчас беззаботно ковырял ложкой слоеное пирожное, бросал лукавые взгляды на Хелен и весь его вид не давал повода относиться к его словам серьезно. Но он повторил и только в голосе слышались тревожные и грустные нотки.

– Я серьезно – и видя, как его слова все подвергают не доверию, решил уточнить им, как учитель ученикам с объяснениями и комментариями. – Вот мы работаем в больнице и нам больше других известно, насколько хрупка человеческая жизнь. Сегодня ты весел и бодр, можешь бегать и плясать, но уже завтра может быть за тобой начнут ухаживать – это в лучшем случае, и ты будешь ходить, пардон, под себя. Вы согласны в этом со мной? – и он окинул взглядом вначале одного, потом другого. Ему в ответ утвердительно качнули головами и он продолжал. – Это касается здоровья. Но в жизни есть и другие прелести жизни – любовь, секс, дети – это также все эффемерно и зыбко. Сегодня у тебя это есть, завтра от тебя уходит жена, или любимый человек. И это настигает всех людей, как бедных и богатых. Вы согласны?

И снова он осмотрел своих собеседников. Только теперь Игн нервно теребил уголок скатерти, и с нетерпением стал нукать:

– Ну, ну.

Со стороны это выглядело забавно. Миррано на самом деле был удивительно интересный человек, непосредственный, всегда естественный и открытый. Его глаза улыбались, но он вечно чем-то был озабочен и на чем-то заиклен. И был бы на его месте другой, от него бы все как от самого большого зануды отстранялись бы, но не от этого итальянца. Бредя своими идеями и ко всем с ними приставая, он облекал это в веселую и непринужденную форму и таким образом не успевал никому докучать. А заикливался он не слабо!

– Так вот, кому легче справляться со всеми трудностями, которые подстерегают человека на каждом шагу? Бедному или богатому? Конечно, бедному. И далеко ходить не надо. В нашей больнице сколько мы видели случаев. Я до сих пор некоторые забыть не могу, хотя не один год работаю с доктором Цобиком. Страдают, страдают люди. У богатого больше средств облегчить свои страдания. У нас же кокаин стоит дорого. Опять-таки, люди есть талантливые и очень сообразительные. И среди бедных и среди богатых. А учиться бедный талантливый парнишка не всегда может, если у родителей с деньжатами не густо. Вот и решайте, важны ли деньги в нашей жизни? Ведь они и средство для самореализации в жизни и средства достижения цели. Как это игнорировать?

Игн слушая все эти слова, даже вспотел. Взяв салфетку, он промокнул капельки пота, выступившие на лбу. Хелен сбоку на него покосилась. Ей все это было интересно слушать, но не беспокойно. Ее семья жила богато и перед ней эта проблема не возникала никогда. Отец держал сеть аптек, мать смотрела семью и занималась воспитанием единственной дочери. Так как еще детей Бог не дал и все блага в этой семье были направлены на неё одну.

Наконец Игн решил вступить в разговор.

– Вы все правильно преподносите и против логики не пойдешь. Но как-то все так однобоко и утрировано. Человек может заболеть, а может и не заболеть. Надо прилагать усилия к тому, чтобы не болел ты и твоя семья.

– А как это сделать? – спросила Хелен.

– Вы посмотрите в каких условиях живут наши рабочие или живущие в деревнях. Там же сплошная антисанитария! И спят и кушают в антисанитарных условиях! С этим же надо что-то делать! И тут, действительно – возникает вопрос о деньгах. Были бы деньги, были бы и лучшие условия проживания. Но деньги. Что сделать, чтобы их стало больше?

Это было самое интересное место для Миррано, он даже всем своим телом подался вперед и затаил дыхание. – Как?

– В школе тебе бы ответили – нужно работать. Но... они все работают. Трудятся порой даже по десять часов в сутки, а денег хватает только на то, чтобы влачить жалкое существование. Выживать. И другого не дано и никогда не будет по-другому. Работник производит какой-то продукт, его наниматель этот продукт продает и львиную долю выручки забирает себе, а тому, кто создал этот продукт достаются малые крохи, чтобы поддерживать жизнь.

– Да. А что делать, ведь собственник всегда забирает больше, ведь он же собственник. Я к тому и веду рассуждения, что важно, очень важно стать этим самым собственником. – сказал Миррано.

Хелен уже становились неинтересны эти разговоры и она стала все чаще посматривать в окно, потом на Миррано. От этого человека исходило столько кипучей энергии, живости, страсти, ей стало сильно хотеться ему нравиться. Но, в данный момент, её персону он не притягивала, он все больше весь без остатка втягивался в разговор с Игн. А Игн отвечал Миррано.

– В том то и дело. Что из бедности не вырваться – он откинулся на спинку стула и взмахнул рукой – Да, в истории встречались случаи, когда бедные и безродные люди становились великими и богатыми. Но. Надо отдать должное – Это считанные эпизоды всей истории существования человечества. Из всего есть исключения. Но погоды же они не делают! Сколько бы ты ни работал на хозяина, ситуация не изменится. И даже в том случае, если ты работать будешь лучше остальных. А там все повторяется. Один собственник, оставит свою собственность только лишь своему наследнику. Ты вот сам сказал. Сколько талантливых мальчиков бегают по грязным улицам в грязных кварталах, и они не могут учиться. А если бы могли, может мир узнал бы еще одно имя великого ученого или изобретателя. Может быть мы уже давно знали бы как лечить на сегодняшний день неизлечимые болезни. Существующее положение вещей не дает им шанс.

– Ну, хорошо. Может это и так. Так всегда было и это не изменить. Это же все знают. Надо думать, все время думать, где можно заработать деньги. Были же времена. Все мы помним, когда люди промышляли в новых землях. Были открыты новые земли. Тогда очень многие разбогатели. Надо уловить момент. Не все так незыблемо.

Игн опять стал вытирать капельки пота. Хелен не выдержала и спросила:

– Ты себя как чувствуешь, ведь совершенно не жарко? – Но он её вопрос проигнорировал. В нем закипала кровь. И весь свой негатив он направил сейчас на Миррано. – Ты же врач. Помогаете людям, спасаете их. Ты готов зарабатывать деньги на порабощении людей!? Любой из нас знает, как разворовывались эти новые земли, людей превращали в рабов, индейцев истребляли. Если бы тебе представился случай, ты смог бы заниматься работорговлей?

Миррано ответил не сразу. Задумался, но все-таки неуверенно произнес – Нет! Я думаю нет!

Хелен все наскучило и она решила перевести разговор на другую тему.

– Что-то вы о грустном. У нас есть отличная новость для обсуждения. Анни родила мальчика! Они завтра с графом уже возвращаются с Австрии.

Игн усмехнулся.

– Хелен, а что тут обсуждать? Это просто прекрасно, но не больше. Готовим подарки. Хелен презрительно скорчила гримасу.

– Вам не надоела ваша утопия!

Анри Миррано скользнул по её лицу взглядом и она совершенно не ожидала тех слов, которые он произнес.

– Вам очаровательная леди, на счастье, не ведома проблема денег. У вас богатая семья! Ваша же подруга решила её своим способом и надо отдать должное её поступку. Она не прошла мимо подвернувшейся удаче.

Тогда Хелен громко отпарировала его тираду.

– Да, может быть. Ищите для себя такую же удачу. Все в ваших руках!

Миррано весело рассмеялся. Но от его слов Хелен все больше приходила в изумление.

– Давайте не будем разбрасываться словами, милая леди – произнес он. – Выходите за меня замуж!

Хелен осеклась и стушеввалась. Игн быстро нашелся и решил так же все обратить в шутку и стал над ней подтрунивать.

– А что? Два грамотных молодых человека, да еще одной профессии. Это очень хорошая партия, Хелен. А то отец подыщет тебе вскорости богатого, но маленького, щедрого «еврейчика» и будешь с ним до конца жизни. Ты этого хочешь? Зная же твоего отца, я тебе предрекаю это.

Хелен весело рассмеялась, но её смех вышел натянутым. Чувствовалось, что ей не по себе эти шутки, а замуж она на самом деле давно хотела и, действительно, зная характер и предприимчивость её отца, можно было предположить, какая участь её ожидала. Она понурилась и из-под лба посмотрела на Миррано.

– Дорогие мои коллеги. Мы вроде бы спиртное не заказывали, неужели вас так разносит от пива?

Игн взял её за локоть и нагнулся к ней поближе.

– Я дело говорю. Хелен. Посмотри, перед тобой сидит молодой, красивый, полный силы, образованный мужчина, что тебе еще нужно? А денег твоего отца хватит на вас обоих. Зато ты с ним, как в сказке. Шутки шутками, но намек не глупый!

Хелен вывернула свой локоть и в эмоциях даже сплюнула в сторону. Совсем как не леди.

– Дурни вы. Я с вами больше никуда не пойду, шутите по-дурному. Мне еще не так много лет и я не дурнушка с грязного квартала, чтобы за первого встречного замуж выйти.

Миррано, как истинный итальянец, просто по привычке решил сделать комплимент.

– Об этом не может быть и речи! Я такой красивой девушки давно не встречал во всей Европе, а побывал я не мало где. Если у меня будет такая красивая жена, как вы, Хелен, мне на родине станет завидовать самый знатный сеньор от молодого до старого!

Хелен опять махнула рукой.

– Какая жена, вы... о чем? Кто тут замуж собирается?

Игн почувствовал, что этот вариант, его реальный шанс избежать депрессии, кровь от возбуждения прилила к лицу и он почувствовал азарт. Подозвал еще лакея и попросил вина для Хелен и пива для себя и итальянца. И принялся вновь подзадоривать обоих.

– Хелен. Если ты меня не слушаешь, то будешь всю свою жизнь жалеть, что упустила такой шанс. – он говорил отнюдь без смеха. – Да, Миррано талантливый врач, он не беден, ну просто не имеет состояния, потому что он здесь чужак, у него нет поддержки, он один в этой жизни пробивает себе дорогу, я таких людей уважаю – за это надо ценить человека, а то, твой, папочка, вот припомнишь мое слово, подберет тебе слюнвявого, дохлого маменькиного сынка, который и шагу не ступит без дирижерства своих родителей! И будешь маяться. Его добродетельная матушка запрессует тебя своими благочестивыми манерами и высокомерием. Тебе ли мне объяснять, что деньги твоего отца посчитать хотят многие, но при этом любой немец

или мадьяр будет считать вас только вторым сортом. Это не приятная, но правда. Разрываясь между капризами и придирками его заносчивой, ограниченной мамочки и своим папочкой, который и вникать в твои проблемы не станет, так как ему главное только деньги, его бизнес и наиболее выгодная партия для дочки. А с кем, ему все равно. Думай...

Хелен отсела от него подальше.

– Даже если это и так, это не повод спонтанно выходить замуж. Вообще, отстаньте от меня!

– Ну, смотри – пригрозил Игн и очень серьезно. – Я тебя предупредил – нагорюешься ты в жизни. Кто-кто, а я знаю твоего папочку лучше всех!

– И что? Может мне вообще тогда начать кидаться на всех мало-мальски смазливых мужиков? Если мой отец такой?

Миррано лукаво улыбался, но видно было, он уже не рад был сам, что затеяли этот разговор.

Игн только добавил:

– На всех не надо, мозги отключать совсем не надо. Я тебе молодого, темпераментного и интеллигентного человека пророчу. Вы оба врачи, одна стезя, общие интересы и он тебе подходит по типу. Я бы никого другого и не порекомендовал бы даже! Я же добра тебе хочу. Тут надо закрыть глаза и прыгать в воду. А родители пошумят и смирятся. Поставишь перед фактом. Они разводом позорить ни тебя ни семью не станут. И заживете лучше остальных. Вы подходите друг другу, а значит полюбите один другого, когда больше узнаете друг друга.

Хелен примолкла. Все это выглядело смешнее смешного, но бывает же так, что некое шестое чувство скребётся потаенно в сердце, и шепчет на ухо – все это так, это истинно! Вот это тот случай. Миррано Хелен даже больше нравился, чем она ему, но мужчины психологическими аспектами бытия меньше утруждают себя, чем женщины. Миррано откинулся на спинку глубокого кресла и только с улыбкой наблюдал за поведением Хелен со стороны.

Игн на минутку умолк, видимо соображая, что сказать весомее уже сказанного и неожиданно поставил точку.

– Сколько мы с тобой дружим и везде втроем ... вместе, ты, я и Анни и вы неоднократно убеждались, что доводы мои всегда получаются пророческими. Вот завтра суббота, надо просто вот так, щелкнуть пальцами – и он продемонстрировал – и отчаянно направиться в собор на венчание, у меня есть знакомый пастырь, а там будь что будет, а будет все великолепно! Только пусть время немножко пройдет.

Хелен опять промолчала, она уже устала возражать, но, но это даже не то, она стала приходить к тому мнению, что её друг, действительно всегда оказывается прав. Если бы эти слова произносились еще кем-то другим, она бы просто отмахнулась, но это был Игн, самый рассудительный, самый серьезный, самый целеустремленный и самый хладнокровный! Вот в чем парадокс! Это советовал ИГН! И Миррано нравился Хелен. В нем она улавливала необузданный южный темперамент и оптимистичное отношение к жизни, добрый нрав и ей это импонировало!

ГЛАВА 38

В девять часов утра, в субботу Игн стал трезвонить в колокольчик Миррано у дверей его съемной квартиры. Жилья своего у итальянца не было, но квартиру он снимал дорогую и хорошую. Желание жить в роскоши, не позволяло ютиться в коммуналке, с маленькими окнами, тараканами и удобствами на улице. А Миррано в клинику собирался после обеда и сейчас отсыпался. Звон колокольчика сквозь сон расслышал не сразу. И когда увидел на пороге своей квартиры коллегу по работе, подумал, что на работе произошло что-то не ожидаемое, так часто бывало. Но глаза Игн улыбались и Миррано хаотично стал искать этому объяснение. Игн живо вошел и прошел прямо к окну, наклонился и стал кого-то там выглядывать.

Миррано спросил:

– Ты чего в выходной не спишь?

Игн в свою очередь посмотрел на него с большим удивлением.

– Не понял. – произнес он и в недоумении развел руками. – Какое выспаться? Ты, что, реально принял вчерашний наш разговор за шутки? Ты сегодня женишься! – и встретив ошарашенный взгляд Миррано, добавил. – Через три часа нас ждут в костеле! Кольца. Ты должен срочно купить обручальные кольца, вчера мы домой выправились поздно, я так и понял, что ты не купишь. Надо срочно!

– Миррано побрел молча на кухню и вернулся с подносом и двумя приборами для завтрака. Игн не понимал его молчания и стал торопить. – У нас времени нет совсем. Хелен будет ждать возле костела, она тоже католичка. Надо же, как вы похожи то во всем!

– Когда еврейка была католичкой? Игн!

– Тебе и тут повезло. Хелен одна из тех единичных в мире женщин, которая совершенно не обременяет свой мозг религиозными убеждениями.

– А её отец! Он нас так обременит, что я до конца жизни буду расплачиваться!

– Ну... дорогой мой коллега... ..я не могу твой жизненный путь намазать маслом и посыпать розами ...ты самостоятельный мужчина ...понимаешь... гладких дорог не бывает. А я тебе в супруги чуть ли не в упакованном виде предлагаю дочь одного из самых богатых дельцов Будапешта! Вон ...она на улице... она готова, а ты в трусах стоишь и пасуешь!

– Миррано опять с недоверием внимательно посмотрел на коллегу и наконец произнес, чуть не с испугом в голосе. – Конечно... как шутку. И мыслей других не было. Какая свадьба? Вчера договорились. Сегодня поженились, так никто не делает! Это неправильно!

Игн покачал головой и плюхнулся рядом с Миррано на диван.

– Ну, ты мужик, тебе не совестно? Девушка поверила и будет ждать, а вот от тебя я такого не ожидал!

– Да, ожидал, не ожидал! Вы с ума по сходили! Так не бывает! Это же на всю жизнь!

– Никто не спорит. Было бы не плохо – на всю жизнь! Хелен не против выйти замуж, а ты, ты же всю жизнь гоняешься за деньгами ... Тогда я не понимаю, тебе деньги плывут в руки, а ты от них бегать начинаешь?

Миррано разнервничался.

– Да, я люблю деньги, но нормальные люди не женятся с «бухты барахты»!

– Хорошо. Значит ты отказываешься. Хелен согласилась, а ты отказываешься! Пусть лучше нормальным, но бедным!

Миррано скривился.

– Ты кофе будешь?

– Нет – сердито огрызнулся Игн. – Какое кофе! Я пойду расстраивать Хелен и сам, я больше с тобой никаких дел иметь не хочу, ты, хоть и итальянец, а не надежный! Все – и он встал.

Миррано замялся и видя его замешательство, Игн решил пойти на крайний шаг и сам для себя решил, что последний.

– Хелен я знаю давно. Она хорошая девушка. Слегка легкомысленная, но это и нам на руку. Иначе бы не согласилась так быстро! А у тебя больше такого шанса не будет! Всю жизнь об этом будешь жалеть! Чтобы богатая, красивая и молодая! Я не могу на тебя давить, но я уверен был, что ты от радости прыгать будешь, а вот Хелен не пойдет на этот шаг и на тебе, все наоборот!

Миррано стал сдаваться.

– Игн, меня напрягает мысль только о её родителях. Они же меня со свету сживут! У них деньги, связи, они такую войну объявят!

– Не объявят! После этого позора Хелен вообще замуж никогда не выйти, поэтому огласки никто давать не будет! Да... крик будет, готовься. Первое время смотреть как на врага

будут. Перетерпишь! Зато спустя время, все в твоих руках. Они тебя подымут и еще дорогу перед тобой расчистят, только бы дочери зятя в фантик покрасивее завернуть! И потом, мы же в 20 век вступили! Разводы не караются! Не сроднитесь, значит врозь, но ты уже с наваром будешь!

Венчание в костеле состоялось. В данное время согласие родителей для венчания не требуется. Но брак, заключенный венчанием в костеле, считается незыблемым и не расторгимым. По понятной причине, родных на венчании Хелен Полани и Анри Миррано не было, а со стороны шаферов Игн и Анни, которая только приехала из Австрии, но с радостью согласилась принять в этом участие.

Вечером Хелен уехала к Миррано в съемную квартиру, уговорив Анни солгать своим родителям о том, что заночевать их дочь остановилась у подруги. Так продолжалось два дня, пока Миррано не уладил свои дела в больнице и купив билеты, они уехали в Италию на не продолжительное время. Вот только тогда, перед самым отъездом, Хелен появилась дома, расцеловала своих родителей, упаковала тайком кое какие свои вещи и отправила их на вокзал. И уже утром, сев в кеб, она еще раз расцеловала провожавшую её как обычно на крыльце мать и крикнула ей о том, что она вышла замуж за очень хорошего человека и если они хотят ей счастья, то ей с отцом придется с этим смириться. И уже проезжая спешно мимо своей замершей в состоянии столбняка матери, она выглянула в окошко кэба и попросила за все извинение.

Вот так наша Хелен вышла замуж.

ГЛАВА 39

В доме четы Фон Махель с приездом из Австрии царил добрая суматоха. Анни не ожидала что будет все так. Беременные плохо спят. На это у них есть веские физиологические причины. И им, по наивности, с отсутствием опыта при рождении первого ребенка кажется, что вот как только они родят, им удастся выспаться, за все то время мучений, особенно на последних месяцах беременности. Но как бы не так. Все начинается с рождением ребенка, в точности, да наоборот. Каждые четыре часа маленькое дитя просит кушать. А перерывами между кормлением, матери должны сцеживаться, чтобы не заработать себе мастит. Большинство представительниц высшего общества сразу делали себе перевязку груди, что-бы, по их представлению, сохранить фигуру. Возможно, при наличии кормилицы, им удавалось выспаться, но не Анни. Перевязываться она не стала и истинный инстинкт материнства диктовал о том, что ребенку просто необходимо участие матери в кормлении. Она, конечно же не высыпалась из-за этого, но дальше её труды заканчивались. Происходило что-то невероятное. Граф фон Махель ушел от неё спать в другую комнату и забрал с собой кроватку ребенка. И по первому его кряканию сам вставал, сам носил, сам проверял пеленки и сам пеленал. Ему достаточно было несколько раз взять уроки у няньки. Теперь уезжал он на работу поздно утром, ближе к обеду и возвращался по раньше. А днём ребенком занималась нянечка.

Анни чувствовала, что это внимание со стороны отца чрезмерное, но зная шаблонную расстановку ролей родителей в семьях она не могла, так как не росла в такой семье. Отца она потеряла рано и воспоминания о нем были яркие, но единичные. Они остались с матерью, но вскоре и Анни осталась совсем, совсем одна и её взяла на воспитание тетюшка.

Воочию, граф словно обрел вторую молодость. Его глаза сияли счастьем! Он мало спал, но энергия в нем была фонтаном. Поздний ребенок изменил всю его жизнь. Теперь он совершенно не испытывал пессимистичных чувств, заглядывая в свое будущее и имел четкое осознание смысла своей жизни. Он просыпался счастливым и засыпал счастливым. И если бы Анни любила его, то скорее всего, стала бы ревновать к собственному ребенку и такому всеохватывающему и безраздельному вниманию к нему.

Дора хлопотала по дому, кухарка готовила кушанья, нянька присматривала за ребенком и Анни расслабилась, с полным ощущением выполненного женского долга и внутренней гармонии. Поначалу она просто позволила себе лениться и много спать. Она возобновила про-

гулки с Ангелом, которого перевели в конюшню нового дома и Анни ощущение того, что её любимое животное теперь находится с ней рядом и она может видеть его каждый день, дало ощущение внутреннего покоя и защищенности своего пространства. Она каждый день ездила к охотничьему домику Артура Войцеховского. Но останавливалась только в поле его видимости, близко не подъезжала. Ей достаточно было прочувствовать энергетику этого места, его свободу и обособленность от окружающего мира, и уезжала обратно. Прошло совсем не много времени, и они решили крестить ребенка, но Хелен с Миррано еще не вернулись из Италии, а Анни желала взять её крестной. Сына нарекли Кристианом. Граф купался в радостном ажиотаже, а она слегка заскучала. В попытках избежать скуки, она стала выписывать все самые современные научные журналы по естественным наукам и в том числе медицине и штудировать их. А когда ребеночка уже можно было кормить пореже, стала просить графа разрешить ей вернуться в больницу, хотя бы работая по пол дня. Они продыху сейчас не знаю от количества нуждающихся в помощи, и её руки для них будут просто как подарок. Анри Миррано и Хелен вернулись из Италии и ребеночка сразу крестили. Первый удар целого шквала негодования и гнева от семейства Полани принял на себя Анри, сюда вмешали и Игн, но он стойко все это выдержал. Хелен старалась в доме отца первое время вообще не показываться и конечно же, им пришлось со всем смириться. Единственная дочь, брак прошел венчание. Они счастливы, зачем сотрясать воздух бесполезными оскорблениями. Отлежавшись после схватившего его удара, отец Хелен, как всегда, занялся своим бизнесом, а мать Хелен, так самая первая и одобрила, скрепя сердцем, этот брак. Молодым собрались покупать свое жилье и Миррано был несказанно рад этой новости. Теперь в Будапеште находились два самых счастливых представителя мужского населения, один счастьем рождения сына, второй счастьем иметь наконец-то свое, респектабельное жилье! Его мечта сбывалась!

ГЛАВА 40

Графиня фон Газейштард, чтобы унять свои сердечные муки решила на крайний поступок в своей жизни, и даже сама слегка ошалела от надуманного. Но мысли приходят не спроста. Посеянная мысль укореняется в сознании и начинает прорастать. И каждый вечер, когда, сидя у камина или занимаясь своими моськами, она поглядывала на часы и они настойчиво били время глубокого вечера и она вновь с обреченностью осознавала, что сегодня вечером его в доме она не увидит, эта мысль шевелилась в ней все назойливее. Ездить за ним попятам, устанавливать тотальный контроль под различными предлогами было чревато частыми ссорами, его раздражительностью и еще большим охлаждением к ней. Ее соглядатаи доносили, что с графиней фон Махель он не встречался никаким образом уже на протяжении шести месяцев и ни с кем другим из женских особ, но она то знала, что это общей картины их жизни уже не меняет. В его голове и сердце живет эта белокурая выскочка и домой его теперь словно приговоренного к наказанию приводило лишь чувство долга. Он практически переселился в свой охотничий домик, забрал туда свою собаку, одного слугу и погряз в чертежах, выпивках со своими коллегами по научной деятельности, бане и занятиями ушу. Он с ранней молодости увлекался различными восточными практиками совершенствования тела, духа. Она совершенно ничего в этом не понимала и не хотела. Возраст делал свое дело. Увлеченности затухают и горящий огонек внутри на стремление познать этот мир глубже и обширнее тоже гаснет. Такова данность. И видимой опасности пока никакой не существовало, он же был не с предметом своего обожания рядом, но сердце женщины столь чувствительно и осторожно, эту опасность она как бы предвидела наперед, как надвигающийся на тебя паровоз, который не будет иметь жалости и сотрет все твое существование, твою душу, твои мечты и желания из жизни, как будто их никогда и не было! Месяц за месяцем, они не были вместе, никаких кардинальных перемен не происходило, но его чувства к Анни не остывали. Он словно затаился, как зверь в укрытии, но сам выжидал и даже просчитывал, свой выход из тени, чтобы произвести в своей жизни глобальные перемены. «Просчитывал», «просчитывал», это слово невзначай как-

то легко и незаметно вплыло в мозг графине и она крутила его, переживала его и передумывала сотни раз, сама удивляясь его навязчивости и вообще возникновению в её голове, она его откидывала, пресекала, стараясь сразу переключаться на другое, но неких тайный страх несло с собой это неоткуда возникшее слово и в нем было мучение! Правду говорят люди: «Богатые тоже плачут». У графини было все для комфортной и полной удовольствий жизни, и даже золотое для её возраста здоровье, но она не испытывала от этой жизни удовольствие. Она испытывала страх и мучение. И всем этим был Артур Войцеховский!

Мысль, которая все назойливее стала появляться в её жизни, стала обретать четкие очертания продуманного коварного плана, даже совершенно не этичного с точки зрения морали и психологии. Она решила во что бы то ни стало найти замену, т.е. альтернативу Анни фон Махель и познакомить её со своим супругом. Мир большой и красивые женщины в нем есть и Анни фон Махель не уникальна. В конце концов Артур Войцеховский мужчина в самом расцвете лет, у него мощнейшая энергетика, харизма, сексуальная энергия. Если графиня уже не тянула всеми этими качествами в свои годы, то нужно найти альтернативу. Нужно просто найти женщину, такую же яркую и красивую, как его тайная любовь, и представить её ему. Графиня готова была переживать измену своего супруга физически, но не сердцем. Эта представленная ему женщина должна быть искусна в любовных утехах, красива, вольна и иметь такое положение, чтобы, когда возникнет у графини необходимость удалить её со сцены, чтобы это сделать было просто и легко. Психологически замысел этот работал только с одной целью, переключить внимание своего супруга на новую женщину, тонким, хитрым способом сделать так, чтобы об этом стало известно Анни фон Махель и тем самым пресечь у неё всякие надежды по поводу Войцеховского, самому Войцеховскому дать четко прочувствовать, что красивых женщин в мире много и дать возможность опуститься чувствам к Анни на самое дно, и там и захоронить их навсегда. Эта жизнь, зачем гоняться за тайными призраками, когда красивые, сексуальные, молодые женщины – вот рядом, притягательные и умелые!

Долго, довольно долго графиня вынашивала эти мысли. Думать легче, чем делать. Вынужденные, нерегулярные появления своего супруга в их шикарном дворце оскорбляли женское эго графини, и она даже из чувства мести укрепила в своей решительности пойти на этот шаг. Она как режиссер в новом чуде века кинематографе придумала себе сценарий, теперь требовалось найти актеров и дергать их за веревочки, как марионеток. Вот теперь, к удивлению, уже самого Войцеховского, графиня изъявила желание путешествовать, но в одиночку. Он хотел заикнуться, что ему сейчас некогда составить ей пару и он только вернулся из Америки, как ответ графини был отрицательным. Она видит его неоспоримую занятость, но ей скучно и посему, она отправляется в Россию одна! А на вопрос, что она собирается делать в России и почему именно эта страна? Графиня ответила, что Санкт-Петербург гораздо красивее и моложе Парижа, в нем свободный дух, совершенно неадекватные люди и сильная монархия. Наговорив эту «береберду», она, даже можно сказать, первый раз за все время их совместного проживания, вызвала у Войцеховского искренне удивление! Он был поражен, но заморачиваться на новом бзике своей супруги не стал. Ему, реально, было не до того. Он только мимоходом уточнил: «Как может свободный дух ужиться с сильнейшей монархией? А про все остальное, он ничего не имеет против» Своей попыткой объяснить несурезицу, которую она произнесла, она даже вызвала у Войцеховского повышенное пристальное внимание к своему лицу, его ум не мог разобраться в тонкой женской логике. А объяснила она это так: «Что высшие классы в России имеют большую свободу от закона и условностей, живут вольготнее и роскошнее, даже чем Европейские аристократы, обладая большей властью над теми, кто у них в услужении и потом, сейчас стали все чаще распространяться слухи, о появившемся при дворе российского императора некоем святом старце, творившем всевозможные чудеса!» Застегивавший в это время Войцеховский запонку у себя на рукаве, даже прервался, так его озадачили слова графини, и больше – не смыслом сказанного, а тем, что это несвойственно было

для графини, за годы совместной жизни, он узнал её пристрастия, её вкусы, её убеждения, их направления и приверженность. Словно поискав в её лице что-то для себя новое, он пристально взгляделся, но не найдя, стал заниматься застегиванием запонки. И схватив пиджак, поспешно вышел в столовую. Через три дня дворец опустел, графиня решила путешествовать поездом, собаки остались слугам.

А через неделю Войцеховский покинул Будапешт и опять на крейсере через океан отправился в Америку. Что он там делал? Никто толком не знал.

ГЛАВА 41

В Санкт-Петербурге графиня фон Газейшарт поселилась на Греческом проспекте. Свое название он получил в 1871-м году по имени греческой церкви, которая располагалась на Греческой площади. Она временно арендовала для себя несколько комнат на втором этаже и постоянный экипаж в две лошади. Семь лет назад графиня уже пребывала в России, тогда же она как одна из богатейших иностранок, навестивших северную столицу, завела крепкие знакомства с представителями столичной знати. Отдохнув несколько дней от длительного путешествия, она первым делом решила навестить всех своих давнейших знакомых, и в первую очередь один из самых влиятельных домов в Петербурге – дворец великого князя Петра Николаевича, брата царя Николая второго. Во дворце главенствовали две женщины – Милица и Анастасия, дочери черногорского короля Николая Негоша. Старшая, 37-летняя Милица, была женой Петра Николаевича. Годом младшая Анастасия (Стана, как её звали в семье) была замужем за герцогом Лейхтенбергским, имела от него детей. Но с сестрой была неразлучна – дневала и ночевала в её дворце.

Графиня фон Газейшарт, конечно же, русского языка не знала, но это отнюдь не являлось проблемой. Официальным языком всех дворянских домов России являлся французский, его знали виртуозно и проблем в общении не было. Секретарша и служанка графини разостлала приветственные письма всем своим знакомым и в первый дом, пригласивший её, дворец Петра Николаевича Романова, графиня отправилась вечером. Санкт-Петербург ждал начала «белых ночей», кои начинаются в Июне и поэтому в северной столице поздние вечера являлись только началом пробуждающейся жизни.

Город жил роскошно. Поднимаясь вверх по мраморной лестнице, графиня ловила себя на мысли, что очень волнуется. Все было чужим, таким далеким и не родным, но блистательным и даже в Венгерском королевстве только единичные дворцы, совсем единичные могли бы только лишь попытаться встать в ряд по красоте и убранству, изяществу и роскоши с дворцом князя Петра Николаевича. Очень мелкими, но живыми шашками, кои графиня слышала еще отдаленно из закрытой двери, к ней приближалась княгиня Милица, смуглая, черноволосая женщина лет 35-38, совершенно не похожая чертами лица на большинство русских женщин и явно выдававших в ней иностранку. А была она дочерью черногорского короля, как было сказано, и всю эту родословную, графиня штудировала еще в дороге, заранее составляя график всех своих визитов.

Дверь распахнулась и на пороге появилась княгиня Милица, с яркими, сразу бросающимися в глаза украшениями, коих на ней, как на южно-восточной женщине, всегда было много. А еще и потому, что эта живая, яркая женщина глубоко интересовалась мистицизмом и её увлечения вызывали не одобрение её супруга, но повышенный интерес приезжавших к ней гостей. Они и ездили зачастую за тем, чтобы поговорить на тему потустороннего мира, пошевелить свои душевные ниточки чем – то сверхъестественным и загадочным. А княгиня одевала не просто украшения. Каждый камень из её убранства символизировал принадлежностью своей силы к определенному роду деятельности, сфере бытия и нес в себе тайный смысл, давая своей хозяйке усиливать те черты, которые она желала усилить. Как только дверь легко распахнулась, графиня попала в радостные, воздушные объятия хозяйки этого дома и ощутила

прекрасный, тонкий шлейф её сладких духов, который понравился вкусу графини. Она даже отметила про себя, что нужно будет узнать их название и приобрести себе такие же.

– Милая моя, это настолько замечательно, что вы отправились снова в путешествие, я так часто о вас вспоминала с того вашего отъезда! Но вы одни? – и черные брови княгини Милицы взметнулись в недоумении. Она, еле притрагиваясь до локтя графини, вела её в свои апартаменты.

Графиня не сумела скрыть своей грусти, закрывшись натянутой улыбкой, но никому тайной причины своего визита в Россию она раскрывать не намеривалась, и слегка опустив голову, ответила с играющей непринужденностью – Да. Я одна и на долго. У нас большие перемены. Мой супруг занялся большим бизнесом, я бы даже сказала, что у него.....как это на вашем русском языке? – но осеклась, вспомнив, что княгиня, не русская по национальности – хлопнула сама же себя по лбу веером – «Снесло голову» от этого. Он очень занятой. Совсем занятой.

Княгине так понравился этот веселый жест графини и она его даже повторила. Они улыбнулись друг другу и направились дальше, ибо комнаты были так огромны, что в них можно было кататься на коньках, а паркет сиял отполированным лаком под сиянием огромных люстр. Графиня отметила, что Россия также быстро электрифицируется. – Надо же, как бывает!?! – почему-то сказала Милица. – Ну это то и хорошо, милая моя. Я уже в браке давно и пришла давно к простому выводу, чем больше дел у мужчин, тем меньше они падки на глупости, тем меньше ими овладевают вредные привычки и тем их супругам спокойнее. – и она опять весело рассмеялась. Но потом вдруг резко посерьезнев, неожиданно сказала. – А вот у нас без глобальных перемен, разве что, война, вы слышали? Россия воюет с Японией!

Графиня утвердительно качнула головой, а Милица продолжила. – Но, я в этом не разбираюсь, и война меня не интересует, а вот вы сегодня нанесли нам визит, словно выбрали это время не случайно. К нам едет удивительный человек! О нем стали говорить слишком часто последнее время. Он видит. Он видит насквозь, обладая неким чудным даром! И кто беседует с ним, забыть этот случай в своей жизни никогда уже не сможет!

Графиня даже насторожилась. Неужели это тот чудесный маг. Волшебник, о котором она слышала в венгерской купальне, которую посещала весной от таких же кумушек – домохозяек, знатных жен, доставляющих себе удовольствие этими купальнями. Она переспросила – Это тот известный маг, что лечит болезни? Мне рассказывали, и у него еще фамилия такая странная! Смешная!

Милица предложила ей сесть на кушетку и присела рядом. – Не знаю, милая моя, может вы слышали о том же человеке, но в России его называли знахарем и целителем, а на самом деле, это такое диковинное явление, он же неграмотный мужик и его вначале никто не принимает всерьез, но потом, потом все становится иначе. Фамилия его Распутин.

– Распутин – попыталась повторить графиня.

– Да. Его везет к нам епископ Феофан. Очень сердобольный и просвещенный человек. И если он уже взялся представлять этого человека, то поверьте, это, значит того стоит! Однако, я сама, в волнении и в таком любопытстве пребываю. Я его еще ни разу не видела! Мне просто сказали, быть с ним как можно проще и добрее, а он большую пользу может принести дому и семье и человеку! Да, Господи, в этот дворец никогда не ступала еще нога простого мужика, а тут, по его встрече еще и рекомендации дают! Это, воистину, что-то удивительное!

Лакей внес поднос с фруктами и сладостями, графиня учтиво отказалась. Это еще был один из её маленьких женских секретов, она боялась толстеть. Тогда Милица распорядилась принести вишневую настойку, которую так все любили в этой семье, а иностранной гостье будет приятно попробовать нечто неожиданное. И тут вслед за лакеем в зал вошла еще одна женщина из боковой комнаты и направилась прямо к ним. Она была, почти такого же возраста, как и Милица, и даже, внешне на неё очень похожая. Только украшений на ней почти не было.

Графиня поняла, это сестра, княгиня Анастасия, но все её звали Станой. Она протянула сразу две руки к ней и Элизабет фон Газейшарт привстала с кушетки, чтобы поздороваться.

Та быстро присела в кресло напротив и обратилась сразу не к гостье, а к своей сестре:

– Милица, как хорошо, что наш князь Петр уехал, он не допустил бы такой вольности.

Милица стала объяснять гостье, что та имеет ввиду.

– Мой супруг, князь Петр, не допустил бы ни за что появление мужика в нашем доме, каким бы он известным не был! Это отъявленный скептик, он даже, мне порой, кажется, и в Бога то с трудом верит! – Стана стала развивать эту тему. – Ну, его можно понять, он на войне видит столько смертей и ужасов, что вера, после такого, трудно дается!

Милица показала рукой, что эту тему затрагивать не стоит и перевела разговор на другое.

– Правду, говорят, что наша графиня Анна Александровна Вырубцова даже успела съездить к этому мужику за Урал? И через неё о нем уже знают наша матушка-императрица? Господи, когда успели то?

Стана подхватила разговор.

– И это не все, что ты знаешь! Мне Анна Александровна, намеренно то и рассказала сама о нем и сказала, что это она рассказала, что у матушки нашей сыночек то болен. И тогда этот, Распутин, и подумал, что ему нужно приехать! Он сказал, что помочь сможет.

Графиня стала ощущать, что после выпитого бокала вишневки её стало одолевать некоторое томление, члены тела размягчились и её пребывание в этом дворце перестает быть таким натянутым и официальным, ощущение чужой страны и чужих людей стало исчезать. Вишневка очень понравилась, но обладала одной особенностью несмотря на то, что, когда её пьешь, она не давала даже признаков крепости, но после, так четко ударяла в голову и очень быстро! – «Эгеге!» – подумала про себя графиня, но ей тут же поднесли следующий бокал, она планировала отказаться, следуя своей чисто немецкой натуре, никогда не теряя над собой контроль, но видя, что две женщины с удовольствием принялись пить по второму бокалу, решила, что только после него уже откажется от этого напитка!

– Да. Наша дорогая матушка-императрица... – проговорила задумчиво Милица. – Когда дите большое, то хватаешься за любую соломинку и думать больше ни о чем другом не можешь! Не всесилен, значит этот француз!

– А какой француз? – не поняла графиня. И Стана с готовностью стала ей рассказывать.

– Филипп. Очень одаренный целитель, его наша августейшая сестрица привезла из своего путешествия по Европе. Он видит прошлое, настоящее, будущее. Может помочь бесплодным.

К ужасу графини фон Газейшарт в комнату внесли еще графинчик с настойкой и поставили на маленький ажурный столик, рядом с кушеткой и Милица живо подхватила и стала разливать сама, отослав лакея, по третьему бокалу этого вкусного и неизвестного для графини напитка. А сама графиня так зачаровалась рассказами о колдунах, шептунах и экстрасенсах, что просто потеряла в голове свой план больше не пригублять сладкое спиртное. Ее уже просто тянуло к нему. Она только машинально, в легкой затуманенности, поинтересовалась.

– А как он избавляет от бесплодия? – на протяжении всей её роскошной жизни, это была большая тема и по поводу неё пролито немало слез в подушку, но додуматься прибегать к различным в этом вопросе сомнительным колдунам, у неё ни разу не возникало мысли. На коленях перед Девой Марией она стояла часами, молила, плакала. Лечилась на разных европейских курортах. А может и надо было начать вникать во все это сверхъестественное? И самое отвратительное, что эта мысль у неё зародилась тогда, вот в данный момент, когда ребенок ей стал уже не нужен по возрасту!

Милица пожалала своим точенным плечиком.

– Методик много, но нужен дар, очень сильный дар управления стихиями, поэтому такие как Филипп – люди уникальные – и говоря это она сама же стала разливать по четвертому

бокалу. На спасение графини в комнату вошел лакей в лиловой ливрее и доложил о прибытии господ священнослужителя Феофана и Григория Ефимовича Распутина. Разгоряченные уже выпитой вишнежкой женщины еще пуще взбудоражились и княгиня Милица бросив фразу – я встречу, а вы ожидайте, мы к вам подойдем – упорхнула, цокая по блестящему паркету своими каблучками. А Стана, почему-то, сильно разволновавшись, просто залпом запрокинула в себя четвертый бокал, предложив это сделать и их гостье. Но самое, самое комичное в том, что графиня, в данный момент, просто ощущала себя не самой собой! И мысль от этого её удивляла и забавляла! Проводя все последние месяцы, сложившиеся в год с хвостиком, в вечном угнетении и напряжении психики. А сейчас её это напряжение отпускало, делая какой-то легкой и беспечной и огромная сила человеческого любопытства начинала превозобладать над всеми остальными эмоциями и ей это состояние нравилось! Она просто отпустила себя, какая ей разница, что о ней начнут судачить в этой странной, диковинной стране, в которой она просто редкий гость, не более того! И она сама взяла с протянутого подноса очередной бокал и стала медленно, но непрерывно его смаковать! «Вкусная вещь! Надо спросить, как делается! Или где можно купить!»

В зал неспешно вошло два человека, почти одинакового среднего роста. Только не надо было быть даже прозорливцем, чтобы не узнать в одном из них Григория Распутина, простого мужика. Увидев их, издали и окинув быстро фигуру этого гостя графиня даже разочаровалась, ей, почему-то загадочная личность этого чудотворца представлялась гигантского масштаба. А он был худым, и даже изможденным. Рядом с ним епископ Феофан просто лоснился от комфорта жизни! Милица вела их представлять своей гостье и сестре и в выражении её глаз Элизабет фон Газейшарт заметила ту же разочарованность и даже брезгливость. Украдкой бросив взгляд на княгиню Анастасию (Стану), она уловила то же самое! Дамам такого положения в обществе совершенно не свойственно было проявлять своих истинных чувств и эмоций, но... только выпитая наливка сделала их веселыми и раскрепощенными, диктуя более искреннее поведение.

Подойдя, Распутин медленно склонился в легком наклоне к ним, а Феофан поцеловал протянутые руки княгини и графини. Сам Феофан стал живо участвовать в услужении как дамам, так и нового гостя. Он усадил его в глубокое кресло и стал глазами искать то, что послужило бы и ему местом отдыха. Он взял стоявший неподалеку стул и поставил его рядом с креслом княгини Станы. Дамы в самые первые минуты оказались в легкой оторопи от незнакомца, уж слишком загадочен был и сам вид этого человека. Его возраст ну никак нельзя было определить. И мысли по этому поводу приходили уж слишком нереальные. В какой-то момент казалось, что ему лет 35 и что наводило на такие мысли, было не понятно, но потом в следующее мгновение они полностью заменялись цифрой – 50 лет и это так же было непонятно! А еще непонятнее было и то, что в сотую долю какого – то мгновения, ему можно было дать и все 60 лет. Обветренное лицо, странная, настолько странная, особенно для немецкой графини, его прическа, с пробором удлиненных волос по середине головы и как бы расправленная руками по бокам и борода, неухоженная, странной формы, как лопата. Он был в чистой одежде. Начищенных до блеска сапогах, но в совершенно лишенной суразности и стиля, хоть какого-то. И очень важно было сказать, что этот человек знал о произведенным собой на них впечатлении, но его это никоим образом не смущало, а еще самое важное, что он, простой мужик, находился в окружении самых, можно сказать «Сливок» высшего общества и ему от этого как изначально, так и теперь не было дискомфорта и его не смущало. Он был медлителен. Очень медлителен в своих движениях, но уверен. Просто уверен, но то ли в своем уме, то ли в своей силе, никто не знал! Лицо у него было простое, некрасивое, очень обычное для мужика, оно не могло зацепить даже ни за одну ниточку человеческого любопытства. И... ..просто приковывало к себе невероятной силой и особенно в тот момент, когда он смотрел на тебя. Глубокие пронзительные глаза обладали мощнейшей силой, и ты не знал, что лучше для тебя – бежать

от этого взгляда подальше, прочь или приблизится к ним, как можно ближе и отдаться воле этой силы полностью, потеряв контроль над собой. Они были очень выразительные, но цвет глаз не определялся. После ты их пытаешься вспомнить, и они, только они одни заполняют все его лицо, а цвет ты вспомнить не можешь, и по яркости склоняешься всегда к карему цвету. А, ведь, на самом деле, они были очень светлые! Графиня чуть не ахнула, когда встретилась с ним взглядом. Машинально она поднесла даже руку к груди, и вся выпитая наливка с большой силой ударила в голову. Ей на мгновение показалось, что перед ней глаза её супруга Войцеховского, но они были совершенно другие! Она, потом вспоминая этот момент поняла, почему ей так показалось. Просто они у Артура такие же пронзительные и выразительные.

Видя замешательство дам, Феофан начал разговор первым. Он стал представлять Григорию принцесс. И назвал он их именно принцессами. Загадочный гость утвердительно кивал в ответ, но очень спокойно и уверенно оставался сидеть на месте. Тогда княгиня Милица предложила пройти в гостиную залу на ужин и Феофан предупредил её беспокойством.

– Дорогая принцесса, я должен просто предупредить, Григорий давно не ест ничего мясного и никаких сладостей! Ни под каким предлогом!

Обескураженная княгиня от неожиданности даже присела назад на кушетку, но в этой ситуации сам гость разрядил обстановку.

– Я очень голоден. У вас капуста найдется? Картошка? Яблоки? – и лицо его смягчилось, в уголках полных губ показалась улыбка, и вот в данный момент все готовы были дать ему лет 40 от роду.

Они поднялись. Напряжение медленно стало уходить. И направились в гостиную на ужин. Княгиня, все так же еле дотрагиваясь, взяла графиню под локоть.

Уже сидя за хлебосольным столом, княгиня Стана задала Григорию Распутину, мучавший её вопрос:

– Зачем тот приехал в Санкт-Петербург в эти смутные времена и не приезжал до селе ранее?

Он устремил свой взгляд на неё, и она почувствовала, как в районе солнечного сплетения у неё начинает закручиваться неизведанный ранее вихрь отзывающейся на его посыл энергии и она, не отдавая себе отчета вжалась в спинку своего стула, чтобы не сорваться от странно возникшего чувства прилива энергии и не начать бегать по залу. Все, все присутствующие, уже вышли из состояния сильного удивления и стали впадать в совершенно другое состояния, подпадать под мощное влияние этого человека и уже никто не сомневался в том, что в этом человеке ощущается неоспоримая, непонятная, могущественная сила, способная подчинять волю людей. Отношение брезгливости к нему заменялось почтительностью. Он подумал и стал медленно говорить:

– В столицу я отправился имея великую цель – попросить деньги на строительство церкви в Покровском. Сам я человек безграмотный, а главное, без средств, а храм уже в сердце перед очами стоит»

Соответственно графиня не поняла ни одного слова на русском языке и замороженная выпитой наливкой, решила попросить кого-нибудь постоянно ей переводить его слова. Услужить немецкой знатной особе вызвался Феофан. Ну и после перевода, графиня не совсем ясно уяснила смысл ответа, не сумев представить себе: «Как храм может стоять в сердце?» Она потом все осознала, просто трудности восприятия возникли при отсутствия такой яркой образности во французском языке по сравнению с русским, а еще простонародным.

– А у кого вы собираетесь попросить эти деньги? – спросила Милица.

– Прямо ни у кого. Чье сердце само расположится сделать угодное Богу дело, тому в ноги поклонюсь!» – ответил он.

– А сколько надо? – тогда спросила Милица.

Он задумался, но прямо не ответил.

– Я не знаю. Будет столько, сколько Богу нужно. Кто сколько расположится дать!

И это не поняла графиня. Немцы во всем все просчитывают и любят точность, такие абстрактные и безликие ответы ввергали её в тихое недоумение.

И вот тогда, чуть-чуть ковыряя вилкой появившуюся на тарелке еду, Милица задала свой главный вопрос, обращенный к Распутину. Она долго вынашивала его, не зная, как преподнести и в каком словесном виде его представить и решилась.

– Вы могли бы помочь нам в одной вопросе? – с выжиданием вопросительно посмотрела на сидевшего напротив мужика, на его реакцию и продолжала – Может ли случиться так, что если человек рожден в день Иова Многострадального, то он обречен на страшные испытания? Имеет ли это под собой такую взаимозависимость?

Феофан не торопился перевести это графине, и она замерла в выжидательном состоянии, ибо по выражению лиц всех присутствующих угадала, что спрашивалось что-то очень важное и сакраментальное для этой семьи.

И она не ошиблась. Самые близкие и родные при дворе Николая Второго не однократно слышали высказывания самого императора о его глубоком переживании того, что он родился в день святого мученика Иова Многострадального, а это подкреплялось интуитивным ощущением надвигавшейся глобальной катастрофы для всей страны. И очнувшись, после улегшегося волнения епископ Феофан попытался перевести для немецкой гостии этот вопрос и уже сам увидел у неё неподдельное удивление на лице.

И как до сих пор, Распутин, не торопясь и не волнуясь никоим образом, прямо и пристально устремил на вопросительницу свой взор, и она четко почувствовала некий магнетизм в его взгляде и трепет в районе солнечного сплетения. И не выдержав взгляда, опустила глаза, и уже не увидела, как опустил взгляд и сам Распутин. Он помолчал, заглядывая внутрь себя и так же не подымая глаз стал отвечать на заданный вопрос. – Судьба этого человека не зависит от этого дня, она будет зависеть от моей жизни и от принятого им одного очень важного решения. Но это не скоро будет. Еще успеют пройти годы.

– И это точно? От того что он родился именно в этот день не зависит ничего? – уточнила княгиня Стана.

Григорий медленно перевел на неё взгляд и добавил:

– Нет, именно от этого дня все и зависит. Именно этот день дает такую возможность этому произойти, но Бог милостив, он оставляет право человека принять решение, у Господа нашего путей много!

– Как? – вдруг громко переспросила Стана. – Вы утверждаете, что нет никакого в мире предопределения?

Распутин взял с вазы несколько яблок и положил перед собой, сам смотрел на них и молчал. Потом спросил:

– Предопределением вы называете судьбу?

– Да, да, судьбу.

– Ну вот смотрите. Господь дал сегодня возможность сидеть за вашим столом и угощаться яблоками. Но в моей воле взять одно яблоко или несколько.

– Дорогой друг, но это не то... – возразила Стана. – Предположим Господь не предопределяет все до таких мелочей, но в глобальном смысле, есть же судьба, т.е. предопределение?! Разве не так!?

Совершенно не смутившись, и все так же не спеша и уверенно Григорий проговорил:

– Называйте меня, дорогая госпожа, старцем. Я много странствовал. И всегда испрашивал в молитвах волю Господа куда мне направиться и всегда Господь давал мне свободный выбор. Один раз, на дороге на меня напали разбойники и мой был выбор самому отдать им все, что у меня было или не отдать. Если бы не отдал, они меня убили бы.

Княгиня даже очень громко с облегчением вздохнула. Но до конца её любопытство удовлетворено не было.

– Мне нравится с вами разговаривать. В ваших словах чувствуется сила, но я умом не могу принять и понять, а как же тогда предсказания. Тогда предсказать ничего и никогда невозможно, если у человека есть свободный выбор!?

Феофан еле успевал уже переводить. Беседа набирала темп и окрашивалась в эмоциональную оболочку.

Григорий с аппетитом откусил большое, красивое яблоко. И опять всем показалось, что он еще довольно молод, это условия и образ жизни его сильно состарили.

– Предсказать всегда можно. У любого человека есть выбор и несколько путей. Святой провидец видит эти пути. Он для того и представлен Богом в помощь человеку, чтобы подсказать ему другие пути, лучшие для него самого!

– Понятно теперь – вымолвила великая княгиня и чему-то улыбнулась. И все её внимание, конечно же, занимал этот загадочный человек, но она решила отдать дань законам гостеприимства и обратилась к графине фон Газейшарт. – А у нашей дорогой гостьи нет вопросов к опытному паломнику в святые места?

Феофан так же, но уже для Григория перевел вопрос княгини к графине.

– О, у меня так много вопросов, но я не могу их высказать во всеулышание, они очень личные – ответила та. И с надеждой в будущем иметь разговор с этим человеком, вопросительно посмотрела на него. И когда встретила глазами с его пронзительным взглядом, ей даже показалось, что её члены сковала некая властная, без компромиссная сила и кровь отхлынула от её лица, она стала бледной. Такое в своей жизни она испытывала впервые. И многое отдала бы, чтобы эти глаза напротив не смотрели прямо на неё. Ее сканировали и копались жестко и властно в её голове и вынимали все мысли наружу. Беспощадно! Она опять машинально поднесла руку к груди, словно моля о пощаде. Он еще долго смотрел на неё и когда заговорил, то она пожалела обо всем на свете и даже о том, что приехала сюда сегодня вечером. Но остановить его у неё не было воли. Ее волю парализовало. И вскочить с места, чтобы не слушать это, у неё тоже не было воли.

– В сердце много мучений. Истерзанное сердце – слышала она слова, летящие прямо на неё и у неё подступили слезы к горлу. – очень давно взяла не свое. Поэтому всегда чувствовала, в какой зыбкой власти имела «не свое». Задумала скверное. Не получишь то, что хочешь. Всегда привыкла брать, всегда привыкла получать, что захочешь. Но Господь сказал:

– Есть время разбрасывать камни и есть время их собирать. Не все дозволено человеку, но при чистых помыслах, многое может человек. Помыслы грязные, фу... канава... и сама себе не рада. Брось. Все брось. Начни отдавать и будет радость. Когда человек все только берет, его сердце не спокойно, ему всегда становится мало и мало. А начнешь отдавать и сердце покой обретет. Господь жалеет, видит муки, но не поможет, там – где нет чистоты, Господь не помогает!

Графиня стала часто дышать и когда он замолк и опустил глаза, она закусала губы и готова была словно провалиться сквозь землю. А епископ с широко открытыми глазами от испуга, что он такое перевел, не моргая уперся в неё взглядом. Да еще ошарашенные взгляды всех присутствующих сверлили её без стеснения и прожигали будто дыры на ней. Она схватила ртом воздух и стала машинально что-то искать вокруг, так хотелось на что-то опереться, вскочить и побежать вон и усилием воли она вжала саму себя в стул и взгляд её остановился на графине, с темно-красной наливкой. Феофан щелкнул рядом стоявшему лакею пальцами и ей налили из графина. Тепло и терпкость этого напитка медленно стало ползти вниз и отпускать нервное напряжение, но не до конца. Она снова усталилась на графин и сигнал был принят с готовностью. И вскоре голова уже шумела, как вздурившийся фонтан и краска снова прилила к лицу графини. Уже, как бы, в отдалении, дальше она слышала голоса присутствующих и ей

старались что-то переводить, но она уже не вникала в смысл слов. Никогда за всю свою долгую жизнь она не выпивала так много увеселительного напитка в таком количестве за день! А здесь выпила за вечер!

На следующее утро, и такого утра в её жизни еще никогда не было, она не помнила никаких разговоров, кроме сказанного странным старцем. Она даже смутно помнила, как она возвращалась домой и проспала на редкость допоздна. Отупело сидя на кровати, она силилась всё всё припомнить до мелочей, и пришла только к одному простому выводу – что эта неадекватная страна неким неадекватным образом делает неадекватными всех людей и главное – она лишает их своей воли и самостоятельности и подчиняет неким темным силам весь их рассудок. Потому что графиня первый раз в своей жизни вчера умудрилась выпить и это произошло как-то незаметно, без принуждения со стороны.

Вошедшая в светлую комнату служанка, видя совершенно растрепанный вид госпожи, не решилась ничего у неё спрашивать, а графиня подняла взгляд к окну, сощурилась от яркого дневного света и поморщилась от давящей спазмами головной боли. Перед её взором неотступно стояли глаза того странного старца, она на тонком уровне прочувствовала его сильную энергетику и в глубине души знала, что он прав. Он прав, он увидел её глубинные чувства, её мысли, о! – это редкий человек и она должна поговорить с ним еще раз, за любые деньги, он способен утихомирить её страхи и унять её боль! Только ей с собой придется брать секретаршу, ибо без переводчика не обойтись. Она позвонила в колокольчик и встав, набросила капот. Сегодня чувство разбитости и слабости заставили её отступить от всех привычек, вросших уже на генном уровне у чистокровной немки. Она, пусть и всегда живущая в полном комфорте и распорядившаяся свободно своим временем, из чувства внутренней организованности и педантичности никогда не позволяла себе спать до полудня и иметь с утра такой включенный вид! Как она сама, так и все её служанки и лакеи имели облик тщательной аккуратности и подтянутости. У немцев это в крови!

Секретарша вошла с блокнотиком и приготовилась получать указания. Такой приезжую гостью столицы она тоже еще не видела. У человека не было никакого иммунитета к русским угощениям.

– Зина, – попросила её графиня на французском языке, – распорядись принести мне крепкий-крепкий кофе и большую чашку. И мне необходимо узнать о некоем русском мужике – Григории Распутине, где он живет и послать к нему письмо с просьбой назначить аудиенцию.

Услышав слово аудиенцию, миловидная секретарша непроизвольно улыбнулась. Было так забавно слышать, как богатая, знатная графиня просит назначить ей аудиенцию у простого русского мужика, но смысл её слов она хорошо уловила.

– О, дорогая госпожа, – с улыбкой попросила она, – может мы позвоним по этому поводу госпоже Милице Романовой, в гостях у которой вы вчера были, потому что она, наверняка знает его адрес жительства?

Графиня утвердительно кивнула головой.

– И Зина, ты будешь во всем меня сопровождать, так надо – и устало махнула рукой, показывая, что больше у неё ни на что не хватает сил.

Григорий Распутин временно остановился в Александре-Невской Лавре у ректора Петроградской Духовной академии епископа Сергия. Туда и было послано письмо с просьбой назначить еще одну встречу знатной немецкой госпожи с простым русским мужиком.

Александр-Невская лавра возникла по воле царя. Образец учебного, лечебного, исправительного учреждения по замыслу царя не очень-то удался. И не очень она была похожа на все русские монастыри, строившиеся в пустынных местах, куда люди пешком приходили молиться, исповедоваться и очищаться. Некий легкий светский штрих присутствовал в ней и как говорил сам епископ Кронштадский Назарий: «Трудно быть монахом на Невском проспекте». Спустя

три дня, со своей русской, нанятой сопровождать её в России секретаршей Зинаидой, графиня отправилась к Распутину на новую встречу.

И с того самого дня, как она посетила дворец великого князя Петра Николаевича и его супруги Милицы, её не оставляло ощущение некоей прострации. Словно жить в этой стране и подчиняться строго заведенному регламенту здесь было невозможно, все происходило неожиданно, не запланировано и даже нечаянно. В обед ей неожиданно сама стала звонить принцесса Милица, интересоваться её здоровьем, пригласила в оперу и так невзначай, дала адрес нахождения того загадочного старца. Настоятельно просила навестить их еще и все выспрашивала, какое на неё произвел впечатление этот Распутин.

Распутин откликнулся не сразу, а только спустя три дня и пригласил немку, католичку в религиозное учреждение христианского направления. И как «не в своей тарелке», как говорили русские, она спешно отправилась к нему. А уже на месте, её сильно смутила толпа народу, пребывавшая в монастыре. Все суетились и толкались, постоянно задевая друг друга и не обращая на это внимания, упорно куда-то двигались. В католических костелах человек мог погрузиться в тишину, услышать орган, пройти и тихо присесть на скамейку и каждый оберегал свое личное пространство, а здесь его вовсе не существовало. Но в её голове так же была четкая цель и она решила ни на что не обращать внимание.

У Григория Распутина она пробыла не долго. Только вечером все её домашние: и служанка и секретарша сидели в своих комнатах «тише воды, ниже травы», опять-таки, как говорят на русском языке и не знали, чем для них это чревато. Секретарша Зина, чутко понимала с чем все это связано, но поведение хозяйки и для неё было удивительным. Всегда спокойная женщина, добрая и очень требовательная к правильному порядку вещей во всем, гордо себя несшая по этой земле, сегодня вечером быстро ходила и даже бегала из угла в угол большой комнаты, выкрикивала ругательства на немецком языке и не могла успокоиться! А в довершении всего, им еще больше трепета добавил очередной звонок принцессы Милицы, а они не знали как об этом доложить хозяйке, ибо секретарша догадывалась, что поведение графини связано некой стороной и с принцессой Милицей. Та, на другой стороне провода, восприняла замешательство секретарши настолько по-доброму, что даже вызвалась сама подъехать к графине домой, и даже без предупреждения заранее, что в светском обществе никогда не делалось.

И теперь они обе, горничная и секретарша решали, кому из них войти и оповестить хозяйку об этом. Вошла горничная. Бросив на неё яростный взгляд, графиня ничем её не наказала и попросила готовить ужин и накрывать на стол к приезду высокопоставленной особы, хотя горничная четко прочитала на её разгневанном от гнева лице, крайнее удивление.

И уже за столом, отправив горничную из комнаты, графиня стала объяснять принцессе Милице свое полное шоковое состояние, которое она испытала при посещении этого загадочного старца. Человек, когда делит свою проблему и боль с кем-то пополам, ему становится легче, он быстрее оправляется от потрясения, но сейчас этого не произошло! Реакция принцессы на слова графини только добавила ей смущения и изумления.

После того, как графиня поведала ей, что осмелился предложить Григорий Распутин сделать через день, ей, одной из самых влиятельнейших женщин Венгерского королевства и даже самой Австрии, принцесса не повела даже бровью в удивлении и осталась невозмутимой и крайне спокойной. У неё на лице появилось такое милое умиротворение, что Элизабет фон Газейштардт показалось, что она начинает слышать, как шевелятся извилины её мозга! Ей, чье имя знали хорошо и относились с глубоким почтением в Париже, Праге, Варшаве простой, бедный крестьянский мужик предложил сходить с ним в баню, вместе и помыть его. После его слов, она подумала, что её секретарша сошла с ума, и не верно истолковала русский язык. Это показалось только в сотую долю мгновения, так как потом графиня вспомнила, что такого просто быть не может, так как Зинаида русская, а французский, польский языки знала в совершенстве. Как после Александро-Невской лавры она доехала домой – не помнит, изумление,

гнев и еще клубок сильнейших, не изведанных ранее эмоций, зашкаливали и поэтому, она на интуитивном уровне почувствовала, даже в целях самосохранения психики, что если она не выплеснет это наружу, то её просто разорвет изнутри, как взрывом кратера вулкана, которые она наблюдала в Америке.

И что?! Напротив неё сидит дочь черногорского короля, супруга близкого родственника императора этой страны, одна из самых богатых и влиятельных женщин, женщина, знавшая несколько иностранных языков в совершенстве и даже быстро освоившая прусский язык, разбирающаяся в поэзии, музыке, живописи, мировой философии – и принимает это как естественную реальность!

Графиня потерялась и во времени, и в пространстве. А черногорская принцесса невозмутимо подошла к двери и позвонила в колокольчик для горничной. На французском языке попросила её найти в доме что-нибудь крепкое и сейчас же принести. И это было очень уместно. Графиня начала каким-то шестым чувством догадываться, что в этой стране, вся информация, которая поступает к человеку, должна усваиваться только при употреблении крепких напитков, чтобы приглушать сознание, а то оно не в защищенном виде, информацию просто не выдержит.

Нашли только вино. Графиня привезла с собой в Россию в качестве угощения несколько коробок самого изысканного, тонкого французского вина!

И вот, подстраховав сознание этим средством, она стала объяснять смысл, который старец Григорий, оказывается, вложил во все им сказанное и чего графиня просто не поняла. Еще какое-то время у Элизабет фон Газейшгарт в изумлении подымались вверх брови, но потом она уже в спокойном состоянии слушала свою гостью.

Оказывается, поход в баню старцем Григорием предлагается знатым женщинам и вообще просто женщинам часто. Ибо, как в Библии сказал Господь, самый тяжкий для человека грех, это гордыня. К старцу обращаются люди с проблемами, прося у него помощи разного характера. Он человек Божий, усердно постящийся и молящийся практически круглосуточно и силу получает свою для помощи людям, только от Господа нашего. Но Господь гордым противиться, не помогает, ибо это грех, а Господь – это чистота и святость. Вот и придумал старец Григорий способ и самый верный и самый быстрый и самый действенный, как эту гордость переломать и уничтожить. А особенно её много, как он говорит, именно у особ знатного рода. У простых её меньше. Вот надо вначале избавиться от этого греха, потом, он видит, какие еще грехи есть в данном человеке, и часто, проблемы получаются в жизни именно от этих грехов. Убирается грех, уходит проблема!

Широко открытыми глазами графиня слушала свою гостью. Это было удивительно! Воистину удивительная философия! Но если задуматься, то так оно и есть! Грехи, грехи наши создают нам же самим проблемы и несчастья! Не захоти она молодости, красоты и мужской силы Артура Войцеховского, не мучилась бы бессонными ночами, метаясь по подушкам в гнетущем дурмане, терзая себя щемящей болью. И нет радости от богатства и знатности, и ничего по сути своей не значит положение в обществе, когда сердце стонет и плачет, и ты не испытываешь удовольствия от еды и дорогого вина, с тонким вкусом, не смыкая глаз на шелковых подушках, в больших, роскошных особняках.

– И что? Ты дорогая моя принцесса решила бы пойти в баню с чужим мужчиной и мыть ему спину?

Милица загадочно улыбнулась и положив участливо свою ладонь на руку графини, как самая близкая подруга, проговорила:

– Вот своему супругу, не пошла бы мыть. В этом нет смысла... ..А вот этому мужику пойду и многие из нас пойдут. Он на послезавтра назначил! Вот. Значит приезжайте! И мы там будем.

– Кто будет?

– Вы увидите, милая моя, со многими познакомитесь и все не так жутко и страшно! В конце концов, об этом же никто не узнает! Да и никто не поверит такому! Этого же не может быть! А вот быть может!

И снова на утро графиня проснулась к полудни. И снова голова гудела, так как мера вина была не соблюдена, как это было у неё дома. Три бутылки на двоих женщин, оказалось очень много и хоть, голова у неё сейчас не била колоколом в воздухе, но вид был помятый. Она снова сидела отупело на кровати и размышляла над всем, что ей вчера сказали. И верила, и не верила во все, что слышала и узнала! Но все не так просто! Ее собственная воля была угнетена. Она просто отсутствовала. Умом она понимала, что все происходящее вокруг некрасиво и неправильно, а сердце включилось на полную мощь и тянуло её просто упасть целиком без раздумываний в эти события и отдаться происходящему, словно войти в манящую бездну! Только как, почему – она – как приехала сюда, перестала контролировать количество употребляемых напитков? Это была совсем не Элизабет фон Газейштардт. И чтобы дома не подвергаться бесплодным атакам противоречивых мыслей и быстрее решиться на что–ни будь, она решила выехать сегодня в оперу, как предложила принцесса Милица.

ГЛАВА 42

Вечером, послезавтра, графиня решила пойти в баню и со многими другими дамами. Еще в оперетте принцесса Милица спросила её:

– Решилась ли она?

И та ответила утвердительно.

– Ну вот и хорошо! А чтобы сильно страшно не было, я пришлю к вам домой несколько бутылок моей наливочки, которая так понравилась. Несколько рюмочек и страх пройдет сам по себе.

Так и сделали!

Белые ночи. Кругом светло! Графиня по дороге все разглядывала. Они выехали за город, долго ехали по проселочной дороге и прибыли в поселок, наполовину состоящий из деревянных домов. Но были в нем и каменные. Возле одной деревянной избы было так многолюдно и стояло несколько экипажей. Обстановка в избе стояла раскрепощенной и шумной. Не успела графиня переступить порог избы, к ней поспешили две женщины, одна из них была сама Милица, а другая, жгучая брюнетка, ей была незнакома. И когда она увидела её лицо, то уже от избылиия других впечатлений, даже позабывшиеся, нахлынули на неё с новой силой старые мысли и можно сказать даже отрезвили рассудок. Хотя, в реальности даже и не понять, трезвее она рассуждала раньше или сейчас. Лицо этой незнакомки было настолько красиво, насколько утонченно. У графини даже перехватило дыхание, и она подумала – «Вот она! То, что я ищу в этой сумасшедшей России!» Молодая девушка, поспешившая к ней навстречу, была идеально красива! И полной противоположностью Анни фон Махель. Как две чудесные розы, белая и черная, они восхищали, только та была утонченной блондинкой, а эта жгучей брюнеткой. Принцесса Милица сразу представила ей эту изысканную красавицу. Серафима Гирчич, бедного, но дворянского сословия. Как позже узнает графиня фон Газейштардт, держательница одного очень популярного, но сомнительной репутации салона. Выглядевшая почти юной девушкой, наивной и простой, но была уже 30 лет отроду. Что её связывало с Милицей Николаевной, особой очень высокого полета, не знал никто, но ответы на мысли графини словно приходили сами по себе или её в свои обороты уже взяла сама темная сила? Здесь же присутствовала жена чиновника Ольга Лохтина, которую все в Петрограде называли «Светской львицей» или «Генеральшей». Она была уже в годах, но по-прежнему красива и статна. И дважды разведенная красавица Наталья Вульфферт. И на кого не обращала свой взгляд графиня, казались ей красавицами, и каждая со своим шармом. И вот это и стало ввергать немку в унылые мысли. Среди этого яркого, живого цветника, она думала, что затеряется своей утонченной, но не броской внешностью. «Как богата то эта страна красавицами! – думала она – а

почему?» И совершенно не кстати стала искать в голове исторические все свои знания о России, но не успела. Женщины подкрепили себя хмельным, чисто русским напитком в России, медовухой, и стали раздеваться. Графиня ушла в угол комнаты, подальше и села за край длинного деревянного стола. Ее не отпускало и стеснение, и легкий страх и чувство неловкости несмотря на то, что она вняла перед отъездом совету своей новоиспеченной приятельницы Милицы. Серафима Гирчич, уже оставшись в одной длинной сорочке, поднесла ей большую чашу с медовухой со словами:

– Если вам впервой, лучше выпить, чтобы возникшие эмоции и чувства не напугали.

Графиня взметнула удивленно брови.

– А вы не в первый раз?

– Нет. Я во второй! Это только поначалу, кажется, дико и не уместно, но при отсутствии дурных мыслей это никому не кажется ни неприличным, ни странным... Все дело в своих же собственных мыслях!

Не всегда женщины разговаривали на французском. После выпитых горячительных напитков, им проще было изъясняться на своем родном, русском и поэтому графиня не все могла воспринимать, что слышала. Но услышанное только что, и сказанное так уверенно, показалось ей снова странным, то есть наделенным какой-то странной логикой. Осилить её она все так же не могла. Если целиком принять эту логику, то люди вообще могли позволить себе все. Все, что надумается. Даже самое извращенное и оправдать с этой легкой, ироничной философией! И главное, как быстро здесь все дружатся и уже вскоре общаются как самые старые приятели.

И медовуха графине понравилась! Это было божественно! Сладкий, легкий напиток, просто здоровой силой вливал в тебя крепость и энергию!

– Надо уже идти в баню – поторопила Серафима и отошла от графини. Принцесса Милица позвала уже у дверей и помахала рукой, но, видимо, торопилась. Графиня думала она сможет. Но не могла. Ей все больше становилось дико это все! И даже стали появляться мысли быстро отсюда уехать! «О, дева Мария! Как жизнь неожиданна! Как странна в своих проявлениях! Пребывая в Турции, она очень быстро смирилась с их идеологией и традицией, что у мужчины может быть несколько жен! Сама она была не очень строгих нравственных устоев, игнорировав сплетни о её молодом супруге. Ведь её брак был неравным и по возрасту, и по положению в обществе. Она все это отрезала и игнорировала, когда захотела. Здесь её долго и кропотливо обрабатывала своей ненавязчивой идеологией черногорка Милица, да и в конце концов, она уже не ранимая, юная дева, смущающаяся всего необычного! Так почему ей так сложно сделать этот последний шаг и позволить обстановке диктовать свои условия? Ведь этот чудный старец, вне всякого сомнения, обладал некоей силой воздействия и читал её мысли, как с белого листа, хотя и был безграмотным!

Милица вернулась, понимая состояние своей новоиспеченной приятельницы и решив её поддержать и слегка подтолкнуть. Она так же была в легкой длинной сорочке, оттенявшей её смуглую кожу. Распущенные, густые волосы, она просто прихватила резиночкой и сейчас была простой, обнаженной женщиной, совершенно без лоска светского шика!

– Пойдем, милый мой друг – тихо позвала она. – Это все наносное, не настоящее. Твой стыд понятен, твоя боязнь понятна, но все трудно когда-то первый раз. Зато потом, у себя на Родине, ты будешь с такой благодарностью вспоминать, как переступала свою гордыню! И легонько подвинула к ней большую чашу с недопитой медовухой. – Это на первый раз, потом не понадобится.

Графиня взяла чашу и произнесла:

– Я думаю, мне и одного раза хватит. – И только потом, задней мыслью вспомнила, что здесь все общаются без условностей, как близкие подруги, на «ты» и в любом другом месте её это шокировало бы. А здесь все так естественно!

– Ну, этого никто не знает! Знаешь, как взлелеянная с самого детства наша гордыня крепко держится! Ее даже ремнем трудно из нас выгнать – и уловив испуг в выражении глаз графини, подумала. Что ей, немке, трудно понять эти русскоязычные обороты речи и зря она так не продуманно это сказала!

Графиня уже даже устать стала постоянно удивляться русским словам и их смыслу. Надо решаться. И она стала расшнуровывать спереди свое платье. Разделась и почувствовала теплую руку Милицы, взявшую её для подкрепления духа, и поддавшись, пошла из избы, туда, где, якобы находилась баня! Открыв дверь, они услышали громкое песнопение и горячую вслед молитву. В кругу женщин стоял тот самый отец Григорий, только голый, совершенно голый! Графиня отпрянула, но стоящая сзади Милица обняла её за плечи.

– Не пугайся, неужели голого мужчину никогда не видела!? Проходи, дорогая, проходи, тебе вначале обвыкнуться надо, войти в тон, ну а потом надо все делать, как скажет наш старец.

То, что там увидела графиня, описывать не поднимается рука. Последствия этого мытья в бане были для этой женщины плачевными. Усмирилась ли её гордыня, неизвестно. Она сама себя потом спрашивала об этом несколько раз и не знала! Только она заболела. И заболела надолго. А ведь даже не дождавшись конца того начатого «священнодействия», она упала в обморок и надолго, даже испортив этим весь смак участвующих в нем людей. Обморок был толи от жарко натопленной бани и разгоряченных тел, которые то и дело задевали её своей теплотой и мягкостью, то ли не выдержав гипнотического воздействия сил Григория Распутина, то ли опять выпив лишнего для своего не привыкшего к этому организма, этих странных на вкус напитков, которые она начала пробовать в России? Только очнувшись она у себя в арендуемой квартире и над ней сидела её горничная, а, поодаль, в комнате еще было несколько людей, которых она потом быстро узнала: это принцесса Милица, Серафима Гирчич и её секретарша Зинаида.

Нервное потрясение, для изнеженной немки оказалось выше её сил. Потом еще целую неделю, всю целую неделю она приходила в себя. У неё не было сил и чувство глубокой меланхолии овладело ею. В течении её непонятной болезни, не подымаясь с кровати, совершенно обессиленная, а на самом деле, просто еще ко всему подцепившая где-то детскую болезнь «ветрянку», графиня слегка не «в себе» продиктовала письмо своему супругу, воспользовавшись временным отсутствием своих новоявленных подруг, которые, оказывается, приклеились к ней своим чутким участием, и она уже редко находилась в одиночестве.

«Любимый, дорогой моему сердцу супруг! Я в этой неадекватной стране, столкнулась с настолько неадекватными людьми, которые совершают в безумствах совершенно неадекватные поступки! Я попала в руки совершенно темных сил, и они лишили меня и воли, и разума, и я прошу тебя срочно приехать за мной и увезти, потому что, я чувствую, что моя воля парализована самым непонятным способом, и еще чуть-чуть моего пребывания здесь, уничтожит и меня и мое сердце и мой разум и мою душу! А остановилась я на Греческом проспекте».

На завтра, Зинаида, никому, не рассказывая об этом письме, отправила его по месту жительства графини.

ГЛАВА 43

Там, в Будапеште, Войцеховский только-только вернулся из Австрии, не попав в Америку, так как задержали финансовые вопросы и спешно принялся за дела, так как в его отсутствие накопилось много вопросов и проблем, которые в его отсутствие не решались претворять в действие его приближенные по производству. Он включил всю свою энергию сразу и после утомительного путешествия, быстро уставал. Так как дома он не появлялся в течении нескольких дней, письмо графини ему принесли прямо в офис на производстве. Он сидел в кабинете вместе со своим инженером Истваном. Прочитав письмо, он даже перевернул его другой стороной, словно надеясь найти на обратной стороне расшифровку. Потом прочитал его снова.

Положил и долго молчал с озадаченным видом. Потом неожиданно спросил, у занимающегося чертежом Иствана.

– Скажи, а во сколько лет люди начинают впадать в маразм?

Истван удивился и как бы из-под лба, с интересом посмотрел на своего нанимателя, но подумав, ответил:

– По-разному. Кто-то с 60 лет начинает, а кто-то в 70 лет. Ну... а кого-то просто не затрагивает.

Войцеховский опять задумался и тихо произнес:

– Рано что-то. – чего совершенно не понял Истван.

Ну... рано, ни рано. А самое важное здесь было то, что на протяжении всей их совместной жизни, графиня не любила шутить, это не в её стиле. Письмо не понялось ни с какой стороны, но понятно было только одно, что ему придется ехать. Потому что, даже если это и шутка, супруга вправе будет обижаться на столь равнодушное к ней отношение. И это нарушало все его планы и это разозлило и расстроило. А ехать было нужно!

Он приехал в Санкт-Петербург, когда графиня уже вставала с постели и её так называемые подруги пытались врачевать тибетскими травами, купленными у таинственнейшего человека северной столицы – Бадмаева. Она потихоньку привыкла к своей ставшей шумной квартире и своим посетительницам. «А может так и надо? Уже смирившись, думала она и даже где-то начинала сожалеть о том, что так поспешно вызвала сюда Войцеховского. Передумав все свои приключения за последнее время, она решила утаить о знакомстве с таинственным старцем, лечившим изгнанием грехов в бане всех прибегающих к нему особ женского пола. Она и не знала как об этом преподнести и её охватывал ужас при мысли, что она поддалась влиянию темных сил, потеряла над собой контроль и поехала в баню, к голому провидцу! «О, дева Мария! И это на старости лет!»: повторяла она про себя. К ней всегда кто-то приезжал, столица жила весело, роскошно и беспокойно! Она даже уже, оставаясь в одиночестве, ощущала некую непривычность и дискомфорт. И чаще всего к ней заезжала именно принцесса Милица, Стана, «генеральша Лохтина», Серафима Гирчич и певица Бабич, близкая подружка Серафимы и с такой же сомнительной репутацией. Но сомнительная репутация их касалась не морального аспекта жизни, а политического. Ходили слухи, что в своем салоне, где оказывались не только услуги косметические, массажа, но и интимные, они принимали у себя и даже укрывали от полиции революционеров и разночинцев. И опять, слушая подробные комментарии о роде деятельности всех этих женщин от своей секретарши Зинаиды, хоть и будучи совершенно далекой от политики, графиня никак не могла соединить не соединяемое и понять, как могут быть даже просто знакомыми такие совершенно разные женщины?! Ну, взять, хотя бы принцессу Милицу и Серафиму Гирчич. А дело было проще «пареной репы», как опять-таки, говорят в русском языке. Эти женщины и познакомились, и соединились только лишь на одной почве – Григорий Распутин, так как стали яростными его поклонницами и любительницами походов в баню. Их соединила огромная тайна, которую они скрывали от всех других непосвященных. И только если в их круг отец Григорий приводил новую пассию, они дружелюбно делили эту тайну и на неё. Они и не планировали надолго заводить тесные приятельские отношения с хладнокровной немкой, но как только узнали о том, что она вызвала в Санкт-Петербург своего супруга, писанного красавца, их визиты стали частыми и навязчивыми под предлогом беспокойства за здоровье приятельницы, ведь конкретный день приезда князя Войцеховского никто не знал. Еще в прошлый приезд этой интересной и яркой четы в столицу, красота, статность и высокий интеллект молодого Артура пленил очень многих особ высшего общества. И хотя эти вздохи, по их отъезду, быстро улеглись, воспоминания о молодом князе, как принце из сказки, жгучем брюнете, полувосточной, полувосточной внешности, остались.

ГЛАВА 44

Когда Войцеховский прибыл в Санкт-Петербург, он планировал только на несколько дней. Погода стояла теплая, Санкт-Петербург дышал волнительно и всегда в нем ощущалась некая нервозность, таинственность, непредсказуемость. Еще в поезде он слушал разговоры о революции, всколыхнувшей этот город и о том, что, якобы император с императрицей готовятся совсем покинуть Россию, спасая свою свободу. Это была Первая рабоче-крестьянская революция, подавленная царизмом в крови. Бунтовал народ открыто, вплоть до драк, выказывал свое недовольство. Весь накал её пришелся на зиму и весну, а сейчас только везде шли пересуды. Артур Войцеховский почувствовал, сколько гнева то таит в себе сердце простого народа, при словах о революции ярко блестели глаза, повышались эмоциональные нотки в голосе, народ уже не хочет смиряться, народ уже почуял, что можно и должно как-то по-другому. Чья в этом была вина, Войцеховский не знал, для этого необходимо было здесь жить, впитать в себя этот дух, проникнуться создавшейся обстановкой. Он только ехал и в голову ему пришла мысль: «Если император с императрицей решились бежать из страны, то сильной такую власть уже никак не назовешь, бегство – вечный удел слабых! Но, если ударит во всю мощь в одном месте, вибрации прокатятся на большие расстояния».

Графиню он застал не дома. Его встретила только горничная. И когда графиня не вернулась домой и к восьми часам вечера, его это не стало сильно тревожить, но легкая озадаченность появилась. Он прожил с ней бок о бок больше двадцати лет, так как в её семью попал еще ребенком и очень хорошо знал привычки, характер, стиль жизни этой женщины. Вот с ней то, если бы не её миллионы, в первую очередь и можно было умереть со скуки, до такой степени она была выдержана, педантична и вся её жизнь регламентирована, она чистокровная немка и этим все сказано. А озадачило его еще и то, что горничная, абсолютно не ведала, куда планировала отправиться её хозяйка.

Но, вскоре, буквально через пол часа, на лестничной площадке послышался легкий шумок, из чего можно было сделать вывод, что графиня не одна и многоголосье ворвалось в квартиру, а горничная поспешила навстречу. Войцеховский посмотрел из окна, сколько возле дома остановилось экипажей! Экипаж был один, а в комнату вошли две женщины: графиня и Серафима Гричич.

Графиня от неожиданности, даже всплеснула руками и бросилась к своему супругу. Он четко принял и прочувствовал исходившие от неё флюиды, она сильно сучала! В её глазах появились слезы и она, словно с облегчением отдалась в его сильные руки!

– Князь, спасибо тебе что приехал, мне это так нужно, очень! – вымолвила она.

– Лиза, – проговорил он, ему важно было рассмотреть её глаза, – такое странное послание! Что случилось?

И вот тут она смешалась. Причин было так много и первая из них, что она совершенно передумала рассказывать Войцеховскому свои приключения.

Привстав на цыпочки, так как была намного ниже его, она прильнула к его щеке своей, ей так этого хотелось, ей так хотелось простой нежности и тактильной ласковости! Она так давно, давно нуждается в этом, а эта страна всколыхнула все запрятанные женские чувства ею же самой в самую глубину её сердца! Он дал ей возможность повисеть на его руках и потом отстранился. Его взгляд быстро скользнул по другой женщине, которая смущенно отошла подальше и отвернулась к окну.

Он не мог не отметить, что внешность этой незнакомки была, конечно же, уникальна. Она была удивительно хороша и очень броская, яркая! Темные одежды только придавали ей таинственность, но в данный момент, он многое отдал бы, за только хороший, спокойный сон.

Графиня представила незнакомку и очень сама надеялась, что гостя поймет свою здесь ненужность и покинет их. Но, но... этого не произошло, и графиня в сердцах даже рассердилась на такую навязчивость – «вот никакой сознательности и цивилизованности!» – подумала она. И ей пришлось звать её к ужину.

За ужином Войцеховский очень лениво рассказал о своих делах, ибо знал, что это совершенно никому не интересно и из-за необходимости заполнить время беседой, сам спросил о революции, которая, якобы здесь, чуть не произошла.

Вот теперь то Серафима Гричич и выступила во всей своей красе. Она рассказывала увлеченно и со знанием дела. У Войцеховского даже прошел сон, а графиня стала печальна, так как её напугало отношение подданных к своему же собственному императору. А, оказывается, вероятно, что императору Николаю второму придется принять Конституцию, которая уже была своего рода, ограничением его прав. В оттенках эмоционального рассказа, в выражении глаз и даже в некоторых замечаниях, они угадали и то, что сама Серафима Гричич, не сильно была в восторге от правления данного императора. Но плохо отзываться об этом было чревато тюрьмой, а она слишком любила жизнь, чтобы рисковать, высказывая прямо свой негатив.

Войцеховский провел ночь со соскучившейся женщиной, но на утро у него возникли какие-то дела, что не понравилось графине. Он сообщил, что хочет посетить Академию наук в столице, её мнения по поводу этого даже не спрашивал и исчез с их арендованной квартиры. А графиня стала думать, что ей делать дальше. Уезжать домой, она теперь уже так скоро не хотела, ей хотелось еще раз увидеться с Распутиным, слишком мучил её один вопрос. Но, и она понимала, что Войцеховского долго здесь не удержит. Думала, думала, что делать!?

Артур Войцеховский имел в северной столице одну для себя важную задачу, познакомиться с Дмитрием Ивановичем Менделеевым. Имя этого ученого и его труды публиковались во многих научных изданиях и привлекали к себе внимание всей научной элиты тех лет. Это был уникально-универсальный деятель, одна из самых ярких звезд научного мира и тех лет. Желание увидеть умные глаза этого человека, поговорить с ним, было сильно. Только он ошибся, в Академии наук этот ученый не работал, его не было и в Петербургском университете. Он сильно болел, был очень слаб и стар и никого не принимал. Туберкулез уносил жизни многих людей в те времена, он не лечился. Но прочитав текст поступившего к нему письма, добродушный Менделеев сделал исключение.

И с ним беседовать можно было часами. Войцеховский знал русский язык, хотя и мало в нем в последние годы практиковался. В детстве, так случилось, одним из учителей по Ушу его был украинец, давно осевший в Турции, но корнями из славян и любивший русский язык. Войцеховский лучше понимал русскую речь, и с большим трудом сам выражал свои мысли на русском, а поговорить так о многом хотелось. И только лишь из сострадания к больному, он сильно ограничил себя временем своего посещения. Грудной кашель надрывал все силы ученого. И самое ценное, только что он мог дать человеку, и этот подарок через много лет, подписанный рукой самого Менделеева будет цениться в сотни тысяч долларов, это учебник «Органическая химия» им же самим составленный и бесценный труд, собрание всех его статей, тщательно редактируемых «Библиотека промышленности» Только лишь за этим можно было поехать в Россию и Войцеховский возблагодарил в сердце своем Аллаха, за предоставленную ему так неожиданно такую возможность. Потому что, помимо чистой химии, вообще чистой науки, Менделеева всегда интересовала и область химии прикладной, химической промышленности. Он глубоко верил в творческие силы науки на практическом поприще, он был убежден, что настанет время, когда «посев научный взойдет для жатвы народной». Будучи поборником идеи единения между наукой и техникой, Дмитрий Менделеев считал такое единение и тесно связанное с ним широкое развитие промышленности настоятельно необходимыми для нашего отечества, а потому всюду, где мог, горячо о том проповедовал, не только словом, но и делом, на собственном примере показывая, к каким блестящим практическим результатам может привести наука в союзе с промышленностью.

Переполненный мыслями, князь не стал нанимать экипаж. Необходимо переварить в себе всю беседу с великим ученым и не соприкоснуться ни с кем, иначе информация, не важная и не нужная, поступившая от кого-то бы ни было размочет, заглушит четкие наполненные глубоким

смыслом слова, произнесенные ценным человеком для Артура Войцеховского. Он понимал, как далеко многим и ему самому до уровня таких титанов науки.

Он пошел пешком и уже наступал вечер. Как-то все динамичнее было в северной столице, по сравнению с Будапештом. В портфеле у него лежал бесценный подарок старого русского ученого. Он старался найти выход к набережной и, наконец, пройти себе в удовольствие вдоль Невы и посмотреть на её корабли. Он долго шел, не спеша. Он вышел на Петровскую площадь и мимо Сената пошел к набережной. Здесь динамика ощущалась еще сильнее, центр города и количество мимо проезжавших экипажей увеличилось.

Он остановился перед мраморным ограждением и стал смотреть на воду, редкими чешуйками перекатывающуюся одна за другой, убегающую в неизвестность. Он последние несколько лет, стал торопиться жить. Он сам вогнал себя в тяжелую, такую динамичную обстановку и словно впрягся в решительный забег, только куда и зачем? Он раньше жил такой веселой, разгульной жизнью, но свободной от обязательств и ответственности, раскрепощенной. А вот пришло время, и она повернулась другой стороной, серьезной, ответственной, целеустремленной. Ему так нестерпимо захотелось своей жизни. Не подчиненной ничьей прихоти и ничьим устоям, не зависящей от чужих финансов и интересов, желаний. Нельзя сказать, что он ощущал гнет своей старой жизни, но как бывает, ты перерастаешь какие-то институты, в которых ты жил, в которые ты врос и их законы вынужден был соблюдать, потому что они давали тебе силы и жизнь, но потом эти границы тебя начинают сковывать, и ты их стремишься преодолеть, ты увидел новые просторы и горизонты и тебе хочется проводить время с другими людьми и по другим правилам, и в выборе ты уже стал знатоком, потому что поднабрался жизненного опыта. Вот как бывает. У кого-то горизонты широкие в силу их положения, данного семьей, богом. А кто-то вездесущ. Очень деятелен, активен, любознателен в этой жизни и необъятность горизонтов постигает тем, что во все стремиться проникнуть, все попробовать, все изведать, пройдя многое и видя многое, во многое окунувшись, он перерастает ту инертность бытия состоятельного человека, которому многое дано с рождения, а значит он и задействует в этой жизни только маленький процент всех своих сил для того, чтобы жить и жить с избытком. Его силы так не развиваются интенсивно и не возрастает мудрость.

Сзади за спиной остановился экипаж, из него выпорхнула Серафима Гричич и он услышал её тонкий, хрустальный голос и обернулся. Ее слегка раскосые, карие глаза весело улыбались и сразу же она умела установить между собой и собеседником атмосферу доверительности и легкости. Это всегда удобно и притягательно. Да, и весь род её деятельности был связан с тем, чтобы суметь создать для любого собеседника комфортную, легкую обстановку.

– Я мимо проезжала, узнала вас. Не могла не остановиться! Можно нарушить ваше уединение? Я могла бы вас более близко познакомить с городом, если желаете?

– Нет. Я уже был здесь раньше. Моя сфера интересов, не будет интересна вам и я, уверен, вы её обходили стороной.

– Да – мило улыбнулась она – может быть. Но, неужели вы уверены, что знаете про этот город на Неве много? Это самый таинственный и неожиданный город в мире!

Артур слегка качнул головой в знак согласия, но в его взгляде угадывалась не договоренность.

– Согласен. Город прекрасен и интересен. А еще он просто собрал в себя самых красивых женщин со всего мира. Но мне интересна Америка. В ней совершенно другой дух, и мне он импонирует больше.

Они медленно пошли вперед. И она принялась просто грузить его информацией, которая к его ошибочному представлению, не оказалась скучной и не нужной.

– Я не была в Америке, но уже много слышала про эту страну. Я очень тесно общаюсь с представителями мужского пола и вообще, у меня это лучше получается, и они рассказывают много интересного про тот континент. Я планирую, как-нибудь там побывать.

– И что вам про него рассказывают?

– Там просто скачкообразно стала развиваться экономика. И многие связывают это с тем, что эта страна управляется более либеральными законами и в ней нет института самодержавия! Богатая страна. Сильная! Хотя, представляете, в ней когда-то процветало рабство!

Войцеховский с большим уважением посмотрел на рядом идущую женщину, и она почувствовала это. «Зацепила!».

И она продолжала дальше:

– А у вас в Венгрии? Как?

– У нас в Венгрии король и парламент и между ними все более-менее спокойно.

– Значит нет развития. Развитие всегда сопровождается преодолением противоречий, препятствий. – она вдруг остановилась – А знаете, я скажу честно, на свой страх и риск, я очень довольна тем, что сейчас происходит в нашей стране! Только в муках, только в борьбе способно зародиться что-то новое, а новое всегда прогрессивнее старого, ведь это даже простые житейские законы эволюции!

– Понятно – промолвил князь и помолчав в раздумье, добавил – а о каких муках вы говорите?

– Не смогу вам так передать всего, что происходит сейчас в северной столице. Для этого вам необходимо посетить мой салон. Там ко мне, как его хозяйке навещают вольнодумцы, черносотенцы, анархисты, демократы, писатели и поэты, цыгане... да... мы очень любим послушать их голоса. И такой винегрет не даст заскучать, помогает не закиснуть в стоящей воде, как и в однобоких политических взглядах, так как у каждого течения есть свои доводы, для того чтобы отстаивать свою правоту. Порой споры доходят до такого накала, что я пугаюсь...но ... это воистину интересно! Люди смотрят на мир по-разному.

И вот теперь она увидела его взгляд, который радует и воодушевляет каждую женщину, взгляд мужчины! Когда у мужчины появляется к женщине интерес, она это очень тонко улавливает, это тешит её самолюбие и делает её увереннее не только в поведении с ним, а вообще в своих чарах! Даже если у неё нет на этого мужчину никаких планов, это все-равно греет её самолюбие!

Что же касается Серафимы Гричич, к восторженным взглядам всех без исключения мужчин она давно привыкла и ощущала себя с ними, как в привычном, давно носимом платье. Но у неё был личный интерес к князю Войцеховскому. О красавце муже графини фон Газейшарт ей чисто случайно рассказала принцесса Милица, очень часто посещавшая салон косметологического ухода за телом и лицом и массажа, и других услуг. И приправила она это еще приданием некоей загадочности этому мужчине, так как до конца никто не знал его происхождения. И шестым чувством каждая женщина чувствовала в нем такое невозможное сочетание противоречий: серьезности, глубины ума с живым азартным, увлекающимся внутренним стержнем повесы и кутилы, способным на экстремальные поступки. Человеком, притягивающим своей мужской харизмой к себе женщин так близко и всегда держащем их на расстоянии! А Санкт-Петербург весь был пронизан потайным смыслом, тайными темными закоулками, в нем всегда существовало двойное дно, жизни видимой и закрытой. Светская аристократия, избалованная и извращенная излишествами, вечно искала для себя что-то новенькое, нестандартное, способное заинтриговать и пощекотать нервы чем-то неизведанным. Ведь не даром в русском языке есть и по поводу этого хорошая поговорка «От безделья с ума сходить» Так вот это про русскую аристократию – просто в точку! Да еще если это сочетается с силой настоящей русской души, то от этого, реально, сходили с ума. У самого богатого повесы северной столицы, Феликса Юсупова, совершенно были сводящие с ума всех, чудачества и развлечения. В доме Юсуповых стояли целые вазы с драгоценными камнями, которые он, идя по мраморному полу у себя в роскошном дворце в женском платье, как перед свиньями бисер, метал перед гостями. И не у всех иностранных гостей, глядя на все это, выдерживали нервы. А кто-то терял челове-

ческий облик и забыв обо всем, бросался на коленки это все собирать, чем несказанно потешал давно ставшую русской душу Юсуповского отпрыска. И это на фоне нищеты простого народа. И даже один маленький драгоценный камушек, бросаемый без сожаления перед зеваками вышедших кровей, зачастую мог спасти от голода простую крестьянскую семью. Эх жизнь, ты жизнь, кому-то в скуку, кому-то в муку!?

– Но, я слышал, у Вас в России еще не давно были большие беспорядки, революция? – спросил Войцеховский, а взгляд его уже более смотрел напряженно.

– У нас в 1861 году только отменили крепостное право. Но... как, всегда, это номинально. Народ, все равно, практически, закрепощен. Все делается, но делается с перестраховкой, на половину. Да... и потому, что стержень не поменялся – самодержавие то осталось!

– Я понимаю все, о чем вы говорите – жестко сказал Войцеховский. – Но это, реально рискованно и мне не хотелось бы, чтобы ваша красота померкла в стенах вон той, Петропавловской крепости – и он махнул рукой туда, далеко за бескрайность Невы.

Они опять пошли рядом. И она говорила:

– Ну, хорошо. Мы политику оставим, только мне и не приятно всегда, когда мужчины осторожнее женщин. Давайте я вам расскажу о том, как гудит сейчас вся столица новым феноменом – пророчествами простого русского мужика и его умением исцелять больных. Он даже при дворе императора снискал себе популярность!

Войцеховский пожал плечами. Он не интересовался.

ГЛАВА 45

Графиня, сидя вечером за столом, сама наливала ему вина и мимоходом заявила, что домой ехать не собирается. Войцеховский даже поперхнулся.

Она сразу стала извиняться, просить прощение. Но он рассердился.

– Лиза, это уже смешно! Ну, как ты это себе представляешь? Мы полтора года назад приобрели большой завод. Я его полностью модернизировал, для меня дело новое и не проверенное. И оставив все чужим людям, я приезжаю по зову твоего странного письма, где ты умоляла тебя забрать, а сейчас ты мне заявляешь, что не поедешь!

Графиня спешно положила свои ладони поверх, на его скрещенные на столе руки, так как у него резко пропал аппетит и почти взмолилась.

– Милый мой друг – отчего у её супруга больше расширились глаза, так как эта фраза была не свойственна для графини – я и тебя умоляю задержаться! Я не знаю, как тебе это все объяснить...

Но он перебил:

– Да уж объясни, пожалуйста.

– Дорогой, давай я тебя познакомлю с одним человеком и ты, ты же меня еще за это и благодарить будешь. Это все звучит нелепо, но поверь, разве я отличалась когда-нибудь не здравыми суждениями?

Он даже с испугом посмотрел на неё. Она другая. Что же все -таки здесь произошло, что всегда рассудительный и хладнокровный человек, начинает нести несуразную чепуху и так удивлять?!

А она, все более распаяясь, продолжала его уговаривать. – Он мысли читает, он видит человека насквозь, он может дать совет и успокоить. Ты понимаешь, при всем при этом, он простой мужик, вот землю пахал, хозяйством занимался, говорит необычно, но все понятно сразу, много, очень много меняется в твоём мировоззрении... ты мне не веришь, а между тем, тебе это было бы интересно.

Войцеховский устало подпер рукой щеку и взгляд его теперь стал другим, у него появилась жалость к этой женщине.

– Лиза – спокойно и устало произнес он. – Зачем мне совет, я что заблудился или не знаю, что мне дальше делать? Зачем меня успокаивать? Я считаю себя вменяемым человеком.

Она вздохнула и встала, стала нервно ходить взад и вперед.

– Я не могу тебе объяснить, это надо на себе испытать, с ним надо поговорить, этого не объяснить, это духовные вещи, необъяснимые. Я сама, как и ты вначале все это восприняла негативно, но поговорив с ним, в мыслях все меняется! Я задумала такое, а сейчас не хочу, сама ужасаюсь этому!

Войцеховский взъерошил обеими руками себе волосы, все это было утомительно и не понятно для него. И резко встав, подошел к супруге, взяв её за плечи, стал произносить слова с одним только желанием, чтобы слова просто вколачивались как гвозди в её разум.

– Лиза. Прости меня, но я верю тебе. Я верю, потому что я увидел сам, что с тобой произошла перемена. Ну, прости меня еще раз, я опасаясь за твой рассудок. Да, я твой супруг, но не хочу совершать над тобой насилие, я не буду принуждать тебя уехать отсюда. Я только прошу. Я завтра уезжаю, я должен руководить, заниматься делами, иначе потом погрязну в проблемах. Ты едешь со мной, или я потом ничем не смогу помочь тебе. – он отпустил её и быстро запрокинув в себя, как рюмку, бокал вина, вышел из комнаты, бросив через плечо последнюю фразу. – Все, Лиза. Ты делаешь свой выбор сама. Я иду спать и ничего не хочу слышать.

Войцеховский уехал послезавтра, ранним утренним поездом. А еще через три дня, в этом же направлении уехала Серафима Гричич, со своими желаниями и замыслами.

О, коварная женщина! И как, как жизнь непредсказуема! Графиня совершенно изменила ход своих мыслей и предала все свои планы, с которыми ехала в эту страну. Жизнь перевернулась для неё кувырком, а вот планы её стали работать уже без её участия, и даже, без её ведома об этом! Вот это да!

ГЛАВА 46

Серафима Гричич устроила на князя Войцеховского просто охоту. Она поселилась в самой лучшей гостинице столицы Венгерского королевства. И времени у неё было мало. Средства жить в комфортабельной гостинице долго были ограничены, и в России оставался её салон, который надолго оставить без присмотра она тоже не могла. И была настолько уверена в себе и в своих силах, что даже не сомневалась в осуществлении быстрыми темпами своих планов. Какие у неё были планы? Соблазнить Войцеховского, развести с графиней и выйти благополучно за него замуж. Всего то! И ей этого жутко хотелось еще и потому, что только такого супруга она видела рядом с собой в своих мечтах с детства! Она умна, он умен! Она красива, он красив! Она из высшего, пусть и обедневшего, рода, и он, она, полагала, так же! Она его желала всеми фибрами своей души и не видела препятствий. Графиня? У неё уже не будет сил тягаться с молодыми и целеустремленными. Да, еще к ней в столице присоединилась такая компания, что возможно, и сама графиня захочет свою жизнь круто изменить, ведь она то знала, какие люди уходили в монастырь, после общения с Григорием Распутиным. Это так на руку! Да, это сама судьба открыла ей дорогу к задуманному! И это нормальное явление. Извращенный тонкими интригами северный город, только этим и жил! Как много знатных дам, известных ей сейчас, с коварно планируемыми хитросплетениями обеспечили себя и свою жизнь! Закон выживания!

Конкретно где он живет, она не знала. Но разве это стоило большого труда!? В своей же гостинице, она все выведала у горничных. Знаменитые и знатные фамилии города были на виду! И вот у ограды огромного дома графини фон Газейшарт и князя Войцеховского, появился экипаж, который кого-то поджидал. И Войцеховский столкнулся с Серафимой сразу же, через несколько дней. Случайной эту встречу назвать было невозможно! И лгать князю, придумывать разные небылицы бесполезно, да и зачем ей это – женщине, абсолютно уверенной в своих силах и красоте! Она предприняла прямую атаку, сходу, изящно смахнув с ресниц легкие слезинки и признавшись ему в том, что должна видеть его, должна говорить с ним, должна быть с ним рядом, иначе не сможет! Это любовь с первого взгляда! Ей даже не приходилось

все это играть. Потому что это так и было. Коварство, коварством. Но, это был Войцеховский! Сила его мужской харизмы так же была всемогущей!

Какие у него были чувства к этой женщине? Ведь она, действительно, была удивительно яркая и умная! Она была деятельна и энергична! Она из обедневшего рода, сумела подняться на очень приличную ступень материального благосостояния в столице. Она завоевывала сердца мужчин совершенно разного сословия и достатка. Ей одно время симпатизировал сам Феликс Юсупов, богатейший представитель золотой молодежи Санкт-Петербурга и красавец мужчина и она могла бы проверить свои женские чары и с ним, но... бороться с физическими и психическими отклонениями она не знала как. Он любил мальчиков!

В ней было все гармонично. Божье создание женского пола – такое тонкое, изящное, хрупкое! Ее чуть раскосые, выразительные глаза манили сексуальностью и довольно открыто, обещая любому просто высшую степень наслаждения! Она была просто профессором мужской психологии и физиологии, как опытный делец, она брала мужской пол за самые значимые для них места, если выразиться совсем уж просто, далее же она включала свой глубокий ум и действовала по обстановке. Этим она и нарастила, можно сказать на себе мяско, т.е. укрепила в жизни материально. Она дважды была замужем и в третий раз, её жизненный опыт давал ей только преимущества!

Войцеховского она привлекла. Его она заинтересовала. И будем, совсем честно, он был сильный, в самом расцвете лет, энергичным. Он был мужчиной, который последние годы направил всю свою энергию на науку и бизнес и у которого рядом была уже начавшая увядать супруга. Его легко было понять. А его любимая Анни фон Махель оттолкнула его и всеми своими силами старалась быть как можно дальше в физическом плане! Она избегала встреч с ним, сама боясь не совладать со своими чувствами и провалиться в бездну всепоглощающей любви к нему.

Вечером этого же дня, Войцеховский направился в центральную гостиницу Будапешта, где его ждала роковая женщина «северной столицы» Российского государства! Он был заинтригован. И он упал в эту связь. Упал самым простым и бессовестным образом, отпустив свою законсервированную сексуальную энергию на волю случая! Каждая ночь в гостинице была проведена с русской, домой он заезжал только переодеться и принять нужных людей по бизнесу! Вернулась его разгульная молодость.

И, конечно же. Слух о необычной паре, арендовавшей номер, стал распространяться от обслуживающего персонала гостиницы. Кто-то, как-то узнал в нем владельца завода в комитате Шольт и супруга графини фон Газейштарт. Хелен Полани подцепила эту новость спустя три недели его возвращения из России. А от Хелен узнала и Анни.

ГЛАВА 47

У Анни сразу пропало молоко. Ребенку пришлось искать кормилицу. Но для него, малыша, ничего страшного не произошло, ему было уже пол годика. Сдерживать слезы у Анни не хватило просто сил. Она поплакала у подруги на плече. И та, как могла её утешила. Это было больно. Как всегда, в такие минуты, Анни захотелось спрятаться под одеялом от всего мира и если бы только можно было забыться сном! Только сон, выключение тебя самой из реальности бытия защищает от этой боли. А больше ни что. Но сон в такие моменты не приходит. Он, наоборот, словно бежит от тебя. И ум со всем соглашался и все понимал. Это было так естественно и логично. Он совершенно свободный человек. Ни она ему, ни он ей был ничем не обязан! А сердце не принимало! И вот как! Сердце оказывалось победителем в этой неравной схватке со здравым рассудком! А эту боль необходимо еще скрывать! И это тяжелее. Хелен сидела и проклинала все на свете и себя и свою глупость и свою поспешность. Она наивно думала, что занятая полностью работой и ребенком, подруга давно освободилась от бесплодных чувств, а поэтому и не могла предполагать, что это окажется настолько серьезно. Но новость была довольно интересна и потом, они знали того, о ком услышали, не могла она не

поделится такой столичной сплетней. Увидев расширенные глаза от какого-то выпрыгнувшего словно из подворотни изумления, Хелен сконфузилась. Они смотрели на неё и в тих стояли слезы и выражение страха на пополам с отчаянием! Вскоре же уже сожалела о содеянном и лучше, иногда, для человека быть в неведении! Она вынуждена была из дома Анни уйти вечером с тяжелым грузом на плечах, так и не ушла бы, пусть подруга обопрется на её плечи и поплачет у неё на груди, но домой вернулся граф фон Махель и чтобы не вызвать подозрения, она покинула их дом.

Весь вечер Анни ходила тенью. Граф ясно увидел натянутость улыбки и встревожился её спешным желанием остаться одной, а вечером она сказала больно и не вышла к ужину. Тогда он сам пошел в её комнату. Сцена оказалась для него удивительной. Анни сидела на полу, сама себя обхватив руками и раскачивалась взад и вперед, словно мучаясь от боли в животе. А на самом деле, она словно держала себя от яростных, дерзких, несурзных поступков. Ей то хотелось сразу бежать, бежать к Войцеховскому и посмотреть в его глаза и со всей силы, как можно сильнее ударить в лицо, так сильно, как только она могла бы! То ей хотелось набрать ванну воды и погорячее, чтобы обжигающее тепло отвлекло её от навязчивых мыслей. То ей просто все хотелось в безудержной истерике крошить и рушить! Но к ребенку в таком состоянии она подходить не могла! Раскачиваясь, и закрыв глаза, она тихо сквозь зубы повторяла:

– Возьми себя в руки! Возьми себя в руки! Возьми себя в руки!

Граф подошел не слышно и в изумлении осторожно дотронулся до её плеча. Она очнулась и в каком-то оцепении посмотрела на него.

– Анни, что-то случилось?

Тревожный взгляд смотрел участливо, и так от него становилось стыдно, хотя мы не властны над чувствами. И разглядев в его глазах не поддельный страх, её словно током ударило. Она протянула к нему свои руки, разрыдалась и сама обхватила его за плечи руками, щекой прижалась к его щеке, и он услышал её быстрые, с надрывом слова:

– Родной мой, как хорошо, что ты у меня есть. Как хорошо! Ты самый хороший на свете! Нет тебя лучше. О, дева Мария, как хорошо, что ты есть! Ты и Кристиан! И мне больше ничего не надо!

Он стал гладить её по голове. Он был мудр. Он все понял. Ничего не зная, он все понял! И ему сейчас было радостно, что он ей просто дорог и нужен! И он гладил и гладил её по волосам, и даже как маленькую девочку стал убаюкивать. Сейчас он для неё защита и опора и наставник и мать и отец и просто супруг. А как она ему была дорога, не каждый мужчина может дать женщине столько помощи и надежности. Не каждый. А он был этой надежностью!

ГЛАВА 48

Жизнь... Все человечество с самого своего зарождения на этой планете, задается вопросом: «Что есть жизнь, да, почему она такая!» В ней так много боли! В ней так много горя и страдания! Господи, где ты и почему ты все это допускаешь для нас!?

И уж объять своим разумом не объятное, действительно, нельзя. Для графини, может быть, произошедшее все с Артуром Войцеховским и необходимо было?! Ведь она стала ходить к странному старцу, почти каждый день. Он, словно, загипнотизировал её. И ей это начинало желаться как доза наркотика. Также вела себя и еще одна знатная особа, у которой он и поселился на квартире в итоге, генеральша Лохтина... Графиня позже узнает, что та бросила все ради него и стала юривой. Везде ходила за ним, слушалась его, яростно защищала от нападков аскетично настроенных людей и старалась всем угодить. Превратилась в служанку, которую некоторые говорили, он еще и поколачивал.

А графиня, узнав, что её знакомая Серафима Гирчич отправилась в Будапешт, вслед за Войцеховским и узнала это с запозданием, случайно, так как мозг уже работал в нужном направлении только для Григория Распутина. И это известие чары его и рассеяло. Она, словно очнулась! Выпасть из жизни легко, тяжело в неё возвращаться. И графиня фон Газейшарт

исчезла из Петербурга для всех неожиданно и впоследствии, вспоминая о таком периоде в своей жизни, сразу воздевала руки в молитве к Деве Марии. А иногда, и даже, сплевывала втихомолку. Так делали многие в России, и она научилась! Так ко всему тому, она там чуть не спилась! Женщина, «голубых кровей», которую почтительно принимали во всех высших кругах Европы! Через несколько месяцев, после оставления России, она усердно будет желать забыть этот период в своей жизни, как легкое умопомешательство. Но кто знает? Пути Господни неисповедимы!

Поезд увозил её в Будапешт, и горничная не знала, что опять приключилось, но была этому рада, так как со стороны уже видела, что её хозяйка становится все «зачарованнее», стирался её изысканный лоск. Глаза печалились, но уста улыбались, уже через неделю пребывания в северной столице закончились их запасы французского вина и пришлось прикупать его уже в России, и она никак не могла привыкнуть к здешнему ритму жизни и графику графини, когда они ложились спать в 12 часов ночи и во столько же просыпались днём, с тяжелым сердцем и головой. А сейчас перед ней сидела её прежняя хозяйка, гордая и рассудительная!

ГЛАВА 49

Игн с Анни шли по набережной Дуная. После работы они отпустили экипаж и решили прогуляться. Анни нашла в себе силы работать, жить, радоваться. Но взгляд её несколько потух, и она уже реже отпускала в адрес своих друзей различные шуточки, она не подтрунивала. С прямой спиной, задумчивая и печальная она как станок выполняла рутинную работу, внимательно осматривала пациентов, ухаживала, что-то все время записывала, как всегда везде ходила за доктором Цобиком. Только Игн и Анри Миррано, доктор Цобик видели, что участие сердцем во всем этом у неё нет. Исчезло.

Игн сам предложил прогуляться. Он спрашивал её:

– Анни, у тебя что-то произошло?

Она сразу спохватывалась и начинала натянуто улыбаться, но глаза опустив, потому что лгала, отвечала:

– О, нет, нет. Ну, в жизни же не может все быть гладко, но большой проблемы нет!

– Что-то с супругом?

– Нет, Игн, я лучшего себе супруга и не желаю.

Они медленно шли, встречные пары прогуливались навстречу, и вечерами, в парке, вдоль набережной, всегда было многолюдно. А с правой стороны вдоль домов, тянулась целая вереница кафешек. Анни смотрела на воду и казалось, что и сам Дунай течет седой и печальный, усталый от всего. Игн смотрел внимательно на неё сбоку.

– Анни, а мне кажется, что когда женщина говорит про своего супруга так как сказала ты, то значит все наоборот.

– Нет, Игн. У меня есть причина для печали, но не со стороны семьи. Это личное и мной надуманное. Я хочу и не могу от этого избавиться. Я, думаю, просто мне нужно время.

– Анни. Мне хочется поскорее увидеть радость в твоих глазах! И, прости, но разреши мне дать тебе совет друга, и мужчины!

– Да, Игн. Тебе можно все, ты же знаешь. Мы с тобой столько лет вместе, и никто меня не знает лучше тебя!

Тогда он остановился и заглянул в её бездонные глаза.

– Чтобы ни случилось, ты не должна опускаться! Я видел это у матери. В тяжелые времена, она переставала ухаживать за собой, ей становился безразличен её внешний мир, её вид! А это только медленно, но упорно начинает создавать дополнительные проблемы. Твой внешний вид, это твое отношение к жизни и окружающим людям.

– Игн, Игн – вздохнув произнесла женщина. – Ты всегда не по летам был мудрым. – И словно очнувшись, как-то распрямила плечи и оживилась. – А что, я совсем стала плохо выглядеть?

Он отрицательно покачал головой и улыбнулся.

– Нет, Анни. Я как друг, но я тебе говорю, что никогда не встречал женщины красивее тебя. Но ...тенденция у тебя наметилась, я и предостерегаю.

– А давай, пойдем совершим поход по магазинам, и ты согласишься на меня, так... абстрагируясь, посоветуешь что-нибудь.

– Ну, давай, только не спеши, пройдемся, я так давно не гулял, все работа, работа.

– Да ...ты все возишься с кровью, занимаешься анализом, Игн, я так тебя уважаю за это, а ведь, я в университете думала, что и я горы сверну, а буду заниматься наукой... – и она, прикрыв глаза от солнца рукой, прищурилась и печально закончила – а вот увязла сама в себе. Я, ребенок, муж и не развиваюсь никак.

Игн промолчал. Они шли медленно дальше.

Они не видели, но сзади, вдалеке, остановился кэб. Артур Войцеховский ехал в гостиницу, она находилась неподалеку от набережной и неожиданно сам для себя впереди заметил знакомую фигурку. Потом белокурые волосы и томной щемящей тоской у него заняло внутри. Направил кучера, поехал вначале параллельно ним, но вскоре остановил непроизвольно экипаж, не вполне отдавая себе отчета, зачем он это делает. Он рассмотрел Игн, бывшего своего студента и по лицу Анни прочитал некую в ней натянутость. Его они так и не видели, развернувшись к воде, мирно о чем-то беседуя.

Открыв дверцу кэба, он вышел, но подходить к ним передумал. Облокотившись спиной на дверцу, стал внимательно за ними наблюдать.

Анни все также разговаривала. Он знал, что у неё родился мальчик, что они переехали, но он не думал, не знал, что она так быстро опять работает. Он столько раз хотел подойти к её больнице, дождаться её, просто поговорить, но был уверен, что она дома с грудным ребенком и её там нет. Если бы она только знала, как он скучал! Периодически он пользовался услугами бывших полицейских, открывших свое дедуктивное агентство и мизерная собранная информация об Ани, давала ощущение прикосновения к её жизни. Он даже знал, какое имя они дали сынишке. С ним же в данный период жизни, оказалась другая женщина и он обрадовался, он ухватился за эту возможность притупить силу своей тоски, глубокое чувство потери. Именно потери. Когда она родила малыша, она стала для него еще более недоступной. Женщина переключается на ребенка, и он укрепляет её связь с мужем, ведь это их общая кровь и плоть участвовала в этом. Он в своих делах, проблемах, среди окружающих его людей, был все равно одинок. Когда задавался вопросом «Откуда стало в его жизнь входить чувство одиночества?» и пришел к выводу, что начал стареть.

И сейчас, как бы там ни было, увидев Анни и с новой силой разбередив свои чувства, он противопоставил в мыслях, ей образ Стефани Гричич. Он даже старался сделать её как можно притягательнее и лучше. Но... никто еще не мог приказать своему сердцу. Оно противоречило. Оно упрямялось. Слепительная, черноволосая, миниатюрная красавица не затронула самых глубоких чувств. Она была чужая и далекая. Ее образ не грел и не заставлял сердце трепетать. Это была просто красивая картинка, но бездушная.

Когда Анни с Игн совсем далеко ушли вперед, и фигурка её стала только темным, расплывчатым пятном, он сел в кэб, но приказал кучеру возвращаться. Он поехал домой. Он больше никогда не вернется в гостиницу, где его тщетно ожидала роковая красавица.

Вероятно, в этом есть какой-то смысл, и всеми событиями руководит высший разум? Князь Артур точно об этом не думал.

На завтра приехала графиня. Это была рассудительная немка, мудрая и терпеливая. Она не стала метаться в истерике, измены супруга для него были не впервой. Ей необходимо было сперва разобраться в обстановке. Она заняла выжидательную позицию. Войцеховский вечером появился дома и никуда не отлучался. Они устроили романтический ужин, долго сидели возле камина и графиня, наблюдая за ним со стороны, как кошка, не могла понять его настроения.

Она не заметила в нем новизны чувств, состояния легкой эйфории, ожидания, которое в такие моменты часто отпечатывается на наших лицах. Войцеховский был прежним. Спокойным и чужим, но с оттенком грусти в глазах. Даже было странным, он никуда не торопился, он просто отдыхал. И она решила дальше ждать и только наблюдать, хотя её нанятым соглядатаем и было дано задание узнать, где находится Гричич и все докладывать о встречах её с Войцеховским. Прошел день, второй, третий. Войцеховский вернулся ночевать в охотничий домик, никуда не торопился, а соглядатаи звонили с докладом – «Не встречался». И вот Серафима Гричич заметалась. У неё образовался душевный «Вакуум» и даже возникла паника. Она ничего не понимала и так не должно было быть! Бессонными ночами она гоняла перед собой мысли, мысли, а сердце гулко стучало, и интуиция предупреждала о плохих новостях томящим предчувствием.

Она утром рано, возле ограды дворца Маштоншваре стала держать кэб, и сама томилась в ожидании. И вот, вот из кованых ворот показался выезжающий экипаж. Она насторожилась, а сердце забилося так, что могло сорваться и его стук она стала ощущать в висках.

Выехавший кэб поравнялся и остановился рядом, но из него никто не показался. Там ждали. Она решительно направилась к нему. Ведь было несомненно, что ждали именно её. Открыв дверцу, она заглянула вовнутрь и услышала грудной, сердитый женский голос:

– Заходите, милочка, нам есть о чем поговорить.

И на завтра утром, соглядатай графини позвонил ей по телефону. Утренним поездом, Стефани Гричич покинула Будапешт и по, всей вероятности, вернулась в Россию.

Она вернулась. В дороге, не переставая по лицу у неё текли горючие слезы. Пусть не получилось снова выйти замуж, но она не могла еще пока так сразу вырвать с корнем князя Артура Войцеховского. И ей было сейчас очень больно!

ГЛАВА 50

Хелен, как всегда, все узнавала первая. Она утром звонила Анни и кричала «Анни, Игн в тюрьме!»

– За что? – воскликнула женщина на другом конце города.

– Анни, не говори, что ты не знаешь, чем он увлекался?! – разозлилась Хелен

– Я знаю он искал причины несовместимости клеток крови – тоже громко ответила Анни.

– Его вчера вечером арестовали на конспирационной квартире, они разрабатывали план выступления рабочих Ганца. Готовили жалобу в парламент, её называли петицией. С ним арестовали многих. Анни, мне очень жаль нашего друга!

Анни молчала. На неё навалился такой страх! Она знала Игн. Его пристрастия, его мировоззрение. Она всегда его предостерегала! И она поняла, что в этот раз это настолько серьезно, что закончиться все может плачевно. Опустив трубку, она уперлась лбом в стенку. Мысли хаотично работали. Но она не могла придумать, что сейчас можно сделать и как помочь. Но, потом что-то решив, опять поднесла трубку к уху:

– Хелен, узнай, где он, конкретно!

– Я знаю. Он сейчас в полиции Пилишского комитата, его будут судить.

– Бедный Игн, бедный Игн. Хелен, я сейчас в больницу к доктору Цобику и поедем вместе в полицию.

Анни пошла к графу фон Махелю. Он во дворе возился с малышом. Сделал для него маленький парашютик и пускал его с высоты. Кристиан сидел на разостланном на траве одеяле и восторженно тянул к нему руки, но отец не давал, ибо он моментально смял бы игрушку в своих цепких ручонках и чудо закончилось бы. Выпрямляясь во весь рост, чтобы повыше отпустить парашют, граф несколько раз кашлянул. И Анни насторожилась. Уже несколько дней подряд её озадачивает этот редкий кашель. Её мысли хаотично кружились в голове, но кашель супруга на мгновение вырвал её внимание из этого хаоса, и она отметила про себя, что необходимо графа отправить на обследование.

Рассказав обо всем, что ей стало с утра известно, граф сам предложил ей вместе поехать в полицию. Она такого щедрого предложения не ожидала, но это было самым лучшим, что она могла бы сделать для Игн.

Она подняла Кристиана с одеяла и с благодарностью чмокнула своего супруга в щеку, указав ему мимоходом, на появившийся у него кашель. Он отмахнулся.

– Это пыли наглотался в цехах – ответил он.

Но Анни настаивала:

– Ну раньше же такого не было!

– Было, в молодости, после войны.

Они вместе пошли к дому, надо было уезжать в полицию.

Игн устало опустился на скамейку за длинный деревянный стол. На руках были наручники и эта картина повергла всех в оцепенение. Их Игн, который, не жалея себя работал за двоих, помогал людям и всегда своим друзьям, сейчас сидел в наручниках! Как преступник, как злодей! Интеллигентный человек, доктор! Хелен всплеснула руками, а он при этом, бросив на неё быстрый взгляд, виновато улыбнулся. Анни была больше сдержанна. Рядом стоял граф фон Махель и Игн протянул ему руки в наручниках для приветствия.

– Какое несоответствие – бросил он никому не понятную фразу.

– В чем? – не понял граф.

– А ...это вам не интересно и долго рассказывать – отмахнулся Игн.

Анни села напротив стола.

– Игн, в чем тебя обвиняют?

Он поднял свой потухший и усталый взор на неё и кратко бросил:

– Я политический.

Анни видела его красные глаза. Сильно впавшие щеки, сразу определялось, что он ночь не спал.

– Игн, мы собрали большую сумму денег, это поможет. Подскажи, как нам лучше это сделать?

И он сразу посмотрел на графа Махеля. Помощь пришла от него. Тот отрицательно качал головой.

– Там не только мои деньги.

Тогда Игн произнес и всех это повергло в шок:

– Ничего делать не надо. Я должен все это пройти. Я знал – что делаю!

Все тихо стояли рядом со столом, за которым друг против друга сидели Анни и Игн и гнетущая обстановка, уверенно опускаясь на плечи, стала давить и все это ощутили. Граф редко покашливал и Игн также обратил внимание на странность кашля.

– Граф, вам надо пройти обследование.

Граф фон Махель в знак согласия утвердительно качнул головой. Он не хотел сам себе признаваться, но в последнюю неделю очень быстро уставал, ослаб аппетит и появилась слабость.

Анни с мольбой глянула на супруга. Даже посторонний человек сразу обратил внимание на его кашель. Она и сама сильно осунулась, черты лица заострились. Стресс, в который она вошла и еще пребывала в нем, затянулся, да и не могло быть по-другому, с ним просто нужно было научиться жить. Но, она никому не рассказывала, что несколько дней назад ей приснился очень плохой сон и еще находясь под его впечатлением, в душе её металась паника, с которой она втайне боролась, но это высасывало из неё все внутренние силы! Сны всегда нас о чем-то предупреждают, но вот самое интересное то, что пути выхода или варианты избежать плачевных обстоятельств не показывают, ты все равно войдешь в эту реку, как ни старайся её обойти.

А снилось ей, что она с супругом гуляет в саду своего дома и солнечная погода постепенно сменяется ветром, который все усиливается, небо темнеет и темнеет. Она всматривается

туда, вдаль, откуда же надвигается этот ураган и он, все приближается и приближается огромным вьюном, но она не одна, у неё есть опора, защитник, она хочет ему сказать, что нужно укрыться в доме, поворачивается к нему, а он отталкивает её от себя, и подталкивать начинает к дому, показывает на него и требует, чтобы она поспешила укрыться, но сам остается. Он, почему-то в дом не пойдет. Анни не понимает, но слушается, идет в дом, и обернувшись на пороге видит его гордую спину, он упрямо идет в ураганный вьюн, входит в него и пропадает. С изумлением, когда ураган подкатывается с мощнейшей силой к дому, она захлопывает дверь, он пронесется мимо. Но, выйдя из дома, она видит, как много урона, в саду, беседке, деревьям нанес ураган, а супруга нигде нет. Она проснулась с чувством тревоги и потери, граф спал рядом. С тех пор, как Кристиан стал спать беспробудно всю ночь и не требовать молока среди ночи, они снова стали спать вместе. Его поседевшая голова мирно покоилась на шелковой подушке, а она уже ощутила чувство потери и ей стало еще больнее, чем от известия про Артура Войцеховского, которое ей принесла Хелен. Беззащитность и одиночество пугали, пугали задолго до своего воплощения в реальность! И Игн... Она не может представить уже свою жизнь без его участливых советов, серьезных глаз, дружеской поддержки. О, дева Мария! Что это стало происходить вокруг? Откуда выпрыгивают такие пугающие призраки?!

Она положила свои кисти рук на руки Игн в наручниках и взмолилась. О, если бы кто-нибудь только знал про её пугающие призраки и её страх!

– Игн. Ты нам нужен. С графом что-то происходит. Ты хороший доктор, ты сможешь обследоваться!

– Анни... – хотел что-то сказать он, но она перебила.

– Игн, надо быть рациональным. Ты нужен всем на свободе. Ты нужен больным. Простым. Бедным людям! Кому будет лучше, если ты будешь сидеть в тюрьме? Думай об этом и только об этом.

Он опять усмехнулся, только усмешка получилась кривая. Ему было тяжело, он держался.

– Ты же сама доктор. Ты хороший доктор, Анни, но графу необходимо в клинику, не к нам. Хотя, знания доктора Цобика, да в условиях клиники, и тогда можно быть уверенным в хорошем результате!

Анни ласково и медленно стала водить взглядом по его лицу. Как мать смотрит на чудо ребенка и любит.

– Игн. Ты всегда был порядочным. Как можно тебя посадить в тюрьму, это нелепо! Это абсурд!

– Анни. Не место сейчас и не время начинать дискуссию. Абсурд то, как живут простые люди, работая по 12 часов в сутки. Абсурд начислять людям зарплату, а затем штрафами все это отнимать. Анни, но ты женщина. Оставь это мужчинам. Мне только мать жалко. Они уже все знают или нет?

Анни пожала плечами. Игн вопросительно посмотрел на Хелен и та, недоумевающе, пожала плечами.

– Вот я и говорю, ты самый порядочный, кого я знаю. Ты никогда не был беден и не жил в нужде, но у тебя такое неумное стремление всем помочь, откуда? И если бы только это было так безобидно. Но ты же сам жертвуешь собой.

– А разве помощь – то, когда ты думаешь только о себе, не заденет ли чем-то это тебя? Это только имитация.

– Что? – не поняла Анни.

– Имитация – повторил он. – Галочка перед людьми – вот какой я хороший!

– Да, Игн, ты во всем прав. Но ты одно только пойми, твое сердце, твой ум, твои руки нужны людям не в этом месте, ты изменяешь своему призванию.

Хелен так же не выдержала и под села к Анни на скамейку.

– Ты еще должен открыть причину свертываемости крови при переливании. И здесь ты этого не сделаешь!

Игн хлопнул ладонью по столу. Он с трудом находил в себе силы быть спокойным и выдержанным. Они задевали за больные места, и он стал сдавать. А поэтому решил прервать беседу.

– Все, граф, забирайте женщин отсюда, они не вписываются в этот интерьер! – хотел он пошутить и сам поднялся. – Не знаю, что впереди, но я вас всех люблю.

Хелен даже всплакнула, А Анни открыв рот силилась что-то еще ему доказать, но это уже было бесполезно. Его молодая спина стала отдаляться. Он показал охраннику взглядом, чтобы тот открыл ему дверь и исчез в полумраке мрачного холодного помещения.

Граф фон Махель вывел женщин на улицу. Все были подавлены. Но усадив их в экипаж, просил уезжать без него. На прощанье сказал, что еще сделает одну попытку помочь и стремительно направился к зданию полиции. У женщин резко посветлело в душе. Затеплилась надежда.

События развязались к положительному результату только к вечеру. Начальник полиции взятку взял, но Игн сильно избили. Он ничего не понял потом, но перед ним открыли дверь и как мешок с трухой, избитого и окровавленного вышвырнули на улицу. Он летел вперед и больно, ужасно больно упал на свои руки, разодрав о прибитый ногами и колесами экипажа песок кожу. Он понял, что это «начало конца» и приготовился умереть, но к нему с живым участием кто-то быстро бросился на помощь. Подняв окровавленное и синие от синяков лицо, он узнал своего отца. Тот стал изо всех сил стараться его потянуть за руки и поднять. Игн, еще окончательно ничего не осознав, стал оглядываться, откуда последует очередной удар. А за ним была плотно закрытая дверь и на улице больше никого. И там, за прозрачными стенами было относительно тихо... кто-то кормил собак. Песок поскрипывал под удалявшимися парой ног, хлопнула железная дверь, еще кто-то прошел мимо, но к нему потерялся всякий интерес. Отец стал торопить его, очень хотелось поскорее покинуть это место. Игн поднялся и шатаясь, спешно поспешил с отцом вон, залечивать раны.

ГЛАВА 51

У Хелен шел шестой месяц беременности. И живот был очень большой. Она отекала, наметился второй подбородок, щиколотки располнели. Ее постоянно слушали, но каких-либо осложнений не выявлялось. На седьмом месяце то же самое. Она быстрее нормы набирала вес, но при прослушивании ей диагностировали – наличие одного плода. На восьмом месяце беременности стали пальпировать её живот и вход влагалища, и врачи установили – наличие одного плода. Ее увезли в Австрию, в ту же клинику, где рожала Анни. Миррано пробыл с ней там две недели, и вконец одуревший от её капризов, под любым предлогом вернулся в Будапешт, решив звонить каждый день и появиться в Австрии на последнем месяце беременности, притом, что врачи отклонений от нормы не диагностировали. Она изъела его своей скукой и по поводу этого все претензии направила в его адрес. Он водил её в театр, в оперу, в سینема. Они медленно и осторожно гуляли по улицам города, потому что врачи советовали прогулки. Он на неё то смотрел без должной внимательности, то почему-то взял себе первый чашку кофе, а не ей предложил. То ей среди ночи нестерпимо хотелось печеной картошки, то проходя мимо одного дома, который красили свежей краской, он её еле от него оттащил, потому что она обнаружила, что её этот запах просто завораживает. Она даже стала лизать куски отвалившейся штукатурки и Миррано охватил страх, за то, что у его супруги совсем плохо с головой. Он был врач, но психологических аспектов, причуд, возникающих во время беременности, он не изучал, и никто его в это не посвящал. Творог она ела каждый день, но организм требовал кальция в гораздо больших количествах. Стали ей мелко – мелко растирать яичную скорлупу, но от неё её мутило. Ей нравилась штукатурка.

– Хелен, – молил супруг – ты же не маленькая девочка, надо сдерживаться, а сдерживаться у неё не хватало сил.

Если Миррано среди ночи вставал не быстро, а медленно, потому что ей «дико» захотелось соленой рыбы, она приписывала ему море эгоизма и равнодушие к ней и её не рожденному ребенку. То ей становилось настолько страшно, и она была уверена, что во время родов обязательно умрет, что даже заранее просила заказать ей именно такого фасона погребальный наряд и играть только ту музыку, которая ей нравилась. А еще она пол дня проводила в молитвах к Деве Марии, а на следующий день кричала, какая жизнь ужасная и в ней нет Бога, иначе он не позволил бы ей умереть и другим её знакомым тоже! Как кошка за мышкой, она наблюдала за Миррано, чтобы удостовериться, проявляет ли он к ней заботу или только думает о себе? И плакала, и хныкала, и грустила, и заламывала руки и по пол дня валялась в постели, ожидая смерти. Воистину, она вела себя совершенно неразумным ребенком.

Миррано ей однажды в раздражении выпалил прямо в лицо.

– О! если бы я только мог, лучше бы сам носил этого ребенка за тебя!

– И согласился бы даже умереть? – как ни в чем ни бывало, огрызнулась она.

Он в нетерпении стал размахивать руками так, словно бьет ладошками об стол.

– Ну почему ты все время думаешь о смерти, так же и притянуть эту смерть можно! Я просил тебя – выброси это из головы. У тебя нет никаких отклонений!

– Да, а то, что я отекала, вот посмотри, – и она приподняла платье.

– Да, ты расплелась, и да... ты отекаешь, но моя мама родила пятерых детей, и я второй. У неё было точно так же. Это у многих!

А она совершенно не впопад, переключилась на другое

– И все дети живы?

Миррано уставился на неё, не зная к каким последствиям приведут её расспросы и его ответы. А она ждала и напряженно смотрела на него.

Он помедлил. И уже тише проговорил:

– Нет, осталось четверо. Но моя мать совершенно была в других условиях.

– Вот видишь, а ты говоришь не бояться.

– Дорогая, ну будешь бояться, это поможет родить?

Она опустила глаза. Он был прав. Но некая стихия брала её в свои обороты и уже не выпускала. Резко, вдруг, опять закинув голову, она с вызовом произнесла:

– Ты хочешь, чтобы меня не стало? Хочешь?

Миррано чуть не задохнулся от этого безумия. Несколько раз глотнув воздух ртом, он хотел что-то произнести, но получилось только прошипеть. Как только эта женщина забеременела, её словно подменили... Он стал ходить взад и вперед по комнате, потом плюхнулся на кровать рядом с супругой, которая, видимо была удовлетворена произведенным впечатлением и несколько раз хлопнул себя по лбу. От раздражения он покраснел.

– Ты... думаешь, что ты говоришь! Все жилы ты из меня вытянула! – и уже чуть не плача – Это ты хочешь моей смерти! Я не доживу до твоего разрешения! Ты дура, дура! Совсем дура!

А ей было скучно. Она не останавливалась.

– У друзей моей семьи при вторых родах женщина умерла, а в соседнем поместье ребеночек мертвым родился.

Миррано кипел и ему уже стало казаться, что на нервной почве у него шевелятся волосы на голове. Он как-то «дико» посмотрел на свою супругу. У него уже от этого изматывания кончался словарный запас. Но он еще выжимал из себя что-то, и как спасение, у него появилась мысль под любым предлогом исчезнуть из дома.

– Хелен, твоя подруга Анни благополучно родила здорового ребенка. Ты молодая и здоровая женщина, зачем ты набираешься в свою голову плохие примеры? Ты получаешь от этого удовольствие? Ты просто мазохистка? – и его осенило. – Ты мазохистка.

Хелен хмыкнула.

– Жаль, жаль я не увижу с того света, какое у тебя будет лицо на моих похоронах и никто тебя уже не упрекнет за твои слова.

Он вскочил как ошпаренный. Заметался. Схватил резко пиджак, под которым опрокинул стул и выскочил с широко открытыми глазами в гостиную. Подскочив к столу, залпом выпил налитый в графинчик сироп из слив, прямо с графина и поспешил из дома.

Почему с Хелен произошло такое загадочное превращение, никто не знал. Даже её родная мать считала, что она очень странно переносит беременность. Все с таким нетерпением ожидали её роды, потому что ни у кого уже не хватало терпения выносить тот бредовый лепет, которым она замучила всех, и своего супруга в первую очередь. Но... самый свой звездный концерт она припасла на сами роды.

Все происходило как надо. Как при самых обычных родах начинается. Схватки начали усиливаться постепенно, в пять часов утра. Миррано с ней не спал, иначе у него сдали бы нервы и не дай бог, в нервном тике придушил бы свою супругу. Ибо если у неё начинался словесный поток, его было не остановить. И все про смерть.

Она стала тихо стонать и ворочаться, даже расплакалась. Он включил светильник и вошел в комнату, зажег и у неё свет.

– Начинается – простонала она.

– Ты уверена, или опять твоя истерика?

Она с ужасом уставилась на него.

– Я что не такой доктор как ты?

Он съязвил:

– Извини, за эти месяцы я напрочь забыл, что ты тоже доктор.

Стали звать акушерку. Раньше их в Германии называли повитухами. Но медицина за последние сто лет сильно продвинулась вперед.

Вначале она стала упираться идти рожать в акушерскую и заявила, что останется на этой кровати, ей так удобнее, и добавила, если что, то здесь легче умирать будет. У Миррано уже начали дергаться нервы, но её слова он проигнорировал. Ей пошли на встречу и оставили на кровати. В спальню комфортабельного номера клиники вызвали доктора-гинеколога. Он вошел в перчатках, чем несказанно удивил Хелен. Не смотря на боль, она стала интересоваться, что у него на руках и откуда. Ему пришлось объяснить.

Он долго, очень напряженно, слушал её живот акушерским стетоскопом. Его что-то настораживало, но он не был уверен. Не знал он с кем имеет дело. Хелен стоило только уловить его озабоченность и некую озадаченность и её как включили. На глазах появились слезы и она захныкала. Доктор невозмутимо посмотрел на неё и спросил:

– Зачем вы раньше времени плачете?

– Что-то не так, доктор. Я поняла. Вы боитесь мне сказать. Я же все вижу, не глупая.

Он не видел никакой причины для её повышенного волнения, но его, действительно, кое-что озадачило.

Он все-таки предложил ей пройти в кабинет для рожениц, но она стала отрицательно качать головой. Глазами она отыскала супруга.

– Ты должен быть рядом! Хорошо?

Миррано нервничал, но он сам хотел быть рядом, он же так же доктор. И утвердительно качнул головой.

Доктор-гинеколог-акушер клиники настаивал.

– Мне необходимо вас тщательно про пальпировать, мне это сделать здесь неудобно. Пройдемте в кабинет на смотровой стол. И Миррано принялся её уговаривать. Она согласилась.

Еще через два часа все, кто находился в том кабинете уже находились повышенном перевозбужденном состоянии.

Хелен так же, как и Анни не желала, чтобы её осматривал врач-мужчина. Ее уговорили уступить. Уговаривал даже сам супруг, в целях её же самосохранения.

Про пальпировав головку плода, доктор стал иметь еще более озадаченный вид. Измерили давление.

Отойдя в сторону, он подозвал к себе Миррано, и что-то ему сказал. У Миррано взметнулись вверх брови и появилось на лице выражение легкой потерянности.

Шейка матки уже полностью открылась. Начался завершающий этап. Хелен кричала, что над ней все издеваются и хватит её мучить! Каждая схватка лишала её сил. Акушерка командовала, чтобы она тужилась. Она то слушалась, то не слушалась. Миррано стоял в изголовье и вытирал с её пот. Когда ей ввели во влагалище щипцы, она заорала так, что заложило уши.

Сестра-акушер её просила, ласково и заботливо не кричать. Крик забирает силы, а они нужны при схватках, чтобы тужиться. Бесполезно. Щипцами, замотав младенцу ножки, его легко извлекли наружу и увидев голое, окровавленное тельце, висящее головой вниз, у Хелен от ужаса стали вытаращиваться глаза и скривился рот. Она думала он мертвый. Но его хлопнули по попке и раздался высокий, звонкий плач. Миррано чуть не заплакал. Столько напряжения, сколько нервов, и томящего ожидания ему довелось пережить!

Акушерка уверенно произнесла:

– Второй идет.

Хелен замерла. Это было сказано четко и громко, не услышать было невозможно, но её изумление так затянулось.

– Дева Мария, – взмолилась она и в истерике забилась на родильном столе, Миррано поспешил опять взять её за плечи, чтобы, чего лучшего, она не скинулась в припадке с этого стола. – Откуда там взялся второй? – завывала. – Я не хочу второго, я с одним не справлюсь – причитала она, вытаращив на всех глаза, словно они были во всем виноваты.

Доктор-гинеколог сказал:

– Госпожа Хелен Полани, вы пессимистка. Почему не справитесь? У вас же кормилица будет, горничная.

– Я рожать больше не могу!

– Можете!

– Не могу! Я устала!

– Ну уж нужно постараться – развел тот руками. Его начинало все это забавлять, ибо серьезно это никак не могло быть.

– Я не хочу. Мне надоело, Я устала вам говорю!

Доктор с немым изумлением поднял к ней свой взор. Миррано стал опять в раздражении обкусывать губы. И сестра-акушер тихо улыбалась. Что-то женщина говорила диковинно, словно не совсем в своем уме. А ей сказали, что эта женщина сама доктор. Они, здесь, в клинике, конечно, простых крестьянок, безграмотных, не принимали, но таких ребяческих выходов еще ни у одной роженицы не проявлялось.

А Хелен, приподняла голову и перехватив взгляд доктора, вконец разозлилась.

– Я столько выстрадала – с упреком ко всем, запричитала она – пока носила ребенка, а оказывается их двое. Мне было так тяжело, а супруг даже не понимал меня, обозвал мазохисткой. И сейчас у меня закончились силы, я больше не могу стараться. Делайте что хотите...

Доктор пожал плечами.

– А у вас есть выход?

Хелен быстро-быстро замотала головой, началась новая сильная схватка.

– Тащите его из меня. Что б я еще раз рожать собралась!

Миррано скривился. Промолчал. Ребенок вышел сам. Шлепнули по попе. Живой. Мальчик. Это были близнецы.

– Нужно еще по тужиться – попросила сестра-акушер. – Чтобы послед вышел. Сами. Схваток больше не будет.

И Хелен послушалась, но сил уже не было. В изнеможении она упала на подушку. Миррано тщательно и с благодарностью вытирал её прохладным полотенцем. Его жена спала. Спала, как младенец и ничего уже из происходящего не слышала. Так бывает.

Доктор клиники оставил заканчивать работу сестре-акушеру и шатаясь вышел из кабинета глотнуть свежего воздуха. Роды были обычные, необычной была пациентка. Он непременно решил завтра и послезавтра взять выходной.

ГЛАВА 52

Анни сидела в кабинете в ожидании доктора клиники Иоффа Вайнберга. Был уже вечер и с самого утра они с графом фон Махелем находились здесь. Ее супруг проходил обследование. Она выпила уже десятки чашечек кофе, читала книги из шкафа профессора, ходила взад и вперед, выходила на балкон и долго смотрела на прохожих, снующих туда, сюда. Она просидела бы здесь терпеливо сколько угодно, но её грызла изнутри сильная тревога. Последний месяц стал настолько трудным, что она стала пессимистично смотреть на окружающий мир, и её близкие её не узнавали. И вот, из боковой двери показалась фигура профессора и уже по походке, как ей показалось, не веселой и осторожной, она почувствовала приближение горя. Страх сдавил сердце. И у неё даже не хватило сил подойти навстречу профессору самой, чтобы поскорее узнать результаты. Она, наоборот, словно вжалась в стул и сгорбилась, в ожидании удара. Но все её естество было направлено туда, откуда вошел доктор.

И он, подойдя к ней, почувствовал её состояние. Лицо выражало глубокое сожаление и было печальным.

Она даже не спросила ничего, даже не произнесла этот так давно стремящийся вырваться наружу вопрос «что?».

А доктор, бросив мельком на неё встревоженный взгляд, сразу опустив глаза, стал докладывать.

– Графиня, вы сегодня поедете домой без своего супруга, он останется у нас. У него подозрение на чахотку, её сейчас назвали туберкулезом. Вы сама доктор, вы знаете, что это такое...

Анни открыла рот, словно произнеся восклицание.

– А! – но на самом деле, звук не пошел, и она стала мертвенно-бледной.

Возникла пауза. Профессор дал ей время пропустить информацию через себя и осмыслить её, а потом продолжил:

– Туберкулез на ранней стадии, но он опасен для всего окружения и для вашего малыша, он должен быть срочно помещен в клинику, но я предполагаю, что на днях он уедет в Эдинбург – Шотландию, там самый лучший санаторий.

Он подал ей стакан воды. Он один из самых опытных врачей и знал, в эти времена туберкулез практически не лечился.

Анни сделала только несколько глотков и с удивлением подняла на него глаза.

– Это болезнь бедности и нищеты, как же так, граф не может заболеть туберкулезом, этого не может быть, вы абсолютно уверены в результатах обследования?

– Графиня, я так хотел бы ошибаться! Я предполагаю, у графа на производстве есть рабочие, больные чахоткой, он заразился.

– А туберкулин. Это новое средство, его нужно ввести графу.

– О, я вижу, вы осведомлены. Конечно же, мы так и собираемся сделать. Но он действует профилактически, а не... Я очень хочу дать вам надежду!

Она медленно поднялась и растерянно стала искать что-то или кого-то. Потом опять обратилась к профессору:

– Я же могу увидеть своего супруга?

– Да, графиня. Я распоряджусь, чтобы вам принесли повязку.

При этих словах, она тихо заплакала. Она хорошо знала, что теперь долгие месяцы, если не годы, она сможет общаться с графом фон Махелем, только в повязке. Она очень долго не увидит его ласковых губ, не поцелует их!

И сам граф сидел пасмурный, молча глядя в окно и в повязке. Анни, как только подошла к нему, так и упала ему на грудь. Всегда, всегда она считала себя стойким и сильным человеком. А сейчас стойкости и силы духа не хватало. Она стала боязливой, её терзали постоянные тревоги и страхи.

Она рядом со своим ухом слышала его грудной, мягкий голос, он говорил ей, что не надо заранее паниковать и списывать его со счетов, болезнь не запущена, её вовремя обнаружили и это благодаря её же наблюдательности, но уже эти слова в её мозг не проникали, она только знала, что вошла в черную комнату, без окон и дверей и куда двигаться в кромешной тьме она не знала и её от этого настигло отчаяние. Она сама не отдавая себе отчет впиалась руками в его плечи со всей силы и у графа даже несколько позже обнаружились синяки. Она как за уходящую надежду вцепилась в его руки и ему даже стало это забавно. Но, в данный момент веселость здесь была неуместна.

И очень поздно вечером, сидя дома в своей комнате, отупело глядя в окно, позвонила из Австрии подруга с приятным известием, и Дора поднесла телефон, а Анни словно в прострации слышала голос Хелен в трубку и первый раз в жизни не обрадовалась её успехам. Там на свет появилось две новые жизни и целых две! Близнецы. Это редкость, это чудо! И Анни должна была стать им крестной матерью, а у неё по лицу, вместо улыбки, показались горячие слезы и тихо покатались по бледным щекам. Но она сдержалась и несмотря на то, что ей хотелось закричать на весь белый свет со всей своей силы, она решила Хелен не омрачать радость и дрожащей рукой протянула Доре телефон назад. О, дева Мария, дай только силы выдержать!

Дора обняла её за плечи, потом, как мать, стала ласково гладить по волосам. Неожиданно, откуда-то узнав о печальном известии, пришла поздно её тетушка. Все были подавлены и молчаливы, но все интуитивно знали, когда очень больно, лучше быть с кем-то рядом и видеть в других глазах участие, в чужих словах поддержку. Тетушка решила сделать это. Анни поплакала, а потом неожиданно, выпрямила спину, вытерла слезы, и сама себе и другим сказала:

– Будем бороться, вот и проверка меня как доктора настала, и я её должна пройти. Ребенка я оставляю вам на попечение, так как уезжаю в Эдинбург.

Через месяц они вернулись из Шотландии. Родители соскучились по своему сыну. Граф чувствовал себя хорошо. Ему сделали вакцину туберкулина и болезнь отступила. Но на руки сына уже не брал, в комнату его заходил в марлевой маске на лице.

Малыш пробовал ходить. Держась за ножки стульев, он вставал на ножки и гордо всем улыбался. Маленькие ножки легонько дрожали, и он пошатывался, но уже стоял.

А Хелен с Анри Миррано занимались подготовкой к крещению. В их доме всегда царил суеда и оживление. Миррано убегал от хлопот на работу, там ему было привычнее. А придя на работу, он уже начинал скучать по своей семье. Хелен наняла кормилиц, и отец ссужал крупные суммы денег, чтобы у его любимых внучков все было самое лучшее.

Собралось на крестинах довольно много народу. Родственники Миррано из Италии приехать не смогли, зато со стороны Хелен были не только её родители, но и Игн и Анни с графом фон Махелем. Они же были выбраны крестными. Малышей на руках держали кормилицы, потому что Хелен одела самое нарядное платье, на нем было так много бантиков с кружевами, и она боялась их помять. А Миррано, взяв выходной в такой торжественный день, расслаблялся с Игн пуншем, на радостях, и даже не заметили, как опустошили хрустальную емкость, постав-

ленную в центре стола для гостей. Миррано, как человек переживший девять месяцев беременности своей супруги – как на войне, был рад найти себе компаньона и собеседника. Пунш напиток не очень крепкий, но верный. Ноги отказывают первыми. И, когда два экипажа, снаряженные, чтобы отбыть к костелу, были готовы, мужчины обнаружили колоссальную слабость в ногах. Они просто не слушались их. У Хелен даже перехватило дыхание от возмущения, когда она обнаружила своего супруга, ходящего довольно странной походкой, нахлобучившего шляпу на самые брови. И уже сидя в экипаже, он вынужден был выслушать полную тираду словесного потока, которая совершенно не омрачила его приподнятого настроения. Дети, дети еще совсем маленькие не успели внушить родителю ответственности за каждый прожитый им день именно родителем. И их папа, и мама воспринимали как живых игрушек, благо прислуги в доме было достаточно. И сама мать и тем более их отец, еще не научились их различать, по сути своей у них даже еще не было имен. Но так как у каждого из них была своя кормилица, их еще ни разу не попутали.

Выстроившись в костеле перед пастырем церкви, теперь детей на руки взяли их крестные. Анни отошла физически и психологически от свалившегося на неё психологического стресса и выглядела свежей и веселой. Граф фон Махель был рядом, но к детям не приближался из-за предосторожности. А Хелен даже слегка была обескуражена. Она завидовала подруге белой завистью и тщательно это скрывала. После рождения близнецов, её талия оставалась все такой же широкой и даже не ушел наметившийся второй подбородок. Три дня она обходила все фешенебельные салоны одежды Будапешта, чтобы сразить на повал своим платьем всю публику на крестинах, а её подруга приехала из Шотландии в совершенно неординарном наряде, сшитом по последним выкройкам модных домов Европы, без всяких бантиков и рюшечек и на её точенной фигурке это смотрелось гораздо элегантнее и изысканнее. Она украдкой видела, как изредка граф фон Махель обхватывал осиную талию своей молодой супруги, и облегаящая шелковая материя её платья просто струилась по её обворожительным изгибам тела, словно обволакивая своей влюбленностью каждый её изгиб и одновременно играя с теплыми лучами солнца поздней весны. И её платье доходило только до щиколоток, открыто демонстрируя всем белый, на высоком каблуке башмачок, спереди завязанный шутивным бантом. Если бы только Хелен не успела из-за этой беременности так отстать от моды, она непременно заказала бы своей подруге привезти для себя все последние нововведения в женских нарядах!

Когда пастырь традиционно читал монолог над родителями этих мальчиков, а потом еще некоторое время молился, Миррано и Игн вконец изнемогли. Ватные ноги, просто подкашивались и все тело, повинувшись закону физики, тянуло вниз и давило на расслабленные мышцы, и ты хоть садись на пол и сидя слушай напутственную речь священника. О, это была пытка! Чтобы не рухнуть сразу всем телом на пол, приходилось все время переступать с ноги на ногу, а вокруг стоящие родственники уже стали обращать внимание на это беспокойство, и даже сам пастырь несколько раз косился подозрительно в их сторону.

Когда головку одного малыша слегка облили крещенной водой и кормилица ловко стала повязывать ему чепчик, ноги Игн первыми сдали и, если бы не стоящие за его спиной родственники, ему пришлось бы падать прямо на пол. Возник шум, и он стал перед всеми оправдываться:

– Кто ж знал, что у вас пунш такой пьяный окажется! Меня ноги не держат. – У него забрали ребенка и отдали кормилице. И тут пастырь сам приходит в полное не состояние. Он спохватывается, потому что забыл в руки взять крестик. Покинув посетителей костела, он бросается его искать, попутно удивляясь своей рассеянности, ведь с ним такое впервые. Столько лет и столько младенцев было крещено им в костёле, а тут как пелена глаза застлала! И у Миррано тоже отказывают мышцы ног. Хелен просто впала в ярость. Его присаживают на скамеечку. А кормилицы, чтобы поправить малышам белье, положили их на стол возле

кафедры. После холодного обряда, один из малышей раскричался. А возле костела собиралась еще одна толпа родственников, готовилось венчание.

Отругать супруга не трудно. Только это бессмысленно. Кое как он выправился опять стоять. Хелен прислонила его к Игн только лишь потому, что тот считался порассудительнее и приказала – Поддерживайте друг друга.

Вернулся встревоженный пастырь, так как время было расписано по регламенту и стал извиняться. Принесли второго малыша и провели обряд крещения.

И только лишь когда возвращались домой в экипаже, одна кормилица, с испуганным выражением лица шепотом сказала другой:

– Я не уверена, но сдается мне, мы Михаэля по крестили два раза, а Гельмута ни одного. Их перепутали.

Вторая с диким выражением лица покосилась на неё.

– Ты что, брось, не может быть такого!

– Не может? А ты чепчик то сними. У Михаэля чубчик весь мокрый, а у Гельмута совсем сухой.

Недоверчиво, вторая кормилица стала проверять головки и... ..Она от изумления прикрыла рот рукой, чтобы не ахнуть слишком громко.

– О, дева Мария! А как же теперь?

Та дернула её за рукав.

– Пока никому ничего не говори, все ровно в костеле венчание. А затем, когда будет подходящий момент, расскажешь все хозяйке. Их к этому времени может различать уже легче будет. Ой, расстроится же... – и она покачала головой.

Но такой момент, так и не наступил. Вот и случилось. Одного младенца крестили два раза, а другого ни одного. И расти они стали, как в сказке. От одного отца и одной матери, в одной семье и в одинаковых условиях. Только один кричал и днём, и ночью, и требовал свободы от пеленок, а другой был всем доволен и спокоен и никому не досаждал. Одна кормилица отработывала свой заработок сполна, а другая отдыхала рядом с младенцем, уж больно он всегда умиротворенным был. Даже Миррано сказал однажды.

– Один в маму беременную родился, другой в папу. Это твой сын, а это мой! Я второй твоей беременности не выдержу.

ГЛАВА 53

Граф фон Махель не любил прогулки верхом на лошадях и как Анни не упрашивала его составить ей компанию, он мотивировал отказ большой занятостью. За месяц отсутствия в Будапеште, у него накопилось много дел. Его производство работало исправно, но он вникал во все. Проведя месяц в санатории Эдинбурга, он по несколько раз за день разговаривал с управляющим по телефону и все так же принимал решения сам. Анни прекрасно знала это состояние души, когда ты не можешь отстраниться от дела и мыслями и чувствами ты участвуешь в нем на протяжении всего дня, и даже просыпаясь ночью, ты думаешь о рабочих вопросах. Эту ответственность ты когда-то водружаешь себе на плечи и несешь её каждодневно. Ты с ней срастаешься.

Ангел застоялся в стойлах. Ему требовалась свобода и простор. И переодевшись амазонкой, она к обеду уехала на своем любимом друге на прогулку. Больше, она даже издалека, не приближалась к охотничьему домику князя Войцеховского. Все мысли о нем она гнала от себя и боль притупилась. За недавними событиями и известием о болезни супруга, она о нем не вспоминала. Лишь изредка, оставаясь одна сама с собой, мысли о нем начинали будоражить сердце, тогда она шла туда, где находились люди и общением пыталась переключить внимание на суету, которая царил там, где присутствовало общество.

Медленно пустив Ангела и совершенно ослабив поводья, она отдалась его воле и они, кружа вокруг высокогорья, незаметно стали подыматься на вершину холма. Все чаще стали

попадаться огромные валуны, одиноко стоящие, как истуканы и не понятно чьей прихотью появившиеся здесь. В этой местности она еще не была. А выше уже все больше зеленая трава уступала пространство серо-коричневым камням, исчезая, не находя себе влаги для жизни. Анни огляделась вокруг и поняла, что Ангел не отдавал себе отчета куда ему идти и нужно менять направление прогулки. Она натянула поводья и повернула обратно. Постепенно спускаясь, неожиданно увидела красивого всадника, там внизу на плоскогорье. Он, явно их ждал, потому что больше здесь никого не было. И сердце её бешено заколотилось, потому что узнала ту гнедую красавицу голубых кровей и этого атлетически сложенного всадника, с идеальной верховой посадкой и черными волосами, собранными в пучок на затылке. Всмотревшись, она стала кусать нервно губы и ей некуда было от него бежать. Но встречи сейчас она совсем не желала и не знала, как с ним себя вести и как собрать все свои эмоции в крепкий узел, чтобы их не выдавать. А эмоциональный надрыв сразу стал напоминать о себе жгучей обидой к этому человеку, который причинял ей только боль. Она вспомнила сразу, как самым первым её порывом было яростное желание ударить его со всей силы, словно вся её боль была собрана в этом желании.

Его конь спокойно стоял и он, с натянутым ожиданием, смотрел на её неуверенное приближение. Анни опустила глаза, чтобы как можно лучше спрятать свои эмоции. Но щеки вспыхнули и руки поддались легкой дрожи. «О дева Мария! Что же ему здесь нужно!» Она проклинала эту возникшую мысль о прогулке. Ведь полученные раны только стали заживать. И вот поравнявшись с ним, она не могла придумать, как ей себя сейчас вести. Поздоровавшись, уехать отсюда прочь или завести совершенно непринужденный легкий разговор, и всеми силами постараться играть роль веселой равнодушной леди. Но хватит ли у неё на это сил и сможет ли она справиться с эмоциями, ведь даже сейчас её руки дрожали?

– Добрый день, графиня – услышала она его низкий голос и быстро в ответ кивнула головой, тоже в знак приветствия. Ангел приостановился. Наездница молчала. Сейчас она четко почувствовала, что не сможет взять ситуацию в свои руки и управлять собой, как ей хотелось бы.

А он перешел сразу на личности, словно встретились два старых знакомых.

– Я давно уже ищу вас, но вы перестали совершать прогулки...

– Да. Но, вы же знаете, что у меня появились очень большие заботы, я стала матерью.

И она увидела, как при его натянутой улыбке, глаза оставались серьезными, с оттенком нервного напряжения. «Зачем это напряжение? По какому поводу?» – еще мелькнула у неё мысль в голове. Непроизвольно, она тронула коня ногами и Ангел, послушно пошел вперед. На лице Артура мелькнула озадаченность и даже огорчение. Но и он тронул своего коня и обогнав, преградил ей дорогу. Удивившись, Анни не могла сориентироваться, что ей дальше предпринять. Она растерялась и его поведение отдавало легкой бесцеремонностью. Он быстро спрыгнул вниз и подошел к стремянам, голос его звучал мягко, но настойчиво. Перешел на «ты» и она подумала, что ему свойственна некоторая наглость.

– Анни, я прошу тебя сойти, я хочу с тобой поговорить.

Она не ожидала. Женское упрямство и любопытство схлестнулись в одном мгновенье и ...заколебалась. А он ждал и смотря в его большие темные глаза, она чувствовала, что ей хочется поговорить с ним. Но он первым протянул руки и она ощутила, что её как перышко выхватили из седла и не дай бог, попасть целиком в силу этих рук. Словно ему всю жизнь приходилось кузнецом стоять у горна. Машинально, она подняла руки, чтобы со всей, уже своей силы, упереться ему в грудь. Ей снова, именно в это мгновение, так захотелось со всей силы ударить его по лицу, за пережитую обиду, за то, что она невольно подчиняется его силе и он прочитал в её взгляде все. Он не знал, что ей известно о его связи с русской леди, но сейчас все почувствовал. Отдернул прочь свои руки, чтобы не оказывать психологического

давления, и его застигла растерянность. Откуда мог кто-то узнать о его новой любовнице? Для него сейчас все сразу усложнилось.

– У вас ко мне какое-то дело? – чтобы скрыть замешательство, наконец спросила она.

– Ты со мной на «вы»?

– Я просто помню, что вы были моим преподавателем.

Легкая улыбка пробежала по его лицу. Его четко очерченные губы изогнулись, оголяя идеальные зубы. И вот от этого движения, взметнувшегося вверх изгиба губ, она просто была уверена, что самого близкого и родного, легкая паника поднялась из глубины её подсознания. Чем так затрагивались её глубинные струны души? Он обезоруживал этой своей дьявольской улыбкой и все средства внутренней защиты испарялись сами собой. Да на него просто совсем не надо смотреть, но смотреть ему в глаза, на его губы так хотелось!

– Вы уезжали? – решил сменить он направление разговора.

– Да. Вынуждена была.

– У вас в жизни что-то происходит хорошее или не хорошее?

Она опять вскинула на него свой взгляд. Что говорить, зачем говорить и к чему он это спрашивает?

– Справлюсь. Я со всем справлюсь. – ответила, но в его глазах напряжение просто явно нарастало, своей кожей она почувствовала накал этой сдерживающей силы.

– Анни, я не буду блуждать «вокруг да около», я искал вас. Я уже не мальчик и ты стала самостоятельной женщиной. Прятать свои чувства тебе и мне не имеет смысла, мы любим друг друга, нас тянет друг к другу.

И у неё закололо в висках. Это уже стало невыносимо. Хотелось сжать руками голову и закричать со всей силы от того, что та сила, которая возникает в его присутствии настолько мощная и подчиняет себе её волю и разум парализуется, а такое состояние себя – она ненавидит и принимать не хочет. Приходится даже впиваться ногтями себе же в ладошку, с такой силой она хотела сдерживать свои эмоции, и стискивать зубы, до скрежета.

– Вы самоуверенны. С чего вы взяли что я вас люблю? Это было, но прошло.

Он так же не сдержал себя. В эмоциональном порыве он притянул её к себе, и она оказалась как в капкане, в его сильных руках, а на затылке она слышала прикосновение его руки и машинально откинула голову назад, сопротивляясь этой силе. Близко, настолько близко, что ей показалось, что он коснется вот-вот её своими губами, она видела его горящие глаза и в них боролась стихия чувств, не подвластных ему. Но он всегда брал то, что хотел! Только сейчас ради этой женщины он старался, всеми силами сдерживался, чтобы не навязывать свою волю и свои желания. Ему важны были её чувства, мысли, страхи, желания. А её стало парализовать его стремительность. И его дыхание щекотало её щеки.

– Я знаю, что ты меня любишь, потому что вижу в твоих глазах напряженное ожидание. Если бы ты была ко мне равнодушна, взгляд был бы совсем другой.

Она забилась в его руках и в её глазах заблестели слезы. Вся её внутренняя борьба, вылилась в эти движения протеста, и она несколько раз в нахлынувших эмоциях ударила кулачками его по груди и освободившись, из неё просто хлынул поток долго прятанных претензий к нему, хотя на них она и не имела права, также, как и он на неё.

– Не смейте, никогда больше не смейте мне говорить о любви! Вы самый эгоистичный и расчетливый человек! Всегда уверены что все про всех знаете! И совершенно всем это говорите всегда!

– Не всем, Анни.

Она хотела, так хотела бросить в лицо ему упрек о той красивой брюнетке, про которую ей сообщила Хелен, но здравый рассудок еще не до конца подчинился эмоциям, хотя его оставалось с каждым мгновением все меньше и она какой-то глубинной женской мудростью понимала, что не нужно выдавать своей ревности. Но как же, как же сохранить в себе здравомыслие,

на это не хватало сил. Она постаралась успокоиться и переключить себя на что угодно, только бы не на то, что взрывало чувства.

– Я не желаю говорить на тему о нас! Это чушь! Я замужем. У меня самый лучший муж на свете, у нас ребенок. Я счастлива! Ну откуда в вас столько самомнения?

– Анни, откуда тогда слезы? Ты бьешься в эмоциях. Почему? Да... потому что боишься сама себя и меня, а зачем? Ты даже представить себе не можешь какое это счастье и наслаждение быть близкой со своим любимым человеком! Почему ты не хочешь позволить себе это?

И сейчас со всей своей ответственностью она должна была признать его правоту и её это взбесило! Её взбесило, что как всегда её доводы такие слабые перед его, и, как всегда, он одерживает победу и физическую, и психологическую над ней.

Ошарашенно, она прямо посмотрела ему в лицо, потому что ей даже не верилось в то, что так ясно читаема им. Ведь всегда она прилагает все свои силы, чтобы прятать свои чувства как можно глубже. И о неверии и безнадежности говорили её глаза.

– Это все не важно! Поймите вы наконец. Я живу рядом с человеком, от которого вижу все только самое доброе и честное! Да, честное! А вы, лжец! Вы просто пользуетесь своим обаянием и... красотой, может еще чем... харизмой и вами движет только эгоизм и жажда удовольствий!

– Анни, это не так!

– Так! Вы на самом деле не любите никого. Той красивой брюнетке из России вы сейчас также изменяете тут, на этом месте, просто я не позволяю. Вы ловелас и больше ничего! Все просто!

Он отступил. Этот довод выстрелил вернее самого мощного снаряда. Ему так же стало мучительно и сердце заныло томительной щемящей болью. Но он должен постараться объяснить ту силу, движущую его поступками. Если он это сейчас не сделает, ему больше этого никогда не удастся. Она постоянно будет его избегать.

– Анни..., позволь только объяснить. Допусти только мысль, что это была моя попытка забыть тебя. Ну, я не идеален, я человек с желаниями, с такими же страхами, чувствами, потребностями. Я... живу в таком же жестоком мире, как и все и защищаюсь от него, как все.

Она машинально, подставила к его губам свою ладонь, стараясь заставить его замолчать. Это она хотела ему все объяснить раз и навсегда и тем самым установить между ними дистанцию. Перебив его, она закричала:

– Забыть меня! А что забывать? Вы же сами отказались от этой любви. Я же первая открыла свое сердце! Не будем малодушны, но вы трусили тогда. Потом та русская... Она очень красива. Вы же слабы, вы слабы в своем желании получать все самое лучшее. И я не знаю, почему сейчас вы здесь, а не с ней, но бедную, безродную девушку вы не приняли. А когда у меня появилось положение и деньги, вы добиваетесь меня. Но я не буду вашей любовницей! Слышите! Я никогда не сделаю подлости своему супругу, он не заслужил этого и я вам не верю. Не верю. И больше ничего! Я ничего не желаю слушать! – и рукой она даже сделала резкое движение, как бы чертя в воздухе между ними линию границы.

Да, она сказала это решительно. И вся её фигурка встала в позу непоколебимости. Но её что-то еще держало на месте и потом, прокручивая сотни раз всю эту встречу с ним, она так и не смогла ответить себе сама, почему она не вскочила сразу в седло и не бежала прочь с того места.

Он нервно почему-то провел рукой у себя по выбившимся сбоку волосам. И медленно приближаясь к ней, говорил.

– Это все слова. Только слова. Жизнь не чёрное и белое, как ты себе представляешь и становясь старше, ты вспомнишь мои слова. И не всегда человек так просто может распоряжаться собой. Но нас притягивает друг к другу с невероятной силой и это главное! Зачем бежать от этого! Это, только это – самое главное в жизни и мы сейчас можем быть вместе.

– Вы уже готовы оставить графиню?! – изумилась она.

Он отрицательно покачал головой. И она просто словно обезумела от этого.

– Так и есть. Вы снова предлагаете мне роль любовницы!

Он взял её за предплечья и заставил слушать, но говорить было не легко – Я не могу оставить графиню. Никогда! И да ..., я хочу только тебя, но жизнь так распорядилась, ... только любовницей. Но... Анни, я люблю тебя и только тебя, и ты самое дорогое в моей жизни. Ты любовница, но не в том смысле, который ты вкладываешь в это слово. Есть долг, есть чувство благодарности, но и ты есть в моей жизни. И сейчас ты богата и имеешь положение, так разреши себе стать по настоящему счастливой!

Она все так же хотела избавиться от его рук, но он крепко держал её. Но не привлекал к себе. С мольбой в своих больших, глубоких глазах, он словно пропускал через себя каждое её слово, каждое движение. Эмоции не характерны для этого человека, а сейчас он был открыт и уязвим. Он так же не управлял ситуацией. Желания вырвались в мир и обезумев от долго сдерживающей их силы, как собака, сорвавшаяся с цепи, ошалело набирала скорость, но не знала в каком направлении бежать.

Анни все еще делала попытки вернуть хладнокровие.

– Князь, но я не вчерашняя девочка и я доктор, мне более чем кому бы то ни было известно, что женщины рожают. Вы отдаете себе отчет в том, чем для меня может закончиться наша связь в той роли, что вы предлагаете? Вы предлагаете мне ваших детей выдавать за детей графа фон Махеля?!

Какое-то особое действие возымели именно эти её слова. И у него не выдержали нервы. Со всей силы он прижал её к себе, и она даже почувствовала, как он сжал рукой её затылок. Он целовал её лоб, волосы. Его рука перебирала, собранные в прическу пряди и он словно втягивал в себя её запах и было мало и мало. Так хотелось большего. Вихрь необузданной страсти подчинил его себе, и она словно вибрируя в тон ему, стала терять силы, проваливаясь в бездну поглощающего кратера вулкана и все её естество просило разум – уступи, сдайся! Только это сейчас имеет значение! Долгие ночи и дни ты томилась в своих желаниях. Мечтала, звала его, представляла себя с ним рядом и фантазировала всегда близость с ним. Лежа рядом в постели с графом, сожалела о том, что не этот человек прикасается и целует. И вот... неожиданно она слышала его тихий голос. Почти шепотом.

– Анни, я мечтаю иметь наших детей, мне нужны твои дети. Я уже не мальчик! Хочу детей от тебя.

Она, совсем ослабев и отдавшись его объятьям, только слабо ответила:

– Тогда как же все это возможно?

Его губы жадно и сильно впелись в её губы. И она глубоко, всем своим подсознанием ясно осознавала, что на самом деле, с первой же их встречи, еще не осознав это разумом, своим сердцем она всего этого ждала всегда и желала. Она этим жила и это было всегда её настоящей целью. Только объятий этого мужчины она принимала всем своим глубинным человеческим естеством, словно любить этого человека и хотеть его прикосновений, было предрешено ей еще задолго до своего рождения. И вся её нерастрченная страсть сейчас отдавалась ему в её к нему ответном поцелуе. Губы трепетали и неистовствовали. И окружающий мир вокруг терял свои контуры, переставая существовать для неё.

Вдруг, Ангел громко заржал, его укусил конь князя, и она очнулась из небытия, и как протянутую руку помощи над засасывающей бездной, схватилась за неё. Отстранившись, она стала просто молить его, как маленький ребенок, просит о защите от этого жестокого мира.

– Князь, я умоляю вас, отпустите... ..Если я вам на самом деле дорога, вы пощадите мои чувства.

И он с непонимающим удивлением стал искать в её глазах причину её просьбы и нашёл. И она ощутила, как не сразу, но сила в его руках стала ослабевать и наконец, он отпустил её от себя. В его взгляде было столько сожаления, что она не произвольно стала оправдываться.

– Я возненавижу и себя и вас за эту слабость. У меня болен супруг и он, ...его чувства, мне дороги. Не может человек жить лишь страстями, я в этом уверена. И не буду пакостить ему за его спиной, он просто святой человек! Он не мы! Я прошу вас, я просто умоляю вас, князь. Никогда не делайте этого больше! Не проверяйте свою силу на мне...

Сейчас он не стал ничего оспаривать. Он ясно видел, как ей это тяжело и мучительно. Он понял, сейчас он понял, что своей необузданностью, может просто сломать её психологически. Он не хотел этого.

– Я должна уехать. Одна. Не следуйте за мной. Прошу – и она с благодарностью бросилась к своему спасителю. Запрыгнув легко в седло, она постаралась как можно скорее покинуть это место и бежать от Артура Войцеховского. Пока есть силы и здравомыслие. Спасибо Ангелу! А за что, знала только она.

ГЛАВА 54

Через два месяца её супруг стал снова вызывать беспокойство. И она сконцентрировалась только на этой проблеме. Последние дни, тактильным прикосновением, ей стало казаться, что его тело имеет повышенную температуру. Она попросила прощупать Дору, чтобы сравнить свои ощущения и должна была признаться, что её подозрения не беспочвенны. Как и говорил профессор клиники Иофф Вайнберг. Препарат туберкулин скорее действует только профилактически. А болезнь, после лечения в санатории притаилась, но не исчезла. Чтобы они ни делали, как бы не обогащали витаминами рацион питания графа, все оказалось бездейственным. И вот, вскоре кашель вернулся. Он снова изолировал себя ото всех, и марлевая повязка стала неотъемлемым атрибутом его общения с любым человеком. Снова Анни чудилось, что её закрыли в черной комнате, без окон и дверей и она силиться найти выход и не может. Слабостью, женской слабостью, хочется заломить руки и громко, что только есть силы, крикнуть в пространство – «Господи, ты где, услышь меня!», и разум подавляя этот порыв, отвечает – «Ну, кричи, а что измениться?» Граф все чаще выгонял её из своей комнаты, где закрылся почти затворником, но она настырно шла к нему, одевала повязку, садилась на ковер у его ног и клала ему на колени свою голову. Он был для неё всем. Если только это можно понять человеку. Всем. Нет, у неё не было к нему страсти, она не трепетала и не взлетала в верх в парении в его объятьях, у неё даже не было элементарного желания близости с ним, как женщине, но она знала, он открыл для неё целый мир. Его чуткая доброта вызывала в ответ только самые светлые эмоции: благодарность, нежность, заботливость. Как много это значит для абсолютно любой здравомыслящей женщины, всегда ощущать под ногами твердую почву и крепкий тыл. А рядом практическую мудрость и тонкое, ненавязчивое внимание. Ты, словно в мягком, пушистом коконе, сплетенном вокруг тебя, видишь мир, участвуешь в нем, можешь получать все его эмоции и удовольствия, но этим коконом ты защищен и в его надежности, абсолютно уверен. А когда ты еще не знаешь опыта потерь, то качаешься в свое удовольствие на ласковых волнах голубого моря, нежась под лучами нежно убаюкивающего своими лучами солнца. Как поначалу она не хотела замуж без любви, так теперь она не хотела остаться в жизни без него.

Сидя у его ног, у камина, как он всегда любил, она снизу вверх смотрела ему в лицо и видела, что этот мудрый, добрый, но в тоже время волевой человек, проявляет свою слабость только взглядом. Улыбаясь, глаза его оставались печальными. В них проскальзывало чувство потерянности и отчаяния. Он, после стольких лет оголтелого одиночества, тоски и волевой борьбы за жизнь своего старшего сына, который приносил только огорчения и стрессы, обрел долгожданный покой и смысл жизни, с рождением нового наследника, а тут, удар... удар судьбы... Кармы... Случая... Грехов – чего? И в принципе, совершенно не важно, чего. Ты

перед ним оказываешься бессилён. Ты решаешь каждый день вопросы бизнеса. Ты даже распорядишься судьбами других людей, а перед болезнью – бессилён. Теперь уже, практически никогда не выезжая из дома, он сам перечитал самые свежие журналы по медицине и не нашел методов борьбы с туберкулезом. В те времена, они были не известны. Понимала это и Анни. Он не паниковал, он не распускался, был собран и всегда подтянут, по-немецки, щепетильно аккуратен, в течении дня очень деятелен, постоянно звонил по телефону, и к нему ежедневно поступали телефонные звонки, но радости жизни уже совершенно не было. Угасла надежда и угнетало мучительное ожидание скорого конца. Мир рухнул.

А еще спустя какое-то время, он стал кашлять с кровью. И истощив все свои силы, похудев практически на половину себя прежнего, превратившись в слабого, бледного, угасающего старика, колоссально устав от надрывающего внутренности кашля, он стал уже скорее призывать смерть.

Все в доме знали. Что Анни приобрела за последние месяцы четкую привычку, посещать церковь. Она зывала к Деве Марии каждый день, но чудес не происходило. Она побывала на приемах у всех зарекомендовавших себя в мире профессоров анатомии и медицины. Ей было стыдно, но даже заботу о своем мальчике Кристиане, она отодвинула на второй план. Сама осунулась и исхудала на нервной почве, стала сосредоточенна и отрешена. Её не радовали ни звонки друзей: Игн и Хелен, доктора Цобика, Миррано, профессора Вайденберга, ни безвредные невинные шалости подрастающего сыночка, ни покупки красивых вещей, ничего. Вместе со своим супругом, угасала и она.

И вот, настал тот день, когда, войдя в комнату своего графа, она услышала его настоятельную просьбу, вечером всем членам его семьи и Томасу фон Махелю, надев предварительно марлевые повязки, прийти на оглашение завещания в гостиной. Граф еще подымался и ходил, хотя уставал слишком быстро. Требовалось оповестить старшего сына, а его отыскать, не так это было и просто. Он себе не изменял. Вечером ждали нотариуса. А Анни была в этом отношении абсолютно спокойна. Её уверенность в том, что воля графа будет заботиться о ней пока она живет, была железной, хотя об этой стороне жизни, у неё с супругом даже не возникало разговора. Но разговор граф по поводу наследства начал задолго до прихода нотариуса. Ему необходимо было объяснить ей много и он сожалел, что не начал этого разговора раньше.

– Анни – медленно начал он. – Мне, вероятно, осталось несколько месяцев. Мы все уже немного свыклились с этой мыслью.

– С какой – спросила она, протягивая ему настой из трав. Она всегда заставляла его принимать эти отвары, они облегчали кашель.

– С мыслью о том, что ты скоро останешься без меня.

У неё задрожали руки и она устало опустилась на край кровати, как бы то ни было, но эти мысли она от себя гнала, потому что страх просто парализовал её члены тела. Руки у неё потеряли силу и она поставила кружку на столик. Потом опустилась на ковер и подползла к графу, сидящему в кресле. Обхватив его колени руками, она уткнулась в них и горько заплакала. Он гладил её по волосам и у него так же текли слезы.

– Анни, говорят, что все что ни делается, все к лучшему.

Она отрицательно качала головой. Это не может быть к лучшему.

– Анни. Я сам не хотел признаваться себе в этом, но нужно смотреть в глаза реальности жизни. Ты, теперь, даже если ты сама начнешь об этом все время думать, то и тебе и мне станет легче.

– Ты о чем, Отто?

– О том, что я дал тебе положение и состояние. Но я стар. А ты такая красивая! Ты молодая! Как бы я ни старался, я не мог тебе дать этого! Ты, должна, просто обязана выйти второй раз замуж, только пусть твой избранник окажется молодым и действенным.

– Отто! Дорогой! Но это лишнее, это совсем не важно! Ты, только ты сделал мою жизнь яркой и достойной!

– Вот, Анни. Я люблю тебя, но я не сделал тебя счастливой!

– Сделал! Ты же не знаешь. Ты не можешь знать женских желаний! Ты не можешь знать, что эти молодые и сексуальные не стоят тебя ни в чем. Они не могут дать той верности и надежности, мудрости и чуткости, которые ты давал мне.

И она смотрела на него снизу вверх с заплаканными глазами, и он знал, в каждом её слове истина и искренность.

– Анни, милый мой человечек. Сядь напротив меня. Мне так много нужно тебе сказать. Вот я корю себя за то, что упустил столько времени, нужно было этот разговор начать гораздо раньше и я смог бы еще тебе во многом помочь. А я лелеял надежду, что лекарство поможет.

Ему так хотелось закурить сигару, но было нельзя. Он так же трудно это переносил.

Она села в кресло на против, и он продолжал.

– Анни. Я обеспечил тебе тыл. Но я сковал твою свободу. С моим уходом, ты её обретешь, ты думай об этом каждый день и это поможет тебе перенести мою смерть легче. А это все реальность жизни. Я и корил себя и жалел всегда о том, что я не молод и не любим тобой.

Она взъерошилась при этих словах, как нахохлившаяся птица. Она хотела возразить, но он рукой подал знак, помолчать сейчас.

– Анни. Я совершенно далек от упреков. Ты самая замечательная супруга и была и есть. Ты благодарная и заботливая. Анни, но я хочу теперь, дав тебе крепкий тыл, чтобы ты почувствовала вкус жизни и в другом отношении и даже мой уход – это своевременно, слава Господу за это!

– Отто! – чуть не крикнула она – Ты говоришь о кощунственных вещах!

– Послушай, родная, ты все потом осмыслишь. Я так благодарен тебе за все, абсолютно за все и за сына, ты... ..Ты, сделала мою жизнь счастливой! Ведь я обладал самой красивой женщиной Будапешта! И пусть теперь твоя красота расцветет в других, молодых руках еще больше! Но, я не только это хочу сказать. У меня и много страхов и сожаления.

Она насторожилась. Не могла она спокойно сидеть в кресле, напротив. Она опять опустилась к его ногам.

– Я взваливаю на тебя ношу, неоспоримо большую, чем ты даже можешь себе представить. И избежать этого никак не могу. В завещании, я оставляю тебе, а затем уже и моему второму сыну: завод, ипподром, этот дом – но он и сейчас уже твой и кое-какие сбережения в Швейцарском банке. Ты не вникала, но, на самом деле, политические дела в нашем государстве не стабильны. Наши банки совершенно не надежны, ты всегда должна помнить об этом. А Томасу, Томасу я оставляю только свой дом и процент от акций, размещенных уже в нашем банке «Национальном». И он должен благодарить даже за это, ибо я заранее знаю, что все это он только прогуляет и пропьет.

– Отто, он же не знает, он разозлится, он и так меня ненавидит.

– Анни. Ты хочешь дать ему больше, это потом будет твоим правом, но я не советую. Тридцать лет он только купался в удовольствиях, он ни дня не работал. Он не хотел никогда учиться. Почему, кто-то должен потакать его прихотям и его эгоизму?! Он сеет зло. И я, как отец, должен с горечью сам себе же в этом признаться.

Он сильно закашлялся. Ему очень трудно было об этом говорить и начался новый приступ. Анни спешно подала ему опять отвары трав.

– Ой, как бы я хотел затянуться сигарой, девочка моя, родная. – сказал он, как только кашель слегка отпустил. – Может принесешь мне?

Анни недоверчиво смотрела ему в лицо. А у него глаза были, уже давно такими были, как у побитой собачонки. О! Кто не изведал, тот даже приблизительно не может понять эту муку.

– Анни. Мне все равно уже не помочь.

И она подчинилась. Принесла красивую резную коробку с дорогими сигарами.

– Я только прошу тебя, очень медленно – попросила.

Он затаился и первый раз за последние недели она увидела улыбку на его худом лице. Но ему нужно было все ей сказать. Он продолжал.

– Если ты будешь чувствовать, что завод совсем не потянешь, то твое право будет его продать, но ...это дело моей семьи, отца моего, меня, и я мечтал бы оставить все своему сыну. Только, родной мой человечек. Все, что сейчас появляется в мире, может просто разрушить это до основания, и ты ничего не сможешь сделать.

– А это что?

– Это силы народа. Я с каждым годом прихожу к убеждению, наблюдая за происходящим, что подымается та сила, которая все переделает по-другому. И разбираться никто у них не станет, кто прав, кто виноват. Я прошу тебя, бегите тогда с сыном за границу, ни думая ни о чем, и только в Швейцарию или в Америку, ибо все остальные государства будут ввязаны в сильнейшую драку. И продав завод, только не зятяни момент, деньги положи в банки Швейцарии и можешь Америки. В разные банки, так лучше. «Яйца нужно размещать в разные корзины»

– А почему ты думаешь, что в Швейцарии или Америки будет все спокойно и надежно?

– Потому что Швейцария совершенно далека от политики и никому не интересна – очень мала и не перспективна в природных ресурсах. Это тихий омут, он таким и останется. А Америка уже сейчас рушит все сословные предрассудки, которые так сильны у нас и в Европе и ей революция не грозит.

Он стал опять гладить её по голове. Дым сигары окутал его лицо и из-за плотного облака она плохо его видела.

– Ты доктор и это твое, а я и сожалею о том, ну ничего с этим поделать не могу, что заставляю тебя заниматься совершенно не свойственными для женщин делами. Анни, прости меня за это. У меня нет выхода другого. Я перекраиваю твою жизнь, и может в этом и мой грех?! Я повторяюсь, твое право распорядиться этим, захочешь продать, продавай.

Опять затаился и опять сильный кашель стал терзать ему грудь. Сигару пришлось затушить. Стали ждать окончания приступа. И потом он снова продолжил.

– У меня делами руководит сейчас очень исправный управляющий. Давно. Я его давно поставил во главе всех дел и дал ему не только оплату труда, но и десять процентов от общей прибыли, как завода, так и ипподрома. У него должна всегда быть заинтересованность в получении прибыли и это дает мне надежду, что поэтому ты не останешься без помощника. Он умен, грамотен, полон сил и перспективен. А также – он порядочен. Но... Анни, люди есть люди. Я должен был включить его в завещание, чтобы у него был интерес тебе помогать. А вы, ты, сын и все домочадцы, и не почувствуете эти десять процентов от прибыли, получаемые не членами нашей семьи. Домом пусть занимается Дора. Полностью, я лучшей хозяйки не знаю, а тебе придется вникать в дела, я с завтрашнего же дня, подписываю все документы и становлюсь твоим помощником, ну ...только на какое-то время. Анни... – почему-то позвал он её. – А может это тоже и лучше? – как бы даже сам у себя спросил он. – Ты... это новое для тебя дело, займет все твои мысли, и мои похороны для вас пройдут как один день. Я бы желал этого!

Она возразила, но он опять рукой приказал ей помолчать.

– Потерпи несколько лет. Вначале будет слишком трудно. А потом, если рядом грамотные помощники, ты и вернешься в больницу?!

Вечером, она уже знала все, что говорилось в завещании. Дора была удовлетворена. Она в глубине души, только так хотела бы, чтобы все распределилось. Томас обвел всех недоумевающим взглядом. Неким шестым чувством, он и прогнозировал такой расклад наследства, но ему не хотелось в это верить! Анни настороженно смотрела на него. В глазах Доры была радость и даже нотариус, казалось бы, был удовлетворен и получал положительные эмоции от того, о чем зачитал. Граф не спустился. Приступ кашля, спровоцированный сигарой и волне-

нием, заставил его остаться в своей комнате. И... в гостиной раздался грохот. Вначале Томас со всей силы ударил кулаками по столу, зазвенели приборы и некоторые бокалы упали, покотившись по столу. Громыхнул, глухим звуком, опрокинутый тяжелый стул, когда он с бешеным взглядом на лице, вскакивал, разъярившись от услышанного. Но стиснув зубы в ярости, он никому ни сказал ни слова. Молниеносным порывом он выскочил из дома. У Анни мурашки пробежали по коже. Такая жгучая волна негатива, исходящая от этого человека, ударила в неё. Дора все тридцать лет прожила рядом с этим человеком и знала его, ей даже страшно подумать стало, и она как от наваждения старалась избавиться от мыслей, которые приходили в голову. Ох, что-то теперь будет!

ГЛАВА 55

Граф прожил еще четыре месяца. Анни больницу больше не посещала. Жалела ли она об этом? Может быть... Только время закрутило так, что долго об этом думать времени не было. Ее, словно тряпичную куклу, опустили в бездну бумаг, цифр, договоров, схем. И граф, её дорогой, мягкий и добродушный супруг, становился жестким и требовательным учителем. Ему уже не нужна была её любовь. Он слабел, он знал, что для него будущего нет ни с кем, ни с ней, ни с сыном. А им придется выживать в мире конкуренции, обмана, денег, стяжательства самостоятельно. Он учил её работать с банками. Рассказывал все подводные камни кредитов, займов, процентные ставки, стоимость акций, надежность банков и умение избегать их расставляемых сетей и как это происходит. Объяснял принцип найма на работу, какие в его производстве требуются специальности и суть каждой из них, их роль в производстве. И он учил её работать с поставщиками и заказчиками. Какие требования предъявлять к каждой этой категории и к себе. Изучать тщательно договора и стараться не делать никаких расписок. И наконец, ему пришлось долго и тщательно объяснять ей сам процесс производства, от поступления сырья, руды, функции станков, печей, прессов, шлифовки, заточки, проката и других. И как же все это не походило на её выбранную специальность в жизни и казалось тяжелым и глобальным. Неужели огромная печь и закаленный в ней металл станут повиноваться человеку? Неужели её в принципе будет хоть кто-то слушать? Управляющий металлургического завода Отто фон Махеля приезжал каждый день с бумагами и казался ей человеком совершенно для неё закрытым и не интересным. Он вежливо улыбался, лицо его было лицом умного и интеллигентного человека, но она даже не знала, как ей обращаться к нему по тому или иному вопросу и правильно ли она сама понимает то, о чем хочет спросить. Отто фон Махель был очень мудр, он заведомо знал её состояние и единственным, ежедневно повторяющимся его напутствием, как заезженной пластинки было то, что её не должно совершенно заботить, верят ей её подчиненные или нет, какое она воспроизводит на них впечатление и является ли она для них авторитетом. Если она начнет заострять свое внимание на этих вопросах, её съедят психологически. Это они должны стараться искать к ней подход и их должно заботить то, какое они воспроизводят на неё впечатление. Эмоциям не место в бизнесе, а объяснять это женщине, да еще молодой, все равно что пытаться управлять солнцем на планете.

Однажды, она застала своего супруга врасплох. Он сидел в кресле, но уже не возле камина, а повернутом к окну и из глаз его текли слезы. Присев возле него, как она всегда делала, и стараясь узнать причину, он не сдержал эмоций. Закрыв глаза рукой, он то и дело повторял.

– Моя милая девочка, я же только сломаю тебя, нужно ли тебе все это!?

Она тихо спросила:

– Отто, ты сомневаешься в необходимости всего этого? Почему?

– Анни, родной мой человек, как старательно я тебе ни объяснял бы всего этого, невозможно предугадать все, а каждый день необходимо принимать решения – это очень трудно, даже мужчине! Мне так тебя жалко, мне страшно за тебя. Я стремился так много дать тебе в жизни – уют, защищенность, радость. Я хотел, чтобы ты жила и наслаждалась, а получилось,

наоборот, я сделал тебя капитаном большого корабля, со всеми проблемами, обязанностями и ответственностью. Мне так тебя жалко! – а потом протянул руки к её плечам и твердо добавил – ты знай, всегда твердо знай, не захочешь всего этого – продай, и никто не вправе судить. Вам с Кристианом денег всегда будет достаточно для комфортной жизни.

И она больше ничего не смогла ему ответить. Не хотела она жаловаться, не хотела расстраивать его, но только она знала, какая тяжесть лежала у неё на сердце. Это был нескончаемым, не прекращающийся, поймавший её в свои тиски и изматывающий страх! Ей казалось, что она даже дышать свободно перестала. Её душили чьи-то руки, невидимые и жестокие. А ясное солнечное небо, закрыла не прозрачная завеса, и мир, со всеми его запахами и красками, остался там, по ту сторону завесы.

Граф Отто фон Махель – этот порядочный, сильный, любящий человек умер. И вместе с ним, в тот день, ей казалось, что умерла она. У неё в ушах стоял его слабый, тихий голос, и самые последние слова. Они были самые последние. А потом целую неделю он просто лежал, но сказать уже ничего не мог, а глаза были ясные. У неё раздирало сердце, словно его кто-то драл когтями и от этой боли не было лекарства. И его последние слова сотый и сотый раз крутились в её голове, и она уже устала от них: «Ты светлая, самая красивая, самая правильная женщина, тебе должен принадлежать весь мир. Расскажи обо мне сыну, я его очень любил и Томаса, но он не захотел быть со мной, но я буду хранить вас на небесах, если Господь примет меня к себе! Анни, я люблю тебя, дорогой человек»

Они стояли втроем, держась друг за дружку и плакали, как три одиноких дерева, обвив друг друга своими ветвями, чтобы выстоять в чистом поле в бурю. Хелен, Анни и Дора. В черных платьях, и черных шляпах, закрыв лица вуалью. Дора и Анни плакали от постигшей их потери, а Хелен жалела свою подругу. Лакированный гроб опустили в яму и стали засыпать землей. Потом, к ним сзади подошел Игн и Анри Миррано. Стали уводить женщин к экипажам. И Миррано неожиданно сказал для Анни:

– Я знаю, у меня так с отцом было. Он умер, но они нам помогают с небес. Можно приходить на кладбище и просто с ними разговаривать. Они все слышат.

ГЛАВА 56

Хелен с Миррано, после рождения детей, спустя какое-то время, стали сильно ругаться. Близнецы, при наличии кормилиц, ухаживающих за ними, сильно изменили быт родителей. И родители к этому оказались не готовы. Хелен сидела днями дома, и выстраивала целый перечень претензий к своему супругу, которые сможет предъявить, когда он вернется домой из больницы. И самая главная из них оказалась та, что её не устраивала его работа в больнице. Ей даже не ловко признаваться было в доме родителей, когда к ним приходили гости, что её супруг работает в простой больнице простым доктором. Ей сразу вторили голоса:

– Так там же одни низшие сословия обслуживаются. И там невозможно прилично заработать!

И отец Хелен добавлял:

– Раз уж вошел в приличную семью, нужно отмываться от грязи. Ему просто необходимо менять работу!

Хелен спрашивала:

– На какую работу он может устроиться? Он не может!

И отец отвечал:

– Теперь сможет, ведь он под моим покровительством. Я договорюсь в клинике.

Это было благо – помощь родителей. Но... итальянцы народ темпераментный и эмоциональный. Отец Хелен человек амбициозный и самолюбивый, преподносил свою помощь как шубу с графского плеча слуге. Ему постоянно напоминали о его сумасшедшем везении в жизни – попасть в приличную семью.

Миррано стал себя плохо чувствовать на этой почве. А после похорон супруга Анни фон Махель и появления у той новых забот на поприще принятия руководства завода, когда в светских кругах заговорили о рождении новой бизнес-леди и о таком чудном феномене, Хелен, может из зависти, может от скуки, просто поедом заела своего благоверного Анри.

Ему упрекался его нищий заработок и не способность содержать семью, и отсутствие должного внимания к супруге и низкое происхождение и недостаток высокой культуры и общение с простонародьем на работе и сослуживцами, а так же то, что Хелен из-за него постоянно вынуждена принимать спонсорскую помощь своих родителей, которые делали это всегда вычурно и на показ.

И Миррано, стал чувствовать эти стальные тиски, которые сжимаются на его шее все крепче и крепче. Еще у одного молодого, живого и здорового человека померкли краски жизни. Домой идти не хотелось и при всем том, что один из близнецов постоянно капризничал, усугубляло расстановку вещей. Он тянул время, чтобы прийти домой сразу ко сну и лечь спать, а придя поздно получал к той куче постоянных претензий еще и подозрение в неверности. И, казалось, этому сумасшествию, не будет конца!

Если он огрызнулся в ответ на нападки своей жены.

– Я, зато, отличный доктор! Я помогаю людям! У меня пусть не богатая, но многочисленная дружная семья – это не означало для них ничего! Пустой звук! Главное родословная!

Каждый раз, специально, Хелен просто прибывала его к земле, заходя издалека. Она подходила и просила денег на что-нибудь. Он шарил по карманам, а она тут же добавляла:

– Ах. Надежда умирает последней, я так думала, но зря, нужно было сразу звонить отцу и не испытывать надежду, подходя к тебе. Как всегда, карманы пусты! Пойду к отцу в сотый раз.

Испытывал ли кто-то подобное. Ты, вроде свободный человек, а живешь в тюрьме и в комфортабельной квартире, где тебя могло радовать все, тебе все «опостылеет» и ноги, как у кузнечика, смотрят в другую сторону. И тебя никто не связывает, ни сковывает цепями, но ты привязан коротким поводком к семье, там у тебя родные детки и ты еще на что-то надеешься. Надеешься, что кто-то что-то поймет и все изменится. А это только иллюзия.

И в один прекрасный момент все дошло до того, что Миррано стал ночевать в больнице. Все его коллеги, и Игн и доктор Цобик однозначно увидели, что он похудел, он стал безжизненным и нелюдимым, молчаливым. А это так не свойственно было для открытого, разговорчивого весельчака – Миррано! И, Игн решил, вмешаться! Он не дал однажды, потерявшемуся в семейной жизни итальянцу заночевать в больнице, и они напросились в гости к Анни. И, о, дева Мария! Она так обрадовалась! Оставшись одна, без своего доброго супруга, каждое утро она просыпалась рано и первыми эмоциями, которые она испытывала, это огромное желание оказаться в кругу своих старых друзей, как раньше, весело посмеяться, пошутить, по балагурить. Можно разговаривать ни о чем. Но одно их присутствие создавало ощущение поддержки и исчезновения забот, ну, хотя бы на короткое время. Время передышки.

А самого Миррано, она чуть не узнала, так он изменился. На это должны существовать причины. И она решила обстоятельно поговорить с подругой, ибо мужчина постеснялся открывать перед женщиной тоску своего сердца. Но, Игн, он все рассказал.

И Хелен, в полдень, во время стоящей жары и бытовой суеты в самом разгаре, вдруг обнаружила на пороге своего дома Игн. Была удивлена. А после того, как тот сообщил, что желает поговорить – по-дружески, удивлена еще больше.

Игн услышал, что где-то в доме заплакал ребенок и вот, что странно, плач его напоминал не потребность в чем-то, а просто плач из чувства самовыражения, некие нотки голоса вибрировали так, что возникало только такое впечатление и бежать на этот плач, желания не появлялось. Возникало только одно желание – заткнуть уши, даже если этот ребенок и желанный, и любимый.

Хелен отдала распоряжение приготовить угощение для гостя и основательно уселась, на громоздком диване, такая же по-прежнему расплывшаяся, с небольшим вторым подбородком. Оглядев её, Игн отметил для себя в уме, что все они сильно изменились и это произошло вот только за последний год. Он возмужал. Стал всегда серьезным и чаще всего имел озабоченный чем-то вид, у него и обозначилась слабая черточка в районе межбровья, которая если и появляется у людей генетически к этому предрасположенных, то годам к 40 и позже. Игн шел только 24 год. Столько же было и Хелен. И своей расплывшейся фигурой, особенно сзади, она напоминала пожилую даму, нарожавшую дюжину детишек. Второй подбородок также делал её лицо старше и только её ясные, веселые глаза, не вызывающие мнения о наличии у неё глубокого, созидательного ума, выдавали молодость. Она еще стала делать себе дамскую стрижку, по последним веяниям моды из европейских журналов, что несколько изменило её типаж. Она всегда хотела быть яркой и элегантной леди, а получалось яркой, но эмансипированной. Но, она об этом не знала.

Сложив руки у себя на коленях, она заинтригованно принялась ожидать начало разговора.

Сказать о том, что Игн заранее знал, что будет говорить, ...не знал. Он был возмущен всем, что начало происходить в семье Миррано с Хелен, и чувствовал свою вину в этом, но не предполагал, что это будет настолько остро. Так как его финансовое благополучие волновало только в той степени, чтобы иметь деньги на пропитание и жилье, и не имел никогда даже признаков озабоченности разбогатеть и желания наживать состояние, ему было трудно на духовном уровне понять других людей, озабоченных этим. Но чего он никак не мог понять, как можно каждый день, не задумываясь о моральном состоянии другого человека, каждодневно и монотонно унижать супруга тем, что он не знатного происхождения и не богат. Он не мог понять, что люди могут ставить знатность положения и наличие денег во главу угла и жить только этим. Не знал он Хелен до конца, хотя и проучился с ней все шесть лет вместе, общаясь ближе, чем остальные сокурсники.

Решив все возложить на чувства интуиции и пустив мысли на самотек, он решил направить разговор на волю чувств, что сердце подскажет, то и будет говорить. И начал он так – Хелен. Мы с тобой в дружеских отношениях давно и хорошо знаем друг друга, я пришел как друг и не желаю ни в чем на тебя давить, по крайней мере буду стараться этого не делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.